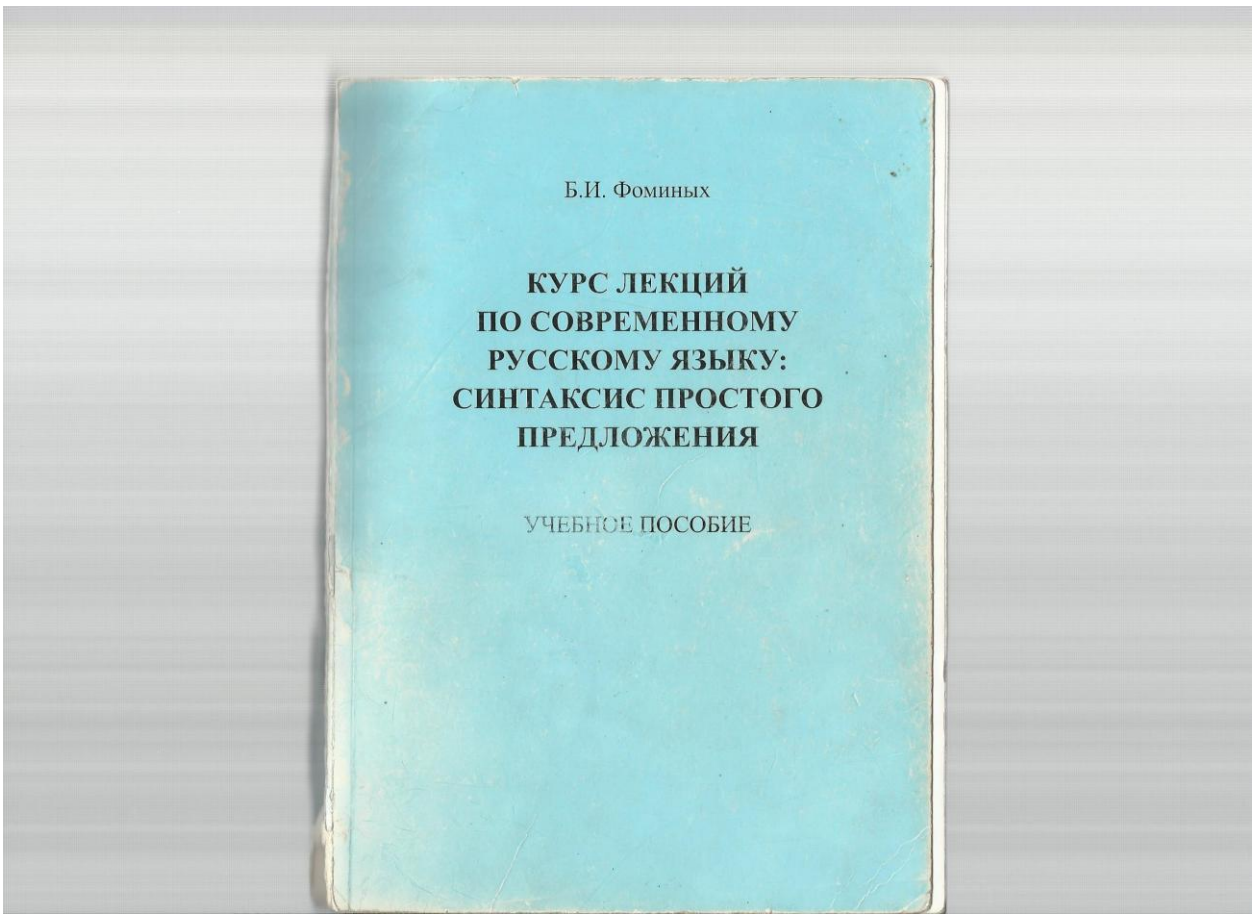

Б.И. Фоминых
КУРС ЛЕКЦИЙ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ:
СИНТАКСИС ПРОСТОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ББК 81.2Рус
Фом 76

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. В.Н. Денисенко;
кафедра общего и русского языкознания
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Фом 76 Фоминых Б.И. Курс лекций по современному русскому языку: Синтаксис простого предложения: Учебное пособие – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – 340 с.

ISBN 978-5-98269-097-5

Учебное пособие представляет собой курс лекций, в котором на основе структурно-семантического направления рассматриваются синтаксические единицы простого предложения как многоаспектного явления.

Пособие предназначено для студентов-бакалавров филологического факультета.

ББК 81.2Рус

© Б.И. Фоминых, 2009
© Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2009

Предисловие

Предлагаемый курс лекций построен в соответствии с Программой дисциплины «Современный русский язык», составленной на кафедре общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина при учете требований стандарта высшего филологического образования.

В основе курса лежит концепция уровнево-системной организации языка, в соответствии с которой каждую из единиц системы языка характеризуют дифференциальные (различительные) признаки. Лекции выполнены в русле органично развивающего классические традиции структурно-семантического направления современной русистики, позволяющего выявить многоаспектность синтаксических единиц, раскрыть их связи, синкретизм и переходность.

Многие вопросы синтаксиса простого предложения еще не получили единого решения, поэтому изложение различных синтаксических концепций преследует цель облегчить задачу понимания современных точек зрения и способствовать выработке у студентов критичности в оценке взглядов на те или иные вопросы, развить навыки лингвистического мышления.

По характеру подачи содержания лекционного курса, месту, которое в нем отводится нерешенным проблемам синтаксиса, данный курс ориентирован на активизацию познавательных интересов студентов и формирование у них навыков исследовательской деятельности.

Конкретное рассмотрение типов простого предложения и компонентов его внутреннего членения осуществляется на обширном фактическом материале и характеризуется обращением не только к структуре, но и семантике, стилистическим качествам и условиям коммуникативного употребления анализируемых конструкций.

Особое внимание уделено вопросам связи словосочетания и предложения, взаимодействия разных единиц на уровне синтаксемы, словосочетания и предложения, взаимоотношения компонентов словосочетания и членов предложения, т. е. вопросам, позволяющим установить системный характер синтаксических единиц простого предложения, понять их функциональную значимость. А это должно способствовать развитию навыков сознательного использования речевых средств, что поможет будущим бакалаврам в преподавании русского языка как иностранного.

Таким образом, предлагаемые лекции представляют собой систематическое изложение основных понятий синтаксиса простого предложения, для иллюстраций подобраны ясные и четкие примеры, анализ которых поможет студентам в их самостоятельной работе.

Содержательно курс представлен лекциями различных видов: актовая лекция, открывающая синтаксис простого предложения; вводная лекция к целому разделу; лекция, имеющая несколько альтернативных решений; лекция-комментарий к сложной для понимания теме; лекция-беседа, предполагающая предварительную подготовку по заранее предложенным вопросам; информационная лекция и др. Но, какая бы она ни была, главное заключается в том, что студенты, имея данный лекционный текст как скрипту, непосредственно включаются в процесс освоения синтаксического материала, приобретают знания, вырабатывают навыки анализа, умения наблюдать, классифицировать, – а это позволит им в дальнейшем самостоятельно повышать свою лингвистическую компетенцию.

Лекция 1

СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА

> Язык есть средство или, лучше, система средств для видоизменения или создания мысли.
>
> *А.А. Потебня*

> А так как смысл присущ только речи и отдельное слово меняет в ней значение, то с чего надо начинать?
>
> Ответ на это – с синтаксиса.
>
> *Л.В. Щерба*

I. Синтаксис как раздел грамматики.
II. Основные понятия синтаксиса.
III. Характеристика синтаксических единиц.
IV. Синтаксис в системе языка.
V. Синтаксема как синтаксическая единица.

I. Синтаксис как раздел грамматики

Грамматика (греч. grammatikḗ, что значит «учение о письме и чтении, словесность») как строй, как формальная организация языка представляет собой два тесно связанных и в то же время противопоставленных друг другу раздела: морфологию и синтаксис.

Смысл, содержание этих разделов достаточно отчетливо выражены в их этимологически выдержанных названиях-терминах.

Морфология (греч. morphḗ – «вид, образ, форма, очертания» и logos – «слово, речь, учение») – учение о форме, формах, о внешне-формальных видах, очертаниях и структуре форм языка.

Если взять следующий ряд форм современного русского языка – *осы́пал*, *лес*, *свои*, *вершины*, то задача морфологии состоит в том, чтобы в сопоставлении с соответствующими аналогичными формами современного же русского языка определить, что *осы́пал* – форма изъявительного наклонения прошедшего времени в единств. числе глагола *осыпать*, *лес* – неодушевленное существительное мужского рода в единств. числе, им. падеже, *свои* – притяжательное местоимение, *вершины* – неодушевленное существительное во множ. числе, вин. падеже и т.д.

Можно представить морфологические характеристики этих слов и более развернуто, но в любом случае они останутся отдельными, изолированными формами.

Термин «синтаксис» впервые был использован стоиками (III в. до н.э.) и отнесен к наблюдениям над логическим содержанием высказывания. Однако интерес к категориям синтаксиса присутствовал уже у ранних греческих мыслителей и был обусловлен производимым ими логическим анализом речи.

Синтаксис (греч. sin – «вместе, с, одновременно» и taxis – «построение, расположение, строй») – учение о соположении, расположении форм языка, построении форм в виде составленного, выстроенного целого, в виде текста.

Приведенные выше морфологические формы в синтаксисе образуют текст – *Осыпал лес свои вершины* (А. Фет), подчиненный единой, вполне определенной цели. Входящие в него формы взаимно связаны между собой и все вместе выражают единое содержание. При этом важна не столько сама по себе отдельная форма как комплекс звуков либо графем, а та позиция, то место, которое она занимает по отношению к другим формам, составляющим единое целое и реализующим общее синтаксическое содержание.

Таким образом, морфология – это учение о совокупности, арсенале форм, образующих соответствующие категории, с помощью которых структурируется, грамматически упорядочивается лексический состав языка.

В синтаксисе же морфологические факты предстают в их распределении, сочетаемости, синтагматике, то есть избирательно.

Термин «синтаксис» употребляется в двух значениях: 1) синтаксический строй, особый ярус языка, включающий совокупность синтаксических явлений; 2) раздел грамматики, изучающий законы и правила построения связной речи в ее отдельных фрагментах.

Синтаксис в *первом* значении соотносится с «объективно существующей системой синтаксических средств и правил их использования, находящихся в распоряжении говорящего коллектива», «непосредственно соотносится с процессом мышления и процессом коммуникации: единицы других уровней языковой системы участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис» (Золотова 1973: 6).

Как *организационный* центр грамматики синтаксис ориентирован на научное постижение синтаксического строя языка, правил построения речи. Объектом изучения в синтаксисе являются коммуникативные языковые средства разной сложности и составляющие их части через отношение к целому. Синтаксис характеризуется как «организующий центр грамматики» (Виноградов 1947: 29).

Термином «синтаксис» называют также подразделы, выделяемые внутри раздела «Синтаксис» (синтаксис словосочетания, синтаксис простого предложения и т.д.), а также направления в синтаксической науке (семантический синтаксис, структурный синтаксис, функциональный синтаксис...).

II. Основные понятия синтаксиса

Ведущими понятиями синтаксиса как науки о синтаксическом строе языка, о законах и правилах построения связной речи являются: *синтаксическая связь*, *синтаксические единицы*, *синтаксическое значение*, *синтаксическая функция*, *синтаксическая форма*. Это исходные, сквозные для синтаксиса понятия, без них невозможно научное описание и осмысление синтаксического строя языка, они взаимосвязаны, поэтому характеристику любого из них можно дать только с использованием соотносительных понятий; их конкретное содержательное наполнение будет осуществляться по мере изучения синтаксиса, описания отдельных его разделов.

Среди этих пяти понятий три составляют в совокупности диалектическое триединство «*значение – форма – функция*», отражающее содержательные (семантические), строевые (структурные) и функциональные (коммуникативные) признаки синтаксических единиц.

Синтаксическая связь – это различного рода содержательные и формальные взаимоотношения компонентов отдельных фрагментов речи. Например, в словосочетании *ранняя осень* слова обнаруживают между собой как содержательную (прилагательное обозначает атрибутивный признак существительного), так и формальную связь (зависимое прилагательное формально согласуется с опорным именем в ж. р., ед. ч. и Им. п.); в предложениях *Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят...* (Ф. Тютчев) – между предикативными частями устанавливаются уступительно-противительные отношения, формально выраженные порядком следования частей и союзом *а*; *Нет того понедельника, который не уступал бы своего места вторнику* (А. Чехов) – между предикативными частями атрибутивные отношения, которые выражаются союзным словом *который*.

Синтаксическая единица – это определенный фрагмент связной речи, который характеризуется разным объемом и обладает в

разной степени признаком связной речи. Синтаксические единицы: *синтаксема, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, сложное синтаксическое целое и текст* – отличаются друг от друга строевыми, содержательными и функциональными признаками.

Конститутивные (определяющие) синтаксические признаки указанных синтаксических единиц отражаются в специфическом, свойственном только каждой из них триединстве «*значение – форма – функция*», которое можно представить как комплекс вопросов «*что? – как? – для чего?*».

Синтаксическое значение – это абстрактное содержание, которое выражается в синтаксических единицах. Суть понятия «синтаксическое значение» можно выразить в вопросе *Что?*: что обозначает, что выражает, что отражает та или иная синтаксическая единица. А ими могут выражаться различные синтаксические значения: атрибутивные (определительные), релятивные (обстоятельственные) различных типов (временные, пространственные, причинные, целевые...), объектные различных разновидностей (прямого объекта, инструментального объекта, адресного объекта...), значение предикативности.

Например, *резкий ветер*, *наш ответ* – атрибутивное значение, *купить билет*, *довольствоваться малым*, *разбор дела* – объектное значение; *гулять по вечерам*, *весьма забавно*, *рано утром* – релятивное значение.

Наиболее абстрактным синтаксическим значением, свойственным любому предложению, является предикативность, которая характеризует содержание предложения через отношение к действительности – как реальное в определенном временном плане (*Наступает осень*; *Наступила осень*; *Наступит осень*) или как ирреальное вне временной определенности (*Наступила бы осень*; *Пусть наступит осень*).

Для обозначения синтаксической семантики (содержания) используются и такие понятия, как «синтаксические отношения», «смысловые (содержательные) отношения», «синтаксический смысл».

Синтаксическая форма – это понятие, которое обобщает конструктивно-строевые признаки синтаксических единиц. Суть этого понятия можно выразить обобщающим вопросом *Как?*: как построена, как организована в конструктивном плане синтаксическая единица. Синтаксическая форма – это носитель синтаксического значения и синтаксической функции той или иной языковой единицы.

Для характеристики различных сторон формальной устроен-

ности синтаксических единиц используются также понятия «синтаксическая структура», «синтаксическая конструкция», «структурная схема». К формальным, строевым характеристикам синтаксических единиц относятся средства связи: грамматические формы слова, служебные слова, определенный порядок размещения слов и других синтаксических компонентов предложения и текста, ритмомелодические (интонационные) средства, структурные схемы (модели) построения синтаксических единиц.

Например, структурные признаки словосочетания *поздняя осень* можно охарактеризовать следующим образом: это двухкомпонентное (бинарное) соединение слов, состоящее из опорного имени существительного *осень* ж. р., имеющего форму Им. п. ед. ч., и зависимого от него прилагательного *поздняя*, которое согласуется с опорным словом в ж. р. ед. ч. Им. п.; связь выражается с помощью окончания прилагательного: словосочетание построено по типовой структурной схеме AN, где A – знак-символ прилагательного (адъективное слово), N – знак-символ существительного.

Синтаксическая функция – это предназначенность синтаксической единицы к определенному способу существования в системе; роль синтаксической единицы, синтаксических средств и категорий в речи, в коммуникативном акте, в построении коммуникативной единицы. Суть понятия «функция» можно выразить вопросом *Для чего?*: для чего служат синтаксические единицы, синтаксические средства и категории в речи. Так, словосочетание *поздняя осень* предназначено быть материалом для построения коммуникативных единиц (*Наступила поздняя осень*; *Нам нравится поздняя осень*; *Скорей бы пришла поздняя осень!*). При включении в предложение каждый из составных компонентов этого словосочетания выполняет функцию самостоятельного члена предложения, т. е. вписывается в позиционную структуру предложения.

Понятия «синтаксическое значение» и «синтаксическая функция» содержательно довольно близки: синтаксическое значение может создаваться за счет функционирования, поэтому может идти речь о функциональной семантике языковых единиц; функция языковой единицы может определяться ее синтаксической семантикой, поэтому в этих случаях можно говорить о семантической функции. Различия между этими понятиями в том, что «синтаксическое значение» направлено на внутреннее содержание синтаксической единицы; понятие же «синтаксическая функция» ориентировано на выявление роли синтаксической единицы в составе единиц более высокого уровня, чем является она сама. Та-

ким образом, функция и значение в одном случае изосемичны (равноценны), в другом – они расходятся.

III. Характеристика синтаксических единиц

Вопрос о количестве синтаксических единиц окончательно не решен в синтаксической науке и учебной литературе, их количество колеблется от двух до пяти: словосочетание и предложение; словосочетание, простое и сложное предложение; словосочетание, простое и сложное предложение, сложное синтаксическое целое; словосочетание, простое и сложное предложение, сложное синтаксическое целое и текст.

Логика выделения и характеристики синтаксических единиц предполагает выявление и элементарной синтаксической единицы, из которой строятся словосочетания и простые предложения. Такая единица получила терминологическое обозначение посредством понятия «синтаксема» (или синтаксическая форма слова).

Синтаксема (синтаксическая форма слова) – «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» (Золотова 1988: 4).

Синтаксема относится к первичным, элементарным единицам синтаксиса, из которых формируются и на которые членятся синтаксические единицы более высокого уровня: *в доме*, *на заре*, *на просторе*, *по болезни*, *впервые*, *пишу* и т.д.; она носитель первичного синтаксического смысла: временного, пространственного, уступительного, целевого и других смыслов. Это единица, которая находится между морфологией и синтаксисом, – морфологическая форма, рассматриваемая с синтаксической точки зрения, как элемент синтаксических построений. Например, словоформа *от курения* имеет причинное значение и может функционировать в соответствии с этим значением, т. е. быть обстоятельством причины: *Он худеет от курения*. Эта же словоформа в составе предложения может выполнять иную функцию, не изосемичную ее синтаксическому значению: *Он отвыкает от курения* (указание на объект).

Как синтаксическая единица, синтаксема обладает определенными формальными признаками (словоформа!), определенным синтаксическим значением (носитель элементарного смысла) и определенными функциональными и сочетаемостными (валентными) свойствами. По своим специфическим признакам синтаксема – синтаксическая единица докоммуникативного уровня.

Словосочетание – это минимальная синтаксическая единица, грамматически оформленная посредством подчинительной связи двух или более знаменательных слов, возникающая в результате распространения опорного слова и выражающая определенное синтаксическое значение: *хорошо работать*, *мечта поэта*, *холодная погода*, *утренние заморозки октября*. Из словосочетаний формируются и на словосочетания распадаются распространенные простые предложения.

Словосочетание, как и синтаксема, – единица докоммуникативного уровня: по своему синтаксическому значению и форме оно не ориентировано на выполнение коммуникативной функции.

К единицам коммуникативного уровня синтаксиса относятся простое предложение, сложное предложение, сложное синтаксическое целое и текст.

Простое предложение – это минимальная, монопредикативная коммуникативная единица, имеющая в своем составе одно грамматическое ядро, в котором выражается отнесенность содержания предложения с действительностью: *Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда* (А. Пушкин).

Простое предложение имеет собственные грамматические характеристики: «Оно образовано по специально предназначенному для этого абстрактному грамматическому образцу, обладает для этого своими языковыми значениями, формальными характеристиками, интонационной оформленностью, а также способностью к видоизменениям – как строго формальным, так и таким, которые связаны с выполнением одним и тем же предложением различных коммуникативных задач» (Русская грамматика 1980: 7).

Сложное предложение – это коммуникативная полипредикативная синтаксическая единица, компонентами которой являются аналоги простого предложения (предикативные части), связанные между собой тем или иным типом синтаксической связи: *Совсем весна, льет с крыш, и в небе есть светлые луговинки голубые, и по ним все бегут, бегут облака, как и мы бежим: если придет радость – замереть бы, принять, а мы бежим!* (М. Пришвин).

Сложное синтаксическое целое – это минимальный фрагмент текста, состоящий из простых и сложных предложений, связанных между собой средствами межфразовой связи и объединенных общей микротемой: *Мне посчастливилось несколько раз побывать в Дрезденской галерее. Помимо «Сикстинской мадонны» Рафаэля, там есть много картин старых мастеров, перед*

которыми просто опасно останавливаться. Они не отпускают тебя. На них можно смотреть часами, может быть, сутками, и чем дольше смотришь, тем шире нарастает непонятное душевное волнение. Оно доходит до той черты, когда человек уже с трудом удерживает слезы (К. Паустовский).

Но «подлинно независимым отрезком речи является текст, внутри которого растворяется предложение» (Потебня 1941: 96).

Текст – это произведение речевой деятельности, представляющее собой объединение единиц языка разных уровней, которые последовательно связаны между собой и отличаются смысловой законченностью, связностью и цельностью.

Текст – материальный объект, представляющий собой проявление языка и одновременно результат деятельности говорящего. Может существовать в устной или письменной форме. Минимальная единица текста – предложение, верхний предел не устанавливается.

Текст – многостороннее понятие, и это обязывает выделить в нем то, что является ведущим, вскрывающим его функциональные признаки: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и грамматическую установку» (Гальперин 2004: 18). Синтаксический аспект анализа текста предполагает рассмотрение межфразовых связей.

Между названными синтаксическими единицами, которые и являются предметом дальнейшего рассмотрения, устанавливаются *иерархические* отношения последовательного вхождения друг в друга – это взгляд *снизу*:

↑ текст
сложное синтаксическое целое
сложное предложение
простое предложение
словосочетание
синтаксема (словоформа) ↓

и *последовательность* членения более сложных на более простые до получения предела членения – элементарной синтаксической единицы, т. е. синтаксемы (взгляд *сверху*).

В предложенной системе синтаксических единиц простое предложение занимает центральное место. Это определяется тем, что простое предложение представляет собой минимальную синтаксическую единицу, которая предназначена для передачи относительно законченной информации; тем, что оно участвует в формировании сложного предложения, сложного синтаксического целого, и тем, что является конечной точкой для синтаксемы и словосочетания, находящих в его составе свое применение.

Безусловно, синтаксис имеет и свой понятийно-терминологический аппарат (метаязык), органически связанный с соответствующими синтаксическими единицами.

Описание синтаксических единиц может осуществляться в двух противоположных направлениях: от формы, структуры к значениям (семасиологический подход) и от значений к формальным средствам (ономасиологический подход). В качестве теоретической основы трактовки синтаксических явлений целесообразно использовать структурно-семантический подход, в котором лучшие традиции русистики обогащаются достижениями современных синтаксических теорий.

IV. Синтаксис в системе языка

В сфере синтаксиса сосредоточены те языковые средства, которые непосредственно служат для общения и без использования которых общение не может быть осуществлено. Для оформления мысли недостаточно знания только слов, их форм, необходимо установить между ними связи, соотнести сообщаемое с действительностью. Непосредственная связь синтаксиса с мышлением, коммуникацией (общением) определяет отношение синтаксиса (как яруса высшего, «венчающего» многоэтажное здание языка) к другим ярусам языка: морфологическому, словообразовательному, лексическому и фонетическому. Как верхний ярус языка, синтаксис опирается на нижние ярусы. По мере продвижения к синтаксису по ярусам накапливаются синтаксически существенные характеристики языковых единиц, категорий, явлений.

Наиболее тесной является связь синтаксиса с *морфологией:* «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике... Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими» (Виноградов 1947: 29).

Морфология, изучающая части речи, их категории и формы, по сути служит синтаксису, все морфологические средства и категории предназначены для функционирования в предложении. Так,

категории рода, числа и падежа служат для установления связи между словами в словосочетании и предложении; категории лица и залога участвуют в конструктивной организации предложения; категории наклонения и времени оформляют предикативность как основной признак предложения; служебные части речи обнаруживают истинное свое бытие только в синтаксисе.

Синтаксис связан и со *словообразованием*: существенными словообразовательными признаками слов являются, например, приставки в глаголах, диктующие форму управления зависимым именем: *доехать до города*, *выйти из дома*, *войти в комнату*, *переехать через мост*, *подойти к картине* и т.д. Синтаксически ориентированной является синтаксическая деривация: *смелый – смелость*, *ходить – ходьба, хождение*, – в результате которой осуществляется формальный перевод признакового понятия в имя существительное, дается возможность этому слову функционировать подобно предметному: *смелый охотник – Я поражен смелостью охотника*.

Синтаксис обнаруживает связи с *лексикой*. Лексика поддается функциональной, коммуникативно ориентированной классификации, в которой отражается наиболее частотный тип функционирования отдельных категорий слов. Так, слова с темпоральным (временным) значением часто функционируют в качестве обстоятельства времени: *год*, *месяц*, *час*, *лето*; слова с пространственным значением ориентированы на частотное функционирование в качестве обстоятельства места: *дорога*, *лес*, *луг* и др.

Лексический фактор, сочетаемость предопределяют различное функционирование одинаковых форм: *подойти к столу* (обстоятельство места или дополнение) и *подойти к вечеру* (обстоятельство времени), *говорить с волнением* (обстоятельство образа действия) и *говорить с другом* (дополнение).

Характер лексических значений слов определяет их синтаксическую активность или пассивность. Синтаксически активные слова обладают сильными синтаксическими связями (валентностями), без реализации этой связи они не могут функционировать в речи: *подъехать к дому*, *прибить картину к стене* – глаголы требуют обязательной (облигаторной) сочетаемости со словоформами, такие слова (здесь глаголы) называются релятивными (относительными, синсемантичными).

Синтаксическая сторона языка изучается и в *фонетике*. Синтаксически ориентированным элементом фонетического строя языка является интонация. Интонационная оформленность – необходимый признак любой коммуникативной единицы.

Таким образом, синтаксические признаки заложены во всех

ярусах языка, поэтому можно утверждать, что синтаксис как синтаксическая сторона языка начинает изучаться задолго до синтаксиса, понимаемого как особый раздел грамматики.

V. СИНТАКСЕМА КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Синтаксема (синтаксическая форма слова) как элементарная синтаксическая единица русского языка, из которых строятся словосочетания и предложения, выделена в 70-е годы Г.А. Золотовой в исследовании «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (М., 1973). Функционально-семантическое описание различных синтаксем русского языка представлено ею в особом типе словаря: «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» (М., 1988).

Синтаксема как элементарная синтаксическая единица позволяет осмыслить на уровне синтаксиса взаимоотношения между «простым», с одной стороны, и «сложным» – с другой: «Как и окружающий нас физический мир состоит из элементарных частиц, мельчайших известных частиц материи, так и синтаксический строй нашей речи организуется разнообразными, но регулярными комбинациями элементарных, или минимальных, единиц, далее неделимых на синтаксическом уровне» (Золотова 1988: 3). Раздел «Синтаксис формы слова» представлен и в Русской грамматике-80 (С. 422–460), где «в сжатом виде обобщаются сведения о грамматических и семантических функциях слов в словосочетании и в простом предложении».

Синтаксема – такая единица, из которой строятся единицы более высокого порядка и которая (при обратном подходе) представляет предел их членения. Это понятие проясняет отношения между словом и предложением: они не являются непосредственными, они опосредованы синтаксемой: слово – синтаксема – предложение, так что предложение представляет собой не комбинацию слов – лексем, а синтаксических форм – синтаксем (*читаю*, *за столом*, *с книгой*).

Итак, синтаксема – это элементарная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений и характеризуемая поэтому определенным набором синтаксических функций. Следовательно, она обладает собственным триединством признаков «*форма – значение – функция*»: формальный признак – это ее морфологическая форма, семантический признак – это ее элементарный смысл, функциональный – это вытекающая из первых

двух способность реализовываться в определенных синтаксических позициях в составе более сложных построений.

Формальная характеристика синтаксемы. С формальной точки зрения, синтаксема представляет собой морфологическую форму слова; если же слово является неизменяемым, то она равна слову. В синтаксисе морфологическая парадигма изменяемого слова теряет свое единство. Например, парадигма падежа имени распадается на ряд синтаксем, количество которых увеличивается за счет предложных форм: предлог в синтаксисе – элемент формы. Разные синтаксические формы приобретают собственный синтаксический статус как потенциальный или реальный компонент синтаксических построений, вписываясь в их позиционные структуры.

Формальные признаки синтаксемы сами по себе не имеют особой ценности за исключением «оформителя» определенного синтаксического значения, которое возникает не столько под давлением самой формы, сколько в результате взаимодействия морфологической формы с категориально-лексическими особенностями слов. Например, форма *за + Тв. п.* свидетельствует только о том, что это форма Тв. п. с предлогом *за*, а синтаксическое значение и функционирование этой формы в предложении зависит от лексического наполнения: *за лесом* и *за качеством* имеют одинаковую форму, но отличаются синтаксическим значением, а значит и функционированием.

Семантическая характеристика синтаксем и их семантические типы. В семантическом плане синтаксема обозначает типовые элементарные синтаксические смыслы, т. е. такие абстрактные значения, о которых можно говорить только в рамках синтаксиса, так как эти смыслы отражают синтаксические отношения. Будучи синтаксической единицей докоммуникативного уровня, синтаксема обладает собственным категориально-синтаксическим значением. Оно создается в результате взаимодействия лексического значения слова и формы.

Разные формы одного и того же слова могут различаться категориально-синтаксическими значениями. Например, *с другом* выражает синтаксическое значение совместности, как, впрочем, и *с учителем*, *с отцом*, *с братом*, *с коллегой*; форма *о друге* – значение содержания мысли, речи или другого действия, как, впрочем, и *о саде*, *о школе*, *о поездке*; *другу*, *товарищу* – значение адресата и т.д.

В то же время одинаковые формы слов, различающихся лексико-категориальными значениями, имеют разные синтаксические значения. Например, *по балкону*, *по скатерти*, с одной сто-

роны, и *по рассеянности*, *по болезни*, с другой: первые две выражают пространственные синтаксические значения, а вторые – причинные. Для синтаксиса важна не одинаковость форм, а семантическая близость.

Учитывая семантические особенности синтаксем, их можно разделить на два больших типа: 1) синтаксемы, обладающие самостоятельным синтаксическим значением, и 2) синтаксемы, не имеющие его.

Значение *первых* обусловлено их формальными признаками и лексико-грамматическими качествами. Оно не зависит от вхождения синтаксем в синтаксическую конструкцию, так как является их собственным признаком и включено в них «до предложения», на «докоммуникативном» уровне.

Примеры значений таких синтаксем: локальное (пространственное) – *в море*, *за поворотом*, *перед дверью*; направление движения – *во тьму веков*, *вокруг земного шара*; временное (темпоральное) – *накануне спуска*, *в свободное время*, *сегодня*; значение цели действия и назначения – *за советом*, *в фонд помощи*; значение адресата – *городу-герою*, *ученым*; значение причины, основания действия – *по рассеянности*, *по случаю праздника* и т.д.

Такие синтаксемы самодостаточны в структурно-смысловом отношении, но в то же время в их значения заложены их потенциальные функциональные свойства. Между различными синтаксемами с одинаковым смыслом устанавливаются синонимические отношения: *по болезни – от страха – сгоряча* (причинные отношения); *у дороги – за лесом – далеко – при школе* (отношения пространственной локализации) и т.д. Такой тип синтаксем входит в сложные синтаксические построения со своим естественным смыслом, т. е. как носитель этого смысла.

Синтаксемы *второго* типа на «докоммуникативном» уровне лишены какого-либо определенного синтаксического значения, их синтаксические значения не заложены в их форме, не вытекают из их лексико-грамматических особенностей. Свой синтаксический смысл они приобретают лишь в синтаксических построениях (словосочетаниях, предложениях) под давлением установившихся отношений между словами. Например, синтаксема *морем* вне синтаксической конструкции не выражает определенного синтаксического значения и может приобретать его: *любоваться морем* – объектное, *Морем разливается толпа* – сравнительное, *Озеро издали казалось морем* – предикативный признак.

Семантические и функциональные признаки словоформ тесно взаимосвязаны. Понятие синтаксического значения предстает как «виртуальная способность слова, словоформы к определенному

виду синтаксического функционирования и как актуальная реализация этой способности» (Золотова 1982: 54).

Функциональная характеристика синтаксем. Это описание синтаксем создается в результате: 1) определения типов функций, которые они выполняют в синтаксических построениях, 2) осуществления функциональной классификации синтаксем.

1. Функции синтаксем: а) самостоятельное, изолированное употребление; б) употребление в качестве компонента предложения; в) присловное употребление в качестве компонента словосочетания.

а) Эта функция представлена чаще всего заголовками: *В степи*; *После бала*; *На темы дня*; *По велению сердца* и под., в драматургических ремарках и киносценариях, иногда в прозе и поэзии для представления экспозиции повествования: *В вагоне*; *В Москве, на Трубной площади*; *У двери дома* – такую функцию способны выполнять синтаксемы, обладающие собственным самостоятельным значением.

б) Такие синтаксемы занимают позиции: компонент предложения с субъектным значением – *Ему за сорок*, *Отцу нездоровилось*; именительный / творительный предикативный: *Он врач*, *Он здесь врачом*; в двусоставных предложениях: *Сила – в единстве*; распространители предложения (обстоятельственный детерминант): *На другой день гусару стало хуже*.

в) Третья функция отражает способность синтаксем включаться в состав предложения в качестве зависимого компонента словосочетания, поэтому им не свойственна конструктивная роль в структуре предложения, так как они могут быть компонентами предложения только через опорное слово, например: *Над седой равниной моря ветер тучи собирает*, где слово *тучи* становится компонентом предложения только благодаря опорному слову *собирает*. В этой функции синтаксема может занимать приглагольную, присубстантивную, приадъективную и приадвербиальную позиции.

2. Функциональные типы синтаксем. В зависимости от того, какими возможностями обладают синтаксемы в выполнении названных трех функций, они распределяются по трем функциональным типам: *свободные*, *обусловленные*, *связанные*.

Свободные синтаксемы характеризуются многообразием синтаксических функций, они могут употребляться во всех трех функциях. Например, синтаксема *в лесу* может быть употреблена: а) изолированно как заголовок, ремарка, как предложение в прозе и поэзии; б) как компонент предложения, его распространитель (детерминант): *В лесу слышится птичий гам*; в) как компонент

словосочетания: *Лагерь расположился в лесу*. Свободные синтаксемы обладают собственным, самостоятельным значением и в любом функционировании сохраняют это значение неизменным.

Два других типа функциональных синтаксем (обусловленные и связанные) не имеют собственного синтаксического значения и приобретают его в составе синтаксических построений в зависимости от того, в каких отношениях с другими компонентами синтаксических построений они находятся.

Обусловленные синтаксемы могут быть употреблены а) как самостоятельный компонент предложения: *С углем туго*; *Мы в этом году, слава Богу, с углем* и б) как компонент словосочетания: *Он нес ведро с углем*.

Связанные синтаксемы могут быть только компонентом словосочетания: *скучать по дому*, *ходить по дому* и т.д.

Цитируемая литература

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1947.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистических исследований. – М., 2004.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1941. – Т. IV.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Языковая система и речевая деятельность. – М., 2007.

Лекция 2

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВ

Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов.

А.С. Пушкин

De verbo in verbum.

Те или иные слова связываются друг с другом там и постольку, где и поскольку существуют определенные связи между соответствующими предметами и явлениями объективной действительности.

А.И. Смирницкий

I. Понятие синтаксической связи.
II. Присловные подчинительные связи.
III. Типология присловных связей.
IV. Согласование.

I. Понятие синтаксической связи

Большинство синтаксических единиц состоит из нескольких компонентов, которые находятся между собой в определенных смысловых отношениях. Такие отношения выражены языковыми средствами – синтаксическими связями, и поэтому «синтаксическая связь, т. е. формальные, строевые отношения между компонентами синтаксической единицы ... составляет исходное и фундаментальное понятие синтаксиса» (Белошапкова 1989: 540).

Синтаксическая связь – это различного рода взаимоотношения между компонентами синтаксических единиц любой сложности – между компонентами словосочетания, простого предложения, сложного предложения. Эта связь является *функциональным* понятием и характеризуется с *содержательной* и *формальной* стороны.

Содержание синтаксической связи составляет тот абстрактный смысл (разной степени абстракции), который возникает как результат установления связи между компонентами синтаксических единиц. К содержательной стороне связи применяется термин «синтаксические отношения» (или смысловые, содержательные).

Форма синтаксической связи – это те структурно-языковые средства, с помощью которых оформляется связь: окончания, предлоги, союзы, интонация, порядок слов и др. Они по-разному участвуют в организации синтаксических единиц: в словосочетании находят применение окончания и предлоги; в простом предложении – кроме окончаний и предлогов используются сочинительные союзы, порядок слов и интонация; связь компонентов (предикативных частей) в сложном предложении оформляется сочинительными и подчинительными союзами, местоименными и наречными словами с союзной функцией (союзными словами), интонацией, порядком расположения предикативных частей, модально-временными формами сказуемых.

При учете содержательных и формальных характеристик синтаксические связи подразделяются на два типа – *сочинение* и *подчинение*.

При ***сочинении*** (паратаксис – от греч. parataxis – «выстраивание рядом») выражаются абстрактные смысловые отношения равноправия, независимости, функциональной однотипности (однородности), которые обусловливают невозможность задать вопрос от одного компонента к другому. Специфическими формальными средствами выражения отношений равноправия являются сочинительные союзы, а также интонация перечисления и сопоставления. Эти средства одинаково используются как в простом, так и в сложном предложениях. Ср.: *Благодаря жажде жизни человек может перебороть и неволю, и голод, и увечье, и поднять тяжесть выше своих сил* (В. Астафьев); *Дохнул сентябрь, и георгины Дыханьем ночи обожгло* (А. Фет).

Сочинительные отношения «передают значение *множества* отдельных, разных, но в чем-то *сходных* предметов (явлений, признаков) объективного мира... Множество может быть передано в виде соединения (*Дождь и ветер шумят за окном*), либо в виде противопоставления (*Это шумит не ветер, а дождь*), либо в виде разделения (*Это шумит не то ветер, не то дождь*), либо в виде сопоставления (*Это шум не только от ветра, но и от дождя*)» (Чеснокова 1980: 90).

Открытая сочинительная связь объединяет различное число компонентов: *Письма пишут разные: слезные, болезные, иногда прекрасные, чаще бесполезные* (К. Симонов). При этом компоненты (члены предложения или предикативные части) находятся между собой в перечислительных или соединительных отношениях и их количество устанавливается экстралингвистически.

Закрытая сочинительная связь объединяет только два компонента, находящихся между собой в отношении противопоставле-

ния или соединения, но не простого перечисления: *Справа было море – не только холодное, но и неспокойное* (Ю. Казаков); *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (М. Лермонтов).

При ***подчинении*** (гипотаксис – от греч. hypotaxis – «подчинение») выражаются абстрактные смысловые отношения зависимости, неравноправия, разнофункциональности, они обусловливают возможность задать вопрос от одного компонента, являющегося главным, опорным, к другому – зависимому. Специфическими средствами выражения отношений неравноправия являются: в словосочетании и простом предложении – окончания и предлоги; в простом предложении – подчинительные союзы, местоименные и наречные (союзные) слова, пояснительная интонация и интонация обусловленности: *встретиться с другом*; *Он был самый лучший из всех людей, каких она знала* (Л. Толстой); *Богатому не спится: богатый вора боится* и под.

Возникновение синтаксических связей в словосочетании и простом предложении обусловливается двумя факторами.

1. Факторами, *внутренними* по отношению к словам, их словосочетательными возможностями. Такие связи всегда являются подчинительными, они могут реализоваться знаменательным словом как в изолированном употреблении, так и в составе предложения: «...знаменательное слово само по себе достаточно для того, чтобы на основе действующих в языке правил выбрать для себя в качестве распространителя форму другого слова и занять роль главенствующего компонента в образовавшемся таким образом элементарном соединении слова и формы слова» (Русская грамматика 1980: 14).

Такие связи называются *присловными*, при них реализуются *сочетаемостные* возможности слов (*валентные* свойства слова; лат. valentis – крепкий, прочный; влиятельный): *находиться в городе*, *учиться музыке*, *красный от возмущения*, *легкое дыхание*.

2. Факторами, *внешними* по отношению к словам, а именно теми возможностями, которые возникают у слов лишь в составе предложения потому, что слова оказываются в соотнесенных синтаксических позициях. Поэтому такие связи – позиционно обусловленные, собственно *предложенческие*, возникающие в составе предложения. К ним относятся, например, связь подлежащего и сказуемого, связь компонентов однородного ряда, поясняемого и поясняющего и др. Предложенческие связи могут быть подчинительными, сочинительными, а также такими, которые невозможно охарактеризовать в терминах сочинения и подчинения.

II. Присловные подчинительные связи

В результате реализации присловных подчинительных связей возникает словосочетание. Слово, от которого исходит подчинительная связь, является опорным (главным, стержневым) компонентом словосочетания; компонент, реализующий словосочетательные (валентные) связи опорного, называется *зависимым*, *подчиненным*. Способность опорного компонента предсказывать при себе с разной степенью необходимости зависимую позицию называется *валентностью* слова.

Смысловые отношения присловных связей. В результате реализации присловных, валентностно предопределенных связей выражаются различные типы смысловых (синтаксических) отношений.

1. Объектные отношения возникают между опорным наименованием действия, состояния, признака и наименованием предмета (в широком понимании), т. е. объекта, на который направлено или с которым связано действие, состояние, признак: *писать письмо*, *подарить другу альбом*, *разговор о спектакле*, *внимательный к коллегам*, *сердит на сына*, *покупка дома*, *готовый к борьбе*. Такие отношения определяются посредством падежных вопросов и подразделяются на подтипы (с учетом падежного значения зависимого слова): отношения **прямого объекта** – возникают между наименованием действия, обозначенного переходным глаголом, и наименованием предмета, на который непосредственно переходит или направлено действие: *учить стихотворение*, *копать землю*, *готовить обед*; отношения **орудийные** (инструментальные) – объект действия обозначает предмет, с помощью которого совершается действие: *работать на станке*, *приехать на поезде / поездом*, *копать лопатой*; отношения **адресатные** – объект указывает на лицо, для которого или в интересах которого совершается действие: *написать (письмо) родителям*, *купить (мобильник) сыну*; отношения **содержания** – объект указывает на содержание действия, состояния: *болеть ангиной*, *думать о поездке*, *заниматься математикой*; отношения **совместности**: *находиться с друзьями*, *поехать с отцом*.

2. Атрибутивные (определительные) отношения возникают между наименованиями предмета и его признака, свойства, качества и выявляются с помощью вопросов *Какой?*, *Чей?*, *Который?*: *утренняя роса*, *зеленеющее поле*, *гнездо ласточки*, *волны овса*, *желание учиться*, *рыцарь поневоле*.

Подтипы атрибутивных отношений выделяются по обозначению **качественных** признаков: *веселая песенка*, *платье в горошек*; **относительных** признаков: *шуба из норки*, *молочная бутылка*; **количественных** характеристик: *шестой этаж*; **указательных** свойств: *каждое событие*, *такой человек*, *этот дом*.

3. Обстоятельственные отношения отражают внутренние или внешние характеристики действия, состояния, признака и подразделяются на подтипы: **образа действия**: *смотреть с любовью*, *мило улыбаться*, *идти медленно*; **меры и степени действия, признака, состояния**: *весьма скромный*, *сильно болеть*, *очень торопиться*, *крайне трудно*; **сравнения**: *смотреть волком*, *лететь стрелой*; **временные**: *прийти поздно*, *встретиться вечером*; **пространственные**: *уйти далеко*, *повернуть налево*; **целевые**: *пойти за грибами*, *делать наперекор*; **условные**: *поддерживать в случае опасности*; **уступительные**: *сделать вопреки требованиям*.

4. Восполняющие (комплетивные – от лат. complere – «наполнять») отношения возникают при информативно недостаточных словах, зависимое слово имеет более конкретное, более определенное лексическое значение, чем опорное, и поэтому зависимое является содержательным центром: *несколько человек*, *стать студентом*, *принять за иностранца*, *три мушкетера*, *отличаться выносливостью*, *наливаться соками*, *обрасти бородой*, *довольствоваться малым*.

При реализации присловных связей могут выражаться ***синкретичные*** (греч. synkretismos – «соединение, объединение»), комплексные отношения, например: *бородка клином* – определительно-сравнительные; *сад при школе*, *поездка на море* – определительно-пространственные; *признание в любви* – объектно-определительные; *смотреть на картину* – объектно-обстоятельственные; *болезнь матери* – субъектно-определительные.

III. Типология присловных связей

Типология (греч. typos – «отпечаток» + logos – «слово») – классификация предметов или явлений по общности каких-либо признаков. Присловные подчинительные связи классифицируются на основании двух критериев: 1) степень необходимости подчинительной связи для опорного слова и 2) морфологические особенности зависимого компонента.

1. По степени необходимости подчинительной связи для опорного слова различается **сильная** и **слабая** подчинительная связь. Эта классификация опирается на учение о двух синтаксических типах слов – *релятивных* (синтаксически активных, обладающих облигаторными (обязательными) валентностями на зависимые компоненты) и *абсолютивных* (синтаксически пассивных, обладающих факультативными (необязательными, возможными) валентностями либо вообще лишенных валентностных характеристик).

Релятивные (синтаксически активные) слова обладают сильными подчинительными связями, так как их лексические значения отличаются незавершенностью, открытостью в синтаксис; они предполагают обязательный вопрос, свидетельствующий о необходимости при них одной или нескольких зависимых позиций, заполненных словоформами: *принести* что? *газету*, *полон* чего? *нежности*, *общаться* с кем? *с товарищем*, *подобный* чему? *мифу*, *очутиться* где? *в сказке*, *подарить* что? кому? *книгу брату*. Включение релятивного слова в предложение обязательно сопровождается реализацией его сильных связей (обязательных валентностей), в противном случае предложение будет восприниматься как семантически и грамматически незавершенное, неполное, ср.: *Я вернул книгу товарищу – Я вернул книгу... Я вернул товарищу... Я вернул...*; *Она имеет склонность к полноте – Она имеет склонность...* После реализации обязательных синтаксических связей (насыщения релятивности) релятивные слова ведут себя подобно абсолютивным.

Абсолютивные (синтаксически пассивные) слова обладают относительно завершенной, самодостаточной семантикой, они не требуют обязательного распространения, допуская при себе разные зависимые факты: *жить в городе*, *за рекой*, *у леса*; *прийти перед обедом*, *из-за телеграммы*, *к завтраку*, *после ужина*, *в дом*; *большой стол*, *стол у окна*, *стол напротив*; *задумчиво молчать*, *молчать с минуту*; *синий плащ*, *синий от холода*.

Границы между сильными и слабыми связями (релятивными и абсолютивными словами) нечеткие, отличаются диффузностью (лат. diffūsio – «распространение, растекание; проникновение одного в другое»). Эти связи представляют собой два полюса, между которыми наблюдается целая шкала переходности. Одно и то же слово в разных значениях может иметь подчинительные связи разной степени облигаторности / факультативности. Например, глагол *писать* в значении 'заниматься литературной деятельностью' не требует обязательной реализации объектной валентности (*Он славно пишет, переводит...* (А.С. Пушкин), в других значениях реализация этой валентности обязательна (*писать письмо*, *музыку*, *диссертацию*).

Сильная и слабая связь соответственно соотносятся с *предсказующим* или *непредсказующим* ее характером. При предсказующей связи опорное слово предсказывает форму зависимого компонента: *вход в зал*, *выход из зала*, *купить книгу*, *доверять*

людям; при непредсказующей – форма зависимого компонента не определяется свойствами опорного: *находиться в городе, за деревом, под водой; банка для воды, банка с водой.*

2. В зависимости от **морфологических особенностей** зависимого компонента различается *морфологически выраженная* и *морфологически невыраженная* присловная связь.

В **морфологически выраженную** связь с опорным словом вступают зависимые компоненты, имеющие формы словоизменения и поэтому способные выразить свою зависимость формально – с помощью окончаний или окончаний и предлогов одновременно. Такая связь представлена **согласованием** (*счастливое детство, сентиментальная музыка, блестящая победа*) и **управлением** (*слушать музыку, беседа с друзьями, внимательный к другу, слева от меня*).

В **морфологически невыраженную** связь с опорным компонентом вступают неизменяемые зависимые слова и словоформы, которые, будучи неизменяемыми, свою зависимость от опорного компонента не могут выразить формально, они обнаруживают лишь семантическое подчинение. Такая связь называется традиционным термином **примыкание**: *ехали прямо, девочка поменьше, страсть возражать, бежал подпрыгивая.*

Следовательно, разграничение этих связей определяется частеречной природой зависимого слова: *молодой актер, актер драмы, актер поневоле.*

Рассмотренные два типа классификации (по силе связи и по морфологической выраженности/невыраженности) накладываются друг на друга и поэтому внутри согласования, управления и примыкания различаются как сильные, так и слабые связи.

IV. Согласование

Согласование – это присловная связь, которая выражается в *формальном* уподоблении зависимого слова опорному в общих для них грамматических категориях. «Соответственно с этим при характеристике согласования внимание обычно сосредоточивается на том, что "уподобление" господствующему слову зависит от того, какие из грамматических категорий, присущих господствующему слову, имеются у слова подчиненного» (Скобликова 1971: 175).

Такая связь возникает между опорным именем существительным (или субстантивированным словом) и словоформами, обладающими несамостоятельными (т. е. согласовательными) категориями рода, числа и падежа, к которым относятся прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные и количественные в косвенных падежах: *глубокий снег, вспаханное поле, о своей книге, первый учитель, с одним билетом.* Здесь согласование осуществляется посредством уподобления формы зависимого компонента форме же опорного имени, и поэтому такое согласование называют **формальным**.

Опорным словом могут выступать слова, не имеющие формально выраженных грамматических категорий, и тогда зависимые от них словоформы избирают форму на иных основаниях.

Так, при опорных словах, выраженных неизменяемыми нарицательными неодушевленными существительными, субстантивированными словами, адъектив ставится в *условно* согласованных формах среднего рода, единственного числа: *быстрое такси, теплое кашне, прекрасное далеко, многоголосное ура, твое «но».*

При слове *кто* (и его производных) и существительном *кофе* согласуемый компонент ставится в условной форме мужского рода, единственного числа: *кто-то больной, кто-нибудь сильный, крепкий кофе.* Такое согласование называется **условным**.

При опорных неизменяемых собственных именах существительных (наименования географических понятий, печатных изданий и т.д.) типа «*Юманите*», «*Унита*», «*Муму*», *Сочи, Тарту, Ай-Петри* и под. согласование адъективного слова в роде осуществляется в соответствии с родовыми ассоциациями таких слов (в данном случае – газета, повесть, город, гора): *итальянская «Унита», тургеневская «Муму», солнечный Сочи, великолепный Тарту, высокая Ай-Петри.* Такое согласование называется **ассоциативным**.

Формальное, условное и ассоциативное согласования объединяются в рубрику ***грамматическое согласование***, так как эти типы опираются на грамматические категории – либо формально представленные в опорных словах (формальное согласование), либо условно приписываемые опорным словам (условное), либо характеризующие родовые ассоциации опорных слов (ассоциативное).

Грамматическому согласованию противопоставлено ***смысловое (семантическое) согласование***, которое опирается не на грамматические категории, а на семантические признаки опорных слов. Семантическое согласование может быть обусловлено двумя типами семантических признаков опорного слова:

а) *семантическими признаками, диктуемыми объективными свойствами предметов*, названных опорным словом; такое согласование осуществляется в роде и числе. Например, реальный пол лица обусловливает форму прилагательного в мужском или женском роде с опорными существительными общего рода (*настоящий неряха, настоящая неряха*) или согласование адъективного слова в женском роде с существительными мужского рода, обозначающими профессии: *молодая врач, опытная секретарь, известная судья.* Реальное количество (единичность или множественность) обусловливает согласование адъективного слова в ед. или мн. числе с неизменяемыми опорными существительными: *клетчатое кепи – клетчатые кепи, зеленое такси – зеленые такси*;

б) *падежным значением синтаксической позиции*, которую занимает в предложении неизменяемое опорное слово: *многоголосным ура* – Тв. п., *из прекрасного далеко* – Род. п., *к близкому завтра* – Дат. п., *на быстром такси* – Предл. п.

Формальное, условное, ассоциативное и семантические типы согласования могут быть представлены в разных сочетаниях в одной и той же конструкции. Например: *Никогда не пил такого вкусного какао* – в этом сочетании реализуется условное согласование в ср. р. ед. ч. и семантическое (обусловленное падежным значением позиции) согласование в Род. п.; *Знакомьтесь, это наша новая секретарь* – формальное согласование в ед. ч., Им. п. и семантическое – ж. р.; *Послышалось тихое «ой»* – условное в ср. р. и семантическое в ед. ч., Им. п.

Смысловые отношения между компонентами при согласовании – *определительные*.

В составе предложения согласование адъектива с опорным существительным может осуществляться не по всем общим для них категориям. В связи с этим различается полное и неполное согласование (Ширяев 1997: 521).

Полное согласование – единственно возможное в бинарных словосочетаниях, причем зависимый адъектив исчерпывает все общие с опорным существительным категории: *лесными звуками* (мн. ч., Тв. п.), *за интересной книгой* (ед. ч., ж. р., Тв. п.).

Неполное согласование возникает в составе предложения тогда, когда адъектив, сохраняя согласование с опорным именем в роде и числе, теряет согласование с ним в падеже. Это связано с тем, что согласующийся компонент приобретает вторую подчинительную связь со вторым опорным словом – глаголом, который и диктует ему иную падежную форму: *Я никогда не видел отца расстроенным*, где *расстроенным* согласуется в ед. ч., м. р. со словом *отца*, а форму Тв. п. приобретает под влиянием управляющего глагола *не видел.*

Неполное согласование обнаруживают и относительные местоимения *который, чей, какой* в функции союзных слов в составе придаточных частей: *Тропа, по которой мы шли, круто спускалась вниз.* Формы рода и числа местоимение *который* приобретает в результате согласования с опорным словом *тропа*, находящимся в составе главного предложения, а форму падежа (от глагола *шли*) – в составе придаточного.

Согласование может быть **сильным** и **слабым**. Наиболее распространенной является слабая связь. Таковой она является в абсолютном большинстве бинарных и сложных словосочетаний (*высокий дом, утренняя зарядка, человек в яркой рубашке*), а также в простых предложениях (*Стоял тихий сентябрь*). При такой связи определяемое существительное является абсолютивным.

Сильное согласование в бинарных словосочетаниях встречается редко. Обязательной валентностью на согласованное определение обладают лишь отдельные информативно недостаточные значения многозначных имен существительных. Такие значения отличаются обобщенной семантикой и изначально предполагают вопрос *какой?*.

Приведем некоторые примеры сильного согласования:

– *вещь* в значении 'нечто, что-то', реализуемом в позиции сказуемого: *странная (смешная, чудовищная, непонятная) вещь*; *Странная вещь – сердце человеческое*;

– *случай* в значении 'положение дел, вещей; обстоятельства': *удобный случай, в лучшем (крайнем) случае, в исключительных случаях*;

– *образ* в значении 'способ, средство': *коренным (наилучшим) образом*;

– *лицо* в значении 'отдельный человек в обществе; индивидуум': *частное (историческое, официальное) лицо*;

– *вид* в значении 'внешний облик как проявление внутреннего состояния человека': *больной (усталый, лукавый, томный, здоровый) вид.*

Ср. отдельные релятивные значения у слов: *дело, область, человек, фигура.*

Совершенно естественно, что подобные слова сохраняют сильное согласование в сложном словосочетании и простом предложении.

Кроме того, в составе сложных словосочетаний и простых предложений наблюдается сильное согласование при абсолютивных существительных, которые в изолированном виде не обладают обязательной валентностью на согласованное определение. Именно поэтому в бинарных сочетаниях при них реализуется слабое согласование. Сильное согласование в составе сложных словосочетаний возникает при абсолютивных словах в опреде-

ленных позициях как результат преобразования слабого согласования. О сильном согласовании свидетельствует то, что устранение согласованного компонента становится невозможным, так как приводит к нарушению смысла и структуры конструкции: *девушка с голубыми глазами (девушка с глазами)*; *человек высокого роста*; *человек широкой эрудиции*.

В отдельных словосочетаниях наблюдается одновременное взаимодействие согласования и управления: *два карандаша* и *две ручки*, *один из студентов* и *одна из студенток*, *каждый из мальчиков* и *каждая из девочек*, где имеется нумеративное и местоименное управление и согласование управляющих числительных и местоимений с управляемыми именами в роде.

Связи управления и согласования могут взаимозамещаться и таким образом создавать вариативные связи: *молочный кувшин – кувшин для молока*, *дверная ручка – ручка для двери, от двери*.

Некоторые ученые, а также школьная и вузовская традиция относят к согласованию связь сказуемого с подлежащим, называют согласованием и связь приложения с существительным (*бабушка-старушка*, *женщина-космонавт*, *врач Сергеева*, *река Дон*), в последнем случае общими категориями являются число и падеж.

Однако существительное по своим морфологическим свойствам не приспособлено к воспроизведению грамматических значений другого слова – род и число у него самостоятельны, падеж также не воспроизводит грамматического значения подчиняющего слова, что особенно отчетливо проявляется в приложении (*Я живу в городе Кимры*; *Со станции Зима поезд вышел в 3 часа*). Называть такую связь согласованием нецелесообразно.

Для обозначения согласования приложения с опорным существительным используются и такие термины, как «параллелизм форм» (Скобликова, 1971), «аппозитивная связь» (лат. apposition – приложение) (Розенталь, Теленкова 1985). Для связи подлежащего и сказуемого используется термин «координация» (Виноградов 1954: 26).

При анализе согласования определяется частеречная принадлежность опорного слова, его изменяемость / неизменяемость, указываются формы рода, числа, падежа согласованного компонента, отмечается, чем обусловлен их выбор, характеризуется типология: грамматическое (формальное, условное, ассоциативное) или семантическое, полное или неполное, слабое или сильное согласование.

Цитируемая литература

Белошапкова В.А. Современный русский язык. – М., 1989.
Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. 1.
Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.
Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.
Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. – М., 1971.
Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.
Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. – М., 1980.
Ширяев Е.Н. Согласование // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.

Лекция 3

ПРИСЛОВНЫЕ И ПРЕДЛОЖЕНЧЕСКИЕ СВЯЗИ

> Основным и единственным признаком цельности предложения следует считать то, что входящие в его состав словесные формы образуют замкнутый синтаксический ряд, в пределах которого все они как-то связаны друг с другом.
>
> *В.А. Богородицкий*

> Управление есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову.
>
> *А.М. Пешковский*

I. Управление.
II. Примыкание.
III. Предложенческие связи.

I. Управление

С точки зрения формальной классификации связей слов управление определяется как такой способ присловной подчинительной связи, при котором зависимое слово, обязательно или факультативно определяющее опорное, в соответствии с характером передаваемых смысловых отношений употребляется в форме косвенного падежа без предлога или с предлогом (Прокопович 1975: 9).

Предлагается и иное основание для определения управления – признак обязательности зависимого слова – это такой способ подчинительной связи, при котором опорное (главное) слово *требует* постановки зависимого в определенном падеже (Грамматика-70: 489). При таком подходе связь в сочетаниях типа *купить хлеба*, *любоваться морем* квалифицируется как управление, а *идти лесом*, *плыть к берегу*, *домик в лесу*, *бледный от испуга* – как *именное примыкание* (то, что в традиционной грамматике определялось как слабое управление). Однако неудачен и сам термин «примыкание» по отношению к изменяемым словам, и отрыв этих связей от управления: зачастую практически разграничить управление и именное примыкание весьма затруднительно. Широкое понимание управления представлено в современных работах (В.А Белошапкова, Е.С. Скобликова).

Управление всегда выражает **соотношение с предметом** и управляемая падежная или предложно-падежная словоформа призвана грамматически обобщенно, дифференцированно передавать характер этого соотношения: *рисовать картину*, *думать о семье*, *забота о сыне* – объектные отношения; *относиться с любовью*, *расти за рекой*, *ехать лесом*, *жить в деревне* – обстоятельственные; *куст смородины*, *кисель из молока*, *гость из Москвы* – определительные; *три апельсина*, *несколько человек* – комплетивные.

По ***частеречной принадлежности управляющего слова*** разграничивается управление: **глагольное** (*пишу брату*, *заговорить о вошедшем*, *думать об отдыхе*), **субстантивное** (*лекция о литературе*, *встреча с друзьями*, *кувшин с водой*), **адъективное** (*верный долгу*, *готовый к встрече*, *усталый от работы*), **адвербиальное** (наречное) (*справа от дороги*, *назло врагам*, *тайком от друзей*), **слов категории состояния** (*стыдно перед отцом*, *грустно от встречи*, *тягостно от воспоминаний*), **компаративное** (*тверже стали*, *ниже воды*), **нумеративное** (*четыре дома*, *трое солдат*, *три мушкетера*), **местоименное** (*мы с тобой*, *кто-то за дверью*, *кто-нибудь из присутствующих*).

Типичный порядок компонентов при управлении – постпозиция управляемого слова.

На ***выбор формы управляемого слова*** влияет сложный комплекс факторов – *смысловых*, *грамматических*, *лексико-фразеологических*, *стилистических*.

Основным и постоянно действующим фактором является *смысловой*. Форма управляемого слова должна соответствовать тому типу соотношения между компонентами ситуации, который нужно выразить с ее помощью. Ср.: *достал ножницы – достал ножницами*; *подарок сестре – подарок сестры*; *восхищение брата – восхищение братом*; *пишу брату, в Москву, письмо, об отдыхе, в Крыму*.

Грамматическое воздействие опорного слова связано с принадлежностью его к определенной части речи. Например, при переходном глаголе прямой объект обозначается винительным падежом, при девербативе (отглагольном существительном) – родительным: *перевозить грузы – перевозка грузов*, *отменить решение – отмена решения*, *презирать опасность – презрение опасности*; *к опасности* (Дат. п.).

Лексико-фразеологическое воздействие проявляется в том, что выбор разных управляемых форм (при одинаковых смысловых

отношениях) зависит от того, какое именно *слово* употребляется в роли главного. Например, для обозначения адресата при передаче информации при одних глаголах употребляется дательный, при других – винительный падеж: *сообщил, передал, доложил, рапортовал командиру – известил, уведомил, информировал командира.*

При выражении обстоятельственных отношений влияния главного слова на выбор управляемой формы в большинстве случаев не наблюдается. Этот выбор зависит от конкретного лексического выражения самого подчиненного компонента. Ср., например: *вернулся на рассвете – в сумерках, вспыхнул от досады (с досады) – от негодования, жили в деревне – на хуторе.*

Иногда при одинаковых условиях допускается употребление двух или более управляемых форм: *говорили о школе (про школу, насчет школы); побледнел от злости (со злости).* При выборе одной из подобных форм нередко учитываются их *стилистические* свойства, например, разговорный характер предложно-падежных форм: *про школу, со злости, насчет школы.*

По форме зависимого, управляемого компонента различается управление **беспредложное** (*нести чемодан, книга брата*) и **предложное** (*прогулка в саду, способный к физике*); ***по количеству зависимых компонентов*** при одном опорном выделяется управление **одиночное, двойное, тройное** и т.д. (*перейти ручей, купить сувениры для друзей, уравнять казаков в правах со всеми* и т.д.).

Разграничивается ***невариативное*** и ***вариативное*** управление. ***Невариативным*** называется такое управление, при котором управляющее слово для выражения данных синтаксических отношений допускает единственно возможную падежную форму: *беседовать с другом, надеяться на помощь, быстрее лани, верить в победу.*

При ***вариативном*** управлении опорное слово при выражении одних и тех же (или близких) отношений допускает варианты управляемых форм: *начать с расспросов – расспросами, открыться другу – перед другом, случаться с людьми – у людей, между людьми, изгладиться из памяти – в памяти, почтителен к хозяину – с хозяином.*

Как было отмечено, форма зависимого компонента *предопределяется лексико-грамматическими потребностями* (факторами) господствующего компонента.

В зависимости от характера этой предопределенности, то есть по тому, является ли связь между ними *необходимой, обязательной* или *возможной*, различается управление ***сильное*** и ***слабое***,

которое впервые подробно было описано А.М. Пешковским (1956: 287).

При сильном управлении, по А.М. Пешковскому, между зависимым и господствующим словом существует *необходимая* связь, т. е. такая, когда подчиняющее слово действительно требует постановки подчиненного в определенном падеже: *повреждаю ногу, присматриваюсь к нему.* Если же эта необходимая связь отсутствует, то мы имеем слабое управление: *мирюсь с сестрой, стою у дома.*

Следовательно, ***сильным*** называется такое управление, при котором *падежная форма* зависимого слова является необходимой, диктуется *лексико-грамматическим* своеобразием господствующего слова, без нее господствующее слово оказывается *семантически недостаточным*: *оборудовать площадку, переписать статью, попрекать хлебом, руководить институтом, удостоить вниманием, участвовать в соревновании.* Например, предложение *Спортсмен добился победы* без управляемого существительного не законченно ни по смыслу, ни грамматически: *Спортсмен добился...*

Между опорным и зависимым словами наблюдается органическая связь. Особенно тесной она оказывается тогда, когда выражаемый тип соотношения с предметом *обязательно* предполагается лексическим или грамматическим значением опорного слова, «подсказывается» этим значением.

Такова, например, закономерная связь между глаголами речи и управляемыми формами, обозначающими собеседника: *сказал, ответил, рассказал, доказывал, объяснял* – ему; *спросил* – его, у него; *разговаривал* – с ним; а также тему речи: *сказал, рассказал, упомянул, спросил* о матери, про школу и т.д. Этим же правилам подчиняются глаголы мысли, созидания: *думал, вспоминал* о школе, *строил* мост, *разработал* проект, *написал* рассказ.

Обратим внимание на роль предлогов, заключающих в себе потенцию зависимого компонента:

Мы построим скоро сказочный дом
С расписным потолком внутри.
И, возможно, доживем до...
Только вряд ли будем жить при...
И, конечно же, не вдруг и не к нам
В закрома посыплет манна с небес.
Только мне ведь наплевать на...
Я прекрасно обойдусь без...

(Г. Григорьев)

Слабое управление – это такая связь между опорным и зависимым словом, при которой употребление формы зависимого слова строго, направленно не вытекает из лексико-семантического своеобразия опорного слова, а выступает в качестве одного из падежных вариантов: *копать за домом, в лесу, для забавы*; *играть в парке, на рояле, около дома*; *споткнуться о порог, из-за рассеянности, у крыльца, перед домом*; *поезд на Москву, поезд из Москвы.*

В этих случаях опорное абсолютивное слово допускает выражение определенных отношений, но прямо на них не указывает, и поэтому употребление зависимых форм является менее регулярным, а связь с этими формами менее тесной и для самого опорного слова не необходимой, пассивной. Например, глаголы *разговаривать, заниматься* позволяют выразить соотношение действия с пространственным ориентиром (*разговаривать в комнате, за стеной, около института*), но сами по себе они не требуют его выражения, в отличие, например, от глаголов *находиться, оставаться,* которые обязательно предусматривают выражение пространственных отношений (*где?, куда?*).

Для иллюстрации слабости управления при существительном можно взять фрагмент портретного описания И.С. Тургеневым художника Иванова: *Роста он был небольшого, приземист, плечист, вся его фигура, от бородки клинушком до пухлых, короткопалых ручек и проворных ножек с толстыми икрами – дышала Русью, и ходил он русской походкой.*

Обратим внимание на управляемые формы *от бородки, до ручек и ножек.* Эти формы зависят от словоформы *фигура* и управляются ею, но это управление чисто номинальное, что подчеркивается и разделяющей господствующее и зависимые слова запятой. То же самое можно сказать также о формах *клинушком, с толстыми икрами*, управляемых соответственно словоформами *бородки* и *ножек.*

Объективно явления, связанные со степенью силы управления, относятся не столько к чисто *грамматической* сфере, сколько к сфере *семантической.* Сила управления, т. е. степень «предсказуемости» управляемой формы, степень ее необходимой связи с главным словом, в разных случаях очень индивидуальна, и проявления ее многообразны. Зависит она от того, насколько конкретно значение глагола предсказывает возможные типы соотношения с падежной или предложно-падежной словоформой. Например, по степени силы управления различны словосочетания *вложил в книгу* и *положил в книгу.*

Глагол *вложил* благодаря приставке *в-* предполагает строго

определенное направление перемещения (внутрь предмета) и потому допускает при себе только форму, выражающую именно это направление (ср. подобное *вышел из, перешел через, зашел за...*). Глагол *положил* не конкретизирует соотношение с пространственным ориентиром и потому может сочетаться с разными предложно-падежными формами, передающими общее значение 'куда': *положил на книгу, под книгу, около книги.*

Несмотря на эту разницу, на *грамматический* выбор формы слова сила управления сама по себе не влияет. Общий принцип употребления словоформы *в книгу* одинаков: она избирается из числа форм типа *на книгу, под книгу, за книгу* и под. потому, что перемещение во внутренние границы предмета обозначается формой *в + винительный падеж.*

В.В. Виноградов (1954: 27–28) писал: «Степеней синтаксической зависимости, относимой к управлению, много» и приводил иллюстрации типа «*...труд через меру, страх перед грозой, робкий перед учителем, робеть перед экзаменатором, заснуть перед рассветом*; ср. также в «Евгении Онегине» – *Под старость жизнь такая гадость*».

Сегодня многие русисты, игнорируя семантическую сущность «силы» управления, интерпретируют ее как явление чисто грамматическое и выводят слабое управление за пределы управления и относят его к примыканию (Русская грамматика 1980: 21). Это ведет к неоправданному разобщению фактов, имеющих одну и ту же грамматическую природу, к нарушению единого классификационного принципа в разграничении согласования, управления и примыкания.

Вместе с тем нельзя не отметить общее направление развития падежных форм в сторону адвербиализации. Слабое управление становится базой для расширения сферы примыкания, грамматическая суть которого сводится к простому соположению, к нейтрализации материальных выразителей синтаксических отношений. Это можно квалифицировать как один из показателей усиления аналитизма в русском языке.

Итак, типологическая характеристика управления предполагает определение частеречной принадлежности опорного слова, указание на силу связи, количество управляемых форм, возможность варьирования падежной формы управляемого компонента, на наличие / отсутствие предлога, определение падежной формы и выражаемый тип смысловых отношений.

II. Примыкание

Примыкание определяется как вид подчинительной связи, в которую вступают зависимые неизменяемые слова и словоформы. При примыкании синтаксическая зависимость одного слова от другого выражается не формами зависимого слова, как это имеет место при согласовании и управлении, а «лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения, напр.: *внимательно выслушать, побежать вприпрыжку, поверить на слово, потребность выспаться, слушать молча*» (Виноградов 1954: 28–29). Поэтому иногда при определении примыкания ограничиваются чисто негативной характеристикой, как это делал, например, А.М. Пешковский: «Примыкание есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием» (Пешковский 1956: 61).

В качестве ***примыкающих*** зависимых ***компонентов*** выступают неизменяемые слова в следующих наиболее распространенных позициях:

– наречие примыкает к глаголу, существительному, прилагательному, числительному, наречию – *сильно замерзнуть, описать приблизительно; плащ внакидку, немного мечтатель, трижды герой; всегда заботливый, весьма показательный; дважды два, второй справа; довольно далеко, рано утром; значительно раньше*;

– деепричастие примыкает к глаголу – *работать не переставая, стоять не шелохнувшись, разговаривать стоя*;

– сравнительная степень прилагательного или наречия примыкает к глаголу, существительному – *яблоки вкуснее, идти быстрее*;

– инфинитив примыкает к глаголу, существительному, прилагательному, модальному слову – *учить рисовать, желание путешествовать, обязанный сделать, намерен требовать, должен играть*.

Соответственно по ***частеречной принадлежности опорного слова*** примыкание может быть: **приглагольным** (*громко стучать*), **приадъективным** (*готовый помочь*), **припаречным** (*весьма успешно*), **присубстантивным** (*возможность учиться*), **приместоименным** (*кто-то сзади, нечто невдалеке*).

При отсутствии формально-грамматических показателей в примыкании связь устанавливается на основе *расположения* зависимого и опорного компонентов относительно друг друга, возникающих при этом *лексических* значений соединяемых слов и *ритмомелодического членения* предложения. Роль этих средств особенно заметна в тех случаях, когда по смыслу неизменяемое

зависимое слово может примкнуть к разным словам предложения: *К дому слева / подъехала машина – К дому / слева подъехала машина – К дому / подъехала слева машина*.

Примыкание оформляет разнообразные смысловые отношения: **восполняющие** – *умудриться упасть*; **обстоятельственные** различных типов – *идти медленно, разговаривать улыбаясь, зайти поговорить*; **объектные** – *просить помочь, велел читать*; **определительные** – *бег вприпрыжку, город ночью, желание учиться, мальчик постарше, волны цунами*; **комплетивные** – *можно взять, должен идти*.

Различается *сильное и слабое примыкание*. Наиболее частотным является слабое примыкание при определительных, реже обстоятельственных отношениях: *юбка клеш, медленно ходить, шел улыбаясь*. Сильное примыкание встречается при релятивных словах, семантика которых ориентирована на обязательную связь с примыкающим словом: *должен явиться, велеть выйти, умудриться протолкнуться, относиться серьезно, расположиться наверху, чувствовать себя плохо, оказаться взаперти, держаться почтительно, готовый упасть*.

Следует иметь в виду, что связи примыкания и управления могут взаимозамещаться и таким образом создавать вариативность: *относиться нежно / с нежностью, устать ходить / от ходьбы, возможность выразить / выражения, учиться плавать / плаванию, готовиться обедать / к обеду, слушать внимательно / с вниманием*.

Живым процессом в современном русском языке является процесс адвербиализации существительных в творительном падеже и других предложно-падежных словоформ. Поэтому существуют промежуточные, синкретичные (греч. synkretismos – «соединение, объединение; слитность, нерасчлененность») случаи, которые затруднительно квалифицировать однозначно. Так, омонимичны словоформы *утром, шепотом, весной*, которые в словосочетаниях *въехали утром, переговариваются шепотом, родился весной*, сохраняя признаки существительного, могут быть определены в связях и как управление, и как примыкание.

При характеристике примыкания указываются его дифференциальные признаки: часть речи примыкающего компонента, тип примыкания по опорному слову и силе связи, тип выражаемых отношений.

Общая тенденция развития синтаксических связей в русском языке нового времени (с XVII в.) дает основание говорить 1) о *сокращении сфер согласования* в пользу управления, 2) о посте-

пенном и неуклонном *расшатывании сильного управления*, связанном с ростом глагольного полисемантизма и общей синтаксической валентности, с последующим возрастанием роли и объема слабого управления, 3) о все *возрастающем расширении* материальных и функциональных *сфер примыкания*, обслуживающего широкое поле переходных процессов в именах в направлении к адвербиализации.

III. Предложенческие связи

Предложение – более сложная синтаксическая единица, чем словосочетание, поэтому в его составе реализуются более разнообразные типы синтаксических связей. В составе предложения, безусловно, используются присловные (словосочетательные) связи, которые могут быть представлены в неизменном виде, ср.: *Внезапный ливень быстро промчался над широкой равниной*, где использованы словосочетательные связи: *внезапный ливень, быстро промчался, промчался над равниной, над широкой равниной*.

Под давлением коммуникативных целей словосочетательные связи в предложении могут видоизменяться. Отметим некоторые типы видоизменений.

1. Слабая присловная связь может преобразовываться в составе предложения в сильную. Особенно часто это проявляется в области согласования. Например, в словосочетаниях *каждый день, любой день* реализуется слабое согласование, в составе же предложения такое согласование может приобретать статус сильного, что доказывается невозможностью устранения согласованных компонентов: *Каждый день я хожу по этой аллее; В ясный день хорошо видна маленькая деревенька на горизонте; Для поездки на дачу меня устраивает любой день недели*.

2. При включении словосочетания в предложении зависимый (как правило, согласованный) компонент, сохраняя связь согласования с определяемым словом, может устанавливать подчинительную связь еще и с другим словом в составе предложения, обнаруживая двойные подчинительные связи. Эти связи обусловливают неполное согласование адъектива с определяемым словом: согласуясь с ним в роде и числе, адъектив приобретает падежную форму по требованию управляющего слова – глагола. Ср.: *веселый ребенок* – согласование полное и *Отец увидел ребенка веселым*, где словоформа *веселым* имеет форму Тв. п. по требованию глагола *увидел*, сохраняя согласование в м. р. и ед. ч. с его первичным опорным словом *ребенок*.

3. Присловные связи, будучи включенными в состав предложения, могут разрушаться и преобразовываться в особый тип собственно предложенческих связей – в связи *детерминативные* (лат. dētermināre – «определять, ограничивать»). Такие связи возникают тогда, когда отдельная словоформа (или их сочетание), теряя присловные связи, начинает относиться ко всему предложению в целом и подчеркивает свою независимость от опорного слова абсолютно начальной позицией в предложении. Ср.: ***Много веков*** *человек был привязан к земле;* ***Во имя справедливости*** *мы требуем сурового приговора преступникам;* ***При всех его достоинствах*** *он мне не нравился*.

Помимо словосочетательных (непреобразованных и преобразованных) связей в предложении обнаруживаются совершенно новые типы связей их невозможно интерпретировать в терминах «согласование», «управление» и «примыкание», хотя внешне они могут их напоминать. Такие связи между словами в предложении возникают на основе соотношения занимаемых ими *синтаксических позиций*. Поэтому подобные связи можно назвать *позиционно обусловленными*, возникающими только в составе предложения – собственно *предложенческими*. Собственно предложенческие связи не всегда получают формальное выражение и требуют прежде всего *не формальной*, а *семантической* интерпретации.

Собственно предложенческие связи обозначают новые типы смысловых отношений, которые возникают только в предложении как качественно новой синтаксической единице, – таких отношений, как *предикативные* (между подлежащим и сказуемым), *пояснительные, перечислительные, сопоставительные* и т.д.

Терминология (метаязык) для обозначения предложенческих связей окончательно не установилась, да и не все типы этих связей еще выделены и описаны, хотя в научной, научно-методической и учебной литературе получили описание и имеют терминологическое обозначение – *координация, соположение, тяготение, аппликация, детерминативная связь, сочинение* и *интродукция*.

Данные предложенческие связи можно сгруппировать в три класса:

1. *Подчинительная* связь, возникающая в предложении: координация, соположение, тяготение, аппликация, детерминативная связь;

2. *Сочинительная* связь;

3. *Интродуктивная* связь, интродукция (синтаксическое включение).

Первые два класса собственно предоженческих связей (под-

чинение и сочинение) принимают участие в конструировании основного каркаса предложения, отображающего его вещественное содержание, и поэтому обнаруживаются между членами предложения. Третий тип связи – интродуктивный – характерен для таких компонентов предложения, которые не участвуют в выражении вещественного содержания предложения и поэтому не являются членами предложения (обращение, вводные и вставные конструкции).

Итак, собственно предложенческие связи 1) обусловлены не словосочетательными возможностями, а соотносительностью позиций, которые занимают словоформы; 2) в отличие от словосочетательных требуют семантической интерпретации, формальная же характеристика играет сопутствующую роль, так как эти связи формально могут не обнаруживаться, они поддаются только осмыслению; 3) могут проявляться – между членами предложения; между предложением в целом и отдельным его членом; между предложением или его компонентами, с одной стороны, и не членами предложения, с другой.

Подчинительные позиционно обусловленные связи. Как уже было отмечено, к таким связям относятся координация, соположение, тяготение, аппликация, детерминативная связь.

Термины *координация* и *соположение* используются для обозначения связей, которые выявляются в предикативном ядре двусоставного предложения – между подлежащим и сказуемым. Общее в этих типах связи – это то, что они подчеркивают семантическое взаимоподчинение (соподчинение) главных членов.

Семантическое взаимоподчинение обнаруживается в возможности задать вопрос как от подлежащего к сказуемому, так и от сказуемого к подлежащему: *В ночь погода зашумела, Взволновалася река. Уж лучина догорела В дымной хате мужика, Дети спят, хозяйка дремлет, На полатях муж лежит* (А. Пушкин) – «Погода» что сделала? – «зашумела», «зашумела» что? – «погода»; «река» что сделала? – «взволновалася», «взволновалася» что? – «река»...

Назначение этих типов связи заключается в выражении *предикативных отношений*, существующих между подлежащим и сказуемым. Суть предикативных отношений заключается в *приписывании* предикативного (охарактеризованного в *модально-временном* плане) признака, представленного в сказуемом, его носителю, т. е. подлежащему.

Отличие координации от соположения заключается в участии формальных показателей при выражении семантического взаимоподчинения. При *координации* семантическое взаимоподчинение сопровождается и формальным взаимоподчинением, при *соположении* же – взаимоподчинение является чисто семантическим и формально не выражается.

Координация. Координация наблюдается в таких двусоставных предложениях, в которых семантическое взаимоподчинение главных членов выражается в *формальном* их взаимоподчинении. Такое соответствие *семантического* и *формального* взаимоподчинения отмечается в двух типах двусоставных предложений:

1. В предложениях с глагольным сказуемым, которое либо представлено знаменательным глаголом (простое глагольное сказуемое), либо включает в свой состав глагольную связку, вспомогательный глагол (составное сказуемое): *Уже* ***не поют*** *по закройкам леса звонкоголосые* ***соловьи***. ***Придет день*** *– зеленою дымкой покроется* ***опушка*** *березового леса* (И. Соколов-Микитов). ***Омск*** *в это время* ***был*** *обычной* ***деревней*** (В. Песков). ***Андерсен любил придумывать*** *свои сказки* (К. Паустовский).

2. В безглагольных предложениях с адъективными сказуемыми, выраженными полными или краткими прилагательными и причастиями и другими адъективными словами (порядковое числительное, местоимение): ***Русский язык*** *чрезвычайно* ***богат, гибок и живописен*** *для выражения простых, естественных понятий* (В. Белинский). *Общая мировая* ***душа – это я*** (А. Чехов).

Формальное взаимоподчинение подлежащего и сказуемого в указанных предложениях обнаруживается в следующем. С одной стороны, сказуемое в них имеет общие с подлежащим формы лица, числа, рода в различном их сочетании: *соловьи не поют* – общее мн. ч.; *Андерсен любил придумывать* – вспомогательный глагол имеет общий род и число; *русский язык богат* – общий род и число. С другой стороны, именительный падеж подлежащего в таких предложениях продиктован глагольным или адъективным сказуемым, подлежащее по отношению к сказуемому занимает зависимую позицию грамматического ядра предложения: *придет* – что? – *день*, *любил придумывать* – кто? – *Андерсен*. Итак, при координации семантическое взаимоподчинение главных членов поддерживается их формальным взаимоподчинением.

Соположение. Соположением называется связь главных членов, не получившая *морфологического* выражения; такая связь достигается за счет интонации и порядка слов. В предикативном ядре таких предложений наблюдается взаимное расположение двух морфологически не связанных словоформ. Одна из них интонационно и порядком своего расположения (препозиция) осмысливается как носитель предикативного признака (т. е. подлежащее), а другая – теми же средствами представляется как предикативный признак (т. е. сказуемое): ***Отпускать*** *–* ***это счастье*** *сильных, Взаперти* ***держать – это мука*** *слабых* (В. Тушнова). *Наша* ***дружба*** *– счастья добрый* ***вестник***, *наша* ***дружба*** *– солнца яркий* ***свет*** (Л. Ошанин). ***Мартышкин труд – подборка*** *очков.* ***Безумство*** *храбрых – вот* ***мудрость*** *жизни* (М. Горький). *Наша* ***тактика – говорить*** *людям правду* (Э. Казакевич).

Соположение наблюдается в безглагольных номинативно-номинативных, номинативно-адъективных, номинативно-инфинитивных, инфинитивно-инфинитивных предложениях.

Координация и соположение отражают *непосредственные* связи словоформ. В предложении возникают и *опосредованные* связи, которые объединяются термином *тяготение*.

Тяготение. Этим термином называются *опосредованные* связи словоформ в составе предложения. Опосредованными называются связи, которые возникают между двумя словоформами через посредство третьей. В тяготении обнаруживается стремление одного из компонентов предложения соотнести свое содержание с другим компонентом через посредство третьего, с которым находится в непосредственной связи. Такая опосредованная связь может возникать между разными членами предложения: а) между подлежащим и частью составных сказуемых через посредство вспомогательного глагола и связки: *Тут* ***он*** *принялся* ***переписывать*** *мою подорожную* (А. Пушкин); ***Воскресенье*** *выдалось* ***теплым***, *чуть* ***не весенним*** (Ю. Трифонов); б) между подлежащим и каким-либо второстепенным членом предложения: ***Прощаясь, мы*** *условились встретиться в Орле* (И. Бунин); ***Аксинья*** *побледнела,* ***угадав Наталью*** (М. Шолохов); в) между второстепенными членами предложения: *Я помню* ***его молодым и красивым***.

Тяготение может быть *формально выраженным* и *формально не выраженным*. Формально выраженное тяготение оформляется при помощи неполного согласования: *Огонек казался мне сознательно хитрым и злым* (В. Короленко) – в этом предложении в предикативном ядре выражается несколько типов связей.

Отмечается собственно предложенческая непосредственная связь координации между подлежащим *огонек* и полузнаменательной связкой *казался* составного именного сказуемого *казался хитрым и злым*. Здесь же присутствует непосредственная присловная связь управления между глаголом-связкой *казался* и компонентами *хитрым* и *злым* внутри составного именного сказуемого (*казался* – каким? – *хитрым и злым*). А между подлежащим *огонек* и именной частью составного сказуемого *хитрым и злым* имеет место собственно предложенческая опосредованная связь тяготения, которое получает формальное выражение: тяготеющие компоненты *хитрым* и *злым* обнаруживают неполное согласование в ед. ч. и м. р. с опосредованным опорным словом *огонек* (падежная форма именной части продиктована управляющим словом *казался*).

В предложении *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (М. Горький) наблюдается формально не выраженное тяготение обстоятельства, выраженного деепричастием *не знакомясь*, к подлежащему *Артамоновы*. Ср.: *Артамоновы ни с кем не знакомились*. Непосредственная связь у деепричастия – с глаголом. См. подобные примеры: *Можно прожить и не хвастая умом. Она сидела чуть откинув голову, задумчивая и грустная.*

В предложении *Входит горничная и зовет нас пить чай* (А. Чехов) формально не выраженное тяготение обнаруживается между второстепенными членами: инфинитив *пить*, являющийся дополнением, примыкающим к глаголу *зовет*, тяготеет к дополнению *нас*, являясь скрытым сказуемым, ср.: *Мы пьем чай*.

Любое тяготение скрывает в себе субъектно-предикативные отношения и заключает «свернутое» предложение, дополнительную пропозицию (лат. prōpositio – «суждение»; семантический вариант в структуре простого предложения: *Ленивого ученика этому не научишь → Если ученик ленив, то его этому не научишь* – в простом предложении две пропозиции, которые выявляются в сложноподчиненном).

Аппликация. Аппликация (лат. applicātio – «прикладывание») – это связь *семантического* наложения, которая возникает между поясняющим и поясняемым компонентами и оформляется с помощью особой, *пояснительной* (уточняющей) интонации: *Однажды рыболовы вытащили морского петуха –* ***очень редкую и самую причудливую рыбу на Черном море*** (К. Паустовский); *Он встряхнул кудрями и самоуверенно,* ***почти с вызовом***, *глянул вверх* (И. Тургенев); *Длинная,* ***в несколько верст***, *тень ложилась от гор на степи* (Л. Толстой).

Детерминативная связь. Уже отмечалось, что этот тип связи может возникнуть в предложении в результате *разрушения присловных связей* при *включении словосочетания или словоформы в состав предложения*.

Необходимо отметить, что детерминативная связь может быть и *изначальной*: свободные синтаксемы или словосочетания сразу включаются в состав предложения на автономных началах. Как правило, они занимают позицию в абсолютном начале предложения и дают обстоятельственную или объектную характеристику всего предложения в целом или его предикативного ядра: ***И под окошком*** *участились Прохожих быстрые шаги* (А. Блок); ***Без***

***капли** влаги вымирает поле*; ***С каждым словом** у нас ассоциируется множество представлений.*

Сочинительные связи в простом предложении. Общая характеристика сочинительной связи (сочинения) была представлена в лекции 2, в которой отмечены и критерии отграничения сочинительных конструкций от подчинительных: функциональная тождественность и обратимость членов в сочинительной конструкции; способность сочинительных союзов соединять не только члены предложения, но и предложения; способность сочинительных союзов образовывать не только открытые, но и закрытые ряды.

Сочинение в простом предложении возникает в результате *расщепления* одной синтаксической позиции *однородным* рядом словоформ. Компоненты однородного ряда связаны между собой сочинительными союзами, а также соответствующей интонацией (перечислительной, сопоставительной): *На меня нацелилась **груша** да **черемуха*** (О. Мандельштам) – однородный ряд занимает позицию подлежащего; *Посох **взял, развеселился** И в далекий Рим **пошел*** (О. Мандельштам) – однородный ряд занимает позицию простого глагольного сказуемого; ***За полями, за рекой, за лесистыми далями** слабо пылали зарницы* (Ю. Казаков) – однородный ряд занимает позицию обстоятельства места; ***С утра и до поздней ночи** он работает над книгой* (Л. Толстой) – однородный ряд занимает позицию обстоятельства времени; *...и перекладывались радуги **от головы** и **до плеча*** (Б. Ахмадулина) – однородный ряд занимает позицию косвенного дополнения; *Он не имел **ни военного**, ни, впрочем, никакого **иного** образования* (А. Манфред) – однородный ряд занимает позицию согласованного определения.

Интродуктивная связь. Подчинительные и сочинительные связи в простом предложении участвуют в его конструировании, в синтаксическом оформлении его вещественного содержания. Поэтому такие связи возникают либо между членами предложения, либо между компонентами составных членов предложения.

В процессе функционирования в предложение *вставляются* компоненты, не отражающие мир вещей и поэтому не выполняющие *конструктивных* функций и не являющиеся членами предложения. Их наличие обусловлено коммуникативно.

Содержательно они обращены в мир Говорящего и обозначают его оценки, эмоции, различного рода попутные замечания, стремление установить речевой контакт с собеседником и т.д. Это вводные и вставные конструкции, обращения и междометия. Их связь с базовым предложением невозможно описать в терминах сочинения и подчинения. Они вступают в *функционально-семантические связи* с предложением или его отдельными частями *не на конструктивном, а на коммуникативном* уровне. Связь таких компонентов с составом предложения можно назвать *интродукцией* (от лат. introductio – «введение») или русским вариантом – *включение*: ***Как выражаются моряки**, ветер крепчал* (А. Чехов) – вводная конструкция; *Беллетристика должна укладываться **(в сознании читателя)** сразу, в секунду* (А. Чехов) – вставная конструкция; *Узнаю тебя, **жизнь**! Принимаю!* (А. Блок) – обращение.

Цитируемая литература

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1993.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М. – Л., 1935.

Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1954. – Т. 1.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Прокопович Н.Н., Дерибас Л.А., Прокопович Е.Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. – М., 1975.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – М., 2006.

Лекция 4

СИНТАКСИС СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
Окутанным в сплошной туман.

А. Блок

I. Понятие словосочетания.
II. Простое словосочетание.
III. Сложное словосочетание.

I. Понятие словосочетания

Вопрос о словосочетании в русистике имеет длительную историю. Еще М.В. Ломоносов, считая основной задачей синтаксиса изучение и описание живых словесных сочетаний, все 6-е наставление в «Российской грамматике» (1755 г.) посвятил подробной и вдумчивой характеристике структуры и значения словосочетаний современной ему литературной и народно-разговорной речи.

Непосредственным продолжателем М.В. Ломоносова в изучении и разработке синтаксиса словосочетания был выдающийся русский языковед А.Х. Востоков, который в «Русской грамматике» (1831 г.) первым употребил данный термин. Самый синтаксис он понимал как «часть грамматики, показывающую правила, по которым совокупляться должны слова в речи» (§ 101), и поэтому большое внимание уделял выяснению конкретных значений словесных единств, в частности значений падежных и предложных сочетаний.

В дальнейшем в русистике возникают разные точки зрения относительно того, что такое словосочетание. *Одни* исследователи (Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский) считали словосочетанием любую пару грамматически связанных слов. Ф.Ф. Фортунатов писал: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом...» (1898 г.) – при таком подходе под словосочетанием понимается и предложение и его части, что приводит, во-первых, к чрезмерному расширению понятия

словосочетания, во-вторых, к вытекающему отсюда пониманию синтаксиса как учения о словосочетании с отодвижением предложения на второй план.

Другие исследователи (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, Н.Н. Прокопович, В.А. Белошапкова) понимают словосочетание как номинативную единицу, в расчлененном виде передающую единое понятие. Такая точка зрения предполагает возможность существования словосочетания и вне предложения. В самом деле, среди номинативных единиц есть не только лексемы (*дом, роща*), но и словосочетания как сложные наименования (*письменный стол, зеленая роща, двухэтажный дом*).

При таком понимании к словосочетаниям не относятся:

– *предикативные соединения слов* (сочетание подлежащего и сказуемого), возникающие только в предложении;

– *полупредикативные объединения слов* (обособленный оборот и определяемое им слово), возникающие в предложении;

– *сочинительные ряды слов* (однородные члены предложения), поскольку они не являются сложными наименованиями явлений действительности;

– *присоединительные соединения слов*, «живущие» в предложении или вне его.

Такое, узкое, понимание, популярное в современном синтаксисе, позволяет подвести теоретическую базу для терминологического разграничения двух синтаксических единиц – предложения и словосочетания – и прийти к определению последнего.

В.В. Виноградов рассматривает типы словосочетаний как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух или более знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия» (Виноградов 1960: 19).

Н.Ю. Шведова добавляет в определение характер связи: «Словосочетание – это то синтаксическое объединение, которое образуется сочетанием знаменательного слова и формы другого знаменательного слова на основе подчинительной связи» (Шведова 1980: 6).

В качестве рабочего можно использовать традиционное определение: *словосочетание* – соединение двух или более знаменательных слов, связанных между собой по смыслу и грамматически.

Итак, в качестве *дифференциальных признаков* словосочетания можно назвать следующие: непредикативное соединение двух или более знаменательных слов, логически осмысленное, грамматически оформленное подчинительной связью.

По значению словосочетания сближаются со словами: как слово, *называют* предметы, действия и их признаки, но только более конкретно и точно (*теплый день, пить воду, низко над землей*); способны вступать в синонимический ряд с отдельными словами: *молодой человек – юноша, юнец*; имеют *систему форм* (парадигму), предопределенную системой форм опорного слова: *книга ученика, книге ученика, книги ученика; читаю книгу, читаешь книгу, читай книгу, читал книгу, читал бы книгу.*

Однако конкретное *словосочетание создается* по определенной схеме в процессе общения, в то время как *слово существует* в языке как готовая единица. Кроме того, словосочетание отличается от слова своей структурой: оно состоит из совокупных грамматически организованных компонентов. Это сближает словосочетание с предложением, но в отличие от него *словосочетание не обладает* синтаксическими категориями *предикативности* и *модальности, интонационной оформленностью, многообразием синтаксических связей* (словосочетание строится только по принципу подчинения одного компонента другому).

Словосочетание как синтаксическая единица противопоставляется фразеологизму как лексической единице по следующим отличительным признакам: словосочетание является *свободной* конструкцией, которая создается в речи по определенным образцам, а не извлекается из памяти; каждый знаменательный компонент в его составе сохраняет самостоятельное лексическое значение. Фразеологизмы же являются *несвободными*, они не конструируются заново (*точить лясы, чесать языки*), а извлекаются из памяти; в них самостоятельность компонентов ослаблена или утрачена (*курить фимиам, петь дифирамбы*).

Словосочетания являются *переменными* соединениями слов, компоненты в их составе не являются постоянными, они могут заменяться другими (*пыльная / длинная / узкая дорога – пыльная дорога / улица / буря*), фразеологизмы же – устойчивые сочетания слов.

Словосочетания можно получить двумя способами: в направлении «от слова» и в направлении «от предложения».

Направление «от слова»: словосочетание – это результат распространения слова по законам реализации его сильных или слабых присловных связей (т. е. его валентностей): *любоваться картиной, довольный результатом, очень теплый, закладки в книгах.*

При таком подходе словосочетание, получаемое в результате распространения слова, существует до предложения, обладает самостоятельной ценностью и может рассматриваться как материал для построения предложения. Это единица номинативная, именующая.

Направление «от предложения»: словосочетание – это результат членения (сегментации) простого предложения. Например: *Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей* (А. Пушкин) – *приезд соседа, богатого соседа, важная эпоха, эпоха для жителей, деревенских жителей.*

Такой подход позволяет сказать, что не все соединения, слова, выделяемые из предложения, являются словосочетаниями и что не все словосочетания обладают одинаковой степенью самостоятельности. Некоторые словосочетания отличаются значительной степенью связанности со структурой предложения, и существование их вне предложения относительно: *быть студентом, стать инженером, должен прийти, начать работать, может войти.*

В составе простого распространенного предложения можно выделить словосочетания максимального объема, равные составу подлежащего, составу сказуемого, а также составу имеющегося детерминанта: *В процессе встречи руководителей соседних областей / были всесторонне обсуждены / вопросы расширения сотрудничества в различных сферах производства.*

Соответственно *по количеству компонентов* словосочетания подразделяются на *простые* (бинарные) и *сложные*. **Простые** состоят из двух знаменательных слов, между которыми устанавливаются определенные связи и отношения: *яркие звезды, небо без звезд, устремиться ввысь.* В качестве компонента простого словосочетания может выступать аналитическая форма слова: ***будем надеяться*** *на лучшее,* ***более четкое*** *определение,* ***самый передовой*** *опыт,* ***пусть уезжает*** *завтра*, а также фразеологическая единица: *работать* ***спустя рукава****, бежать* ***сломя голову****, полететь* ***вверх тормашками****, сшить* ***на живую нитку****, сидеть* ***сложа руки****.*

Сложное словосочетание состоит из трех и более компонентов, между которыми существуют два и более видов синтаксических отношений: *фарфоровая ваза – красивая фарфоровая ваза с росписью – очень красивая фарфоровая ваза с художественной росписью.*

Сложные словосочетания могут состоять из разного числа компонентов. Они создаются по тем же принципам распространения словосочетания новыми словами: *дом с красивым подъездом – новый дом с красивым подъездом – новый дом на пригорке с красивым подъездом; подвезти друга на машине – с удовольствием подвезти друга на машине – с удовольствием подвезти старого друга на спортивной машине.*

Предлагается и иная классификация количественно-структурных типов, опирающаяся на количество и тип подчинительной связи (Н.Ю. Шведова). По этой классификации выделяются три типа: **простые** словосочетания, построенные на основе одного способа связи, *двучленные* и *трехчленные*: *вспоминать море, дать игрушку ребенку, открыть дверь гостю*; **сложные**, образующиеся на основе двух и более разных связей, исходящих от одного слова: *летние дни на природе*; **комбинированные**, которые образуются на основе связей, исходящих от разных опорных слов: *увлеченно писать сочинение о Пушкине.*

II. Простое словосочетание

Как отмечалось, простыми являются бинарные словосочетания: *гордиться Отечеством, заниматься спортом, внимательный к родителям* и под. Будучи синтаксической единицей, словосочетание имеет *содержательные, функциональные* и *строевые* признаки.

Содержательная (семантическая) характеристика простых словосочетаний. Синтаксическое значение словосочетания составляет тот дополнительный абстрактный смысл, который возникает в результате установления семантической связи между словами. Именно для выражения этого значения и создается словосочетание. Как было отмечено в лекции «Синтаксические связи слов», в словосочетаниях, являющихся результатом распространения присловных связей, выражаются различные типы объектных, определительных, обстоятельственных отношений (в их чистом или синкретичном виде), а также комплетивные отношения (отношения восполнения).

Например: объектные отношения – *избирать депутата, пылать гневом, чтение книги, готовый к борьбе*;

определительные отношения – *новый журнал, одиночество вдвоем, белизна снега, желание взглянуть*;

обстоятельственные – *плакать от радости, встретиться весной, поехать на отдых, повторить дважды*;

комплетивные – *море цветов, быть слесарем, несколько лет, слыть добряком, назваться генералом.*

Данные отношения между компонентами в словосочетаниях лежат в основе выделения второстепенных членов предложения.

Функциональная характеристика простых словосочетаний. Словосочетание тесно связано с предложением, так как функционирует в его составе, подчиняется ему, может подвергаться изменениям, расширять свой состав, менять порядок компонентов: *К нам приезжал из села мальчик (приезжал из села); К нам приезжал мальчик из села (мальчик из села или приезжал из села); Мальчик из села приезжал к нам (мальчик из села).*

Словосочетание, включаясь в предложение, вписывается в его позиционную структуру и выполняет определенные синтаксические функции. По степени семантической спаянности выделяются *два функциональных типа* словосочетаний: *синтаксически разложимые* и *синтаксически не разложимые.*

Синтаксически разложимые (синтаксически членимые, синтаксически свободные) характеризуются тем, что каждый их компонент выполняет в предложении роль отдельного члена предложения, т. е. при включении в предложение компоненты словосочетания разносятся по разным синтаксическим позициям и, следовательно, выполняют разные синтаксические функции; это наиболее частотный тип словосочетаний. Например, компоненты словосочетания *надежный Терешка* в составе предложения *Он отправил надежного Терешку в село* выполняют функции дополнения (*Терешку*) и определения (*надежного*).

Синтаксически не разложимые (синтаксически не членимые, устойчивые, синтаксически не свободные, цельные) при включении в предложение занимают одну позицию и, следовательно, выполняют функцию одного (составного) члена предложения. Например: словосочетание *один из друзей* при включении в предложение *Если один из друзей грустил, смеялся и пел другой* (В. Гусев) выполняет функцию составного подлежащего.

В таких словосочетаниях лексическая самостоятельность опорного компонента ослаблена или утрачена. Его главное назначение – служить грамматическим центром словосочетания, а основное смысловое значение берет на себя зависимый компонент.

Цельность (синтаксическая спаянность при лексической свободе) таких словосочетаний формируется и обнаруживается в составе предложения, при вычленении их из предложения.

Есть несколько типов синтаксически не разложимых словосочетаний, среди которых основными являются:

– количественно-именные: *два орла, много карасей, несколько товарищей, множество бумаг, сотни дел, меньшинство посетителей*;

– сочетания числительных (или местоимений) и существительных (местоимений) с предлогом *из*: *один из учеников, любой из нас, двое из класса, кто-нибудь из присутствующих*;

– сочетания существительных или местоимений, объединенные предлогом *с*: *мать с сыном, мы с тобой, нитка с иголкой*;

– сочетания существительных (*глаза, рот, лицо, рост...*) с прилагательными: *небольшого роста, с голубыми глазами, с острым носом.*

Синтаксически не членимыми являются сказуемые типа: *начать петь, продолжать играть, готов поверить, нужно думать...*

Структурная (формальная) характеристика простых словосочетаний. Структурные признаки словосочетаний имеют несколько аспектов рассмотрения.

1. По частеречной принадлежности опорного (стержневого, главного) ***компонента*** словосочетания делятся на типы, внутри которых выделяются подтипы при учете частеречной характеристики *зависимого* компонента. Рассмотрим такие словосочетания в порядке убывания их частотности.

Глагольные – глагол в роли опорного слова; их разновидности: глагольно-субстантивные – с зависимыми предложными и беспредложными формами имен существительных (*думать над планом, строить школу, стучать в окно, беседовать с родителями*); глагольно-инфинитивные – с зависимым инфинитивом (*просить подождать, ехать отдыхать, предложить написать, просил зайти*); глагольно-наречные – с зависимым наречием (*действовать решительно, учиться хорошо, спуститься вниз*); глагольно-деепричастные – с зависимым деепричастием (*идти не оглядываясь, читать лежа, говорить волнуясь*). К глагольным относятся словосочетания с опорными деепричастиями и причастиями, поскольку они сохраняют словосочетательные признаки исходного глагола (*читать книгу – читая книгу, читающий книгу*).

Субстантивные – имя существительное в роли опорного слова; их разновидности: субстантивно-субстантивные – с зависимыми предложными и беспредложными формами существительных (*сад на горе, письмо брату, лекция профессора, письмо из Ташкента*); субстантивно-адъективные – с зависимым прилагательным, местоимением, числительным, причастием (*меховое пальто, пасмурный день, беззаветная любовь, алая заря, наш дом, третий этаж, выполненная работа*); субстантивно-наречные – с зависимым наречием (*езда верхом, бег взапуски, дверь налево, возвращение домой*); субстантивно-инфинитивные – с зависимым инфинитивом (*мастер рассказывать, счастье любить, приказ наступать*).

Адъективные – имя прилагательное в роли главного слова; их разновидности: адъективно-субстантивные (*мягкий по натуре, полный воды, понятный студенту, решительный в действиях*);

адъективно-наречные – с зависимыми наречиями (*пронзительно резкий, по-весеннему голубой, отчаянно смелый*); адъективно-инфинитивные – с зависимым инфинитивом (*способный обобщать, готовый выполнить*); адъективно-местоименные – с зависимым местоимением (*приятный всем, нужный мне*).

Адвербиальные – наречие в роли опорного слова; их разновидности: адвербиально-адвербиальные – с зависимым наречием (*весьма важно, очень интересно, слишком быстро*); адвербиально-субстантивные (*далеко от города, незадолго до праздника, выше облаков*).

Предикативно-адвербиальные – слова категории состояния в роли опорного слова: *хорошо в лесу, обидно до слез, больно руку.*

Нумеративные – числительные в роли главного слова: *два окна, один из братьев, трое в лодке, шестой в ряду.*

Прономинальные – местоимение в роли стержневого слова: *кто-то в белом, кто-то из гостей, каждый из нас, некоторые из соседей, некто в плаще.*

2. Словосочетания создаются по определенным моделям, которые называются **структурными схемами**. Для того чтобы коммуникация была успешной, она обязательно должна строиться по определенным образцам, и эти образцы существуют на всех уровнях языковой системы включая синтаксический: «Все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка и унаследованные нашим поколением от предшествующих поколений. Эти шаблоны преподносятся нашему сознанию всегда, о чем бы мы ни говорили и что бы ни слушали. Это наш синтаксический багаж, взятый нами с детства...» (Пешковский 1956: 328).

Структурные схемы словосочетаний – это абстрактные образцы, по которым конструируется множество типовых словосочетаний.

Структурная схема словосочетания включает в себя: «1. средства синтаксической связи, на основе которой образовано словосочетание; 2. характеристики компонентов словосочетания, обязательные для их соединения на основе данного вида связи; 3. порядок слов, уточняющий синтаксическую связь...» (Белошапкова 1989: 595).

Структурные схемы обозначаются с помощью *знаков-символов*, обобщающих такие признаки компонентов, которые являются синтаксически существенными для построения словосочетаний: *часть речи опорного компонента, часть речи зави-*

симого компонента, конкретная *падежная словоформа зависимого существительного*. В структурной схеме используются знаки:

N – для существительного, рассматриваемого в совокупности всех его форм, а также для местоимений, количественных числительных и субстантивированных частей речи как зависимых компонентов; нижние индексы 2, 3, 4, 5, 6 используются для указания на тот или иной падеж (2 – Род. п., 3 – Дат. п., 4 – Вин. п., 5 – Тв. п., 6 – Предл. п.); предлог обязательно указывается перед соответствующим знаком: за N4, перед N5, на N6...;

V – для глагола в роли стержневого слова глагольных словосочетаний;

Inf – для инфинитива в роли зависимого компонента в различных типах словосочетаний;

Ad – для прилагательного как стержневого и зависимого компонента словосочетаний, рассматриваемого во всей совокупности форм, а также для адъективных форм других частей речи (местоименные прилагательные, порядковые числительные, причастия в роли зависимых компонентов ведут себя как прилагательные);

Adv – для наречия, а также для деепричастия как зависимого компонента;

Pread – для категории состояния (предикативного наречия);

Num – для числительного в роли опорного компонента словосочетания;

Pron – для местоимений в роли опорного компонента словосочетания.

По структурной схеме AN строится все множество словосочетаний с опорным существительным и согласованным с ним адъективным словом: *вековой дуб, наш город, читающий ученик, первая любовь*; структурная схема VN_5 лежит в основе словосочетаний: *восхищаться картиной, довольствоваться достигнутым, любоваться закатом* и под.; под структурную схему Adv от N_2 подходят адвербиальные словосочетания: *далеко от Москвы, вблизи от дома, направо от меня* и под.

3. Словосочетание включается в состав предложения через опорное слово, которое изменяет свою форму по требованию предложения. Так, словосочетание *здание института* в различных предложениях может быть в таких формах: *У здания института толпились студенты; За зданием института был парк; Мы подошли к зданию института; Зданию института необходим ремонт*. При этом структурная схема NN_2 является общей для всей совокупности форм, поскольку знак опорного компонен-

та N соотносится не с отдельной формой, а со всей его морфологической парадигмой.

Следовательно, словосочетание имеет систему изменений, которая предопределяется системой форм (морфологической парадигмой) опорного слова. Система изменений словосочетания извлекается не только из предложения, но и существует безотносительно к предложению. Сказанное позволяет говорить о **парадигме** словосочетания как синтаксической единицы. *Количество* членов в парадигме зависит от морфологической характеристики опорного компонента. Самой объемной парадигмой обладает *глагольное* словосочетание. Одночленная парадигма у наречных и предикативно-наречных словосочетаний, так как опорный компонент в них – неизменяемые слова.

Начальная форма парадигмы словосочетания образуется начальной (*словарной*) формой опорного слова: для существительных – Им. п., для глагола – инфинитив, для прилагательного – форма ед. ч., м. р.

Порядок компонентов в простом словосочетании. Словосочетание характеризуется *линейным порядком* компонентов, который необязательно совпадает с их иерархическим порядком. Принято говорить об обычном, *прямом порядке* компонентов словосочетаний, который зависит от типа реализуемой синтаксической связи. Так, **при согласовании** зависимый компонент располагается перед опорным (*стройная сосна, беззаботный тон, благородная душа, врожденная привычка*); **при управлении** управляемый компонент располагается после опорного, управляющего (*решить задачу, выйти из дома, познакомиться с артистом*); **при примыкании** такие строгие правила не всегда применимы (*быстро читать* и *читать быстро*, *бежать навстречу* и *навстречу бежать*).

В составе текста линейный порядок компонентов словосочетания может изменяться по правилам оформления так называемого актуального членения, по стилистическим соображениям, по требованиям стихотворного ритма. Например: *Задачи он любил затейливые* (ср. прямой порядок в словосочетании: *любил задачи, затейливые задачи*); *Никогда не забудется подвиг народа русского* (прямой порядок – *русского народа*).

Компоненты словосочетания в составе предложения могут иметь как *контактное*, так и *дистантное* расположение. Так, в предложении *Задачи он любил затейливые* компоненты словосочетаний *затейливые задачи* и *любил задачи* имеют дистантный и обратный порядок (в обоих случаях обратный порядок предопределен актуальным членением), а в предложении *Никогда не забу-*

дется подвиг народа русского компоненты словосочетания *русского народа* имеют контактный и обратный порядок (обратный порядок объясняется стилистической окрашенностью речи).

III. Сложное словосочетание

Как уже отмечено, сложными являются словосочетания, включающие в свой состав три и более компонента: *ясная синева весеннего неба, придать рассказу язвительную окраску, передать письмо адресату*. Сложные словосочетания, если их рассматривать в направлении «от слова», образуются четырьмя способами:

– в результате реализации нескольких сильных и слабых связей (валентностей) опорного слова отдельными словоформами: *подарить* (что, кому) – *сыну компьютер, отправиться* (куда, с кем, зачем, когда) – *в лес с друзьями за грибами с утра*;

– в результате распространения опорного слова простым или сложным словосочетанием: *читать* (что) – *интересную книгу, очень интересную книгу*; *победить соперника в очень тяжелом бою*;

– в результате распространения словосочетания отдельной словоформой: *кирпичное здание – высокое кирпичное здание*;

– в результате реализации валентности опорного слова сочинительным соединением слов: *надеть полушубок и шапку*.

Максимальный объем сложного словосочетания, если рассматривать его в направлении «от предложения», равен группе подлежащего, группе сказуемого, группе детерминанта.

В семантическом, функциональном и структурном плане сложные словосочетания синтезируют в себе соответствующие признаки простых словосочетаний. Так, сложное словосочетание *встретить старого друга* сочетает в себе семантические, функциональные и структурные признаки двух простых – *встретить друга* и *старого друга*.

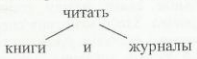
Иерархические типы сложных словосочетаний. Сложные словосочетания, включая в свой состав несколько компонентов, приобретают определенные иерархические структуры, которые могут быть представлены в графических схемах, отражающих ступени зависимости компонентов. Структура иерархических схем совпадает со структурой таких схем усложненных сложноподчиненных предложений: сложные словосочетания обнаруживают в своей структуре три иерархические схемы, в которых отображается не линейный, но именно иерархический порядок компонентов. Этот порядок определяется направлениями зависи-

мости компонентов друг от друга: *параллельное соподчинение, последовательное подчинение* и *смешанное подчинение*.

При параллельном соподчинении все зависимые компоненты сложного словосочетания зависят непосредственно от одного опорного компонента. Такое соподчинение (всерообразная иерархическая схема) может быть двух типов: *однородным* и *неоднородным*.

При *неоднородном* соподчинении зависимые компоненты не связаны друг с другом, каждый из них находится в собственных отношениях с опорным (т. е. отвечает на разные вопросы): *читать книгу вслух, взять книгу в библиотеке* (ср. усложненное сложноподчиненное предложение: *Если не можешь порвать свои цепи, плюй на них, пока не проржавеют.* – Ф. Искандер)

При *однородном* соподчинении все зависимые компоненты, обнаруживая между собой сочинительную связь, находятся в одинаковых смысловых отношениях с опорным компонентом (т. е. отвечают на один и тот же вопрос, исходящий из опорного слова). В таких словосочетаниях одновременно присутствует подчинительная связь между опорным и зависимыми компонентами и сочинительная между соподчиненными компонентами: *читать книги и журналы*; *покупать не только книги, но и журналы*; *заинтересоваться не столько книгами, сколько журналами* (ср. усложненное соподчиненное: *Я вас люблю, хоть я бешусь, хоть это труд и стыд напрасный* (А. Пушкин):



Соподчиненные компоненты могут рассматриваться как единое целое, тогда сложное словосочетание приобретает два уровня членения: на первом уровне выделяется подчинительная связь, на втором – сочинительная между зависимыми компонентами.

Последовательное подчинение характеризуется цепочечной иерархической связью зависимых компонентов. Средние звенья цепочки заключают в себе единство противоположностей: по отношению к предыдущим звеньям они являются зависимыми, а по отношению к последующим – опорными: *читать очень интересную книгу* (ср. усложненное сложноподчиненное: *Учитель – это человек, который выращивает две мысли там, где раньше росла одна*):

Смешанное подчинение сочетает в себе признаки соподчинения и последовательного подчинения: *читать вслух с друзьями очень интересную книгу о космонавтах* (ср. усложненное сложноподчиненное: *Синцов стал рассказывать, как к машине выскочили бойцы, как он взял их с собой, чтобы спасти* (К. Симонов):

Пределом членения словосочетания является отдельная словоформа. В сложном словосочетании не всегда этот предел может быть получен на первом же уровне членения, так как отдельные сочетания внутри сложного словосочетания создают блоки, деление которых на отдельные словоформы на первом же уровне членения представляется неестественным. Например: *юноша высокого роста* – в составе этого словосочетания невозможно установить последовательные связи между словоформами: *юноша роста* и *высокого роста*. Здесь возможна следующая последовательность связи: *юноша – высокого роста*, а затем *роста высокого*. Возникает второй уровень членения сложного словосочетания, что отражается и в уровневой иерархической схеме.

Итак, словосочетание – это некоммуникативная синтаксическая единица, которая включается в систему коммуникативных отношений в предложении и через предложение.

Словосочетание имеет **семантические** и **функциональные признаки** (значение словосочетания, синтаксически свободное / несвободное), способ их выражения (**формальные характеристики**: способ выражения стержневого и зависимого компонентов, структурная схема, состав, тип подчинительной связи, порядок компонентов).

Цитируемая литература

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1989.

Блок А. Избранное. – М., 1978.

Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1960. – Т. II.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Фортунатов Ф.Ф. Лекции по введению в языковедение // Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. – М., 1956.

Шведова Н.Ю. Введение // Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Лекция 5

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления.

А.А. Шахматов

I. Простое предложение и его признаки.

II. Предикативность, модальность, интонация как признаки простого предложения.

III. Предложение и высказывание.

I. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПРИЗНАКИ

Уровень простого предложения занимает центральное место во всей русской языковой системе. Единицы этого уровня реализуют главнейшую функцию языка – коммуникативную, общение, предполагающее не только передачу информации, но и обмен мыслями, т. е. то, ради чего, собственно, и был создан язык.

Простое предложение – универсальная и абсолютная единица синтаксиса. Все другие единицы, относимые к компетенции синтаксиса, функционируют и изменяются в предложении, более того, они являются его образующими и составляющими, соотносятся с предложением, вычленяются из него в их современном состоянии и исторически. Все компоненты предложения и само предложение исторически изменчивы. По этой причине А.А. Потебня считал невозможным дать универсальное определение предложения. Тем не менее определений существует много, более пятидесяти.

Так, акад. В.В. Виноградов (1960: 65) определил его следующим образом: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего». Такое определение получило широкое распространение в языкознании XX в. Ср.: Предложение – это «грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего» (Ахманова 1966: 347); предложение – это «минимальная единица человеческой речи, представляющая собой грамматически организованное соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой и интонационной законченностью» (Розенталь 1985: 311); оно «является средством формирования, выражения и сообщения мысли, передачи эмоций и волеизъявления» (Краткий справочник 1991: 324).

Приведем определение предложения, которое содержится в Лингвистическом энциклопедическом словаре: простое предложение – «это такая единица сообщения, которая, будучи образована по специально предназначенному для этого грамматическому образцу, обладает значением предикативности (т. е. категорией, которая целым комплексом синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным определенным или неопределенным планом действительности) и своей собственной семантической структурой, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определенную коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов» (Шведова 1990: 395).

Простое предложение является *центральной синтаксической единицей, что обусловлено* следующими *факторами*:

– на материале простого предложения разрабатываются *основные теоретические концепции синтаксиса* сложного предложения;

– в рамках простого предложения изучается большинство синтаксических категорий и явлений: *предикативность, модальность, интонация, типы связей и отношений*;

– оно представляет собой *среду функционирования* («обитания») для *синтаксемы* как элементарной синтаксической единицы и для *словосочетания* как минимальной синтаксической единицы; является базой для вычленения синтаксем и словосочетаний;

– простое предложение – это *материал для построения коммуникативных единиц более высокого, сложного состава* – сложных предложений, сложных синтаксических целых.

Простое предложение характеризуется собственным триединством признаков «значение – форма – функция». В соответствии с этим триединством все характеристики простого предложения можно свести к трем аспектам (угол зрения, под которым можно рассматривать устройство предложения; основание) изучения: формальному (формально-структурному), семантическому и функциональному (коммуникативно-динамическому, коммуникативно-функциональному). Итак, простое предложение – многоаспектная и многомерная единица, характеризующаяся указанными признаками.

Такое разделение аспектов возникло не сразу. История исследования простого предложения наполнена поисками его специфических признаков. В решении этого вопроса сложились два направления. Для **первого** *характерно стремление осознать специфику простого предложения через призму других*, хотя и смежных, *наук*, в частности через отношение к логической единице – суждению: предложение рассматривалось как суждение, выраженное словами (Буслаев 1959: 141).

В рамках **второго** направления *поиски признаков простого предложения велись в пределах самой лингвистики*. Они составили три взаимосвязанных и вытекающих друг из друга этапа.

Начало этого направления связано с именем А.А. Потебни. По его мнению, *определяющим признаком простого предложения является* ***глагольность***, т. е. наличие спрягаемого глагола – V_f, который, являясь *конструктивным минимумом предложения*, любое сочетание превращает в предложение. Идея спрягаемого глагола содержится и в безглагольных предложениях, она выражается с помощью интонации и других средств. Таким образом, на первом этапе поиска специфики предложения его *определяющий признак связывался с морфологической формой* конструктивного ядра предложения.

На втором этапе *специфический признак* простого предложения усматривался не в морфологической форме *ядерного компонента*, а *в его функциональной сущности*. Этот признак ядра предложения отражается в термине ***сказуемость***. Именно сказуемое «сцепляет речь с мыслью» (А.М. Пешковский) и превращает цепь слов в предложение. К сказуемостным словам, наряду с V_f как типовым сказуемым, относятся краткие прилагательные и страдательные причастия, слова категории состояния, слова *есть, нет*. Здесь *приоритет отдавался функции* конструктивного ядра простого предложения (Потебня 1958: 68).

Третий этап характеризуется поисками специфики простого предложения в области его *синтаксической семантики*. Семантический специфический признак был назван термином ***предикативность*** (В.В. Виноградов).

Предикативность – это абстрактный семантический признак, который характеризует любое предложение и обозначает отношение сообщаемого в предложении к действительности. Характер этого отношения определяется преимущественно с помощью *категорий модальности* и *времени*. Поэтому любая цепь словоформ

(или отдельная словоформа) становится предложением, если в нем *выражено отношение его содержания к действительности с помощью категорий наклонения (модальности) и времени*. А предложение осмысливается как конструкция, обладающая *модально-временным значением*. На третьем этапе *специфический признак предложения связывался с его абстрактной синтаксической семантикой*.

В современном синтаксисе предложение осмысливается как многоаспектное явление, что делает невозможным выделение единственного специфического признака предложения. Простое предложение, будучи многоаспектным явлением, обладает комплексом определяющих специфических признаков, которые в учебных целях можно свести к трем – *формальному, семантическому* и *функциональному*.

В формальном аспекте специфические *свойства предложения объясняются изнутри*, т. е. собственной формальной, структурной устроенностью. Для выяснения структуры предложения достаточно его самого. С формальной точки зрения предложение предстает как статическое построение и не зависит от условий функционирования. Ср., например, предикативные части: *Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок* (И. Крылов). Структурный (формальный) аспект предусматривает выделение таких признаков: характер членимости / нечленимости предложения, способ выражения предикативной связи, распространенность, полнота / неполнота состава.

В семантическом аспекте *предложение характеризуется как носитель* а) абстрактной грамматической *семантики предикативности*, т. е. комплекса модально-временных значений, обозначающих отношение содержания предложения к действительности, и б) абстрактной *информации о типовой внеязыковой ситуации*, об определенном положении дел (пропозиции), в выражении которых участвует лексическое наполнение предложения. Этот аспект выходит за границы предложения и предполагает обращение к внеязыковой действительности.

Семантический аспект предполагает анализ предложений по цели высказывания, эмоциональной характеристике и характеру предикативных отношений (утвердительные / отрицательные).

В коммуникативном (функциональном) аспекте *специфические свойства предложения определяются через обращение к речевой ситуации*, к тому контексту, в котором предложение функционирует как сообщение, выполняет различные коммуникативные задания, исходящие от говорящего, соотносящиеся с его намерениями.

Чтобы приспособиться к своему коммуникативному заданию, предложение видоизменяет порядок слов и интонацию (фразовое ударение), с помощью которых выделяется актуальная, существенная для данной речевой ситуации информация. Коммуникативная устроенность предложения не зависит от его формального строения. Например: *Погода для конца сентября стояла совсем летняя, теплая* (В. Распутин). Если изменить порядок подлежащего и сказуемого, изменится и актуальность соответствующих компонентов. Данный аспект также предполагает выход за границы предложения и обращение к ситуациям речи, к намерениям говорящего. Ср.: *Письмо было от Анны* (Л. Толстой) – *От Анны было письмо – Письмо от Анны было – От Анны письмо было.*

Коммуникативный аспект связан с актуальным (тема-рематическим) членением, выделением информационного центра и способом его актуализации.

Необходимо подчеркнуть, что названные аспекты описания простого предложения, его признаки находятся в диалектической взаимосвязи. Изучая признаки, относящиеся к одному из аспектов характеристики предложения, невозможно полностью отвлечься от признаков других аспектов. Поэтому, говоря о формальном, семантическом и функциональном аспектах, мы имеем в виду, что при том или ином аспекте изучения предложения отдается приоритет одному из названных признаков, но имеется в виду их взаимодействие. И предложение изучается, рассматривается в направлении либо «от структуры» (структурный аспект), либо «от семантики» (семантический аспект), либо «от функции» (функциональный аспект). Таким образом, предложение как синтаксическая единица представляет собой гармоническое единство разноаспектных признаков.

II. Предикативность, модальность, интонация как признаки простого предложения

Как было отмечено, простое предложение образуется по специально предназначенному грамматическому образцу, обладает значением предикативности и своей собственной семантической структурой, имеет определенную коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов.

Основными признаками простого предложения считаются *предикативность, модальность* и *интонация*. Вне этих признаков нет предложения, а сами указанные признаки взаимосвязаны. Предикативность в своей реализации уже предполагает модальность. То, что сообщается или выражается в определенной мо-

дальности, немыслимо вне предикативности и соответствующего интонационного оформления.

Следовательно, все три признака реализуются в предложении одновременно, и поэтому каждый из них обрастает потенциальной дополнительной способностью компенсировать, возмещать собой признак, остающийся категориально (в надлежащих формах) невыраженным в соответствующем контексте.

Предикативность (лат. praedicātum – «сказанное») – «ключевой конституирующий (лат. constitūere – «устанавливать») признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения» (Ляпон 1990: 392), т. е. то, что делает предложение предложением. В.В. Виноградов (1960: 76) представляет предикативность «как совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей в себе относительно законченную мысль».

К числу этих категорий относят *категорию лица* (персональность в положительной или отрицательной форме), *категорию времени* (соотнесенность с очередным временем).

Поскольку и личное и временное значение совмещаются в сказуемом, то многие лингвисты склоняются к тому, чтобы свести предикативность к сказуемости. Так как сказуемое морфологически выражается в первую очередь глаголом, то он и определяет природу предложения. Но из этого не следует, что сказуемое выражается только глагольными словоформами.

Способность к предицированию распространяется и на другие классы слов, так складываются бессвязочные и связочные именные предложения, номинативные предложения. Ср.: «*Какое ты умное, и странное, и больное существо!*» – *невольно думалось, глядя на Гоголя* (И. Тургенев). В прямой речи предикативно связаны между собой подлежащее *ты* и именное сказуемое *какое существо*. Для выражения предикативного отношения существенны – *особая интонация* вопросительно-относительного местоимения *какое* в роли усилительной частицы; размещение подлежащего между компонентами именного сказуемого; падежный параллелизм между подлежащим и именной частью сказуемого. Здесь глагольная форма в выражении предикативности не участвует. Ср. еще: *Тишина. Воды-то.*

Это подтверждает справедливость относительно давних оценок В.В. Виноградова (1960: 78): «Вообще морфологизм в чистом виде как принцип построения теории предложения не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов пред-

ложений. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы. Категории времени и модальности, а также в широком понимании – и категория лица, т. е. категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие «предикативности», могут быть свойственны предложению в целом – независимо от наличия глагола в его составе».

Модальность (лат. modalis – «модальный»; лат. modus – «мера, способ») – «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» (Ляпон 1990: 303).

Модальность выражает:

– *отношение говорящего* к содержанию высказывания;

– *отношение содержания* предложения к действительности;

– качество, *степень субъективности или объективности* этих отношений.

Например: *К великому моему удивлению, далеко не все актеры, участвовавшие в «Ревизоре», явились на приглашение Гоголя; им показалось обидным, что их словно хотят учить! Ни одной актрисы также не приехало* (И. Тургенев). Модальность этих предложений многослойна и по-своему структурирована. В первом предложении выражено отношение говорящего к содержанию высказывания (вводная конструкция указывает на удивление); далее констатируется факт (простое глагольное сказуемое *откликнулись* – отношение содержания высказывания к действительности); далее событие действительности оценивается, квалифицируется с точки зрения субъектов события (субъективность / объективность: *им показалось, хотят учить, не приехало*).

В реализации модальных отношений участвуют модальные слова (*можно, нельзя, надо*), глаголы с модальной семантикой (*может, хочет*), формы наклонений (*Он приехал, приехал бы, пусть приедет*), отрицательно-усилительные частицы (*не приехал*), вводные конструкции (*наверное, конечно, вероятно*), союзы модальной семантики (*будто, будто бы, якобы, словно*).

Способы и средства выражения модальности исторически изменчивы, период их бурного развития в русском языке приходится на XIV–XVI и XVIII–XIX вв.

Интонация (лат. intonation < intono – «громко произношу») – единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения. В предложении интонация обычно выполняет следующие функции:

– различает коммуникативные типы высказывания (повествование, побуждение, вопрос – *Онегин страдающий эгоист; Скажи мне, кудесник, любимец богов, Что сбудется в жизни со мною?*);

– оформляет предложение в единое целое (*Ночь, улица, фонарь, аптека...*);

– выражает конкретные эмоции (*А летнее июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам?* (И. Тургенев);

Сказала тетя: Фи, футбол!
Сказала мама: Фу, футбол!
Сестра сказала: Ну, футбол!
А я ответил: Во, футбол!
(Г. Остер);

– вскрывает подтекст высказывания (*Как / вы / живете?*).

Некоторые грамматически нерасчлененные типы предложений полностью конституируются интонацией: междометные предложения (***Ах вот что!*** *– хотела удивиться Алена; Ямщик закричал:* ***Эй-эй! Ого-ого!*** *Берегись!*), вокативные предложения (***Сережа,*** *– сказала она с упреком*), конструкции представления (***Старость...*** *Трудная это пора в жизни человека*) и др.

III. Предложение и высказывание

Важнейшим постулатом современного языкознания является отчетливое разграничение языка и речи, парадигматики и синтагматики (противопоставление двух типов отношений между единицами языка), синхронии и диахронии – основополагающих антиномий (греч. antinomia – «противоречие в законе; противоречие между двумя положениями, каждое из которых доказуемо»), наиболее полно обоснованных в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

С этим постулатом связана и антиномия *предложение и высказывание*, трактуемые соответственно как модель, тип, схема – *языковой феномен* и конкретная реализация модели, типа, схемы – *феномен речи*. Об этом писал П.С. Кузнецов: «Если признать законным для языкознания понятие предложения, то данное конкретное предложение ... принадлежит речи, но тип структуры, по которому строится предложение, принадлежит языку» (Кузнецов 1961: 63).

Когда говорят о предложении, имеют в виду некий идеальный тип, обобщенную структуру, образец вне их конкретных лексико-грамматических реализаций и воплощений. Например, предста-

вим себе тип русского предложения, которое включает в себя подлежащее с однородными зависимыми формами в предложном падеже и именное сказуемое в прошедшем времени с зависимой формой в родительном падеже. Условно-схематически это предложение должно выглядеть следующим образом: Им. п. + Предл. п. + Предл. п. + связка в прош. вр. + Род. п. + Тв. п., т. е. = $N_1 + N_6 + Cop. + N_2 + N_5$.

Это распространенный вариант модели, который в нераспространенном варианте может быть представлен: $N_1 + Cop. + N_5$.

Приведенная модель предложения лексически может быть развернута, например, в высказывание: *Рассказывать о Пушкине, о Жуковском – было для П. Плетнева праздником* (И. Тургенев). Подобного рода высказываний-реализаций у этой модели, как и у всякой иной, – много.

Таким образом, *предложение и высказывание* – это понятия-термины, соответствующие *языку и речи* и параллельные понятиям-терминам *лексема и словоформа, морфема и алломорф, фонема и аллофон* на других уровнях языка.

При всех своих различиях предложение и высказывание не разделены непроходимыми границами. Наоборот, они предполагают друг друга так же, как язык и речь. Предложение дано лишь в высказывании и строится по его моделям в соответствующие этапы истории. Поэтому довольно часто даже в строгой специальной литературе термин *предложение* употребляется там, *где речь идет о высказывании.*

Цитируемая литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.

Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1960. – Т. II.

Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. – М., 1991.

Кузнецов П.С. О языке и речи // Вестник Моск. ун-та. Филология. 1961. – № 4.

Ляпон В.М. Предикативность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.– М., 1958. – Т. 3.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Шведова Н.Ю. Предложение // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Лекция 6

СТРУКТУРНЫЙ (ФОРМАЛЬНЫЙ) АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассмотренное со стороны элементов – его частей, а под структурой – состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности.

А.С. Мельничук

Если лексика – плоть стиля, то структура фразы – его душа.

Пьер Гиро

...двусоставные предложения это такие предложения, которые представляют два *грамматических единства*, группирующихся вокруг двух главных членов...

А.А. Шахматов

I. Понятие грамматического членения и члена предложения.
II. Основания классификации членов предложения.
III. Структурная типология простых предложений.
IV. Двусоставные предложения.
V. Подлежащее.

К структурному (формальному) аспекту относятся конструктивные, строевые признаки предложения, которые выявляются при относительном отвлечении от его семантических и функциональных свойств, – это *грамматическое членение* предложения и его *структурные схемы*.

I. Понятие грамматического членения и члена предложения

С синтаксической точки зрения предложение представляет собой *линейную цепь словоформ. Грамматическое членение переводит линейную структуру предложения в структуру иерархическую*. Она отражает отношения взаимозависимости компонентов предложения друг от друга. *Словоформы* в составе предложения *соединены* друг с другом *содержательными и формальными связями и занимают определенные синтаксические позиции. Синтаксические позиции соответствуют* тем *синтаксическим значениям*, которые они выражают, *и* тем *функциям*, которые они выполняют в предложении: поэтому ***синтаксическая позиция – это функционально-семантически охарактеризованное место в структуре предложения***; она определяется «структурой мысли и валентными свойствами входящих в предложение слов» (Бабайцева и др.1997: 155). Совокупность взаимосвязанных синтаксических позиций в составе предложения представляет собой его позиционную структуру, она и отображает структуру выражаемой мысли: *Мне вздумалось сорвать этот репей* (Л. Толстой).

Грамматическое членение предложения – это сегментация (лат. segmentum – «отрезок»; часть языковой единицы) лексико-грамматического состава предложения в соответствии с его позиционной структурой. Поэтому **грамматический член предложения** – это компонент лексико-грамматического состава предложения, занимающий ту или иную позицию в его позиционной структуре. Член предложения – это минимальная синтаксическая величина, *предел членения* простого предложения: «Члены предложения – структурно-семантические компоненты, связанные друг с другом синтаксическими отношениями. Синтаксическая позиция – это место члена предложения, определяемое структурой мысли и валентностными свойствами входящих в предложение слов» (Там же).

Члены предложения обладают типовыми функциональными, семантическими и формальными признаками, отличаются регулярностью, воспроизводимостью в разных высказываниях и традиционно классифицируются в терминах *подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, приложение* и *обстоятельство* (*Тусклыу серебром шумели над головой листья столетних ив* (И. Тургенев). Они также представляют триединство «функция – значение – форма».

В функциональном плане член предложения – это синтаксическая категория, которая отражает роль, назначение компонентов предложения в его построении и выражении мысли.

Содержательную сторону членов предложения представляют типы отношений, которые они выражают в составе предложения. Так, между подлежащим и сказуемым выражаются предикативные отношения, где подлежащее обозначает носителя предикативного признака, а сказуемое – предикативный признак, приписываемый подлежащему. Содержательная сущность второстепенных членов предложения отражена в их терминологических обозначениях: обстоятельство обозначает различные типы обстоятельственных отношений, определение – атрибутивные отношения, дополнение – объектные (см. «Синтаксис словосочетания»).

Формальная сторона членов предложения – это их структурно-строевые признаки, которые могут быть как собственно синтаксическими, так и морфолого-синтаксическими.

Итак, члены предложения, отражая фрагменты мысли, заключенной в предложении, обладают не только вещественным значением, но и синтаксическим значением, структурными свойствами и функциональными признаками. Компоненты предложения, лишенные полной совокупности таких признаков (предлоги, союзы, частицы и др.), не являются членами предложения.

II. Основания классификации членов предложения

Члены предложения обладают различными характеристиками, каждая из которых может быть взята в качестве основания классификации.

1. По роли в конструировании предложения и в выражении мысли члены предложения *делятся на главные* и *второстепенные*. *Главные члены* представляют ядро двусоставного (*Был вечер. Небо меркло. Воды струились тихо. Жук жужжал* (А. Пушкин) или односоставного (*Вдруг в глазах Кюхли потемнело* (Ю. Тынянов) предложения как в предикативном отношении (в нем заключены предложенческие категории модальности и времени), так и в конструктивном плане (они занимают исходные, вершинные позиции, откуда развертываются конструктивные связи в предложении).

Второстепенные члены предложения являются распространителями главных (*Жертвовать собой для счастья других было привычкой Сони* (Ф. Достоевский), они расширяют информационное содержание предложения, способствуя более полному выражению мысли.

2. По типам содержательных отношений, выражаемых членами предложения, *осуществляется внутренняя классификация главных и второстепенных членов*. Среди *главных членов двусоставного предложения* выделяются *подлежащее и сказуемое*. *Сказуемое* обозначает предикативный признак (в модально-временном плане), приписываемый подлежащему, а *подлежащее* называет носителя предикативного признака, представленного в сказуемом. *Главный член односоставного предложения* в семан-

тическом плане – синкретичный (греч. synkretismos – «соединение, объединение; слитность, нерасчлененность»), сочетающий в себе две идеи – идею предикативного признака и идею его носителя. *Второстепенные члены* по содержанию выражаемых ими отношений традиционно подразделяются на *дополнения* (выражают объектные отношения), *определения* (атрибутивные отношения) и *обстоятельства* (различные типы обстоятельственных отношений).

3. По способу морфологического выражения выделяются *морфологизированные и неморфологизированные члены предложения. Морфологизированные члены* предложения выражены типичным для них способом, т. е. частями речи и словоформами в их первичной синтаксической функции. Так, морфологизированное подлежащее выражается субстантивами в прямом падеже, определение – прилагательными, обстоятельство – наречиями, деепричастиями и свободными синтаксемами с обстоятельственной семантикой.

Неморфологизированные члены предложения выражаются нетипичными для них способами, т. е. частями речи и их формами во вторичной синтаксической функции; например, неморфологизированным является подлежащее, выраженное инфинитивом (*Уметь разборчиво писать – первое правило вежливости* (В. Ключевский), именем в косвенном падеже (*Сбежались около полусотни / с полсотни / до полусотни человек*).

4. По характеру обусловленности члены предложения делятся на *структурно обусловленные (необходимые) и коммуникативно обусловленные*.

Структурно обусловленными являются члены предложения, наличие которых предопределено законами построения предложения (главные члены – без них не может быть грамматически правильного предложения) и обязательными сильными словосочетательными связями (обязательными валентностями).

К *коммуникативно обусловленным* относятся второстепенные члены предложения, которые не реализуют сильных связей в составе предложения и наличие которых обусловлено только коммуникативной потребностью расширить информацию. Их устранение не делает предложение незавершенной конструкцией.

5. По степени функциональной самостоятельности выделяются *самостоятельные и несамостоятельные члены предложения*.

Самостоятельные члены входят в предложение как самостоятельные компоненты, не сопровождая какое-либо опорное слово, т. е. представлены вне словосочетаний, они функционируют свободно от словосочетательных связей. Такими являются главные члены предложения и такие второстепенные, которые не реализуют словосочетательных связей, а относятся к ядру предложения в целом или ко всему предложению. Это «распространители предложения» (В.В. Виноградов) или «детерминанты» (Н.Ю. Шведова).

Детерминантами являются обстоятельства цели, причины, места, времени, а также дополнения с субъектным или объектным значением, относительно свободные от словосочетательных связей в составе предложения: *На бесконечном, на вольном просторе Блеск и движение, грохот и гром* (Ф. Тютчев); *Нам весело*; *К утру ветер усилился*. Такие члены предложения выражаются падежными словоформами, наречиями, деепричастиями, оборотами со сравнительными союзами *как, будто, словно*. В одном предложении может быть несколько детерминантов: *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей Поет над розою восточный соловей* (А. Пушкин). По существу, детерминанты – это те же второстепенные члены (дополнения и обстоятельства), только приобретшие в структуре предложения особое положение – автономность от присловных связей. По справедливому замечанию некоторых лингвистов (Распопов 1973: 94–95), детерминанты в конечном счете тянутся к сказуемому, а автономность их объясняется семантико-синтаксической отдаленностью от сказуемого, позицией в начале предложения.

6. По синтаксическому строению выделяются *простые и составные* члены предложения. *Простые* представлены отдельной словоформой (синтетической и аналитической) или фразеологическим оборотом: *И стало страшно вдруг Татьяне* (А. Пушкин); *Будь ты семи пядей во лбу, а где-нибудь промажешь* (А. Островский). *Составные члены* предложения представлены синтаксически не членимыми словосочетаниями: *Кто из вас не любовался старыми дубами?* (И. Соколов-Микитов); *Тщеславный человек всегда бывает низок.*

Границы члена предложения и словоформы в составе предложения *не всегда совпадают*, и при определении границ члена предложения необходимо учитывать *формальный и семантический подход*.

Формальный подход предполагает, что границы члена предложения и словоформы всегда совпадают, т. е. каждая словоформа в составе предложения выполняет функцию отдельного члена предложения: *Ум не заменяет знания* (пословица) – три члена предложения соответствуют трем словоформам. Такой подход позволяет избегать субъективизма при грамматическом разборе, хотя здесь совершенно не учитывается семантический фактор.

При семантическом подходе члены предложения выделяются с учетом их семантической, информативной достаточности. Например, в предложении *Нам интересно наблюдать разнообразнейшие формы борьбы за жизнь в природе* (И. Соколов-Микитов) выделяется четыре члена предложения при наличии в нем восьми словоформ (*интересно наблюдать* – главный член односоставного предложения, *разнообразнейшие формы борьбы за жизнь* – дополнение, *нам* – дополнение, *в природе* – обстоятельство места).

Конечно, семантический подход допускает определенный субъективизм при определении границ между членами предложения, и поэтому разумная середина – **формально-семантический подход**. Он позволяет учитывать комплекс признаков членов предложения: их формально-грамматические признаки, грамматическое значение, информационное содержание и их вещественное значение.

III. Структурная типология простых предложений

Структурная классификация простых предложений учитывает разные стороны их формальной устроенности.

1. По членимости / нечленимости структуры выделяются *членимые и нечленимые предложения*. Первые подвергаются грамматическому членению: *В неподвижном нагретом воздухе крепко пахло медом* (М. Пришвин); вторые, состоящие из незнаменательных слов, не имеют грамматического членения: *Вон! – закричал Марков на фельдфебеля* (А. Куприн).

Дальнейшая классификация имеет отношение только к членимым предложениям.

2. По наличию / отсутствию второстепенных членов различаются предложения *нераспространенные и распространенные. Нераспространенные* состоят только из предикативного ядра: *Вроде праздник. Люди гулять не гуляют, но и не работают* (В. Распутин). *Распространенные предложения* включают в свой состав второстепенные члены, которые являются распространителями грамматического центра предложения: *Это короткое и ненадежное «можно» больше всего расстраивало и смущало людей* (В. Распутин).

Разграничение предложений этого типа требует правильного определения границ грамматического ядра предложения. Например: *Отец просил помочь / Отец хотел помочь* – первое является распространенным предложением, так как инфинитив занимает позицию дополнения, а второе – нераспространенным. Также необходимо учитывать сильные валентные связи компонентов ядра предложения: ср. два предложения – *Брат замолчал* – нераспространенное и *Брат написал, велел* – распространенное, но неполное ввиду имеющейся незамещенной позиции дополнения при релятивном глаголе.

3. По строению предикативного ядра (грамматического центра) членимые предложения делятся на *двусоставные и односоставные*. Грамматический центр двусоставных предложений организуется двумя главными членами: *Воскресенье выдалось теплым* (Ю. Трифонов), а у односоставных – одним: *Коней на переправе не меняют* (пословица).

4. По наличию / отсутствию структурно необходимых членов выделяются *полные и неполные предложения. Полными* называются предложения, *в составе* которых *представлены все структурно необходимые члены*: *Тихие долины полны свежей мглой* (Ю. Лермонтов). В составе *неполных* предложений *отсутствует хотя бы один из структурно необходимых членов предложения*: *Закурив трубки, мы уселись – я у окна, а он у затопленной печи* (Ю. Лермонтов).

5. По наличию / отсутствию в составе осложняющих элементов разграничиваются *неосложненные и осложненные предложения*. К *осложненным* относятся предложения, в составе которых имеются дополнительные структурные слои, представленные однородными членами предложения (*Сила, свет, красота ночи стали ослабевать* (И. Бунин), обособленными членами предложения (*Жизнь – это усталость, растущая с каждым годом*), вводными и вставными конструкциями (*В это время из толпы народа, вижу, выступает мой Савельич*; *Быть может (лестная надежда), Укажет будущий невежда на мой прославленный портрет* (А. Пушкин); *Дарья Михайловна, по их словам, была и горда, и тиранка страшная* (И. Тургенев), обращениями (*От вас я жду содействия, бояре* (А. Пушкин).

IV. Двусоставные предложения

Двусоставное предложение – это один из основных и генетически первичных структурных типов простого предложения как в русском, так и в других индоевропейских языках.

Грамматическое ядро двусоставного предложения организуется двумя главными членами – подлежащим и сказуемым, между которыми обнаруживаются предикативные отношения. Их суть – приписывание предикативного признака (охарактеризованного в модально-временном плане) его носителю. Предикативный при-

знак представлен в сказуемом, а носитель признака – в подлежащем. Например: *Крестьянин, торжествуя, на дровнях* ***обновляет путь*** (А. Пушкин); *Под лучами солнца песок скоро* ***станет горячим*** (М. Пришвин); *Младший весь* ***пошел лицом*** *в отца* (К. Симонов) – в этих предложениях модально-временное значение предикативного признака получило формальное выражение в формах наклонения и времени; а в предложениях *Эстетическое искусство –* ***развлечение*** (А. Толстой) и *Ночь одна* ***не в счет*** (А. Грин) модально-временное значение предикативного признака формально не выражено, однако они заключают в себе смысл изъявительного наклонения, настоящего времени (нулевая форма связки, интонация утверждения).

По способу связи компонентов предикативного ядра двусоставные предложения подразделяются на два класса: *предложения с координированными главными членами* и *предложения с соположенными главными членами*. Внутри каждого из названных классов выделяются типы на основании морфологического выражения подлежащего и сказуемого.

1. Двусоставные предложения с координированными главными членами. К этому классу относятся предложения, в которых между главными членами обнаруживается связь координации. Она формально *проявляется в согласовании* сказуемого с подлежащим в формах лица, числа и рода – в этом обнаруживается формальная зависимость сказуемого от подлежащего; *а также в управлении* сказуемого именительным падежом подлежащего – в этом проявляется зависимость подлежащего от сказуемого и возможность задать к нему от сказуемого вопрос именительного падежа *кто? что?*

По способу морфологического выражения главных членов внутри координированных двусоставных предложений выделяются:

– *номинативно-глагольные* двусоставные предложения, в которых позиция подлежащего занята именем существительным (или его заместителями) в Им. п., а сказуемое включает в свой состав знаменательный или связочный глагол в спрягаемой форме: *Князь у синя моря ходит* (А. Пушкин), *Он никогда не был коноводом* (М. Шолохов), *Развязка наступила неожиданная* (Ф. Достоевский);

– *номинативно-адъективные* двусоставные предложения, в которых позиция подлежащего занята также именем существительным, а сказуемое является безглагольным, выраженным прилагательными в полной или краткой форме, реже – порядковыми числительными и местоимениями: *Черты ее лица были довольно*

правильные (М. Лермонтов), *И ты сегодня добр и мил* (М. Горький); *Ход жизни в Отрадном был таков...* (Л. Толстой), *Первым пришел дед* (К. Паустовский).

2. Двусоставные предложения с соположенными главными членами обнаруживают между подлежащим и сказуемым связь соположения. Эта связь проявляется в употреблении двух формально не связанных словоформ, при котором одна из них осмысливается как носитель предикативного признака, а другая – как предикативный признак: *Свет не без добрых людей* (пословица), *Известно, что слоны в диковинку у нас* (И. Крылов), *Чихать никому и нигде не возбраняется* (А. Чехов).

По морфологическому способу выражения главных членов внутри этого класса выделяются следующие типы:

– номинативно-номинативные: *Единственное благо – это знание, единственное зло – невежество* (Диоген), *Отец мой из крестьян, с Оки* (А. Рекемчук), *У Ирины комната как раз для ребенка* (А. Чехов);

– инфинитивно-инфинитивные: *Любить – это значит, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи...* (В. Маяковский);

– номинативно-адвербиальные: *И радость, и печаль – все пополам* (И. Крылов), *Шинель совершенно впору* (Н. Гоголь);

– номинативно-компаративные: *Вы моложе меня, свежей силою* (М. Лермонтов), *Чем положение неестественнее, тем ближе и необходимее выход из него* (Н. Добролюбов).

Границы между координированными и соположенными двусоставными предложениями взаимопроникаемы: *Отец – токарь / был токарем / будет токарем; Моя мечта – поехать на Север / была поехать на Север; Твой приход кстати / был / будет кстати.*

Главные члены двусоставного предложения. Специфика двусоставного предложения как особой синтаксической единицы, своеобразие конкретных его разновидностей обусловливаются прежде всего его структурой, морфологическим выражением главных членов – подлежащего и сказуемого, которые по их синтаксическому смыслу признаются соотносительными между собой и определяются через отношение друг к другу. Остановимся на трех соотносительных характеристиках подлежащего и сказуемого – формальной, семантической и коммуникативной.

Формальная (формально-грамматическая) характеристика главных членов учитывает способ их формальной связи и иерархию их формальной зависимости. Подлежащее считается абсолютно независимым главным членом предложения, стоящим во

главе иерархических связей в предложении, и занимает независимую позицию именительного падежа. От него зависит сказуемое, которое обнаруживает свою зависимость от подлежащего в формах согласования с ним.

С формальной точки зрения, сказуемое – это главный член двусоставного предложения, зависящий от подлежащего и обнаруживающий эту зависимость в согласовании с ним в формах лица, числа и рода (в различном сочетании). Формальная характеристика связи подлежащего и сказуемого как однонаправленной не учитывает обратного направления связи от сказуемого как опорного, управляющего слова к подлежащему как зависимому. Эта обратная связь воспринимается не визуально, а скорее умопостигается, осмысливается. См.: *Грамматика не дает правил языку, но извлекает правила из языка* (А. Пушкин).

Формально-грамматическое определение подлежащего как абсолютно независимого главного члена двусоставного предложения применимо к координированным двусоставным предложениям: номинативно-глагольным (*Осень снимает с лесов густые цвета*) и номинативно-адъективным (*Она добрая*), в которых сказуемое выражается словоформами, имеющими согласовательные категории.

Семантическое (семантико-грамматическое) определение подлежащего учитывает общее абстрактное синтаксическое его значение, которое обусловлено предикативными отношениями, возникающими между главными членами. С точки зрения синтаксической семантики, подлежащее – это главный член двусоставного предложения, обозначающий носителя признака, представленного в сказуемом.

Сказуемое же указывает на предикативный признак, приписываемый его носителю (предикативный признак – действие, состояние, качество, имеющие модально-временную определенность, т. е. значение времени и наклонения).

Отметим, что носителем предикативного признака могут быть, кроме подлежащего, и другие члены предложения: *Мне холодно; У ребенка температура; Отцу нездоровится; Брата знобит; Быть тебе генералом; В комнате не убрано.* Грамматическая субъектность в этих предложениях может быть выявлена в результате трансформации: *Мне холодно – Я чувствую холод; У ребенка температура – Ребенок температурит; Быть тебе генералом – Ты будешь генералом; В комнате не убрано – Комната не убрана.*

Коммуникативное (коммуникативно-грамматическое) определение главных членов учитывает их коммуникативную функцию, которую они выражают в речи. Традиционно известно: *подлежащее обозначает то, о чем говорится в предложении, а сказуемое – то, что сообщается о подлежащем.* В рамках современного синтаксиса при коммуникативно-синтаксическом анализе предложения представленное определение можно интерпретировать так: подлежащее – это тема сообщения, а сказуемое – рема (от греч. rhema – «сказанное»). Хотя этот тезис существенен не для всех типов предложений (особенно номинативно-глагольных и номинативно-адъективных).

«Тематичность» (то, о чем говорится в предложении) подлежащего и «рематичность» (то, что сообщается о подлежащем) сказуемого безотказно работает при вычленении главных членов в двусоставных предложениях с соположенными главными членами:

– номинативно-номинативных: *Говорят, что несчастье – хорошая школа, но счастье есть лучший университет* (А. Пушкин);

– инфинитивно-инфинитивных: *Жить – это бороться; О решенном говорить – только путать* (М. Горький);

– номинативно-инфинитивных: *Уметь разборчиво писать – первое правило вежливости* (В. Ключевский); *Долг наш – защищать крепость* (А. Пушкин).

В таких структурных разновидностях двусоставных предложений *критерием выявления подлежащего и сказуемого является порядок компонентов предикативного ядра или же интонация* (логическое ударение), т. е. средства оформления коммуникативного (актуального) членения предложения.

При грамматическом разборе предикативного ядра двусоставных предложений данных разновидностей придерживаются следующих принципов:

– в нейтральной речи первый компонент предикативного ядра определяется как подлежащее, второй – как сказуемое. Это полностью соответствует нейтральному порядку компонентов актуального членения: тема – на первом месте, рема – на втором. Изменение порядка компонентов предикативного ядра при сохранении нейтральности стиля ведет к изменению актуального членения, а значит, и грамматического разбора: *Мечта моего сына – стать художником – Стать художником – мечта моего сына;*

– логическое ударение может падать на первый компонент ядра (что свидетельствует о его рематичности), тогда этот компонент квалифицируется в качестве сказуемого, а второй – произносящийся бегло, – соответственно определяется как сказуемое: *Только поэзия – подлинное искусство.*

Сказанное свидетельствует о том, что в названных типах предложения выделение главных членов связано с динамическим, коммуникативно-функциональным фактором: изменением порядка слов и интонации.

V. Подлежащее

Подлежащее (калька лат. subjectum) – главный член двусоставного предложения, выраженный именем существительным в именительном падеже или его эквивалентом и определяемый, характеризуемый сказуемым.

Как структурно-семантический компонент предложения подлежащее имеет следующие дифференциальные признаки:

– входит в структурную схему предложения;

– обозначает носителя предикативного признака, представленного в сказуемом (иначе говоря, подлежащее – грамматический субъект);

– занимает позицию имени в Им. п. (значит, отвечает на вопрос *кто?* или *что?*, исходящий от сказуемого) и выражается в типичных случаях морфологизированной формой (имя в Им. п.), в нетипичных – словоформами или конструкциями, занимающими позицию Им. п.;

– обычно занимает позицию перед сказуемым;

– в координированных двусоставных предложениях диктует согласовательные формы сказуемому, подчиняет его;

– в предложении обозначает тему сообщения.

Семантическая характеристика подлежащего. Подлежащее является носителем предикативного признака. Это значение является в высшей степени абстрактным, так как оно обобщает все разновидности подлежащих. В отдельных предложениях это общее значение конкретизируется в зависимости от значения сказуемого. В результате подлежащее приобретает одно из типовых частных значений:

– значение субъекта действия (если сказуемое обозначает действие): *Наташа заговорила горячо и негромко* (М. Горький); *Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр* (А. Пушкин); *Сани, казалось, иногда стояли на месте, а поле бежало назад* (Л. Толстой);

– значение субъекта состояния: *Ребенок болеет; Дети спят; Отряд начеку; Мать в тревоге*;

– значение субъекта качественного предикативного признака (если сказуемое обозначает качественный предикативный признак): *Как хороша была Елецкая!* (А. Пушкин); *Была без радости*

любовь, Разлука будет без печали (М. Лермонтов); *Деревья благоухают*;

– значение субъекта релятивного качественного признака (если сказуемое обозначает релятивный признак – равенство, сходство, соответствие, посессивные, причинные и др. типы отношений): *Философ Хома Брут был нрава веселого* (Н. Гоголь); *Сосед имеет дачу; Они соответствуют друг другу по образованию*;

– значение субъекта квалификационного предикативного признака: *Самостоянье человека есть вечный движитель его* (А. Пушкин); *Слезы – это кровь души*;

– значение субъекта классификационного предикативного признака (если сказуемое обозначает классификационный признак): *Осина – дерево*.

Формальная характеристика подлежащего. *По способу синтаксического представления* подлежащие подразделяются на *простые* (выраженные отдельной словоформой или фразеологизмом) и *составные* (представленные нечленимыми словосочетаниями). *По способу морфологического выражения* подлежащие делятся на *морфологизированные* (выраженные Им. п.) и *неморфологизированные* (выраженные нетипичным для подлежащего морфологическим способом).

Морфологизированное простое подлежащее выражается:

– именами существительными и его типичными заместителями (субстантивированными прилагательными, местоимениями, числительными, причастиями) в Им. п. (примеры см.: Грамматика русского языка 1960: 370–378);

– фразеологическими словосочетаниями с опорным именем существительным: *Кромешная тьма заполнила барак* (М. Шолохов), *Была у немцев шарашкина контора по строительству оборонных сооружений* (М. Шолохов), *Моя точка зрения тоже должна быть выслушана*.

Морфологизированное составное подлежащее выражается синтаксически не членимыми словосочетаниями с опорным именем в Им. п., среди которых выделяются:

– количественно-именные словосочетания с определенно-количественным значением (*десяток яиц, сотня казаков, пять книг*), с неопределенно-количественным значением (*группа студентов, бездна дел, множество людей*), с обобщенно-количественным значением (*все люди, каждый человек, любое событие*);

– сочетания со значением совместности (*Полкан с Барбосом, брат с сестрой*);

– сочетания с выделительно-количественным значением (*первый из выступавших, один из пришедших, каждый из студентов*);

– сочетания с неопределенно-качественным значением (*нечто страшное, что-то трогательное, ничто человеческое*);

– сочетания с метафорическими значениями (*луч надежды, сноп света, шапка снега*) и др. См.: **количество**: *Четыре немецких танка на полном газу прошли мимо меня* (М. Шолохов), *Много неба и земли осталось позади* (А. Твардовский), *Пара серых лошадей еле тащила тяжелую бричку* (А. Чехов); **совместность**: *Николай с Денисом ходили по залу* (Л. Толстой); **выделительность**: *Каждый из нас станет на краю площадки* (М. Лермонтов); **определенность**: *Я сам того боялся* (А. Фадеев); **неопределенность**: *Что-то злое во взорах безумных, непокорное в громких речах* (С. Есенин). (См. также: Грамматика русского языка 1960: 380–385).

Неморфологизированные простые подлежащие выражаются неизменяемыми словоформами – инфинитивом, наречием, междометием и другими неизменяемыми словами: *Написать его биографию было бы делом друзей* (А. Пушкин), *Разубедить его в чем-нибудь трудно, спорить с ним невозможно* (А. Чехов), *Хорошо худо не живет, Авось небосю родной брат, Иже да како не солгут никако, Спасибо не кормит, не греет, Есть лучше нета* (пословицы), *Но – союз, Ах – междометие, Читаешь – глагол в форме 2-го лица*.

Обратим внимание на то, что часто подлежащим является препозитивный инфинитив, потому что в нем заключено определяемое понятие: *Отпускать – это счастье сильных, Взаперти держать – мука слабых* (В. Тушнова).

Но бывают случаи, когда постпозитивный инфинитив выполняет функцию подлежащего: *Большое счастье – жить на земле честным человеком!* – так как словосочетание *большое счастье* имеет ярко выраженное оценочное значение. Ср.: *Какая радость – видеть в вас внимательного и хорошего друга* (К. Федин).

К числу *неморфологизированных простых* можно отнести подлежащие, выраженные субстантивированными словами, приобретающими некоторые свойства существительных: *Прекрасное должно быть величаво* (А. Пушкин), *Провожавшие возвращались домой* (И. Бунин).

Неморфологизированные составные подлежащие выражаются:

– словосочетаниями с приблизительно-количественным значением, не имеющими в своем составе формы Им. п.: *С десяток яиц лежало на столе*, где при устранении приблизительности возникает словосочетание с Им. п.: *Десяток яиц лежал на столе*;

– словосочетаниями с синсемантичными существительными: *Есть в Петербурге довольно странные уголки* (Ф.М. Достоев-

ский), *У нее были прелестные брови, смугловатое лицо* (В. Набоков), *Иногда и плохой стрелок попадает в цель* (пословица), *Культура языка – это в конечном счете культура мысли* (Н. Чернышевский);

– семантически неполным инфинитивом: *Жить отшельником мне довольно скоро понравилось* (А. Писемский), *Быть современником – значит творить свое время, а не отражать его* (М. Цветаева);

– предикативными конструкциями: *Над всем этим гвалтом звучит зловещее «Не потерплю!»* (М.Е. Салтыков-Щедрин), *Ее «Поздравляю. Хочу тебя видеть. Может быть, осенью приеду» не вызвало в нем никакой радости* (А. Чехов), где предикативную конструкцию можно заменить именем в Им. п.: *Ее слова не вызвали в нем...*

Такие конструкции в функции подлежащего характерны для внутренних монологов героев: *«И тогда, стало быть, также будет солнце светить» – как бы невзначай мелькнуло в голове Раскольникова* (Ф.М. Достоевский).

Под давлением актуального членения довольно часто компоненты подлежащего, выраженного количественно-именным словосочетанием, могут изменять порядок своего расположения: зависимый именной компонент остается в начале предложения, входя в состав темы, слово же с количественным значением, приобретая функцию ремы, отодвигается в конец предложения. В результате составное подлежащее как бы расщепляется: *На базаре сидело двадцать продавцов – Продавцов на базаре сидело двадцать, Собралось много студентов – Студентов собралось много*. (О «позиционном расчленении» компонентов подлежащего см.: Русская грамматика 1980: 24.)

Формальный способ определения подлежащего является ведущим не только в номинативно-глагольных и номинативно-адъективных, но и в таких безглагольных двусоставных предложениях, в которых сказуемое выражено наречиями (*Отряд начеку, Все налицо*) или предложно-беспредложно-падежной формой имени (*Брат высокого роста, Платье у нее необычайного фасона, Мой сосед из учителей, Деревья в цвету, Все в тревоге*).

При выделении грамматического ядра инфинитивно-адвербиальных предложений (сочетание инфинитива со знаменательным наречием или компаративом) используется коммуникативный критерий. При препозиции наречия предложение характеризуется как коммуникативно нерасчлененное односоставное безличное: *Приятно бродить по лесу осеннею порой.*

Препозиция инфинитива переводит предложение в коммуникативно расчлененное: инфинитив приобретает функцию темы, а наречие – ремы, и предложение становится двусоставным с инфинитивом – подлежащим, а наречием – сказуемым: *Бродить по лесу осеннею порой – приятно*. В устной речи это подчеркивается интонационно, а в письменной может быть факультативное тире.

Таким образом, синтаксический строй русского языка допускает использование в роли подлежащего разных форм, употребленных субстантивно. Способы выражения подлежащего стабильны для всего нового периода русского языка XVII–XXI вв. В существенном эволюция не наблюдается. Изменения носят количественный характер. Обращает на себя внимание, в частности, рост числа абстрактных существительных и разного рода сочетаний в этой роли по мере движения к нашему времени. В целом в роли подлежащего абсолютно преобладают, естественно, имена существительные, среди которых, в свою очередь, наиболее активны слова конкретной семантики.

Цитируемая литература

Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г, Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык. – Ростов-на-Дону, 1997.

Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1960. – Т. II.

Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 7

СКАЗУЕМОЕ И ЕГО ТИПЫ

> Сказуемое – это словесное выражение зависимого от подлежащего представления; таким образом, его сущность определяется тем, какие представления входят в сочетание с представлением, выражаемым существительным и соответствующим подлежащему.
>
> *А.А. Шахматов*

I. Общая характеристика сказуемого.
II. Простое сказуемое.
III. Составное глагольное сказуемое.
IV. Многочленное глагольное сказуемое.
V. Составное именное сказуемое.
VI. Сложное (многочленное) именное сказуемое.
VII. Второстепенное (добавочное) сказуемое.

I. Общая характеристика сказуемого

Сказуемое (калька с лат. praedicatum – «сказанное») – главный член двусоставного предложения, обозначающий предикативный (т. е. охарактеризованный в модально-временном плане) признак, приписываемый подлежащему. Например: *Он веселится, Он веселый; Он учится, Он начал учиться, Он ученик.*

Сказуемое как структурно-семантический компонент двусоставного предложения имеет следующие дифференциальные признаки:

– входит в структурную схему предложения;

– дает модально-временную характеристику предмета речи (субъекта мысли), выражая основной признак предложения – предикативность;

– содержит сообщение о «новом» (является ремой высказывания);

– занимает позицию после подлежащего;

– структурно подчиняется подлежащему;

– выражается спрягаемой формой глагола, именными частями речи.

Сказуемое, как и любой член предложения, может быть охарактеризован с двух точек зрения: с *содержательной* (синтаксическая семантика) и *формальной* (синтаксическая структура и способ выражения).

Содержательная сторона сказуемого – это его обобщенное синтаксическое значение, которое в зависимости от степени абстрактности может быть двух типов:

1. Синтаксическое значение *высшей степени абстрактности* – это значение *предикативного* (предицируемого) признака, приписываемого подлежащему; благодаря *модально-временной* характеристике признак, названный в сказуемом, соотносится с действительностью как реальный (в определенном временном плане) или как нереальный (вне определенной временной отнесенности, характеризуемый как требуемый, желательный, возможный); модально-временная семантика – выразитель основного признака предложения – предикативности.

2. Синтаксические значения *меньшей степени абстрактности* свойственны отдельным семантическим разновидностям сказуемого: действия (*Птицы поют*), состояния (*Ученик молчит*), качества (*Погода чудесная, Он в волнении*), классификации (*Осина – дерево*), квалификации (*Отец – учитель*), отношения (*Он уважает своих родителей*).

Формальная характеристика сказуемого связана с выявлением его структурно-строевых признаков – способа морфологического выражения, связи с подлежащим и способа синтаксического представления.

По ***способу морфологического выражения*** сказуемые делятся на *глагольные* и *именные*: *Я объяснил, что Егор Ильич мне приходится дядей* (Ф. Достоевский). По ***способу синтаксического представления*** сказуемые могут быть *простыми, составными* и *многочленными*: *Во время грозы облака спускаются до моей кровли* (М. Лермонтов), *В это Артамонов не мог поверить* (М. Горький), *Живет береза барыней, зелень у нее густая* (А. Гейченко), *Чтобы уметь быть злым, надобно выучиться быть добрым: иначе будешь гадким* (В. Ключевский).

Простое сказуемое состоит из одной глагольной словоформы, синтезирующей в себе модально-временное и вещественное значения; в *составном* и *сложном* грамматическое и вещественное значения разнесены по разным словам.

Если сказуемое имеет согласовательные категории, отражающие соответствующие признаки подлежащего, то такое сказуемое – *согласованное* (*Суда торопились уйти к каналу* (В. Конецкий); если же согласовательные категории отсутствуют, то оно

является *несогласованным* (*Отец-то мой ему и полюбись* (И. Тургенев).

Итак, сказуемое несет в себе вещественное значение и совокупность грамматических (наклонение и время) и согласовательных (лицо, число, род) категорий; оно может быть глагольным и именным, простым, составным и сложным.

II. Простое сказуемое

Простое сказуемое выражается знаменательным глаголом в любой из форм изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения. В таком сказуемом вещественное значение и предикативные категории времени и наклонения представлены в одной лексической единице – глаголе или устойчивом глагольном сочетании. Поэтому простое сказуемое называется глагольным: *Жужжат шмели, и травы шелестят, Над миром нега томная струится* (И. Бунин), *Аркадий бросил пронзительный взгляд на Катю* (И. Тургенев), *Старик садился осторожно на стул и с сына глаз не спускал, все движения его ловил* (Ф. Достоевский), *Она езжала по работам, Солила на зиму грибы, вела расчеты, брила лбы* (А. Пушкин), *Медлительной чредой нисходит день осенний, Медлительно крутится желтый лист* (А. Блок).

Простое сказуемое классифицируется на основании двух критериев – по способу связи с подлежащим и по наличию / отсутствию осложняющих элементов.

По способу связи с подлежащим простые сказуемые подразделяются на согласованные и несогласованные.

Согласованные сказуемые – наиболее частотная, образцовая разновидность простого сказуемого. Они выражаются:

– *спрягаемыми* формами глагола: *Я Вас любил* (А. Пушкин), *И сидел бы я, ребята, там как раз, друзья мои...* (А. Твардовский), *Век живи, век учись*;

– глагольными *фразеологическими* единицами: *Басистов продолжал благоговеть перед Рудиным и ловить на лету каждое его слово* (И. Тургенев), *Не драться, рукам воли не давать, – сипло отвечал помещик* (Ф. Достоевский). Ср.: *Он валяет дурака, бьет баклуши* – бездельничает.

– *описательными* глагольно-именными сочетаниями, позволяющими говорящему оптимальным образом выразить его коммуникативные намерения: *оказывать помощь, производить замену, наносить оскорбления, вводить в соблазн, вступать в разговор, заниматься сплетнями, вести беседу, приводить цитату; Вы с такими умными дамами имели разговор?* (И. Тургенев),

Он удостоил Базарова рассеянного, но снисходительного взгляда (И. Тургенев).

Следует помнить, что при согласовании сказуемого с подлежащим имеется в виду лишь одна сторона двунаправленной координативной связи (координации) подлежащего со сказуемым: зависимость сказуемого от подлежащего; другая же сторона координации, отражающая зависимость подлежащего от сказуемого, здесь не учитывается.

В зависимости от способа представления подлежащего сказуемое вступает с ним в разные типы согласования: формальное (*Мужчина сидит около дома*), условное (*Пять не делится на два, На столе лежало несколько книг*), ассоциативное (*«Юманите» уже печатала этот материал, Тарту встретил нас приветливо*), семантическое (*На столе лежали несколько книг*).

В *несогласованных* простых сказуемых формы согласования с подлежащим не представлены, так как такие сказуемые выражаются неизменяемыми словами или словоформами. Хотя в таких сказуемых не представлены и предикативные категории, но модально-временное значение предикативного признака осмысливается, и поэтому они вступают в синонимические отношения с согласованными сказуемыми. Так, в предложении *А старик – кричать* осмысливаются предикативные значения изъявительного наклонения и настоящего / прошедшего времени: *А старик ругается / ругался*.

Способы выражения простых несогласованных сказуемых:

– инфинитив при инфинитиве подлежащем: *Иначе поступить – опозорить себя навсегда* (И. Тургенев), между подлежащим *поступить* и сказуемым *опозорить* возникают отношения обусловленности, семантика допущения: связь между условием и обусловленным мыслится как предположительная, допустимая; *Говорить в рифму – все равно что ходить вприсядку* (Л. Толстой), значение отождествления между главными членами осложнено значениями оценки и сравнения;

– инфинитив, заменяющий спрягаемый глагол и переводящий речь в разговорный стиль; в отличие от спрягаемого глагола он выражает интенсивность обозначаемого действия: *Входит огромный медведь, и прямо ко мне, а я во весь голос орать* (А. Пушкин);

– форма повелительного наклонения в переносных значениях, т. е. в значениях изъявительного или сослагательного наклонения, а также в значении долженствования, пожелания, неожиданности: *Вы не платите, а я за вас отвечай?* (А. Чехов), *Он и не помнит. Сказал и забыл. А я с ума сходи* (В. Распутин, непосред-

ственные семантические соотношения таких предложений – соотношения с предложениями с *должен*: *Я за вас должен отвечать*; из контекста может быть ясно, что вынуждает такое состояние: *Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь – как тетки хотят* (А. Пушкин); *Ногу в стремя и носишься на борзом жеребце; осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла* (А. Грибоедов);

– усеченная форма глагола (отглагольное междометие) или обычное междометие, синонимичное производному от него глаголу; звукоподражательные междометия типа *бам, бац, звяк* и отглагольные междометия типа *прыг, скок, толк* специализированы в функции сказуемого и уподобляются глаголам одноактного способа действия (*звякнуть, прыгнуть, толкнуть*): *Перевесился через перилу, а перила хрусь! Хрустнула, знаете ли* (А. Чехов);

– в нейтральной речи употребляется простое несогласованное сказуемое, выраженное словом *есть*: *Есть женщины в русских селеньях* (Н. Некрасов).

Как согласованные, так и несогласованные сказуемые могут осложняться различными способами, поэтому выделяются *осложненные* и *неосложненные* сказуемые. К способам осложнения относятся:

– повторение одного и того же глагола: *Пошла, пошла, – сказал Кирилла Петрович* (А. Пушкин);

– сочетание однокоренных глаголов: *Тянут-потянут, вытянуть не могут*;

– соединение двух глаголов в одинаковой форме при помощи союзов *и, да, да и*: *пойду и сделаю, возьму да расскажу*;

– различного рода дублирования: *Жили-были старик со старухой, А зайчик скок-поскок, Ждет-пождет мать сына домой*;

– глаголы движения и состояния, ослабившие в данном контексте свое лексическое значение: *Пойду погляжу на детей, Лежу смотрю телевизор, Идем разговариваем с другом по улице*;

– глаголы с частицами: *Я было забыл самое главное* (А. Пушкин), *Давай мириться, Перфишка* (М. Горький), *Как вскочит Василий Васильевич, словно обожженный!* (И. Тургенев), *Над полем лежит невозмутимая тишина – все как будто вымерло* (И. Гончаров), *Сяду себе в уголочек и все чай пью с вареньем* (А. Чехов).

Все типы осложнения простого сказуемого свидетельствуют о разговорном стиле речи.

III. Составное глагольное сказуемое

Составное глагольное сказуемое представляет собой сочетание «вспомогательной части», выраженной спрягаемой формой глагола с инфинитивом знаменательного глагола, который обозначает предикативный признак подлежащего.

Первый компонент – вспомогательный глагол – выражает общие грамматические значения наклонения, времени, лица, а также добавочные значения; второй компонент – инфинитив – заключает основное лексическое значение сказуемого. Инфинитив знаменательного глагола примыкает к вспомогательному глаголу и формально зависит от него, между ними устанавливаются комплетивные отношения. В семантическом плане инфинитив находится в связи тяготения с подлежащим, обозначая его предикативный признак. Например: *Обломов стал читать вслух* (И. Гончаров); *Григорий не хотел идти, стоял* (М. Шолохов).

Вспомогательный глагол по характеру лексического значения является полнозначенательным релятивным словом, он выражается спрягаемой формой глагола с несамодостаточным лексическим значением, поэтому такой глагол не может быть самостоятельным членом предложения.

Вспомогательные глаголы могут выражать три типа несамостоятельных значений, и в соответствии с этим выделяются следующие их типы:

– *фазисные* указывают на фазу действия – начало, продолжение или конец действия, обозначенного инфинитивом: *начать, стать, продолжить, кончить, перестать, прекратить, бросить* и др.: *– Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!; Сказала что-то я – он начал хохотать* (А. Грибоедов);

– *модальные* обозначают отношение субъекта, представленного в подлежащем, к действию, названному в основной части сказуемого (желательные, возможные, потенциальные и др.): *мочь, хотеть, желать, готовиться, стремиться, решать, уметь, намереваться, сметь*. Модальные значения могут выражаться и фразеологизмами: *иметь право, быть в состоянии, вправе, не в силах, иметь желание, иметь намерение*. Например: *Он славно пересмеять умеет всех; При нем не смела я дохнуть, у вас спросить, на вас взглянуть; Чины людьми даются, а люди могут обмануться; А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить...* (А. Грибоедов); *Наташа не в состоянии была говорить от волнения* (Л. Толстой);

– *темповые* глаголы указывают на темп (скорость) совершения действия, процесса (*спешил / поспешил выйти, успел сказать, торопился выйти* и др.).

Составное глагольное сказуемое может рассматриваться как

результат фазисной, модальной, темповой модификации простого сказуемого: *Мальчик пишет – Мальчик начал / продолжил / закончил / успевает / торопится / может / хочет / желает писать.*

Вспомогательный глагол может быть согласованным / несогласованным, осложненным / неосложненным: *Мальчик начал писать* (согласованный, неосложненный), *Мальчик взял и начал писать* (согласованный, осложненный), *Мальчик начни писать* (несогласованный, неосложненный), *Мальчик возьми и начни писать* (несогласованный, осложненный).

Для правильного определения составного глагольного сказуемого (для верного осмысления предложения в его рематической части) необходимо исходить из установок А.А. Потебни о субъективном (субъектном) и объективном (объектном) инфинитиве. Субъектным А.А. Потебня называл инфинитив, «относящийся к одному подлежащему с личным глаголом»; объектный – это инфинитив, который «не может быть отнесен к подлежащему главного сказуемого (именительному)», а служит «второстепенным сказуемым в области дополнения» (Потебня 1941: 362). Ср.: *собираюсь (хочу, думаю, продолжаю) учиться* (субъектный инфинитив, входящий в составное сказуемое); *прошу прийти вас* (объектный инфинитив со значением дополнения). *Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой номер* (Н. Гоголь) – первое сказуемое – составное глагольное (*начал зевать*), а второе (*приказал*) – простое, так как действие, обозначенное в инфинитиве (*отвести*) относится не к подлежащему, а к какому-то другому лицу, поэтому инфинитив выполняет функцию дополнения.

Субъектный инфинитив выполняет две функции: функцию основной части составного глагольного сказуемого (*хочу, люблю рисовать*); функцию второстепенного члена предложения: инфинитив занимает позицию обстоятельства цели: *Он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города* (Н. Гоголь).

IV. Многочленное глагольное сказуемое

Многочленное (сложное) сказуемое включает в свой состав три и более компонентов:

– *основную* часть, которая называет предикативный признак и выражается неопределенной формой глагола;

– *вспомогательный* глагол, который, как основной модификатор предикативного признака, выражается спрягаемой формой глагола с несамостоятельным лексическим значением и указывает на грамматические (предикативные и согласовательные) категории сказуемого;

– дополнительные *модификаторы* (их может быть несколько в составе одного сказуемого), которые выражаются непредикативными формами различных частей речи (инфинитивом, краткими прилагательными или причастиями, словами категории состояния, предложно-падежными формами имени существительного) и несут дополнительные фазисные, модальные, темповые значения: *намереваться, рад, готов, должен, обязан, способен, вынужден, хотеть, надо, можно, нельзя, мастер, в состоянии, не в силах* и др.

Например: *Я готов был начать ходить в музеи* (М. Алексеев), где вспомогательный глагол – *начать*, модификатор – *готов был*, основная часть – *ходить*. Еще примеры: *Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный; Фетинья, как видно, была мастерица взбивать перины* (Н. Гоголь); *Это не мешало ему деловито советовать мне не торопиться ловить маленьких бабочек и дать им подрасти* (В. Набоков); *В мои лета не должно сметь свое суждение иметь* (А. Грибоедов).

Если дополнительный модификатор выражен не инфинитивной формой вспомогательного глагола, то такой глагол может быть отвлеченным: *Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлестнул его кнутом* (Н. Гоголь), где отвлеченный глагол *был* указывает на предикативные категории (изъявительное наклонение, прошедшее время) и на согласовательную категорию единственного числа, дополнительный модификатор *охотник*, основная часть сказуемого *становиться*. Еще примеры таких сказуемых: *должен был прийти, рад буду познакомиться, обязан был пойти, намерен был приехать*. В форме настоящего времени отвлеченный глагол *быть* может быть нулевым, т. е. формально отсутствовать, выражая значение изъявительного наклонения, настоящего времени: *Молчалин за других себя забыть готов*; *Она не родила, но по расчету по моему, должна родить*; *А ты расславить это рад?*; *Не мастерица я полки-то различать* (А. Грибоедов); *Рад послушать я песню былую* (С. Есенин) – в прошедшем и будущем времени глагол материализуется: *Старость невозможно было / будет устранить, как некую досадную причину* (М. Задорнов).

V. Составное именное сказуемое

Составное именное сказуемое складывается из связки (связочного глагола) и присвязочного именного компонента.

Связка выражает грамматическое значение (предикативные

категории наклонения и времени), а присвязочный именной компонент передает вещественное (лексическое) значение сказуемого: *Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию... Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности* (А. Пушкин).

Кроме грамматических категориальных значений связки могут нести и лексические значения разной степени самодостаточности и самостоятельности. В зависимости от наличия / отсутствия у связок лексического значения и степени его сохранения различаются три семантических типа связок:

1. *Отвлеченная* не имеет лексического значения и выражает лишь грамматические значения: *быть, бывать*. Например: *Его голос был песней огня и земли* (Н. Гумилев); *Разрушающий будет раздавлен, опрокинут обломками плит* (Н. Гумилев); *Он в Риме был бы Брут...* (А. Пушкин); *Рассудок есть страсть и синтез всех чувств, куда входит и интуиция* (А. Платонов). В настоящем времени такая связка имеет нулевую форму: *Она невысокого роста* (В. Вересаев); *Талант – единственная новость, которая всегда нова* (Б. Пастернак). Отвлеченная связка свободно сочетается со всеми именными формами.

2. *Полуотвлеченная* (полузнаменательная) обладает несамодостаточным лексическим значением, не позволяющим ей быть самостоятельным членом предложения, но вносит в лексическое значение сказуемого различные дополнительные оттенки, иногда весьма существенные: *делаться, стать, становиться, являться, считаться, казаться, называться, представляться, считаться, оказываться* и пр.

Полузнаменательность (частичная утрата лексического значения, «выветривание» одной из сем) глагола-связки отчетливо проявляется при сопоставлении одного и того же глагола в функции простого глагольного сказуемого и связки:

Погода *устоялась*.	Середина зимы *устоялась серой, сырой* и *промозглой*.
Ему страшно *оставаться* с нами.	Он *остался порядочным человеком*.
Все *становятся* в ряд.	Дни *становятся короче*.
Что с тобой *стало?*	Елка *стала похожа* на дорогую куклу.
Из-за двери *показалась* голова.	Месяц *показался годом*.

Например: *Обмер оврагов оказался делом трудным* (К. Паустовский); *Алмазами казались солнца блики* (А. Ахматова); *Культура всегда являлась синтезом нового со старым* (В. Брюсов); *Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые*; *Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими... Злодейства же малые и шуточные именуются срамными* (М. Салтыков-Щедрин); *В колонии все представлялось благополучным* (А. Макаренко); *Я объяснил, что Егор Ильич мне приходится дядей* (Ф. Достоевский). Ср. отвлеченную и полуотвлеченную связки в тексте И.И. Дмитриева (современника А.С. Пушкина): *При Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образованности, привилегией избранных; при Карамзине оказалось необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине сделалось потребностью общества.*

3. *Знаменательная* представляет собой лексически полноценный глагол, потерявший в составе предложения коммуникативную самодостаточность; этот глагол для характеристики подлежащего становится коммуникативно менее значимым, это и позволяет квалифицировать его как связку: *Ребенок стоит у окна – Погода стоит теплая.* В роли таких связок употребляются глаголы со значением движения, состояния, положения в пространстве и времени: *жить, работать, сидеть, ходить, идти, вернуться, родиться, лежать, стоять, войти* и др. Например: *Всю ночь Катюша простояла заплаканная* (Л. Толстой); *Весь день Ника просидела задумчивая* (А. Цветаева); *Море в бухте засыпало спокойное* (А. Куприн); *Акации стояли погруженные в сон* (В. Шукшин); *А осень шла грубая* (И. Соколов-Микитов); *При виде кошки воробьи разлетались испуганными* (М. Пришвин); *Левка сел первым на единственный табурет* (А. Толстой); *День разыгрался очень хороший* (Г. Семенов); *Китти возвращалась домой излеченная* (Л. Толстой).

Как отмечал В.В. Виноградов (1947: 675), «в русском языке... существует лишь одна связка – в строгом смысле этого слова – это *быть*, имеющая форму лица (а следовательно, и числа, в прошедшем времени – также рода), времени и наклонения. Связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т.п.) представляют собою гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки».

Благодаря наличию у связок грамматических, а также и лексических значений разной степени самодостаточности, они вы-

ступают как модификаторы предикативного признака, представленного в основной части именного сказуемого.

Связка в составном именном сказуемом чаще всего является *согласованной*, т. е. она согласуется с подлежащим: *Портфель был из кожи; Продукты были на исходе. Для старика была закон ее младенческая воля* (А. Пушкин). В отдельных случаях наблюдается *обратное* согласование – связка согласуется не с подлежащим, а с именной частью: *Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны* (Л. Толстой); *Первое помещение за дверьми была большая комната со сводами* (Л. Толстой). Связка может быть и *несогласованной*: *Да будь я и негром преклонных годов...* (В. Маяковский). Обратим также внимание на то, что, употребляясь в значении 'иметься, находиться, происходить', глагол *быть* является в предложении простым глагольным сказуемым: *Вчера был бал, а завтра будет два* (А. Грибоедов); *Налево был угрюмый лес* (Н. Некрасов).

В качестве именной (основной) части составного именного сказуемого обычно выступают:

– имена существительные в именительном и творительном падеже: *Покойник был почтенный камергер* (А. Грибоедов); *Супружество нам будет мукой* (А. Пушкин);

– краткие прилагательные и причастия: *Сам толст, его артисты тощи; Дом зеленью раскрашен в виде рощи* (А. Грибоедов);

– полные прилагательные в именительном / творительном падеже: *Ведь полоумный твой отец* (А. Грибоедов); *Я не буду больше молодым* (С. Есенин);

– прилагательные в сравнительной или превосходной степени: *Ах, злые языки страшнее пистолета*; *Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже* (А. Грибоедов);

– предложно-падежные формы существительных: *Ум с сердцем не в ладу* (А. Грибоедов); *А я перед ней в неоплатном долгу* (А. Тарковский); *Он в волнении от таких пустяков* (Ф. Достоевский);

– местоимения, наречия: *Ты хочешь знать: кто я? что я? Я тот же, что и был и буду весь мой век: не скот, не дерево, не раб, но человек!* (А. Радищев); *Ведь я ей несколько сродни* (А. Грибоедов); *Разгадка мрачного настроения доктора была налицо* (Д. Мамин-Сибиряк);

– фразеологические обороты; словосочетания, основное лексическое значение которых содержится не в главном, а в зависимом слове: *Любезнейший! Ты не в своей тарелке; Старушки все – народ сердитый; Бал – вещь хорошая, неволя-то горька* (А. Грибоедов);

– синтаксически не членимые словосочетания при сильной атрибутивной валентности синсемантичных существительных: *Волынцев находился в странных отношениях с Рудиным* (И. Тургенев); *Дворы тоже в плохом состоянии* (В. Панова).

Полное описание способов морфологического выражения именной части содержится в (Грамматика русского языка 1960: 416–489; Лекант 1976: 78).

Наряду со связками в сказуемом могут быть *связочные образования* – словоформы, которые наряду с соединительной функцией вносят в предложение элемент своего конкретного значения:

– толкования: *это значит, это означает*;

– указательности: *вот, вот это, таков, вот таков*;

– идентификации: *и есть, это и есть, то же самое что, не что иное как*;

– сопоставления: *как, это как, все равно как, все равно что...*

Например: *Акакий Акакиевич был как во сне* (Н. Гоголь); *Три слова чувство собственного достоинства – это просто портрет любви* (Б. Окуджава); *Старый что малый* (пословица) (см.: Русская грамматика 1980: 120–121).

VI. Сложное (многочленное) именное сказуемое

Такое сказуемое включает в свой состав три и более компонентов:

– *основную часть*, называющую предицируемый признак и выраженную именными формами;

– *связку*, выраженную спрягаемыми формами глагола и указывающую на предикативные и согласовательные (если они имеются) категории; такая связка является отвлеченной или полуотвлеченной (знаменательная связка в таком сказуемом не употребляется);

– *дополнительные модификаторы*, которые могут быть представлены:

а) неопределенными формами либо отвлеченного глагола *быть*, либо полнознаменательным глаголом: *Теперь я только хочу быть любимым* (М. Лермонтов); *Праздная жизнь не может быть чистою* (А. Чехов); *Я боюсь показаться смешным самому себе* (М. Лермонтов); *Доктор изо всех сил старался казаться равнодушным* (А. Чехов);

б) краткими прилагательными или причастиями: *Полковник наш рожден был хватом* (М. Лермонтов); *Человек должен быть гражданином прежде всего* (М. Горький); *Вы должны быть готовы ко всему* (М. Лермонтов); *Кутузов чувствовал, что тот страшный удар должен был быть смертелен* (Л. Толстой);

в) наречиями с модальным значением: *Он был вправе быть требовательным*;

г) модальными глаголами с инфинитивом: *Я хотела бы быть вашей матерью* (М. Горький); *В эту минуту я не желал бы быть на его месте; У всех троих были почти одни и те же мысли, но каждый не захотел заговорить первым* (М. Лермонтов); *Чертовски хочется быть ангелом* (С.Е. Лец); *Он терпеть не любит быть неправым* (А. Чехов); *Я старался быть достойным гостем в этом доме* (Г. Семенов).

VII. Второстепенное (добавочное) сказуемое

Такое сказуемое обозначает *сопутствующее*, добавочное действие и выражается только деепричастиями: *Кити тоже не приехала, прислав записку, что у нее болит голова* (Л. Толстой).

В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970: 45) сопутствующее действие выделяется из обстоятельственных значений деепричастия: *Она уложила ребенка спать, укрыв его одеялом.*

В приведенных примерах деепричастие выражает добавочное действие, которое не обозначает ни образа действия, ни времени совершения основного действия, ни причину, – поэтому к деепричастным оборотам нельзя поставить никакого вопроса. Грамматическая специфика их заключается в том, что деепричастие выражает действие, которое следует за основным действием глагола-сказуемого и является почти равноправным ему. И поэтому предложения с второстепенным сказуемым легко преобразуются в синонимичные с однородными сказуемыми: *Жандармы хватали за воротники, срывали шапки, далеко отбрасывая их* (М. Горький) – *и далеко отбрасывали их. В помещение входят люди, снимают верхнюю одежду, складывая ее на прилавки* (М. Горький) – *и складывают ее...*

Хотя основное и второстепенное сказуемое выражено в этих примерах формами несовершенного вида глагола, значение повторяемости действия создает их последовательность: действие деепричастия следует за основным действием глагола-сказуемого. Но более четко последовательность действий проявляется, когда обе глагольные формы выражены совершенным видом: *Он бросил папироску, растоптав ее двумя сильными ударами ноги* (М. Горький); *Клим поехал домой, рассказав по дороге Дронову анекдот с Фелицатой* (М. Горький). Препозиция таких деепричастных конструкций невозможна, так как логически второе действие не может предшествовать первому.

К второстепенному сказуемому нужно отнести более редкие случаи употребления деепричастий, обозначающих предшествующее действие, выраженное формой совершенного вида: *Шлейг, не обратив внимания на реплику, продолжал* (Г. Серебрякова); *Смотритель выпросил у почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своей дочерью* (А. Пушкин). И эти деепричастные обороты не допускают замены никакими придаточными обстоятельственными предложениями, не отвечают ни на один из вопросов обстоятельств, зато свободно преобразуются в сказуемое, однородное основному: *...не обратил внимания на реплику и продолжал; ...отправился за своей дочерью, но не сказал никому ни слова.*

Для второстепенного сказуемого, обозначающего предшествующее действие, желательно наличие перед деепричастием отрицательной частицы *не*. Пропуск ее или невозможен, или переводит второстепенное сказуемое в обстоятельство времени: *Смотритель, сказав... отправился... – когда сказал...*

Ср. еще примеры с деепричастными конструкциями, обозначающими добавочное действие, предшествующее или последующее по отношению к главному: *Матросы, перепрыгнув через брусья, шагали по двору с деланно развязным видом* (М. Шолохов) – вначале *перепрыгнули*, потом *шагали... Тяжелая весть облетела живо полки, нагнав на всех тяжелое уныние* (Д. Фурманов) – глаголы совершенного вида выражают значение последовательности: *весть облетела и нагнала...*

Предложения с деепричастными оборотами перестраиваются в простые с однородными сказуемыми, а сами обороты синонимизируются с составными сказуемыми. Между ними и основным составом предложения возможны отношения:

– перечислительные: *Максимов засмеялся своей шутке, приглашая глазами посмеяться остальных* (В. Токарева) – *засмеялся* и *приглашал*;

– сопоставительно-противительные: *Предусмотрев течения в «океане», создатели системы не предусмотрели ветер* (из газеты) – *предусмотрели, но не предусмотрели...*;

– уступки и сопоставительно-противительные: *Принадлежа нашей современности, Шолохов принадлежит будущему* (из газет) – *Хотя Шолохов принадлежит нашей современности, он принадлежит будущему; Шолохов принадлежит нашей современности, но принадлежит и будущему. Дронов, третий год восхищая учителей успехами, смущал и раздражал их своим поведением* (М. Горький) – *восхищал, но смущал...*

Таковы функциональные возможности деепричастных оборотов, осложняющих простое предложение значением второстепенного (добавочного) сказуемого, а иногда и синкретично-обстоятельственным оттенком.

Цитируемая литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.–Л., 1947.

Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1960. – Т. II.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.–Л., 1941. – Т. IV.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 8

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложения, в отличие от других слов, которые их объясняют и дополняют, и называются членами второстепенными.
>
> *Ф.И. Буслаев*

> В определение каждого члена предложения должны входить определения их грамматического значения, типовых средств морфологического выражения и типовых грамматических связей.
>
> *Б.Н. Головин*

I. Понятие о второстепенных членах предложения.
II. Классификация второстепенных членов предложения.
III. Характеристика второстепенных членов предложения. Дополнение.

I. ПОНЯТИЕ О ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как уже отмечалось, предложение имеет уровневую, иерархическую (расположение компонентов в определенном порядке) структуру. Оно конституируется (устанавливается), создается компонентами – главными членами; они – необходимый минимум предложения, который традиционно называется нераспространенным предложением: *День вечереет, небо опустело* (И. Бунин).

Нередко таких предложений бывает недостаточно не только с точки зрения содержательно-коммуникативной, но и стилистической – реализуемое ими содержание оказывается слишком общим и монотонным. Поэтому оно требует конкретизации, уточнения, развертывания, стилистического варьирования в соответствии с потенциями, предопределяемыми лексико-семантическими возможностями, которыми обладают главные члены.

Так, конструкция *Билеты проданы* может быть развернута путем введения соответствующих распространителей подлежащего и сказуемого: *Все билеты на новую постановку драматического театра проданы еще месяц назад.*

Такие введенные слова являются синтаксически самостоятельными и служат для конкретизации значений слов, *грамматически господствующих* над ними, для их синтаксического распространения; они и называются **второстепенными членами предложения**. Они располагаются на уровне ниже главных, семантико-синтаксически распространяя их. Главные члены предложения образуют ядро предложения, а зависящие от них второстепенные занимают периферийную позицию. Однако периферийны второстепенные члены исключительно в формально-грамматическом плане. Ср. актуальную роль слова *вдруг*: *Франц вдруг поднял ногу, но не проснулся* (В. Набоков) или *Маяковскому: Маяковскому была свойственна романтика, но он ее стыдился* (И. Эренбург).

Более того, можно привести достаточно много примеров, когда главные члены насквозь формальны, а вся содержательная нагрузка ложится на второстепенный член: *Дело идет к рассвету.*

По степени необходимости для конструктивного состава предложения второстепенные члены подразделяются на *структурно обязательные* (облигаторные < лат. obligātus – «обязательный, непременный») и *структурно необязательные* (факультативные < лат. facultās – «способность, возможность»).

Структурно обязательные реализуют сильные словосочетательные связи (обязательные валентности) главных или других второстепенных членов: *Жалко **сестренку**; Я слышу тихое **пение**; Природа дала нам способность **не думать о смерти**; Изучение старинных **песен, сказок** и т.п. необходимо для совершенного **знания свойств русского языка*** (А. Пушкин).

Структурно необязательные (коммуникативно обусловленные) включаются в состав предложения не по требованию валентностей опорных слов. Они появляются в соответствии с коммуникативными целями расширения информации, поэтому такие члены – коммуникативно обусловлены: *Я **давно** слышу **за стеной тихое** пение* – выделенные второстепенные члены являются коммуникативно обусловленными (ср.: *Я слышу пение*). В предложении *Весеннее солнце ярко светит с самого утра* все второстепенные члены структурно необязательные, так как их наличие не предопределено сильными валентностями опорных слов (ср.: *Солнце светит*).

В соответствии с *грамматической традицией* принято разграничивать **три** основные разновидности второстепенных членов: **дополнение, определение** и **обстоятельство**. Деление второстепенных членов на эти основные разряды вслед за Н.И. Гречем («Практическая русская грамматика» 1834 г.) было в

середине XIX в. теоретически обосновано и развито Ф.И. Буслаевым в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858).

Второстепенные члены рассматриваются Ф.И. Буслаевым в двояком отношении: *по виду синтаксической связи* с другими словами и по значению. При первой классификации слова *согласуемые* именуются *определением*, слова *управляемые – дополнением*, а слова *несогласуемые и неуправляемые* (примыкающие) – *обстоятельством*. Это **формально-грамматическая классификация**. *При второй же классификации* выделяются те же второстепенные члены, но *по значению*: *определение обозначает признак* и отвечает на вопросы: какой? чей? который?; *дополнение – отношение действия к предмету* и отвечает на вопросы косвенных падежей; *обстоятельства означают место, время, образ действия, меру и счет, причину* и отвечают на вопросы – где? откуда? куда? когда? как? сколько? отчего? почему? зачем? Это **логико-грамматическая классификация** второстепенных членов.

Сам Ф.И. Буслаев отмечал, что отнесение второстепенного члена к тому или иному разряду на основании смысловых и грамматических признаков может не совпадать. Так, слова, выражающие признак предмета и, следовательно, по семантической роли являющиеся определениями, «присоединяются к другим словам посредствам не только согласования, но и управления», а управление, по Ф.И. Буслаеву (1959: 274), – признак дополнения. Напр., «человек пожилых лет», «восход солнца» (см. «пожилой человек», «солнечный восход»), где по значению зависимые компоненты в родительном падеже являются определениями, а по признаку управляемости – дополнениями. По его наблюдениям, среди второстепенных членов с обстоятельственными значениями управляемые (а не примыкающие!) слова даже преобладают.

Учение Ф.И. Буслаева о второстепенных членах предложения во многом предопределило дальнейшую разработку этого вопроса: одни ученые (Потебня 1958: 124; Фортунатов 1959: 184; Пешковский 1956: 132; Шахматов 1941: 38, 279) придерживались формального, формально-грамматического направления, а другие (Грамматика русского языка 1960: 520; Гвоздев 1956: 99) – логического. Д.Н. Овсянико-Куликовский (1928: 68) пытался увязать эти два подхода и допускал выражение определения и обстоятельства косвенными падежами существительных: *дом сестры, гулял в лесу*. Такие определения и обстоятельства он называл «фиктивными», понимая под этим переходные явления в области второстепенных членов предложения.

В.В. Виноградов (1960: 95–96) признает традиционное учение о второстепенных членах, но при этом подчеркивает, что оно нуждается в коренном пересмотре: аспекты этого пересмотра сводятся к углубленному изучению «всех видов синтаксических отношений и связей между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений». Очень важны также «наблюдения над случаями переходными и синкретичными (то есть совмещающими значения разных членов предложения)».

В современной синтаксической науке достаточно ярко проявляется тенденция к полному отказу от классификации второстепенных членов. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), в «Русской грамматике» (1980) отсутствует не только рассмотрение разновидности второстепенных членов предложения, но само понятие «второстепенный член предложения», хотя при описании широко используются термины «объектные», «атрибутивные», «обстоятельственные» отношения – термины, опирающиеся на традиционную (семантическую) классификацию второстепенных членов.

Отказ от выделения разновидностей второстепенных членов вызван тем, что они очень *многообразны и в семантическом, и в грамматическом отношении*; некоторые из них совмещают признаки двух разных второстепенных членов: *охота на перепелов*.

В школьной и вообще в учебной практике (и в вузовской) закрепилось *логико-грамматическое направление*: анализ смысловых функций второстепенных членов имеет первостепенное значение, он *способствует развитию мышления* учащихся, является одной из важнейших предпосылок языковой культуры, которая *предполагает сознательное отношение к средствам языка.*

II. КЛАССИФИКАЦИЯ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выделение трех разновидностей второстепенных членов, их синтаксической функции – дополнения, определения и обстоятельства – основано на различении трех типов синтаксических отношений: объектного, определительного и обстоятельственного, для выражения которых служат синтаксические связи слов. Все три типа указанных отношений представлены в предложении: *Утром мелкий снежок укрыл землю* (Г. Федосеев).

Эти отношения имеют опору в *способах морфологического выражения*, в зависимости от которого второстепенные члены могут быть *морфологизированными* или *неморфологизированными*. **Морфологизированные** выражены наиболее типичным спо-

собом, той частью речи, которая по своему категориальному значению предназначена выполнять функцию именно данного члена предложения. Так, морфологизированные дополнения выражаются именами существительными (и субстантивированными словами) в косвенных падежах; определения – адъективными словами; обстоятельства – наречиями, деепричастиями, словоформами существительных. **Неморфологизированные** представлены частями речи, для которых функция данного члена предложения является не основной, а вторичной; например, неморфологизированное определение может быть выражено именем существительным (*тетрадь в клетку*), наречием (*надпись по-французски*), инфинитивом (*решение жениться*).

Таким образом, грамматическое своеобразие функционально-семантических разрядов связано с тем, что в языке отразилась широкая тенденция к формированию для выражения каждого типа синтаксических отношений более или менее специализированного набора грамматических средств.

Для определения синтаксической функции второстепенного члена *учитываются* и другие *факторы*.

Определяя второстепенный член, необходимо обращать внимание на **семантику** (лексическое значение) опорного и зависимого слова. В словосочетаниях *говорил с учеником* и *говорил с жаром «с учеником»* – дополнение, *«с жаром»* – обстоятельство; *сеяли весной, повеяло весной*, в первом случае *весной* поясняет слово *сеяли* и является обстоятельством времени, а во втором – к слову *повеяло* и выполняет функцию дополнения. Ср. еще: *человек долга, трудности жизни, слезы радости – выращивание томатов, решение задачи, изучение речи; приехал вечером – любоваться тихим вечером, страдал от астмы – лечился от астмы*.

Значение второстепенного члена помогают раскрыть **однородные второстепенные члены предложения**, имеющие опору в грамматических формах. Например, в предложении *Долго ль мне гулять на свете то в коляске, то верхом, то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком?* (А. Пушкин) обстоятельства образа действия *в коляске, в кибитке, в карете, в телеге* легко выделяются по аналогии со стоящими рядом *верхом, пешком*, выполняющими ту же функцию и являющимися морфологизированными. Ср. еще: *Я выступаю не от его имени, самостоятельно; Он пишет чисто и без ошибок*.

Подстановка уточняющих, поясняющих членов предложения, а также **обобщающих слов** помогает выяснению синтаксических отношений между словами. В предложении *Он решил подойти к огонькам* для определения синтаксического значения *к*

огонькам можно подставить поясняющий член бесспорный в синтаксическом отношении: *Он решил подойти к огонькам, то есть туда...* Такова же роль уточняющих слов: *Еще мальчишкой я услыхал частушки на берегу Ладожского озера* (С. Антонов) – *Давно, еще мальчишкой...* Между обобщающим словом и однородными членами тоже возникают своеобразные уточняющие отношения: *Пришлось ехать и на велосипедах, и автобусом – Пришлось ехать по-всякому: и на велосипедах, и автобусом*.

Прием замены неясного в синтаксическом отношении члена предложения **придаточной частью или морфологизированным членом** также может оказать существенную помощь при классификации второстепенных членов. Сравним два предложения *При всем желании он не может мне помочь* и *При желании он смог бы мне помочь*. Для определения члена предложения – *при всем желании* и *при желании* можно трансформировать простые предложения в сложноподчиненные: *Хотя он и желает, но не может мне помочь* и *Если бы он пожелал, он смог бы мне помочь*.

В предложении *Его добротой я был растроган до слез*, словоформа *до слез* может быть заменена морфологизированной *сильно*. Ср. еще: *сторожка в лесу – лесная, рама окна – оконная, ложка из дерева – деревянная, масло для смазки – смазочное...* Если подобная замена не всегда возможна (*девушка с косичками, край платформы, графин для воды...*), то можно сопоставить такие словосочетания с другими, имеющими тождественные синтаксические отношения: *девушка с косичками – старик с бородой (бородатый)* – это именные предложные словосочетания, в которых зависимое слово называет предмет как сопровождающий характерный признак другого предмета.

В практике синтаксического разбора второстепенные члены обычно определяются по вопросам. Но довольно часто никакой вопрос к тому или другому члену предложения не подходит: *Мы снова встретились*; *Он плакал во сне*; *Больной кричал в бреду*.

Иногда к одному члену предложения вполне подходят два, а то и три разных вопроса: *Я иду купить хлеба* – к инфинитиву можно поставить вопросы: *Куда ты идешь?* и *Зачем ты идешь?*. *На зов он явился немедленно* – один поставит вопрос: *На что он явился?* и скажет, что *на зов* – дополнение; другой определит как обстоятельство времени по вопросу *Когда он явился?*; третий скажет, что больше подходит вопрос: *Почему он явился? – на зов*, то есть потому что его позвали. Какому же вопросу отдать предпочтение?

Такие трудности возникают при классификации второстепенных членов, если руководствоваться только вопросами. Для

правильного вопроса нужно учитывать комплекс факторов, отмеченных выше и позволяющих в заключение приходить к синтаксически корректному вопросу. Кроме того, необходимо разграничивать три вида вопросов: лексических, морфологических и синтаксических.

К предложению *Моя цель – учиться* вопрос: *Какая твоя цель?* не вскрывает синтаксической функции инфинитива, так как инфинитив – не обстоятельство цели. Такой вопрос связан с семантикой слова, он лексический. Существительное всегда имеет форму определенного падежа, поэтому в составе предложения к нему можно поставить один из падежных вопросов: *занимался музыкой* (до чего?) *до работы, забыл свое горе* (благодаря чему?) *благодаря работе, пришел к мастеру* (за чем?) *за работой, задержался* (на чем?) *на работе* – это морфологические вопросы. К данным сочетаниям возможны вопросы, которые помогают установить характер синтаксических отношений существительного к глаголу: *занимался музыкой* (когда?) *до работы, забыл свое горе* (почему?) *благодаря работе, пришел к мастеру* (с какой целью?) *за работой, задержался* (где?) *на работе* – это синтаксические вопросы, соответствующие определенной синтаксической функции компонента предложения.

Наконец, следует учитывать переходные и синкретичные (компоненты предложения, совмещающие признаки различных второстепенных членов) случаи. Так, второстепенные члены предложения, выраженные предложно-падежными формами существительных, могут совмещать значения: объектное и обстоятельственное (обстоятельственное дополнение) – *Книга лежит на столе, Провели лето у родных, Поет ли дева за холмом*; атрибутивное – обстоятельственное (обстоятельственное определение) – *Теперь он иначе прочитывал ежедневные рапорты с фронта*; объектное и атрибутивное (определительное дополнение) – *В комнате были следы вчерашнего ужина*. Поэтому следует иметь в виду, что разбор второстепенных членов предложения допускает большую долю субъективизма.

III. Характеристика второстепенных членов предложения. Дополнение

В зависимости **от типа отношений** выделяются традиционные типы второстепенных членов предложения – дополнение, определение и обстоятельство, а также осуществляется внутренняя их классификация.

Дополнение (калька с франц. complement или нем. Ergänzung – «дополнение»; < лат. objectum – «объект») обозначает объект действия, состояние, признака и заполняет несубъектную валентность: *поставить спектакль, любить жену, жалко птичку, приятный на вкус, убийство Лермонтова*.

В отечественной традиции похожий термин «наполнение» употреблялся в грамматике М.В. Ломоносова (1755) для обозначения смысловой функции слова *небо* в примере *Облака покрыли небо*. Термин «дополнение» («дополнительный член») появился лишь в работе Н.И. Греча (1827) и с тех пор вошел в употребление.

Дополнение является синтаксически управляемым членом предложения, то есть его позиция и оформление контролируется предикатным или именным словом, в соответствии с этим дополнения бывают *приглагольными* и *приименными*: *читать газету, предложить вернуться, забота о детях, довольный результатами, сильнее зверя*.

Дополнения могут относиться к наречию, обозначая лицо или предмет, по отношению к которому проявляется признак, выраженный наречием: *независимо от матери, далеко от дома*. Дополнения при словах категории состояния обозначают субъект состояния: *Мне грустно*.

Приглагольные дополнения бывают **прямыми** и **косвенными**. **Прямое дополнение** обозначает объект, прямо и непосредственно охваченный действием, и выражается винительным падежом без предлога, а также родительным. Основной семантической функцией синтаксического прямого дополнения является выражение семантического прямого объекта (физического при переходных глаголах конкретного действия или ментального (мыслительного) при модусных глаголах). Каноническая семантическая функция прямого дополнения – обозначать нечто создаваемое, разрушаемое, перемещаемое, изменяемое, манипулируемое, обладаемое, воспринимаемое: *строить дом, перейти дорогу, видеть будущее, узнать секреты, петь песню, изложить материал, предъявить ультиматум, дать совет, написать изложение*.

Ряд глаголов (глаголы неполной предикации) не допускают опущения дополнения или кардинально переосмысляются при таком опущении: *делать, класть, брать, хотеть, дать, поставить, нести, хватать...*

Позиция прямого дополнения возможна при некоторых словах категории состояния: *жалко девочку, больно руку*.

Форма родительного падежа при глаголах с отрицанием может выступать в функции *прямого дополнения*:

– после глаголов восприятия – *не знать, не помнить, не видеть, не чувствовать (не знать обычаев, не помнить слов)*;

– если дополнение выражено отвлеченным существительным (*Тонкость не доказывает ума, Дельвиг не любил поэзии мистической* (А. Пушкин); ср. при конкретных существительных: *Он не оставит Петрушу своими милостями* (А. Пушкин);

– при наличии слов, усиливающих отрицание (*не сказать ни слова, не выписывать никаких журналов*);

– при разделительно-количественном значении вещественных и собирательных существительных (*не пила чайку, молока, не показывать страха*);

– во фразеологических сочетаниях и пословицах: *не находить себе места, не смыкать глаз, не чаять души, петли обухом не перешибешь*;

– после глаголов, которые без отрицания могут управлять и родительным и винительным падежом: *хотеть, ждать, жалеть, просить, требовать, искать* и др. (*не жалеть сил, не ждать помощи*).

Итак, дополнение при переходном глаголе с отрицанием ставится обычно в родительном падеже (*решил три задачи – не решил трех задач*). Всегда ли в подобных случаях винительный падеж заменяется родительным? Можно отметить случаи сохранения винительного падежа:

– при инверсионном (изменение обычного порядка слов в предложении с целью усилить выразительность речи) порядке слов: *Он дверь не откроет, Я море не люблю*;

– при повелительной форме переходного глагола: *не испачкай руки, не порви тетрадь*;

– при наличии в предложении слова со значением ограничения: *Я чуть не потерял билет, Она едва не порвала чулок.*

По этому поводу есть интересные замечания А.С. Пушкина. Строка из «Евгения Онегина» *Два века ссорить не хочу* показалась одному из критиков синтаксически неправильной: *два века* надо поставить в родительном падеже, так как оно зависит от глагола с отрицанием. А.С. Пушкин (1949: 147) так возразил критику: «...Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *Я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Следовательно, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: *Я не могу вам позволить начать писать... стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю».

Сказанному не противоречит постановка дополнения в роди-

тельном падеже, например, в таком сильном, эмоционально окрашенном восклицании («Станционный смотритель»): *Уж я ли не любил своей Дуни!..* Если бы речь шла о дочери, которая сейчас находится у отца, живет у него, то можно было бы сказать только так: *Уж я ли не люблю свою Дуню!* Но в тексте отец говорит о дочери, давно уже потерянной для него; Дуня – это образ дочери в воспоминаниях отца. Следовательно, отпадает мотив, который требовал бы постановки дополнения в винительном падеже. Восклицательные же предложения приведенного типа строятся в русском языке со сказуемым, имеющим при себе резко выраженное отрицание. Постановка дополнения в родительном падеже здесь очень выразительна. (Ср. еще текст полемического стихотворения А.С. Пушкина «Моя родословная»: *Не торговал мой дед блинами, Не вакся царских сапогов.*).

Канонической морфолого-синтаксической формой прямого дополнения является винительный / родительный беспредложный падеж существительного или местоимения. В неполном предложении (*Карету мне, карету!*) такая форма является представителем всей группы сказуемого даже при отсутствии дополняемого члена; то же происходит при эллипсисе (*Кому – рябиновку, кому – клюквенную настойку*).

В условиях морфолого-синтаксической транспозиции (переход из одной части речи в другую) в позиции дополнения оказывается не специализированная для этой роли форма: субстантивированных прилагательного (*ругаю опоздавшего*), числительного (*прибавь десять*), наречия (*строим прекрасное завтра, уничтожаем проклятое вчера*); элективной (избирательной) конструкции (*выделил одного из сильнейших, встретил одну из девочек*). Возможны и окказионально-субстантивированные дополнения в любой форме: *Иван Петрович поет «Шумел камыш» («Соловей мой, соловей»); Здесь произносят «дамоу» в значении «домов»*.

Косвенное дополнение обозначает непрямой объект и отвечает на вопросы косвенных падежей. Оно относится к непереходным глаголам, именным словоформам, наречиям, словам категории состояния и выражается всеми формами косвенных падежей с предлогами и без предлогов (кроме винительного без предлога), а также примыкающим инфинитивом: *руководить институтом, вызов врача, хуже меня, слаб телом, независимо от матери, просить прийти*.

Конкретное значение косвенного субстантивного дополнения зависит от лексико-грамматического значения стержневого слова и падежной формы зависимого. Учитывая их семантико-синтаксические функции, можно выделить:

– адресатные дополнения: *отдать мужу, рассказать маме, читать детям, передать для друга*;

– агентивные (инструментальные) дополнения, обозначающие орудие действия: *шить иглой, резать ножом, рубить топором*;

– субъектно-агентивные дополнения, обозначающие лицо, которое совершает действие: *смета составляется бухгалтером, задание выполняется студентами*;

– косвенно-субъектные дополнения обозначают лицо, которое испытывает какое-то состояние: *мне не нравится, брату вспоминается*;

– социативно-субъектные дополнения, обозначающие лицо, совместно с которым совершается действие: *гуляет с товарищем, готовит с товарищем*.

Во вторичных семантических функциях инструментальное дополнение выражает:

– причину – *болеет гриппом*;

– образ действия – *шел уверенной походкой, писал красивым почерком*;

– характер процесса – *окружить любовью, лечить иглоукалыванием*.

Приглагольное дополнение может быть выражено инфинитивом. Такое инфинитивное дополнение характерно для многих глаголов с модальным (*хочу*), фазисным (*начинаю*), ментальным (*думаю*), директивным (*приказываю*), каузативным (*вынуждаю*) и некоторыми аналогичными типами значений.

Обычно в роли дополнения выступает объектный инфинитив: *Лейтенант всего лишь просит огоньку туда подбросить* (А. Твардовский), где глагол – сказуемое *просит* и инфинитив *подбросить* относятся к разным лицам. Дополнением может быть и субъектный инфинитив, т. е. инфинитив, обозначающий действие, субъект которого совпадает с субъектом глагола – сказуемого: *Внизу была большая комната, где мы петь и танцевать учились* (Н. Лесков).

Приименные дополнения, в отличие от приглагольных, ведут себя как косвенные и соответствующим образом трактуются. Исключение составляет прямое дополнение при некоторых видах неглагольных предикативов: *видно гору, жалко птичку*; приименные дополнения отличаются от приглагольных своей меньшей обязательностью и трансформируемостью падежного оформления: *верен / предан жене, привязан к жене, влюблен в жену, любовь к жене*.

Присубстантивные дополнения оформляются:

– беспредложным родительным объекта и отношения: *автор повести, соблюдение правил, выращивание огурцов, совет брата*;

– дательным объекта и адресата: *ответ другу, стремление к истине, презрение к трусам, жалость к ребенку*;

– творительным содержания: *борьба с классицизмом, избиение Иродом младенцев, похищение гуся Паниковским, журнал с приложениями*.

Многие виды присубстантивных дополнений иногда трактуются как определения, для чего есть серьезные основания: весьма часто они отвечают на вопрос *чей? какой?* наряду с вопросами косвенных падежей.

Одним из плодов нескончаемой дискуссии о применимости вопросительного теста в синтаксическом разборе стало осознание того, что в подобных случаях имеет место синкретизм дополнения и определения (о чем будет сказано в теме «Определение»). Вместе с тем, при некоторых классах существительных дополнение (чаще генитивное) оказывается обязательным или по крайней мере желательным. Имена субъектных ситуаций – имена действий или качеств (*приезд, освобождение, возрождение, красота*), употребляясь без дополнения, понимаются в обобщенном смысле (*верить в Красоту*) или, напротив, в индивидуальном (*эпоха Возрождения*). Категориальные слова (*факт, категория, тип, сорт, событие...*) без дополнения превращаются либо в имена философских понятий, либо в слова, требующие наличия эксплицитного актуализатора (*этот, тот, такой, какой, любой...*). Так же ведут себя параметрические слова (*форма, размер, температура, цвет, происхождение...*) и обозначения мер (*пять литров, десять пудов*), релятивные имена (*отец, начальник*).

Приадъективное дополнение обозначает ограничение признака в том или ином отношении. Таким ограничением может быть второй член некоторого отношения (*далекий от Москвы*), тип параметра (измерения), характеризуемого этим признаком (*приятный на вкус*), аспект субъекта (*слаб телом, силен духом*) и т.п. Иногда приадъективное дополнение оказывается семантически избыточным (*эта женщина хороша собой, эта книга трудна для чтения, он тяжел на подъем*) или малоинформативным (*мешок, мягкий на ощупь; женщина, красивая лицом*). Многие прилагательные при наличии дополнения меняют свое значение (ср. *верный / верный кому?*; *способный (ребенок) / способный на что?*), а некоторые даже требуют такого дополнения (*падкий на что?*).

Прикомпаративное дополнение означает второй член сравнения (*выше сосны*), т. е. иной носитель признака – подлежащный

(*Таня любит музыку больше своей сестры*), комплетивный (*Таня любит математику больше музыки / больше, чем музыку*), иной признак (*Вася скорее простодушен, чем добр*), иное время (*Ты прав более, чем когда-либо ранее*).

Приналечные дополнения (*вдалеке от друзей*) выделяются в тех случаях, когда дополняемый член трактуется как наречие. Правда, во всех подобных случаях наречие может получать и иную категориальную трактовку: как производный отнаречный предлог (*независимо от обстоятельств*) или как производное отнаречное местоименное числительное / количественное местоимение (*много забот, мало времени, несколько дней, сколько книг*).

Цитируемая литература

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.

Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1960. – Т. II.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1956. – Ч. II.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М., 1973.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Ломоносов М.В. Российская грамматика / Труды по филологии. – М.–Л., 1952. – Т. VII.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1928.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.–Л., 1958. – Т. I–II.

Пушкин А.С. Полное собр. соч. – М., 1949. – Т. XI.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – М., 1959. – Т. I.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 9

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Определительные слова присовокупляются к другим словам для означения признаков, по вопросам: какой? чей? который? сколько? Напр.: «этот дом», «моя книга», «умный человек», «пятый год», «пять лет». Эти слова или согласуются со своими определяемыми, или не согласуются.
>
> *Ф.И. Буслаев*

I. Определение.
II. Несогласованное определение.
III. Приложение.

I. Определение

А.А. Шахматов (1941: 290) отмечает: «Определением выражаются атрибутивные отношения, существующие между субстанцией или явлением и их признаками». Следовательно, категориальное синтаксическое значение определения – атрибутивность (лат. attributum – «приданое; существенный признак»), признаковость: значения – качественного признака (*дружеские отношения*), признака по действию (*прошедший день*), признака предмета по субъекту действия (*слово учителя*), признак по материалу (*костюм из шерсти*), признак предмета по месту (*дом у дороги*), признак по принадлежности (*песня соловья*) и т.д.

По ***способу морфологического выражения*** и ***типу синтаксической связи*** определения делятся на *согласованные, несогласованные* и *приложения*: *Мокрые тяжелые гроздья душистой сирени от влаги к земле клонятся* (Ю. Куранов); *И девушка в белой накидке сказала мне ласково: «Нет»; Изба-старуха челюстью порога Жует пахучий мякиш тишины* (С. Есенин).

Согласованные определения имеют следующие *дифференциальные* признаки: синтаксическую отнесенность в предложении к члену предложения, выраженному субстантивным словом или сочетанием; односторонний характер синтаксической зависимости; наличие синтаксической связи согласования; морфологическую представленность непредикативным полным прилагательным, в том числе и «синтаксическим» прилагательным; наличие обычной синтаксической позиции при определяемом члене предложения; отсутствие инверсии (в основном – контактная препозиция); вхождение в состав одной интонационно-смысловой группы с определяемым членом предложения; невхождение в структурную схему предложения. Например: *Неуютная жидкая лунность И тоска бесконечных равнин* (С. Есенин) – *неуютная, жидкая* и *бесконечных* являются типичными согласованными определениями, поскольку характеризуются полным набором отмеченных признаков.

Один из типичных *формальных* признаков определения предполагает, что оно *морфологически* представлено качественным, относительным или местоименным прилагательным, а также причастием или порядковым числительным. В связи с этим внутри типичных определений имеет место дифференциация по значению, обусловленная категориальным значением соответствующих согласуемых слов: *Некоторые смелые птицы продолжают сидеть в своих пуховых гнездах* (И. Соколов-Микитов); *Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие* (А. Чехов); *Ветер зашумел, разорвал туман и колеблющейся пеленой отнес безжизненную мглу к самому горизонту* (А. Серафимович); *Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте* (А. Пушкин).

Согласованные определения ставятся в том же падеже и числе, а в единственном – и в том же роде, что и определяемый член предложения. (Об особенностях согласования определений с определяемым словом см.: Грамматика русского языка 1954: 527–532.)

Строго говоря, только качественные присубстантивные прилагательные являются эталоном типичного согласованного определения. Вместе с тем очевидно, что оттенки значения внутри типичных определений представляют собой скорее вариации, чем варианты, но уже в некоторой части этих вариаций в потенции заложена способность к синкретичным, менее типичным определениям. Если качественные прилагательные выражают признак предмета непосредственно, то, например, относительные – уже опосредованно, через отношение этого признака к материалу, месту, времени и т.д. Относительность такого признака в типичном определении представлена как бы в свернутом виде. Ср.: *Все чаще лопались вокзальные стекла от ружейной трескотни* (Н. Островский) – *Все чаще лопались стекла вокзала от трескотни ружей.*

Различия в характере признака и предопределяют возможность конкретизации одного и того же имени несколькими определениями: *И вся длинная московская зима, счастливая и мучительная, преобразившая всю его жизнь, вся целиком и уже совсем в каком-то новом виде вставала перед ним* (И. Бунин); *Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный* (А. Ахматова).

Особенностью определений является то, что они, не выполняя в предложении структурной функции, важны в семантическом отношении, так как конкретизируют предмет, позволяют более глубоко увидеть и показать свойства предметов и явлений действительности. Особенно велика их роль в художественной, публицистической, а также разговорной речи, где присутствует экспрессивность (выраженность тех или иных эмоциональных состояний, переживаний субъекта) и образность, где определение-эпитет становится сильнейшим средством изобразительности, важнейшим компонентом в речевой семантике предложения.

Так, в стихотворении А. Пушкина «Зимнее утро» прилагательные помогли передать радостное чувство при виде солнечного зимнего утра. Они прямо называют эмоцию (*чудесный, великолепными*) или несут ее, изображая предмет; в стихотворении «Монастырь на Казбеке» определения *царственный, вечными, реющий, далекий, вожделенный, вольный, заоблачную* служат созданию картины, окрашенной высоким чувством, она предстает нашему взгляду как воплощение прекрасного, идеального. Вот почему А. Пушкин и искал единственно возможное прилагательное-определение: *На берегу (варяжских, свинцовых, холодных, безбрежных) пустынных...* – на одно вакантное место.

А Н. Гоголь, описывая обстановку в доме Плюшкина, использует определения, которые говорят о былом богатстве дома: *старинное серебро, бюро с перламутной мозаикой*; другие же несут в себе мысль о мертвенности, упадке: *сломанный стул, часы с остановившимся маятником, два пера, высохшие, как в чахотке.*

Поэтом прилагательных, певцом качеств, свойств, пассивно пребывающих признаков был В. Брюсов: *Яростные птицы с огненными перьями Пронеслись над белыми райскими преддверьями. Огненные отблески вспыхнули на мраморе, И умчались странницы, улетели за море.*

Для обильного использования определений наиболее удобны предложения номинативной структуры, составляющие основу именного стиля: *Чудная картина, Как ты мне родна: Белая равнина, Полная луна, Свет небес высоких, И блестящий снег, И саней далеких Одинокий бег* (А. Фет). Особый интерес представляют произведения, в которых определения выполняют ведущую, сюжетную роль, например, стихотворение З. Гиппиус «Все кру-

гом»: *Страшное, грубое, липкое, грязное* – или использование определений из тройного сочетания прилагательных у К. Бальмонта: *Волны морей, беспредельно-пустынно-щемящие; Бот-Океан, многогласно-печально-взывающий...* См. также: ***Желтенькие*** *цветочки одуванчиков не успели даже закрыться, чуть лишь съежились. В* ***каждом*** *листочке подорожника сверкает* ***крупная драгоценная*** *капля, а* ***мягкая гусиная*** *травка перед домом вся в капельках* ***мелких. Мокрые тяжелые*** *грозди* ***душистой*** *сирени от влаги к земле клонятся. Старые ветлы* ***с почти черными*** *от ливня стволами блестят, мерцают* ***узенькими молодыми*** *листочками* (В. Сидоров «Гори, гори ясно...». – М., 2004).

Нередко именно определения несут основную смысловую нагрузку при *синсемантичных* именах существительных, которые нуждаются в облигаторных распространителях и синтагматически притягивают определительные слова, образуя с ними синтаксически не членимые сочетания, выступающие в роли единых членов предложения (см.: Бабайцева 1975: 76; Шмелев 1976: 64). Синсемантичными могут оказаться и неопределенные или отрицательные местоименные существительные: *И эти березы с их светом и тенью, и этот дым костров – все вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим* (Л. Толстой); *– Ах, не все ли равно! – кричал внутри Ромашова какой-то дикий и сладкий голос. Примешивалась к нему мысль о Шурочке, но в этом совпадении не было ничего низкого, оскорбительного, а, наоборот, было что-то отрадное, ожидаемое, волнующее* (А. Куприн). Сравните в предложении *Узкоколейка в Мещорских лесах – самая неторопливая железная дорога в Союзе* (К. Паустовский) сочетания *Мещорских лесах* и *железная дорога*, терминологически и фразеологически связанные, являются едиными членами предложения, так что прилагательные в их составе имеют статус компонентов нечленимых сочетаний (лексически и синтаксически не членимых), а не членов предложения.

Типичное определение должно относиться в предложении только к одному из его членов. Однако в строе предложения согласованные прилагательные, причастия и др. могут оказаться зависимыми одновременно от двух его членов. В таких предложениях определения приобретают добавочные оттенки значения либо вообще нарушается тождество определения как второстепенного члена. Ср.: *Мы осмотрели сад и дом и возвратились очень довольные своим посольством* (А. Пушкин); *Спустя две недели после смерти отца, в воскресенье, Павел пришел домой сильно пьяный* (М. Горький).

В первом предложении глагол-сказуемое *возвратились* имеет

автосемантичный характер, так что устранение адъективной группы *очень довольные своим посольством* в целом не нарушает смысла предложения, хотя некоторая доля информации оказывается утраченной: *Мы осмотрели сад и дом и возвратились.* Устранение же адъективной группы из второго предложения приводит к изменению его смысла: *...Павел пришел домой*, т. е. Павел не был дома и, наконец, пришел, тогда как в предложении из М. Горького говорится, что Павел в течение двух недель после смерти отца приходил домой трезвым, а в воскресенье пришел сильно пьяным. Это связано с синсемантичностью глагола *пришел*, при котором есть именная часть (составное именное сказуемое со знаменательной связкой).

В предложении из А. Пушкина прилагательное *довольные* относится не только к подлежащему *мы* – личные местоимения, будучи конситуативно конкретизированными словами, не нуждаются обычно в атрибутивных распространителях, синтагматически отталкивая их, не образуя с ними словосочетаний. Глагол-сказуемое *возвратились*, не будучи связанным, не нуждается в присвязочном прилагательном. Создается своеобразная «патовая» синтаксическая ситуация: с одной стороны, прилагательное, согласованное с местоимением-подлежащим в числе и падеже, находится в формальном подчинении у подлежащего, но не может стать его типичным определением; с другой стороны, прилагательное не может образовать синтаксически не членимое словосочетание с глаголом, так как глагол не имеет связочного характера.

Синтагматически отторгнутое личным местоимением, прилагательное приобретает в предложении относительную самостоятельность, но не утрачивает полностью атрибутивного значения. Отнесенность к глаголу приводит к тому, что прилагательное-определение приобретает некую долю *обстоятельственного* значения, сопутствуя глагольному действию. Трудно решить, доля какого значения является в таких случаях преобладающей. Синтаксический синкретизм такого рода можно назвать неразрешимым, а синтаксическую позицию второстепенного члена – слабой позицией полной *нейтрализации*, так как различия между двумя второстепенными членами (определение – обстоятельство) полностью утрачиваются, нейтрализуются. Ср. также при дополнении: *Турки исчезли. Татары наши окружили их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля* (А. Пушкин); *На другой день Андрея нашли преспокойно спящего в своей постели* (И. Гончаров).

Когда согласование в падеже утрачивается, естественно, ослабляется и доля атрибутивности, а также и связь с местоиме-

нием или именем в функции подлежащего или дополнения. Напротив, возрастает доля обстоятельственности и крепнет связь с глаголом-сказуемым: *Ты маленьким очень любил севрюжинку* (А. Куприн). Такие второстепенные члены с двойными отношениями можно квалифицировать как обстоятельство с атрибутивным оттенком значения: это случаи разрешимого синтаксического синкретизма, так как доля одного из синтаксических значений оказывается преобладающей: *Когда ты был маленьким, ты очень любил севрюжинку*. Подобные второстепенные члены с двусторонними связями и отношениями оказываются в предложении в слабых позициях частичной нейтрализации.

Если глагол имеет синсемантичный характер, то прилагательные (причастия) синтагматически притягиваются глаголом, образуя единый член предложения: *Строения, утонув в снегу, представлялись низенькими* (К. Аксаков). Ср. семантическую недостаточность предложения при устранении прилагательного: *строения, утонув в снегу, представлялись...*

II. Несогласованное определение

Такое определение связано с определяемым словом по способу беспредложного и предложного слабого управления или примыкания и выражается именами существительными в косвенных падежах, личными местоимениями в притяжательном значении, сравнительной степенью прилагательного, наречием, инфинитивом, неразложимыми словосочетаниями: *сердце матери, пятно от костра, его мечта, материал попрочнее, глаза навыкате, жажда понять, дома кирпичной стройки* (Фурашов 1984).

Несогласованные определения – продуктивная разновидность определений, они богаче по своей семантике, чем согласованные, так как их основное атрибутивное значение осложняется дополнительными оттенками, семантическими отношениями: производителя признака (*чтение студента*), принадлежности (*книга друга*), качественной характеристики (*мужчина высокого роста*), сравнения, уподобления (*усы кисточкой*), признака по месту, времени, материалу, происхождению, мере, количеству и т.д. Они имеют большую семантическую и грамматическую емкость, проявляющуюся в разнообразии функций, увеличивающуюся за счет продуктивности данного синтаксического типа, его участия в системе разнообразных грамматических синонимов.

По ***способу синтаксической связи*** с определяемыми словами несогласованные определения делятся на *управляемые* и *примыкающие*.

По традиции предложно-падежные формы называются **управляемыми** (слабое управление), хотя на самом деле здесь присутствует *падежное примыкание* – «присоединение к знаменательному слову падежной формы имени с определительным значением» (Русская грамматика 1980: 21).

Гвоздев А.Н. (1961: 113–114) отмечал, что сочетание определяемого существительного с согласованными прилагательными, причастиями и др. служит обозначением *одного предмета* и характеризующих его признаков, а сочетание двух существительных – определяемого и определяющего – служит обозначением *двух предметов*, в связи с чем несогласованные определения «выражают ту или иную характеристику определяемого существительного посредством его отношения к другому предмету, так что они с определительным отношением совмещают и предметное отношение... Кроме отношения к предметам ими выражаются отношения к пространству, времени, назначению».

Таким образом, несогласованные определения, выраженные косвенными падежами существительных, совмещают определительное значение с оттенками *объектных* или *обстоятельственных* отношений: *Все запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками из ивовых прутьев* (К. Аксаков); *Это были просто крестьянские ребятишки из соседней деревни* (И. Тургенев); *Ласковый ветер с реки трепал непослушные Морозкины кудри* (А. Фадеев).

В современной художественной прозе стало довольно частотным употребление своеобразных определительно-обстоятельственных сочетаний – к существительному постпозитивно прикрепляется слово с пространственным или временным значением: *пространство перед балкой, вершины елей утром в темном небе над крышами поселка, вечерние огни окон в апреле, поле боя перед высотой...*

Объектный компонент в семантике определения обусловлен формой его выражения, а обстоятельственный – и лексическим значением. Обычно такие определения стоят после определяемых слов, препозиция же связана с их актуализацией: *Наемника безжалостную руку наводит на поэта Николай* (Э. Багрицкий).

Объектные и обстоятельственные оттенки значения проявляются то в большей, то в меньшей степени. Это зависит от целого ряда факторов – морфологических, словообразовательных и лексико-синтаксических. Если определяемое существительное субстантивно не только как часть речи, но и по своей лексической семантике, то добавочные оттенки значения обусловлены лишь свойствами зависимых управляемых словоформ: *Вода в Солотче красного цвета* (К. Паустовский).

Синкретичные определения, осложненные свойствами дополнения, разнообразны по способам выражения. Остановимся на существительных в родительном падеже (как наиболее частотном) и некоторых предложно-падежных словоформах.

Несогласованные определения в родительном падеже могут обозначать:

– субъекта действия и носителя признака: *В деревне узнали о приезде гостей* (А. Чехов); *Его усыпляло непрерывное бормотание дождя* (К. Паустовский);

– принадлежность: *Поэзия Пушкина пульсирует в сердце человека* (А. Толстой);

– часть предмета: *В вершинах деревьев светились звезды* (Л. Первомайский); *У стены вагона шершаво терся ветер* (В. Кожевников);

– коллектив, включающий лицо, названное определяемым словом: *Оркестр музыкантов трубил марш* (Ф. Гладков);

– то, что сравнивается: *Маяк закрыло холстом дождя* (К. Паустовский).

Из многочисленных предложно-падежных словоформ с атрибутивно-объектным значением отметим:

– несогласованные определения, обозначающие признак предмета по материалу: *Над калиткой арка из рябины* (И. Северянин); признак по содержанию: *Мне в ненастье мерещится книга о земле и ее красоте* (Б. Пастернак);

– предмет, выделяемый из массы ему подобных по наличию / отсутствию какого-либо предмета: *Я знаю, что жизнь без книг, творчества, блестящих идей, любви – это вино без запаха, морская вода без соли* (К. Паустовский).

Научные грамматики начиная с XIX века (Н.И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827; В.Г. Белинский. Основания русской грамматики для первоначального обучения, 1837; А.Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1847) указывают на необходимость уточнения, конкретизации синсемантичного существительного определением. В результате возникает синтаксически не членимое словосочетание, в котором наряду со значением признака сохраняется все же представление о втором предмете: *Передо мной стоял великан необыкновенной толщины* (К. Аксаков); *Кто из нас видел молнию черного цвета?* (А. Куприн); *Кочевники с недоумением смотрели на пожилого солдата с желтым лицом и добрыми глазами* (К. Паустовский). Такие словосочетания близки по значениям к типичным определениям: *толстый великан, черная молния*.

Иногда довольно трудно бывает установить синтаксическую функцию косвенных падежей существительных, относящихся

в предложении к субстантивам с процессуальной семантикой. Определительное значение явно преобладает при субъектных отношениях: *Кипренский долго смотрел на торжественное падение снега среди немоты и безлюдья петербургских площадей* (К. Паустовский), ср.: *снег идет*. Напротив, в сочетаниях, где объектные отношения, преобладающей может оказаться семантика дополнения, а определительное значение отступает на второй план: *Чтение книг, писание прописей и занятия арифметикой, которой я учился неохотно, – все это увеличилось само собой* (К. Аксаков). Ср.: *читать книги, писать прописи*.

Если отглагольное существительное утрачивает значение действия-процесса и обозначает результат этого действия или процесса, то зависимые падежные формы являются несогласованными определениями с соответствующими добавочными оттенками значения: *Освобождение Шевченко совпало со смертью Пушкина* (К. Паустовский).

Вполне возможны случаи неразрешимого синтаксического синкретизма при отглагольном существительном, когда зависимая форма допускает двоякое толкование: *Началась высадка десанта* (из газет) – род. п. существительного является одновременно несогласованным определением (*десант начал высаживаться*) и дополнением (*десант начали высаживать*). Это синтаксические позиции полной нейтрализации.

В позиции полной нейтрализации оказываются также падежные и предложно-падежные формы существительных, когда обнаруживается их отнесенность одновременно к двум членам предложения – подлежащему и сказуемому: *Уж на другой день, совсем по другой дороге, ехал мужик из Кудрина* (К. Аксаков); *Навстречу Синцову вышел немолодой боец с ведром* (К. Симонов). Ср.: *Мужик ехал из Кудрина – Мужик из Кудрина сказал... Немолодой боец вышел навстречу Синцову с ведром в руке – ...навстречу бойцу с ведром*. См. также: *Всю осень дули ветры с океана* (К. Паустовский).

Обстоятельственный оттенок в семантике несогласованного определения обозначает признак предмета по положению в пространстве (*подъем на гору*), по времени (*встреча через десять лет*), по целевому назначению (*поездка за грибами*), по причине (*опоздание из-за пробок*) и др.: *Однажды Маша по совету летчика проверила свою жизнь и обнаружила, что она резко делится на три части – жизнь (какую? где?) в Ленинграде, поездку (какую? где? на чем?) на пароходе и работу (какую? где?) в приволжских степях* (К. Паустовский); *Дни (какие? когда?) в мае длиннее ночей (каких? когда?) в декабре* (В. Высоцкий).

При синсемантичных существительных косвенные падежи существительных не являются несогласованными определениями и вместе с опорными словами образуют синтаксически не членимые сочетания: *Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости* (И. Гончаров); *До жизни в Плесе он не верил в ласковость народа* (К. Паустовский).

Итак, субстантивные семы с предметным категориально-лексическим значением стержневого слова обусловливают преобладание атрибутивного значения у несогласованных определений. Объектные или обстоятельственные семы рассматриваются как оттенки синтаксического значения. Ср.: *Вода в заливе похолодела* (А. Куприн); *Несомненно, зеркало в бронзовой оправе обладает таинственной силой* (А. Чехов). Атрибутивная семантика словосочетаний (*вода в заливе, зеркало в оправе*) за счет зависимой словоформы *в заливе* обозначает место, а *в оправе* – объект.

Конечно, нужно обращать внимание и на лексико-грамматические, словообразовательные особенности опорного существительного: *Охота на перепелов не увенчалась успехом; Вспомнились Подгорину длинные разговоры, веселый смех, прогулки по вечерам* (А. Чехов). Ср.: *охота < охотиться на перепелов; прогулки < прогуливаться по вечерам*.

Отадъективное существительное в роли опорного слова может обусловливать синкретизм семантики зависимого: *Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи* (И. Тургенев); *Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами* (Н. Гоголь); *Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной* (А. Пушкин) – обстоятельственные семы не могут осложнять семантику таких несогласованных определений (*синева ночи, свежесть утра, близость опасности*).

К **примыкающим** относятся определения, выраженные сравнительной степенью прилагательного, наречием, инфинитивом, неизменяемыми притяжательными местоимениями, нечленимыми словосочетаниями.

Сравнительная степень прилагательного в роли несогласованного определения обозначает признак предмета, который свойствен ему в большей или меньшей степени, чем другим предметам, т. е. по своему значению такая словоформа близка к типичным прилагательным и отличается примыканием вместо согласования и сравнительной вместо положительной степени: *Странное чувство, чувство сильнее любопытства, сильнее даже ревности, сильнее страха – остановило меня* (И. Тургенев); *Находились люди и пошустрее деда* (В. Шукшин).

В ряде случаев сравнительная степень обнаруживает в предложении двусторонние синтаксические зависимости, и поэтому атрибутивное значение тускнеет, возрастает обстоятельственное значение: *Установилась долгая зима. Намело сугробы выше окон* (А. Куприн); ср.: *Сугробы намело выше окон*.

При синсемантичных именных словах сравнительная степень прилагательного второстепенным членом предложения не является: *Есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с здоровым ребенком на руках?* (И. Тургенев).

Несогласованные определения, выраженные *наречиями*, со стороны синтаксического значения характеризуются различными обстоятельственными оттенками. Такие оттенки не заслоняют основного определительного значения, а только сопровождают его: пространственный – *До сих пор я все еще не потерял надежды сыскать дорогу домой* (И. Тургенев); временной – *Пальцы его сделались шелковистыми, он понюхал их, они пахли, как тротуар летом* (К. Федин); образа действия – *Генерал верхом отделился от этой пехоты и подъехал к Кутузову* (Л. Толстой).

Обстоятельственные оттенки проявляются более отчетливо, если наречие относится к процессуальным существительным: *В сущности же, все эти движения вперед и назад не облегчали и не изменяли положения войск* (Л. Толстой). О преобладании атрибутивного значения свидетельствует употребление наречий в одном сочиненном ряду с прилагательными: *Я стал умываться и вдруг вслушался в какое-то однообразное, тихое, нараспев чтение* (К. Аксаков).

Различия между определением и обстоятельством нейтрализуются, если наречие испытывает зависимость от двух членов предложения – подлежащего и сказуемого: *Почти сразу затем возникла беглая ружейная пальба далеко слева* (К. Федин); ср.: *Беглая ружейная пальба возникла далеко слева*.

Присубстантивный *инфинитив* преимущественно сочетается с отвлеченными существительными нарицательными с модальным значением или со значением качественной оценки – эмоциональной или этической. При автосемантичных существительных инфинитив обозначает процессуальный признак предмета и занимает строго фиксированную позицию – после определяемого слова: *Отпадает необходимость завозить сюда хлеб за многие сотни изнурительных верст* (Г. Марков); *Любка поняла, что пришло время рассказать о встрече с Иваном Федоровичем* (А. Фадеев); *Ему казалось теперь непонятным и даже смешным его намерение убить Наполеона* (Л. Толстой).

Инфинитив является определением и тогда, когда относится к

автосемантичному существительному, образованному от глагола, сочетающегося с девербативом: *Отсюда следовало, что Кирилл прав, давая обещание поддержать Цветухина* (К. Федин).

Притяжательные местоимения ее, его, их при автосемантичных существительных принимают позицию несогласованного определения: *Лицо его было пасмурно* (И. Тургенев); *Ее волосы сдвинулись в беспорядке* (А. Грин); *Их лиц мне не было видно.*

Синтаксически *не членимые сочетания* могут быть несогласованными определениями: *Вдруг подходит ко мне мужичок лет так тридцати пяти – сорока* (С. Антонов).

Таким образом, неоднозначность, многоплановость несогласованных определений делает их выразительнейшим средством синтаксиса простого предложения. В силу своей синкретичной семантики они дают больше информации о предмете. Так, в предложении *В одно осеннее туманное утро мой хозяин... побежал в лавку напротив за кипятком для чая и за молоком для детей* (А. Куприн) – несогласованные определения: *напротив* не только обозначает конкретизирующий признак предмета, но и несет информацию о его пространственном расположении; *для чая*, конкретизируя слово *кипяток*, указывает еще на цель, для которой необходим предмет; *для детей* помимо конкретизирующего и целевого значения указывает еще и на объект, которому предназначен определяемый предмет.

III. Приложение

В тексте А. Некрыловой («Русский традиционный календарь» – СПб., 2007): *Отсветил июль-светозарник. Он – макушка лета. Настал август. Он месяц-щедротник, месяц-приберика. И вот уже золотое ведро хлеба колосит* – дана образная характеристика двух летних месяцев при помощи существительных *светозарник, щедротник, приберика*, которые содержат указание на существенные *признаки июля* и *августа*. Это *приложение* (калька лат. appositio – «прибавление, прикладывание, приложение») – особый тип определения, субстантивное определение. Его своеобразие состоит в том, что, обозначая признак, свойство определяемого слова, оно, будучи вторым названием предмета, тесно сливается с ним. Морфологически оно выражается той же частью речи (именем существительным), что и определяемое слово, обычно стоит в том же падеже, иногда числе, что и определяемое слово. Приложение с определяемым словом образуют одну синтагму, определенную целостность двух называемых взаимосвязанных явлений (своеобразная контаминация – соединение двух слов).

Приложение, являясь субстантивным определением, имеет качественно-характеризующую, квалифицирующую семантику или содержит какие-то дополнительные сведения, так или иначе характеризующие определяемое с точки зрения качества, свойства предмета, социальной принадлежности, возраста, национальности, профессии: *Ходил я на Волгу-матушку, на Оку-кормилицу, и на Дну-голубку и много людей повидал* (И. Тургенев); *И вот приходит в башню ту, где скрыл царевну-красоту* (М. Лермонтов); *Теперь он был похож на охотника-промысловика* (К. Аксаков); *У самой реки мы встретили знакомого француза-гувернера* (А. Герцен); *Река Днепр впадает в Днепровский залив Черного моря; Так рудник Сорокин превратился в город Краснодон* (А. Фадеев); *В журнале «Современник» была напечатана повесть того же автора «Без рассвета»* (В. Белинский).

Между приложением и определяемым словом устанавливаются *аппозитивные* отношения. Характер же синтаксической связи до настоящего времени трактуется по-разному:

– Традиционно она квалифицируется как разновидность подчинительной связи – согласование в падеже, т. е. оба компонента ставятся в одном и том же падеже (А.Х. Востоков, Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.А. Шахматов);

– Д.Н. Овсянико-Куликовский говорил о неполном подчинении приложения определяемому слову, о подчинении, переходящем в отношение параллелизма (*сестра Мария* – сосуществуют одинаковые формы рода, числа и падежа);

– А.М. Пешковский усматривал здесь подчинительную связь, хотя очевидно, что сочетанию приложения с определяемым словом соответствует один предмет, пусть дважды названный, но не два предмета, что естественно для подчинительной связи;

– Некоторые (Е.В. Кротевич) определяют ее как промежуточную между сочинительной и подчинительной, другие – как особый тип синтаксической связи (М.Л. Ванслова, Л.В. Савельева).

Эти суждения свидетельствуют о сложности самого синтаксического феномена – приложения. Сложность его состоит в том, что оно пережиточно, паратаксично для современного русского языка и тем самым выбивается из действующих системных связей и отношений гипотаксического типа.

Общее семантическое соотношение между приложением и определяемым может быть обозначено как соотношение вида и рода (Буслаев 1959: 451). Выступая названием видового понятия по отношению к родовому, приложение и выражает разные значения. Особенно ярки и выразительны приложения, содержащие косвенно-оценочное значение: *Но веселый болтун-скворец и без-*

заботный свистун-дрозд молчали в это утро (А. Куприн); *Особенно хороша была сверкающая сверху донизу королева-сосна* (М. Пришвин). Оно может определять предмет сравнением: *Вьется улица-змея* (В. Маяковский); *По небу огненные нитки-следы трассирующих пуль* (А. Сурков).

В зависимости от *согласования / несогласования* с определяемым словом в падеже приложения бывают согласованные и несогласованные. *Согласованные* приложения близки по синтаксическому значению к типичным определениям (*мальчик-шалун – шаловливый мальчик; сосед-добряк – добрый сосед*), хотя существительное называет сумму признаков, тогда как прилагательное – всегда один. Это семантическое различие усиливается различием в характере согласования определений, выраженных прилагательными, с одной стороны, и существительными – с другой. Приложение, согласуясь с определяемым словом в падеже (иногда и в числе), обладает большей самостоятельностью своих форм, чем определение-прилагательное. Это подтверждается и отсутствием в ряде случаев согласования приложения с определяемым словом в падеже. Это *несогласованные* приложения, в которых не согласуются разного рода *названия* – гор, озер, островов (*у горы Эверест, на озере Ильмень, за островом Шпицберген*), газет, журналов, учреждений (*в газете «Труд», на фабрике «Пролетарка»*), городов и населенных пунктов (*в городе Тула, в поселке Владыкино; В соседней деревне Крпуши косились на нас мужики* (С. Есенин).

В современном русском языке (особенно в устной речи) наметилась тенденция не согласовывать в падеже даже те приложения-названия, которые в письменной речи, как правило, согласуются (*в городе Иваново* – вместо *в городе Иванове*). В истории русского синтаксиса (XVIII век) такое употребление приложений не противоречило литературной норме: *Взял бы с собою мою комедию «Бригадира»* (Д. Фонвизин); *Играли оперу «Медею»* (Н. Карамзин). В современном языке это нарушение нормы.

Бóльшая самостоятельность приложений приводит к тому, что иногда бывает трудно определить опорное и зависимое слово (*летчицы-якутки: Мне встретились летчицы, которые были якутками – Мне встретились якутки, которые были летчицами*). А.М. Пешковский (1956: 329–330), обращая внимание на лексическое значение слов, отмечал и формальные признаки, например, согласование в роде: *премудрый крыса Онуфрий* (В. Жуковский); *собака Шарик прибежала; город Афины отличался...*

Из этих примеров ясно, что если существительное собственное обозначает лицо, то приложением будет нарицательное:

Письмо сие произвело приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина (А. Пушкин); *...я жена князя Верейского* (А. Пушкин); *шалун Коля; украинец Ткаченко.*

Приложениями обычно являются слова, уточняющие (обозначающие вид) – *ученые-лесоводы, зайцы-беляки*, они занимают постпозицию по отношению к определяемому существительному (*девушки-мастерицы*). Хотя и нельзя переоценивать роль порядка слов: слова с метафизическим значением, независимо от их места, выполняют определительную функцию: *Злоба пряталась в щелях-особняках* (Л. Пантелеев); *Крючковатые уродцы-цифры кривляются на измазанных страницах* (Г. Серебрякова); *Жужжит комар-безбожник И трутень-атеист, Скрывает подорожник Невинно-нежный лист; Но он глядит с любовью Сквозь призрачную синь Туда, где долю вдовью Клянет трава-полынь* (С. Кекова).

Обратим внимание на то, что если имя собственное обозначает не лицо, оно само является приложением к имени нарицательному, что подтверждается согласованием сказуемого с подлежащим – существительным нарицательным: *Лошадь Метеор заняла... Морж Красавица был...* Нужно иметь в виду, что часто только смысл предложения, а иногда и более широкий контекст могут подсказать, какое из сочетающихся существительных является определяемым, а какое приложением. Например, если говорящему нужно назвать лицо по его роду занятий, по социальному положению и т.п., а потом уточнить его фамилию, имя, он интонационно выделяет фамилию, делает ее обособленной, уточняющей: *В молодости он и сибиряк Корнеев полюбили актрису – Ольгу Трубицыну* (Е. Пермитин).

Нельзя относить к приложениям устойчивые сочетания, выступающие как единое семантическое целое, поэтому являющиеся сложным словом, одним членом предложения: *царь-колокол, жар-птица, бой-баба*. Нет приложения и в синонимических (*путь-дорога, друг-приятель, ум-разум, царство-государство*), антонимичных (*приход-расход, вопросы-ответы, купля-продажа, экспорт-импорт*) и ассоциативных (*гуси-лебеди, рожь-пшеница, девятилетки-одиннадцатилетки*) сочетаниях, потому что между их компонентами нет подчинительной зависимости, нет атрибутивных отношений. Оба слова здесь равноправны и поэтому выступают как один член предложения.

Цитируемая литература

Бабайцева В.В. Изучение членов предложения в школе. – М., 1975.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1961. – Ч. II.

Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. II.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Фурашов В.И. Несогласованные определения в современном русском языке. – М., 1984.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

Лекция 10

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей.
>
> *В.В. Виноградов*

I. Обстоятельство и его типы.

II. Характеристика обстоятельств.

III. Обстоятельства, не укладывающиеся в традиционную классификацию второстепенных членов предложения.

IV. Детерминирующие члены предложения.

I. Обстоятельство и его типы

Обстоятельства служат для качественной характеристики действия или признака в нем, а также различных отношений, ситуаций, в которых действие или признак проявляется. Традиционное подразделение обстоятельственных второстепенных членов (см., например, Буслаев 1959: 275) на обстоятельства образа действия, меры и степени, места, времени, цели, причины, условия и уступки более или менее точно и достаточно подробно отражает их частные семантико-синтаксические функции. Это и подтверждается приведенной цитатой-эпиграфом В.В. Виноградова (1947: 15).

В указанное подразделение следует внести определенный логический порядок, распределив отдельные типы обстоятельств – с учетом *назначения* и *характера их связи* с подчиняющими словами – по следующим трем группам:

– *квалифицирующие* обстоятельства (образа действия, меры и степени);

– *ситуативные* обстоятельства (места, времени, условия, уступки);

– *мотивирующие*, или сопутствующие, обстоятельства (причины и цели).

Такая группировка была намечена еще А.А. Шахматовым (1941: 399, 407, 414), который соответствующие типы обстоятельств обозначал терминами: *обстоятельства определяющие, обстоятельства дополняющие* и *обстоятельства сопутствующие*.

Приведем примеры из произведений А.С. Пушкина: *Мы расстались дружески; Он слушал Ленского с улыбкой; Я близ Кавказа рождена; Вечер, ты помнишь, вьюга злилась; Я отказался по неумению; В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей; В случае нападения закройте ворота; Дубровский решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями; Сел Балда на кобылу верхом, да версту проскакал.*

Каждая из этих групп обстоятельственных второстепенных членов обладает некоторыми специфическими свойствами по сравнению с другими группами. Так, для *квалифицирующих* обстоятельств, указывающих на внутренние признаки, характерна непосредственная и тесная связь с глаголом (или прилагательным), в известном отношении подобная связи согласованных и несогласованных определений с существительными: *хорошо работает – хорошая работа; весело смеется – веселый смех; говорить шепотом – разговор шепотом; шли пешком – ходьба пешком.*

Ситуативные и *мотивирующие* обстоятельства, указывающие на внешние признаки, могут быть непосредственно связаны с глаголом или опосредованно (через связку) с любым словом, выполняющим функцию сказуемого, (причем второе более свободно, нежели первый) и семантически соотноситься со всем остальным составом предложения, как в примерах: *Вопреки предсказанию моего спутника погода прояснилась* (М. Лермонтов); *Галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда* (Л. Толстой); *На рассвете Гришу разбудили удары грома* (И. Бунин); *При наличии характера школа хорошо воспитывает* (М. Горький); *Ради этой любви она безропотно переносила эти унижения* (К. Паустовский).

Морфологической базой обстоятельственных членов являются наречия, так как их категориальное значение совпадает с категориальным значением обстоятельств: члены предложения и части речи – явления соотносительные, но не тождественные. Лексический состав частей речи представлен в количественном плане неодинаково: наречных слов значительно меньше, например, чем существительных, которые отмечены богатством лексического состава. Вот почему в функции обстоятельств употребляются формы *разных частей речи: глагола* (инфинитив, деепричастие) – *Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться* (И. Крылов); *Многие, прочитав эти строки, назовут меня интеллигентом и неврастеником* (М. Булгаков); и прежде всего *имен существительных – Со мной иногда заговаривали на улице* (А. Куприн); *При желании я мог бы разыскать девушку очень легко* (А. Грин); *фразеологические или синтаксически не членимые словосочетания – Я поскакал сломя голову* (И. Тургенев); *До жизни в Плесе он не верил в ласковость народа* (К. Паустовский).

Следует учитывать, что исторически обстоятельства как компоненты высказывания сформировались в структуре предложения неодновременно. Более ранними из них являются обстоятельства образа действия и времени (об этом свидетельствуют возможности их морфологического выражения), более поздними – причины, цели и уступки (уступительности). При выражении последних наблюдается стремление использовать уже имеющиеся средства, обслуживающие другие синтаксические категории, значение которых совпадает с категориальным значением частей речи, выражающих их (особенно полифункциональность существительного, его беспредложных и падежно-предложных словоформ).

II. Характеристика обстоятельств

В научной и учебной литературе выделяется разное количество типов, разрядов обстоятельств, что обусловлено целями и задачами классификации. В школьных учебниках, как и в академической «Грамматике русского языка» (1954), обычно выделяется семь видов, другие авторы (Бабайцева В.В) увеличивают их количество до двенадцати (добавляя обстоятельства сравнения, следствия, обстановки, модальные). Типы обстоятельств изосемантичны соответствующим разрядам наречий в их морфологическом статусе. Целесообразно в соответствии с традицией принять восемь разрядов: образа действия, меры и степени, места, времени, условия, уступки, причины и цели. При этом учитывается соотносительный и синонимичный характер семантики компонентов простого и сложного предложения. Преимущественно в простом предложении выражаются значения образа действия, меры и степени; более характерны для сложноподчиненного предложения значения следствия, условия и уступки; остальные значения представлены равномерно как простыми, так и сложными предложениями.

Укажем для каждого разряда, типа обстоятельств наиболее общее значение и способы выражения.

Обстоятельства образа действия обозначают качество действия, образ и способ действия. Наиболее употребительно значение качества действия, которое выражается качественными наречиями: *поет хорошо, едет быстро, смотрит вызывающе, говорит певуче; Голубые глаза глядят ровно, спокойно* (В. Короленко); *Приезд его сильно не понравился Савельичу* (А. Пушкин); *А псы смирехонько лежат* (И. Крылов).

Также часто употребляются обстоятельства, обозначающие собственно *образ действия*: *подошел вплотную; стояли группами; идут друг за другом; плачет, громко всхлипывая; Жизнь прожили душа в душу* (Д. Мамин-Сибиряк). Если образ действия выражается посредством сравнения, то такие обстоятельства имеют сравнительный оттенок: *сражается геройски, обнялись побратски, пел соловьем, стоит как столб; Разговор опять замотался, как огонь задуваемой лампы* (Л. Толстой); *Бабы разрядились, как на праздник* (С. Антонов).

К этим обстоятельствам относятся члены предложения, обозначающие *способ действия*: *перебирается вплавь, летит самолетом, узнает по голосу; Через несколько минут мы уже ехали небольшой рысью* (К. Аксаков); *Он слушал Ленского с улыбкой* (А. Пушкин); *Они пошли тихо-тихо, согнувшись к земле* (М. Горький); *Кряхтя, влез в дверь Пантелей Прокофьевич* (М. Шолохов).

Данные обстоятельства выражают совместность / раздельность действия: *работали втроем, сидели поодиночке*; содержат – указание на результат, получаемый в процессе действия: *вернулся с победой*; указание на соответствие данного действия общепринятым нормам, инструкциям или желаниям того или иного лица: *действовал по закону, сделать по его желанию, играть не по правилам*; обозначают состояние лица или предмета: *кричать в бреду, плакать во сне, идти, закрыв глаза, жить холостяком. Она стояла не шевелясь, с блестящими глазами и жадно слушала* (В. Вересаев); *Старик неподвижно сидел в лодке, закрыв глаза* (М. Горький).

Итак, обстоятельства образа действия, указывая на видимый образ, внешнее проявление действия, имеют достаточно большой спектр семантических оттенков (*Он стоит опустив голову, с закрытыми глазами, молча, неподвижно, как пень* – состояние, качество, сравнение), которые выражаются качественными наречиями, беспредложными и предложными формами существительных, деепричастиями (оборотами) и фразеологизмами.

Обстоятельства меры и степени обозначают количественный признак действия, т. е. выражают меру действия, меру времени и

пространства, степень действия и качества: *С запада прояснилось, и чистая заря долго горела над лугами* (К. Паустовский); *И чем крепче он думал, тем печальнее пела скрипка* (А. Чехов).

Среди этих обстоятельств четко выделяются две подгруппы: меры и степени. Обстоятельства со значением *меры* относятся к глаголу и обозначают:

– количество сделанного: *принес немного, увеличил вдвое, цены выросли в несколько раз; Раз десять бегал я на почту* (В. Каверин);

– меру времени: *жить два дня, ждать четверть часа; Женщина на минуту прекратила работу* (Ю. Куранов);

– меру пространства: *отступить на шаг, пройти десять километров; Улица тянулась верст на пять* (А. Чехов);

– меру стоимости: *сотни пудов; Свадьба две тысячи стоила* (А. Чехов).

Обстоятельства со значением *степени* обозначают степень качества прилагательных, реже степень действия глаголов, имеют свой морфологический «стержень» – наречия *очень, совсем, совершенно, целиком, сильно, слишком, настолько* и др.: *И кудри их белы, как утренний снег* (А. Пушкин); *Бескрайне велик, сложен, запутан мир, в котором живет человечество* (В. Тендряков); *Правильные люди меня очень раздражают* (А. Крон); *Видишь: я ее люблю до безумия* (М. Лермонтов). Иногда они уточняют существительное: *Отец сегодня что-то сильно не в духе; Ты теперь совсем молодец.*

Обстоятельства меры и степени могут выражаться и словосочетанием, возникшим в результате фразеологизации придаточного предложения: *Я отнял ствол от ружья и затрубил что было мочи* (М. Пришвин); *Капитан ругал виноватого на чем свет стоит* (В. Короленко).

Обстоятельства места обозначают исходный или конечный пункт движения, путь движения, место совершения действия, направление движения. Они выражаются наречиями места, именами существительными в косвенных падежах с предлогами или без предлогов, устойчивыми сочетаниями: *Везде – спереди, справа и слева – виднелись войска* (Л. Толстой); *Какая-то сила бесцумно влекла его куда-то* (Л. Толстой); *Вчера я пришел в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука* (М. Лермонтов); *Около каждого из домов были разбиты клумбы* (С. Сартаков).

Обстоятельства места, как видно из примеров, обозначая место действия, относятся к глаголу, но могут быть и при именном

сказуемом: *Небо сделалось светло-голубым в зените и сверкающе-белым на западе* (М. Шолохов).

Обстоятельства места и последующие типы (время, причина, цель, условие, уступка) имеют собственно обстоятельственное значение, т. е. они обозначают, при каких обстоятельствах совершается действие или проявляется тот или иной признак: в каком месте, в какое время, по какой причине, при каких условиях и вопреки чему. А рассмотренные «образа действия», «меры и степени» собственно обстоятельств не выражают: они уточняют действие, признак с качественной или количественной стороны, и поэтому их название не соответствует внутренней форме слова «обстоятельство».

Обстоятельства времени характеризуют действие или признак с указанием или без указания временного предела, исходного и конечного момента действия. Данные обстоятельства относятся к глаголу, к именным словоформам: *Я любила его девочкой и мучительно и невыносимо люблю его сейчас* (Ю. Герман); *Эти места знакомы мне с детства* (С. Антонов); *Русская литература с самого своего зарождения была выразителем духа своей эпохи* (Л. Соболев) – и выражаются наречиями времени, именами существительными в косвенных падежах с предлогами и без них, деепричастиями (оборотами), количественно-именными сочетаниями и фразеологическими выражениями: *Блажен, кто смолоду был молод* (А. Пушкин); *Командующий никогда не ругал подчиненного за то, что тот не смог, а всегда только за то, что тот мог и не сделал* (К. Симонов); *За ужином разговаривали мало* (И. Тургенев); *Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь* (М. Лермонтов); *Около десяти часов вечера она пришла в себя* (М. Лермонтов); *Марфа помрет очень скоро, не сегодня-завтра* (А. Чехов); *Белка лущила шишки и время от времени бросала вниз* (Б. Полевой). См. пример языковой игры: *Я могу работать часами. Например, время сообщать* – двусмысленность первого предложения – временное и объектное значение *часами*.

Изредка обстоятельства времени уточняют прилагательные-определения: *Убирала комнату мать, с самого утра почему-то грустная; Нужная в ту минуту книга куда-то затерялась.*

Частотным способом выражения темпоральных отношений являются деепричастные конструкции, при анализе которых необходимо обращать внимание на *два фактора: грамматический* – наличие одновременности или последовательности действий, названных деепричастием и глаголом-сказуемым, и значение видовременных форм, выражающих это соотношение; *семантический* – наличие лексической однородности или неоднородности между действиями деепричастия и глагола-сказуемого.

Временное значение деепричастий (оборотов) проявляется при выражении и деепричастия и глагола-сказуемого формами *совершенного вида*, которые обозначают однократные последовательные действия: *Подумав, Каштанка поцарапала дверь обеими лапами, отворила и вышла в соседнюю комнату* (А. Чехов). Здесь имеется четкая последовательность однократных действий, выраженных глаголами совершенного вида, что создает бесспорную *временную зависимость* между ними. Эти отношения можно представить (трансформировать) так: *Каштанка, подумала, поцарапала, отворила и вышла – После того как подумала, Каштанка поцарапала, отворила и вышла.*

Временные отношения между деепричастием и глаголом-сказуемым устанавливаются и при наличии *семантически равноправных*, одновременных действий, выраженных формами *несовершенного вида: Маленькая женщина, натягивая сетку на растрепанные волосы одной рукой, другой размахивала перед лицом Самгина* (М. Горький) – *Маленькая женщина, размахивая перед лицом Самгина... другой натягивала сетку...* – действия происходят одновременно. Ср. еще: *Делая эскизы, художник создает картину – Создавая картину, художник делает эскизы.*

Если основной глагол и деепричастие имеют форму *несовершенного вида*, но обозначают действия повторяющиеся, состоящие из нескольких *однократных последовательных актов*, то обстоятельственное значение времени у деепричастия тоже проявляется довольно четко: *Потом всякий раз, приезжая в Киев, я поражался приветливости, живости людей* (И. Эренбург).

Как видим, эти конструкции обладают интересным свойством: деепричастие можно превратить в спрягаемую форму и наоборот, причем общий смысл предложения не меняется. Это доказывает, что действия сказуемого и обстоятельства времени равноправны. Возможность же замены деепричастного оборота придаточным времени еще раз свидетельствует о его (обороте) временном значении.

Темпоральное значение деепричастия подчеркивается наличием другого, однородного с ним обстоятельства времени: *Вечером, оставшись один на новом месте, он долго не мог заснуть* (Л. Толстой); *Теперь, вспоминая прошлое, он понимал его ничтожность* (И. Эренбург). Такие обстоятельства имеют и уточняющее значение.

Деепричастные обороты, совмещающие функции обстоятельства времени и причины, имеют синонимы среди временных и

причинных придаточных: *Рафаэль оказал великую честь ее сыну, сообщив ему античное величие* (Е. Богат) – *когда сообщил, так как сообщил...* Такие обороты могут совмещать в себе функции времени, условия и причины: *Другие боялись делать подобные доклады, зная, что они не понравятся* (из газет) – *когда знали, если знали, так как знали...* Может быть совмещена функция обстоятельства времени и добавочного сказуемого: *Приближаясь, он увидел рощу* (А. Пушкин) – *когда приближался, приближался и увидел...* Все это синкретичные обстоятельства.

В заключение сравним способы выражения темпоральных отношений в простом и сложном предложениях:

– значение *одновременности*: *Во время дождя мы сидели дома – Когда шел дождь, мы сидели дома; Пока шел дождь...* Ср. еще: *По мере подъема альпинистов на вершину становилось все холоднее – По мере того как альпинисты поднимались на вершину...*

– значение *последовательности*: *После звонка дети выбежали из класса – После того как (как только, едва, лишь только) прозвенел звонок...* Ср. еще: *Перед отъездом обязательно позвони – Перед тем как уехать... До экзаменов осталось два месяца – До того как начнутся экзамены...*

В простых предложениях присутствуют две пропозиции, одна из которых, имея темпоральное значение, может быть развернута в придаточную часть времени.

Обстоятельства причины обозначают причину возникновения действия, состояния или признака: *Чему обрадовался сдуру?* (И. Крылов); *Не из-за гордости я уезжаю – нет, мне нельзя иначе* (И. Тургенев).

Слово «причина» русским языком заимствовано (не позже XV в.) из польского, в котором оно является производным от глагола «сделать». По современным лексикографическим данным это явление, вызывающее, обусловливающее возникновение другого явления (*причина пожара*); основание, предлог для каких-либо действий (*уважительная причина*). Определяющий для причины признак, выделяемый на основе хронологической перспективы, – *предшествование*. Причина всегда предшествует следствию: *Мне в холодной землянке тепло От твоей негасимой любви* (А. Сурков). Связь причины с временной перспективой можно проследить, если анализировать употребление средств выражения причинных и временных отношений. Отмечены случаи, когда у временного члена предложения есть оттенки причины: *После зимней радости, после больших надежд, все случившееся казалось нестерпимым* (И. Эренбург). Ср.: *Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и уснул* (М. Лермонтов).

В плане временного соотношения в синтаксической оппозиции «причина / следствие» можно выделить признаки: *предшествующее* событие – *последующее* событие, так как причина относится к классу событий, которые всегда предшествуют следствию. Ср.: *Я не пришел. Болезнь помешала – Я не пришел по болезни, из-за болезни, потому что болел.*

Причине свойственна *агентивность* (лат. agentis – «действующий; действующий фактор, вызывающий те или иные явления»), поэтому она порождает следствие (или вызывает): чтобы *осуществилось* следствие, необходимо *осуществление* причины. Рассмотрение отношений между причиной и следствием позволяет выделить семантический признак: *порождающее* событие – *порожденное* событие. Это подтверждается синонимическими конструкциями: *Иван обессилен от быстрой ходьбы / Иван обессилен быстрой ходьбой / Быстрая ходьба обессилила Ивана.*

Причинные отношения (каузальные < лат. causa – «причина, повод, основание, побудительное начало») складываются не между предметами (ср. объектные), а между теми ситуациями, в которые попадают предметы: *от усталости закрывались глаза; страдает от астмы* (ср. *лечится от астмы*). Эти отношения в языке сформировались значительно позже, чем объектные, атрибутивные, темпоральные. Лексическая система языка еще не располагает богатым в лексическом и количественном отношении составом причинных наречий: *сгоряча, случайно, спросонья, сослепу, поневоле, спьяна, почему – Твое последнее письмо огорчило меня: ты сам знаешь почему* (М. Лермонтов); *И все почему-то вздохнули* (А. Чехов).

Эта некомплектность компенсируется описательными формами – субстантивными предложно-падежными сочетаниями, деепричастными оборотами, устойчивыми выражениями: *Молчал из вежливости* (А. Пушкин); *Прислуга оживилась под влиянием его веселости* (Л. Толстой); *Попала на каторгу за кражу сахара* (Д. Мамин-Сибиряк); *Знакомство прекратилось по каким-то обстоятельствам* (М. Булгаков); *Я справился с переводом благодаря твоей помощи* (С. Маршак) – большую роль играют предлоги: *Ты скучаешь и дразнишь меня от нечего делать* (И. Тургенев).

Причину обозначают деепричастия обоих видов, но гораздо чаще *несовершенный вид*, который представляется как длительно действующая причина, совпадающая во времени с главным действием на всем его протяжении: *Старик спешил, боясь утратить припасенную дорогой смелость* (М. Шолохов); *Моя парижанка, обладая прекрасным аппетитом, любила русскую кухню* (М. Горький). Деепричастия *совершенного вида* обозначают действие уже совершившееся и обусловившее собой появление главного действия: *Она обернулась, услышав скрип снега; Он, растерявшись, не знал, что делать* (М. Шолохов).

Деепричастные конструкции мотивируют слова, чувства, поступки и отношения людей. Вот почему такие обороты относятся главным образом к глаголам-сказуемым, обозначающим *чувства* и *восприятия* (*уважать, любить, взглянуть...*); к глаголам *речи* (*рассказывать, предложить, утешить...*); к глаголам *движения* (*приехать, пойти, уйти...*).

Обратим внимание на *выразительные* возможности причинных деепричастий: *Он работает изысканно и медленно, чувствуя себя участником предстоящего события, вполне понимая и разделяя ее артистическое волнение, будучи и сам натурой артистической* (И. Бунин). А иногда в роли однородных членов употребляются обособленное определение и обособленное обстоятельство с причинным значением: *Евгений, тяжбы ненавидя, Довольный жребием своим, Наследство предоставил им...* (А. Пушкин).

Приведем примеры способов выражения причинных отношений в простом и сложном предложениях: *Я справился с этим заданием* ***благодаря помощи*** *учителя – Я справился с этим заданием,* ***благодаря тому что*** *помог учитель;* ***Из-за дождя*** *мы отложили прогулку – Мы отложили прогулку,* ***из-за того что*** *пошел дождь; Прошу освободить меня от должности* ***в связи с переходом*** *на другую работу – Прошу освободить меня от должности,* ***в связи с тем что (потому что)*** *я перехожу на другую работу;* ***Вследствие наводнения*** *разрушено много домов –* ***Вследствие того что*** *было наводнение, разрушено много домов.*

В IV томе Толкового словаря живаго великорусскаго языка Владиміра Даля находим значение слова *цель* – «конечное желание, стремление, намерение, чего кто силится достигнуть», и сегодня **обстоятельства цели** обозначают цель действия, завершают его: *Расцвела сирень-черемуха в саду На мое несчастье, на мою беду* (М. Исаковский); *Идет Онегин с извиненьем* (А. Пушкин).

Само слово *цель* – одно из ранних славянских заимствований из средне-верхне-немецкого (zil), в русский язык пришло через посредство польского, свое семинологическое синтаксическое значение получило в «Исторической грамматике» Ф.И. Буслаева (1959: 267): «К обстоятельствам цели, первоначально обозначавшимся словами дополнительными, принадлежит церковнославянское достигательное наклонение, употребляющееся при глаголах движения и от них зависящее; напр., Царь, вошедъ посмотрѣть возлежащих, увидель там человѣка..., Матф., 22,11... Неопределенное наклонение, употребляемое в нашем языке в смысле церковнославянского достигательного, по значению, есть слово обстоятельственное, напр., *иду учиться...*»

Исторически инфинитив (специальная форма супин) в роли обстоятельства цели обычно соединяется с глаголами движения: *пойти, поехать, зайти* и под., а также с глаголами *жить, родиться, позвать, пригласить, оставить: Я пришел с вами проститься, княжна* (И. Тургенев); *Наш кучер уехал в кузницу подковать лошадей* (А. Чехов); *Недавно позвали меня в одну компанию слушать песни* (К. Паустовский). Такие простые предложения синонимичны сложноподчиненным с придаточным цели: *пришел, чтобы проститься; уехал, чтобы подковать лошадей.*

Кроме инфинитива в роли обстоятельства цели выступают:

– единичные наречия цели (*назло, нарочно, умышленно, зачем, незачем*): *Он делает глупости, а она назло вдвое* (А. Куприн); *Зачем он пугал меня* (В. Шукшин);

– родительный падеж отвлеченных существительных с предлогами *для, ради* и винительный падеж с предлогами *в, на*: *Не для житейского волненья, не для корысти, не для битв, – Мы рождены для вдохновенья...* (А. Пушкин); *Бричка, запряженная парою лошадей, остановилась на ночлег в поле* (В. Короленко);

– исключительно редко деепричастия несовершенного вида, деепричастные обороты, указывающие своим действием, *зачем, с какой целью* совершается основное действие глагола-сказуемого: *И, спасаясь, он начал бегать по камере* (Л. Андреев); *Под видом сохранения она взяла деньги, а я, угождая ей, не противился* (И. Тургенев); *Затем садились в мраморные ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку* (И. Бунин).

В большинстве примеров *целевое* значение как бы наслаивается на *причинное*, уступая ему часто в отношении четкости. Но в тех случаях, когда обстоятельство причины, выраженное деепричастным оборотом, называет факты, явления, необходимые или желательные для субъекта, это обстоятельство совмещает и значение цели: *Волк из лесу в деревню забежал не в гости, но живот спасая* (И. Крылов); *Он посторонился, пропуская двух петлюровцев* (Н. Островский); *Он то и дело приставлял к своим карим глазам бинокль, обозревая сражение* (А. Новиков-Прибой) – *зачем* посторонился? *Чтобы пропустить петлюровцев*, но и *почему*? *Потому что пропустил петлюровцев...*

Известно, что первоначально значение цели не отделялось от значения причины: зачем?, почто?, отчего? – вопросы были синкретичны: *Из чего я хлопочу? Из зависти к Грушницкому* (М. Лермонтов); *Из зависти клевещет* (А. Пушкин). И при разграничении этих значений необходимо обращать внимание на лексическое значение определяемого и основного компонента. Ср.: *пришел по делу* (цель) – *по оплошности, по недоразумению* (причина); *поступил из любопытства* (цель) – *из неосторожности* (причина); *для тебя не спал всю ночь* (цель) – *из-за тебя не спал всю ночь* (причина); *подарок ребенку на зубок* (определение) – *дарю ребенку на зубок* (цель).

Обстоятельства-существительные цели могут относиться ко всему безглагольному предложению или прилагательному: *Для достижения совершенства всякая деятельность – всего только средство* (Г. Серебрякова) – *чтобы достигнуть совершенства, всякая деятельность – только средство; На лужке были разбросаны камни, удобные для сидения* (А. Чехов) – *...удобные для того, чтобы сидеть на них.*

Отметим случаи синонимии целевых отношений простого и сложного предложений: *Он приехал в Москву* ***поступать*** *в институт – Он приехал в Москву,* ***чтобы*** *поступить в институт; Делегация прибыла* ***для переговоров*** *– Делегация прибыла,* ***для того*** *чтобы вести переговоры; Они жертвуют своей жизнью* ***ради спасения*** *людей – Они жертвуют жизнью,* ***ради того чтобы*** *спасти людей;* ***С целью повышения*** *квалификации его послали на курсы – Его послали на курсы,* ***чтобы*** *он повысил квалификацию.*

В работе А.Х. Востокова «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенной» (1831 г.) среди обстоятельств есть пример *С охотою и прилежанием во всем успевают, без охоты же и без прилежания теряют время*, в котором *с охотою и прилежанием, без охоты и без прилежания* обозначают **условие** совершения действия, предпосылку чего-либо, то, от чего что-то зависит. Такие обстоятельства относятся к глаголу-сказуемому, и их условное значение поддерживается действием, которое *может совершиться*. Поэтому сказуемое, к которому относится обстоятельство условия, должно иметь в своем составе или слова с модальным значением *возможно, невозможно, нельзя, надо, необходимо, мочь, намереваться, собираться*, или оно должно быть выражено глаголом будущего времени, настоящего постоянного (вневременного), формой повелительного или сослагательного наклонения: *Я мог различить при свете луны далеко от берега два корабля* (М. Лермонтов); *От обилия орденов количество героизма в мире не меняется* (А. Крон); *Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или, просто, если бы разлюбили друг друга* (А. Чехов); *При малейшей удаче он необыкновенно ободрялся* (Ф. Достоевский); *Сделав добро, не кайся* (пословица); *Желая сильно, не рассуждают* (М. Горький).

Как видно из приведенных примеров, обстоятельства условия выражаются предложно-падежными формами существительных (родительный и дательный падежи) и деепричастиями.

Обстоятельственное значение деепричастия, содержащего указание на условие, особенно подчеркивается в следующих случаях:

– при уточнении сказуемого, выраженного глаголом сослагательного наклонения: *Я знаю – солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи!* (В. Маяковский);

– в пословичных обобщенно-личных предложениях: *Не узнав горя, не узнаешь и радости; Не радуйся, найдя, не тужи, потеряв*;

– при употреблении в одном ряду с другими обстоятельствами условия: *При большом желании, напряжении силы, человек самых средних способностей может добиться чего угодно* (В. Панова);

– при лексическом совпадении глагольной основы и деепричастия: *Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решил жениться на ней* (А. Пушкин);

Напротив, значение многократной повторяемости условия и вызываемого им следствия сближает такие деепричастия с деепричастиями, выражающими темпоральные отношения: деепричастие как бы совмещает значение условия с довольно ярким значением времени: *Он не испытывал удовольствия, бичуя себя* (М. Горький); *Но иногда, случайно обернувшись, я ловил на себе ее взгляд, быстрый и пристальный* (В. Вересаев).

Имплицитный смысловой потенциал простых предложений с обстоятельствами условия позволяет трансформировать их в сложные предложения: *Без вашей помощи я эту проблему не решу – Если вы не поможете, я эту проблему не решу; В случае возникновения пожара звоните по телефону 01 – В случае если возникнет пожар, звоните по телефону 01; Кончив дело, гуляй смело – Если кончил дело, гуляй смело.*

Четыре предложения содержат значения **уступки**:

– *Несмотря на ветер* тучи над морем были неподвижны;

– *Вопреки советам врачей* он не поехал лечиться;

– *При всем уважении к вам* я не могу выполнить вашей просьбы;

– *Обещая прийти вовремя*, она все-таки опоздала – содержат обстоятельства, которые означают условие, причину – *основание* – вопреки чему, в несогласии с чем осуществляется излагаемая ситуация. В предложениях указаны неиспользованные, проигнорированные основания, которые вызывают *не ожидаемое*, а *противоположное* ожидаемому *следствие*: *Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания* (Л. Толстой); *Со всем своим умом и твердой волею не устоишь* (А. Пушкин); *Несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его* (М. Лермонтов); *Как с вашим сердцем и умом Быть чувства мелкого рабом?* (А. Пушкин); *Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы* (Н. Карамзин).

Обстоятельства уступки чаще всего выражаются:

– сочетаниями существительных с предлогом *несмотря на*, в такую конструкцию входят существительные, обозначающие состояние природы (*снег, жара, засуха, холод, наводнение* и т.п.), состояние человека (*болезнь, плохое самочувствие, недомогание, усталость* и др.), характеризующие человека (*ум, способность, трудолюбие, талант*);

– конструкцией с предлогами *наперекор, вопреки* и такими существительными, как, например, *ожидание, надежда, желание, воля, совет, требование, обещание, предсказание, прогноз* и др.;

– предложно-падежным сочетанием *при всем, даже при, даже без, даже в случае* плюс существительные, обозначающие качества или свойства лица, предмета (*простота, легкость, умение, доброта, скромность, прочность*) и выражающие отношение лица к другому лицу (*уважение, интерес, любовь, симпатия*);

– деепричастными оборотами, при которых большую роль играет отрицание: *Не мысля гордый свет забавить... Хотел бы я тебе представить залог, достойнее тебя* (А. Пушкин); *Он впустил вас в зону, не получив разрешения командования школы* (Б. Полевой) – ср.: *Он впустил вас в зону, получив разрешение...* – обстоятельство причины или времени, причинно-временные отношения.

Укажем редкие случаи выражения уступительных обстоятельств: *Прости, что я к тебе пришел без спросу* (А. Майков); *Вышла замуж не по любви* (А. Островский); *Я, совсем без драки, могу попасть в большие забияки* (И. Крылов).

Обратившись к уступительным обстоятельствам (оборотам), отметим, что в уступительные отношения входят, главным образом, деепричастия, образованные от глаголов речи (verba dicendi) (*доказывая, утверждая, толкуя, признавая, повторяя*), чувства (*ценя, боясь, изнывая*) и т.д. Значение уступительности создается, в первую очередь, на основе противопоставления лексических значений деепричастия (оборота) и глагола-сказуемого: *Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича», не превосходя пушкинского «Жениха» со стороны формы, слишком много превосходит его со стороны содержания* (В. Белинский), – где деепричастие образовано от того же глагола, что и сказуемое, но с отрицанием; уступительное значение усиливается противопоставлением слов «форма» и «содержание». Сильное противопоставление чувствуется в тех случаях, когда обе глагольные основы близки по значению или почти синонимичны, но одна из них употреблена с отрицанием (напр.: *любить – не уважать*): *Он был не глуп, И мой Евгений, Не уважая сердца в нем, Любил и дух его суждений...* (А. Пушкин).

В целом ряде случаев бывают противопоставлены *обстоятельства*, сопровождающие деепричастие и сказуемое: *Вечно толкуя о жизни, никогда не знал ее* (В. Белинский).

С точки зрения структуры уступительное значение становится более четким, когда в поясняемом составе есть слова *все-таки, тем не менее, однако* и др.: *Необыкновенно устав и лежа на душистом сене, я все-таки не мог уснуть* (И. Бунин) – ср.: *но я все-таки не мог...*

Такие конструкции (обороты) семантически относятся не только к сказуемому, но и к поясняемому составу предложения, и их обстоятельственное значение становится понятным на фоне всего предложения: *Находясь в таких отношениях, они пользовались совместной жизнью в продолжение слишком сорока лет, и никогда ни тому, ни другому не приходило в голову, что подобная жизнь заключала в себе что-то противоестественное* (М. Салтыков-Щедрин).

Обособленные уступительные конструкции по значению, функции и интонации приближаются к придаточным уступительным: *Хотя, несмотря на то что находились в таких отношениях, они пользовались...; Несмотря на старания у него ничего не получилось – Хотя он старался, несмотря на то что он старался, как он ни старался, сколько он ни старался – у него ничего не получилось.*

III. Обстоятельства, не укладывающиеся в традиционную классификацию второстепенных членов предложения

Язык гораздо богаче и сложнее, чем он представлен в грамматиках. Ряд явлений занимает промежуточное положение между классификационными рубриками, а другие вообще не укладываются в существующие грамматические схемы.

Среди этих явлений имеется значительная группа второстепенных членов, которые можно назвать обстоятельствами, но включить в какой-нибудь из рассмотренных выше разрядов нельзя. Дополнить существующую классификацию можно несколькими более или менее четко выделяемыми видами обстоятельств.

Обстоятельство ограничения. В.М. Никитин (1959: 47) определяет его как член предложения, который «указывает ту часть или ту сторону предмета, на которую распространяется признак, выраженный определяемым словом»: *Вчерне статья готова; На взгляд-то он хорош, да зелен* (И. Крылов). По вопросу *как?* слова *вчерне, на взгляд-то* можно отнести к обстоятельствам образа действия, но по значению они не являются таковыми, так как не относятся к глаголу и не выражают образ действия. Эти обстоятельства уточняют прилагательные, наречия, реже существительные. Их значение сводится к *ограничению признака* поясняемых слов.

Обратимся к другим примерам: *Тяжело было физически, еще тяжелее – морально* (М. Горький); *Его противник, по прозвищу Медведь, был с виду атлетом* (Г. Серебрякова); *Лицо его было юношески пухлым* (Ю. Казаков); *Скалы не похожи одна на другую и по цвету, и по высоте, и по форме* (Г. Федосеев).

Обстоятельство ограничения *юношески* сужает понятие, заключенное в прилагательном *пухлым*: лицо было не болезненно пухлым, не детски пухлым, а юношески пухлым, т. е. внешний вид лица ограничивается юношеской пухлостью. Или состояние человека ограничивается двумя «уточнителями»: тяжело не вообще, а физически, еще тяжелее – морально. Обстоятельство *с виду* подчеркивает, что противник был атлетом не на самом деле, а только по внешним признакам.

Модальное обстоятельство. Такие члены предложения сближаются с вводными словами, т. е. они выражают отношение говорящего к высказываемой мысли: ***Действительно вид был широкий**: за лугами блестела извилистая речка, за ней желтели пологие пажити* (К. Паустовский). Слово *действительно* совмещает признаки наречия и модального слова. Это не вводное слово, так как оно грамматически связано со сказуемым *был широкий*, уточняя это сказуемое. В.В. Бабайцева (1979: 105) называет их модальными обстоятельствами, так как они обозначают соотнесенность признака с действительностью и выражаются словами типа *непременно, истинно, на самом деле, фактически*: *Он действительно (в самом деле, фактически) болен.* Ср.: *Он поистине поэт – Он истинный поэт; Явись обязательно – Явка обязательна*; во вторых предложениях обозначена четкая позиция члена предложения.

См. примеры: *Тетя Маша тоскует по саду, который был у них и правда не плох* (В. Солоухин); *Он денег дает и просит во что бы то ни стало купить ему ножовку* (М. Пришвин).

Обстоятельство следствия. Это такой второстепенный член предложения, который обозначает следствие, вытекающее из основного действия-причины: *Люблю до дыр зачитанные книги* (М. Матусовский); *Валя досмеялась до слез* (В. Шукшин). Деепричастный оборот имеет такое значение: *При нашем приближении толпа расступилась на обе стороны, образовав род широкой щели* (А. Куприн) – Ср.: *так что образовался род широкой щели* – придаточное следствия. См. еще: *Под Игнатовым упала лошадь, придавив ему ногу* (Л. Толстой); *Ресницы красиво вздрогнули, придав глазам выражение сосредоточенно думающее* (М. Горький).

Обстоятельства следствия постпозитивны по отношению к сказуемому. Если они выражаются словоформой в родительном падеже с предлогом *до*, то в них совмещаются значения следствия и степени.

Кроме названных обстоятельств, выделяются обстоятельства: *обстановки (ситуации): в атмосфере, в тишине, на солнышке, в тумане – Багряное солнце поднималось в утренней тишине* (К. Паустовский); *сравнения – Красным полымем заря вспыхнула* (А. Кольцов); *состояния – В радости забываем о других* (Ю. Герман); *соответствия – По закону так поступать не полагается* (В. Распутин); то есть их номенклатура расширяется.

IV. Детерминирующие члены предложения

В последние годы в качестве особых членов предложения стали выделяться так называемые *детерминанты* (лат. dētermināre – «ограничивать, определять»). К понятию детерминант, введенному в научный обиход Н.Ю. Шведовой (Грамматика 1970: 624), относят случаи, когда какая-то словесная форма (или комплекс словесных форм) относится как бы ко всему составу предложения, а не к тем или иным отдельным компонентам этого состава: *В молодости она эту делянку за одно утро пропалывала и*

окучивала (С. Крутилин); *Катюше было много дела по дому, но она успевала все переделать* (Л. Толстой). Таким образом, детерминант – второстепенный член предложения, не зависящий от какого-нибудь другого члена, а присоединяемый к предложению в целом.

Сравнение предложений типа *В Москве Владимир пробыл недолго* и *В Москве нас повели в музей* обнаруживает различный синтаксический статус словоформы *в Москве*: в первом случае *имеется внутренняя связь* между значением предложно-падежной словоформы и значением глагола *пробыл*, благодаря которой уточняется действие со стороны места его протекания (*пробыл в Москве*). Во втором случае предложно-падежная словоформа выражает такое значение, которое *не имеет внутренней связи* со значением глагола и представляет только внешнее добавление к этому значению: «нас повели в музей, это было в Москве».

По форме детерминанты сближаются с управляемыми компонентами глагольных словосочетаний с *необязательной нерегулярной* связью. При этой связи всего слабее сцепление имени с глаголом: *болеть неделю, жить в деревне, уехать с зарей, ходить без пальто.* В таких словосочетаниях зависимое имя не обозначает объект, на который направлено действие. В них падежная словоформа является не *грамматическим*, а *конкретным* падежом, разнообразно определяющим глагольное действие по месту, времени, цели, причине или способу его совершения.

Такие падежные формы по характеру связи сближаются с примыканием, иногда эту связь квалифицируют как именное примыкание. Именно с такими предложно-падежными и падежными словоформами, соединенными с глаголом слабой, нерегулярной необязательной связью управления (именного примыкания), и схожи детерминанты. Они отличаются от именных компонентов словосочетаний тем, что степень связи детерминантов с глаголом доходит до нуля: они не входят с глаголом в одно словосочетание, а относятся ко всему предложению. Такую связь иногда называют *связью свободного присоединения*.

Н.Ю. Шведова (Грамматика 1970: 624) отмечает: «Детерминант может определять предложение, во-первых, со стороны тех или иных конкретных обстоятельств, при которых происходит то, о чем сообщается, во-вторых, со стороны того лица или предмета (нечто воспринимающего или испытывающего), по отношению к которому весь остальной состав предложения выступает в качестве его предикативно значимой характеристики. Соответственно выделяются две группы детерминантов по значению: обстоятельственные и объектно-субъектные». И далее: «Детерминанты выражаются формами косвенных падежей с предлогом или без предлога... наречием, деепричастием или деепричастным оборотом, а также группой, вводимой союзом *как* (в качестве); детерминирующую функцию часто выполняет придаточное предложение с обстоятельственным значением».

Детерминирующий объект обозначает лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности (в широком смысле): *Сыну исполнился год; Артисту удалось захватить зрителей своей игрой; Ей мало собственных забот; С погодой нам не везет; Для родителей мы всегда дети; Между друзьями произошла ссора; Для Бальзака все его герои были живыми и близкими людьми.*

Детерминирующее обстоятельство определяет предикативную основу по характеру и условиям проявления предикативного признака: *За окном стемнело; До войны он был плотником; От испуга ребенок не мог говорить; Вследствие аварий механизм поврежден; В целях экономии изменили технологию; Много веков человек был привязан к земле; Со стороны вокзала доносились гудки.*

По мнению Н.Ю. Шведовой, словоформы с объектными и обстоятельственными значениями характеризуются следующими особенностями:

– обычно стоят в начале предложения – абсолютная позиция;

– могут «сочетаться» с различными по своему конструктивному составу и строению предложениями (*Сегодня идет дождь – Сегодня моросит – Сегодня холодно – Сегодня мне дежурить вечером...*);

– регулярно сохраняются при всех видоизменениях данного предложения, осуществляемых по линии модальных и временных значений (*Сегодня идет дождь – Сегодня шел дождь – Сегодня шел бы дождь – Пусть бы сегодня шел дождь* и т.п.);

– формальная организация средствами словоформы, которая в системе связей слов может вступать в связь слабого управления или именного примыкания; самостоятельные распространители предложения.

Вероятно, большую роль здесь играет далекое семантико-синтаксическое «расстояние» от сказуемого по сравнению с другими второстепенными членами.

Отнесенность детерминанта к предложению в целом, самостоятельное распространение предложения может приводить к обстоятельственному синкретизму, особенно в тех случаях, когда детерминант выражен синтаксически не членимым словосочетанием: *Из экономии* (причина + цель) *шли в театр пешком*

(И. Ильф, Е. Петров); *В период горестей и хлопот* (время + уступка) *беседы подруг приносили им обоюдное облегчение* (Б. Пастернак); *В тяжелом молчании* (образ действия + состояние) *шли по коридору* (В. Солоухин); *В бессонную ночь* (время + причина) *Гоголь строго спрашивал себя: какие картины петербургской жизни он развернул?* (А. Новиков).

Итак, в простом предложении в отличие от присловных распространителей есть класс детерминантов, обладающих конститутивными признаками.

В заключение характеристики членов предложения отметим, что сама теория членов предложения, в особенности – второстепенных, не раз подвергалась суровой критике. Эта теория, безусловно, не лишена недостатков, но для ее преодоления отрицания мало – необходимо заместить ее другой, столь же универсальной.

То, что предлагалось, не выходило за рамки тривиальных переименований, неустойчивых метаязыковых косметических поправок. Так, члены предложения переименовывались в компоненты предложения, косвенные дополнения с субъектным значением – в агенсы, те же дополнения с предметным значением в конституенты, второстепенные члены – в «расширители» и «распространители» соответствующих слов и их позиций. Нередко в эти описания вторгались терминологические элементы социологии. В результате появлялись синтаксические «хозяева» (господствующие слова) и синтаксические «слуги» (подчиненные слова).

Таким образом, хотя теория членов предложения и вызывает вопросы, сомнения, но она дает возможность вполне адекватно и в то же время типологизированно, универсально представлять и описывать важнейшие синтаксические явления и отношения. Достоинство ее состоит в том, что в своих принципиальных построениях она опирается также на базовые понятия и объекты морфологии, лексикологии, тем самым реально воссоздавая системность языковой организации.

Цитируемая литература

Бабайцева В.В. Русский язык: синтаксис и пунктуация. – М., 1979.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.

Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1954. – Т. II.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Никитин В.М. Обстоятельство как грамматическая категория в современном русском языке и его место в системе членов предложения. – Саратов, 1959.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. – Л., 1941.

Лекция 11

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> В односоставных предложениях не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации.
>
> *А.А. Шахматов*

I. Понятие об односоставных предложениях.
II. Глагольные односоставные предложения.
III. Односоставные личные предложения.

I. Понятие об односоставных предложениях

Рассказ И. Бунина «Последняя весна» начинается описанием, выразительность которого достигается, в основном, за счет *односоставных* предложений: *Шестая неделя, а еще совсем зима. Встаю в пять часов, одеваюсь и выхожу из дому. Какая радость, молодость этот предрассветный час! Еще ночь, глухо и снежно. В темном небе только чудится рассвет. Первый сладкий вздох свежестью, когда вышел на крыльцо. Пахнет новым снегом.*

В этом тексте есть предложения – *Шестая неделя*; *еще совсем зима*; *встаю в пять часов*; *глухо и снежно*; *пахнет новым снегом* – с однокомпонентным *предикативно самодостаточным* грамматическим ядром (основой, центром).

Предикативная самодостаточность главного члена **в семантическом плане** обусловлена тем, что он включает в свое значение две идеи – идею предикативного признака и идею его носителя (субъекта). Например: *Встаю в пять часов* (субъект предикативного признака – говорящий); *глухо и снежно* (субъект – состояние природы); *шестая неделя* (предикативный признак субъекта *неделя* осмысливается как реальная статическая бытийность в настоящем времени).

Предикативная самодостаточность главного члена **в формальном плане** обусловлена тем, что его форма не содержит показателей зависимости: не обладает согласовательными категориями, не имеет управляемой формы. Все формы главного члена односоставного предложения (лицо, число, род, а также падеж)

являются самостоятельными: *Еду. Тихо. Слышны звоны Под копытом на снегу* (С. Есенин).

Благодаря семантической и формальной самодостаточности главный член односоставного предложения самостоятельно организует его предикативную основу и не нуждается в другом главном члене. И поэтому такое предложение является асимметричной, моноцентричной конструкцией: хотя по форме выражения главный член и напоминает подлежащее или сказуемое двусоставного предложения, по сути он не может быть охарактеризован в этих терминах. Для его наименования используется обобщенный, предложенный А.А. Шахматовым (1941: 30) термин «главный член односоставного предложения».

На основании сказанного – **односоставные предложения** можно определить как предложения, в которых есть только один главный член и которые не могут быть дополнены другим членом без изменения характера мысли.

В истории русистики первоначально односоставные предложения не выделялись в особый тип простого предложения, а рассматривались в разделах, посвященных глаголу (М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев). Глубокое исследование А.А. Потебни «Из записок по русской грамматике» содержит ценные замечания об употреблении отдельных разновидностей односоставных предложений и об их логико-психологической основе.

Одним из первых специальных исследований, посвященных анализу односоставных предложений, является работа Д.Н. Овсянико-Куликовского «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений» (СПб., 1901), а также «Синтаксис русского языка» (СПб., 1908); его замечания о «движении мысли прямо к сказуемому» и о различной степени бессубъектности отражают действующие в языке переходы от двусоставных предложений к односоставным.

Одной из замечательных работ по синтаксису является фундаментальный труд акад. А.А. Шахматова – «Синтаксис русского языка», поражающий чрезвычайным богатством языковых фактов и самой полной, хотя и не исчерпывающей их классификацией. А.А. Шахматов впервые и выделил односоставные предложения в особый тип наряду с двусоставными и дал их научно-теоретическое обоснование. По его мнению, «простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную "связь"»; в двусоставных предложениях «субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения», а в односоставных «сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене

предложения (выраженном большей частью одним словом)». Им были выделены четыре группы односоставных предложений: подлежащные (бессказуемо-подлежащные): *А! Вот и твоя невеста! Три часа утра. Яблок-то! Яблок! Ничего хорошего*; бесподлежащные (сказуемо-бесподлежащные): *Пустяки! – сказал комендант; Взял да и распечатал; Встаем рано, а сеем поздно; Учились бы, на старших глядя; Тише едешь, дальше будешь; Да сказать лекарю...*

Несмотря на то что А.А. Шахматов не учитывал при классификации морфологическую природу главного члена, не проводил четкого разграничения двусоставных и односоставных предложений, его мысли были положены в дальнейшем в основу изучения простого предложения А.М. Пешковским, Е.М. Галкиной-Федорук, Н.Ю. Шведовой, В.В. Бабайцевой.

Исходным принципом классификации односоставных предложений следует считать способ морфологического выражения главного члена, так как именно такая классификация выявляет ряд их существенных семантических и формальных особенностей. В связи с этим односоставные предложения подразделяются на два больших типа:

– **односоставные предложения глагольного строя** (личные определенно, неопределенно, обобщенно; безличные; инфинитивные);

– **односоставные предложения именного строя** (номинативные, генитивные, именительный темы, именительный постпозитивный, именительный эмоционально-оценочный и именительный вокативный).

Однако по вопросу об объеме понятия односоставных предложений и синтаксической природе некоторых из них еще не достигнуто единого мнения.

Так, одни ученые (Грамматика русского языка 1954: 5) не выделяют определенно-личных предложений, полагая, что они ничем не отличаются от двусоставных предложений со сказуемым, выраженным личной формой глагола. Другие (Шахматов 1941: 50) не называют обобщенно-личных предложений, считая, что они не имеют структурного своеобразия, повторяют структуру других типов предложения. Третьи (Галкина-Федорук 1958: 200) включают инфинитивные в разряд безличных.

Спорными являются некоторые вопросы, относящиеся к номинативным предложениям. Одни зачисляют в разряд этих предложений все конструкции с именительным падежом (Бабайцева 2004: 316), а другие отграничивают номинативные предложения от конструкций, по форме совпадающих с номинативными предложениями (Валгина 2003: 178).

II. Глагольные односоставные предложения

В односоставных предложениях глагольного строя главный член включает в свой состав компонент, выраженный:

– *спрягаемой формой знаменательного глагола*, являющегося простым по структуре главным членом (*Здравствуй! Тороплюсь на работу. Почему никогда не зайдешь к нам? Заходи сегодня вечером. Поговорим обо всем. Вот смерклось; Сейчас вам достанется*), или *отвлеченного* либо *полуотвлеченного глагола*, являющегося связкой или вспомогательным глаголом в составном главном члене (*Девушке стало жутко. Становилось все темнее. В комнате было душно. В доме чисто*);

– *инфинитивом* или *инфинитивным сочетанием* (*Не поехать ли сегодня в музей? Быть тебе важным начальником*).

По своей форме и строению главный член глагольного односоставного предложения напоминает сказуемое двусоставного предложения, поэтому иногда такие предложения называют сказуемостными или бесподлежащно-сказуемостными (А.А. Шахматов). Как и сказуемое двусоставного предложения, главный член односоставного предложения глагольного строя может занимать позицию (быть аналогом) сказуемого:

– простого (*Сидим на веранде, говорим о стихах, о таланте; Небо заволокло облаками; Солнце не затмить черной тучей*);

– составного или многочленного глагольного (*Хочу повидать моря и океаны; Любишь кататься – люби и саночки возить; Приятно было бродить по осеннему лесу*);

– именного – бинарного или многочленного (*Скоро стану взрослым; Здесь ко всем стараются быть внимательными*).

Главный член глагольного односоставного предложения называет предикативный признак и одновременно выражает идею носителя этого предикативного признака, т. е. идею субъекта. Идея субъекта в таких предложениях представляется двояко:

– в высшей степени абстрагированно, скрыто, как бы «далеко за кадром», она почти не улавливается;

– более или менее конкретизированно, она «в кадре», легко улавливается.

В зависимости от наличия / отсутствия легко осмысливаемой **идеи субъекта** этого предикативного признака такие предложения условно подразделяются на *бессубъектные* и *субъектные*.

В *бессубъектных предложениях* идея субъекта присутствует в самом абстрактном виде – как природа, окружающая среда, стихийные явления. Идея субъекта здесь не материализуется, не может быть материализована: *К вечеру похолодало; В поле начало*

вьюжить; Нас затопило. Бессубъектных односоставных предложений не так много, они относятся к особому подтипу безличных предложений.

Абсолютное большинство односоставных предложений глагольного строя являются *субъектными*, представленный в них предикативный признак приписывается легко осмысливаемому субъекту, который часто бывает формально представленным в составе предложения.

К *способам материализации субъекта в субъектных глагольных односоставных предложениях* относятся:

– личные окончания спрягаемо-глагольного главного члена (*Люблю гулять по осеннему лесу* – «я», т. е. говорящий; *На улице шумят* – «кто-то», «неважно кто»; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* – любой «ты», т. е. обобщенное лицо);

– имена в косвенных падежах: *Меня знобит – Я чувствую озноб; Отцу не здоровится – Отец нездоров; Быть грозе – Гроза будет; На собрании постановили* – те, кто присутствовал, иначе, само собрание.

В отдельных случаях субъект может не иметь формального представления, но идея его все-таки легко осмысливается: *Не следует оставлять начатое дело* («я, ты, любой»); *Повернуть направо!* («ты, вы», т. е. те, к кому направлено волеизъявление).

В зависимости от способа своего **выражения субъект** в данных предложениях получает двоякую интерпретацию – как *активный* и как *пассивный*.

Активным субъект является в тех случаях, когда он выражается личными окончаниями глагола, которые указывают на деятеля, совершающего действие: *Все время думаю о тебе; Тебя приглашают*. Такие односоставные предложения называются активно-субъектными, традиционно за ними закрепился термин «личные односоставные предложения». Личными они называются не только потому, что главный член в них выражен личными формами глагола, но и потому, что субъект в них характеризуется как лицо, человек.

Личный субъект может осмысливаться трояко:

– как определенное лицо (для акта коммуникации определенными лицами являются говорящий и слушающий: *Хотите понять смысл услышанного? Могу помочь вам*);

– как неопределенное лицо (*По утрам убирают снег*);

– как обобщенное лицо (*Ума за морем не купишь*).

Характер осмысления активного субъекта в личных предложениях положен в основу их традиционной классификации на определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные.

В личных односоставных предложениях семантика субъекта так или иначе ассоциируется с позицией подлежащего, так как личные формы глаголов указывают на субъект: *Читаю по вечерам – Я; Стучат – Они (кто-то); В сене огня не скроешь – Ты (любой)*. Это позволяет некоторым авторам рассматривать такие предложения как неполные реализации структурных схем двусоставных предложений.

Пассивным является субъект, который не имеет активного волевого начала, он не совершает действия, оно ему навязывается как бы со стороны, помимо его воли. К пассивно-субъектным предложениям относится *большая часть безличных и все инфинитивные предложения*. Субъект в таких предложениях не находит выражения в форме главного члена, а выражается второстепенными членами, либо формально присутствующими (*Мне не работается, Нам не везет, Его там не было, Быть грозе*), либо подразумеваемыми (в таких случаях субъектом является говорящий, или слушающий, или обобщенное лицо): *Надо было / будет прочитать эту книгу, Встретиться бы с друзьями, Нужно относиться к порученному делу с должной ответственностью*. В пассивно-субъектных односоставных предложениях субъектом может быть как лицо (человек), так и предмет (в широком смысле). Поэтому инфинитивные и субъектные безличные предложения можно назвать *предметно-личными субъектными односоставными предложениями*.

К таким предложениям в большей мере подходит термин «бесподлежащные предложения», так как они не имеют в своей структуре даже потенциальной позиции подлежащего. Но содержащаяся в них идея субъекта позволяет им трансформироваться в двусоставные предложения или вступать с ними в синонимические отношения: *Мне холодно – Я чувствую холод; В комнате не убрано – Комната не убрана; Быть тебе генералом – Ты будешь генералом*.

Традиционная классификация глагольных односоставных предложений может быть представлена как *ядерно-периферийная структура*.

Центральными, наиболее типичными представителями глагольных односоставных предложений являются **безличные предложения**. Они отличаются разнообразием семантики и структуры и, ввиду отсутствия в них потенциальной позиции подлежащего, наибольшей отдаленностью от двусоставных предложений.

Остальные односоставные предложения находятся на разном расстоянии от ядра. Наиболее **близки к ядру инфинитивные предложения**: как и безличные, они не имеют позиции подлежащего. В **разной степени отдалены от ядра личные односоставные предложения**, среди которых **наибольшую отдаленность от ядра и наибольшую приближенность к двусоставным обнаруживают определенно-личные** (в них имеется позиция подлежащего, вполне естественно заполняемая личными местоимениями *я, ты, мы, вы*).

Таким образом, типологически глагольные односоставные предложения делятся на субъектные и бессубъектные; субъектные – на активно-субъектные и пассивно-субъектные; активно-субъектные – на определенно-, неопределенно- и обобщенно-личные, пассивно-субъектные – инфинитивные. Особое место занимают безличные, одна часть которых относится к бессубъектным, а другая – к субъектным, а именно к пассивно-субъектным.

III. ОДНОСОСТАВНЫЕ ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Это особые синтаксические структуры, возникшие исторически и безусловно детерминированные (лат. dētermināre – «определять, обусловливать») ментальностью русского народа, его представлениями о человеке, о личном, человеческом начале в организации высказывания. В собственно синтаксическом плане односоставные личные предложения – это разные стадии удаления, отстранения субъекта с сохранением имплицитно (лат. implicāre – «спрятать; подразумеваемое, неявное») реализуемой идеей субъектности. Важнейшая их семантическая особенность состоит в том, что они реализуют субъектность как протяженность от конкретного к абстрактному, обобщенному.

Полярные полюсы в континууме (лат. continuum – «непрерывное, сплошное; непрерывность, неразрывность явлений») выражение субъектности по шкале конкретное лицо (*Вижу чудное приволье*) – обобщенное лицо (*Дракой прав не будешь*) образуют определенно-личные предложения, живо сохраняющие свою соотнесенность с двусоставными предложениями (с личным местоимением в подлежащем), и обобщенно-личные предложения, максимально удаленные от двусоставных.

То, что личные односоставные предложения по ряду параметров соотносительны с двусоставными и нередко вступают с ними в отношения субституции (лат. substitūtio – «подстановка, замена, замещение»), не есть показатель их идентичности. Это не деривационные синтаксические формы, связанные между собой идеей производности; это и не трансформы одной и той же синтаксической структуры, хотя и относятся к одному и тому же семантическому полю «лица», по разному вариативно обслуживая его.

Ср.: *Люблю ли тебя, я не знаю, но кажется мне, что люблю* (А.К. Толстой).

Таким образом, односоставные личные предложения – это разные стадии модификации субъекного отношения в предложении, ступени элиминирования (лат. ēlimināre – «выносить за порог; устранять, исключать, удалять») субъекта как конкретного носителя глагольного признака при сохранении грамматически выраженной субъектности.

Все три типа личных односоставных предложений (*Не разлюби меня в разлуке; У нас говорят, что...; Языком масла не собьешь*) параллельно функционируют в русском языке с XVII века, характеризуясь несводимой воедино семантикой и сферами употребления. Определенно- и неопределенно-личные были широко распространены уже в древнейших памятниках восточнославянской письменности самых разных жанров. А обобщенно-личные отмечаются с XVII века, причем – жанрово ограниченно: он реализуется чаще в пословицах.

Что касается исторически исходных синтаксических контекстов, образующих благоприятствующий фон для использования каждого из трех типов, то: для первого – это форма речи диалогической организации, для второго – повествовательные формы речи, а третий не «привязан» к каким либо контекстам, но может привлекаться по содержательно-тематической целесообразности в качестве удостоверяющего, подтверждающего аргумента (сравните использование пословиц, крылатых выражений, афоризмов, функционально самодостаточных: *Хвали громко, порицай вполголоса; Когда белое выдают за черное, рождается коричневое; Не говори, что знаешь, а знай, что говоришь*).

Определенно-личные предложения. В определенно-личных предложениях главный член выражен личной формой глагола, указывающей на определенного деятеля-субъекта (носителя признака): *Барин, не прикажешь ли воротиться?* (А. Пушкин); *Сегодня с утра иду в лес лечиться морозным воздухом* (М. Пришвин); *Чему смеетесь? Над собой смеетесь!* (Н. Гоголь); *Не бойся едких осуждений, но упоительных похвал* (Е. Баратынский).

Указание на конкретного деятеля содержится:

– в формах глаголов первого лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени: *Благословляю все народы, все языки, все земли, воды* (Е. Евтушенко); *Где-то ходим, чем-то сердце студим. Ищем сказку не в своей судьбе* (В. Федоров); *Минуты не будем терять, чтоб Родину к счастью еще на ступень могучим усильем поднять* (В. Лебедев-Кумач); *Всегда есть шаг, всегда есть ход, всегда есть путь. Да не сдадимся низким целям* (О. Седакова);

– в формах глаголов 2-го лица единственного числа настоящего или будущего времени изъявительного и повелительного наклонений: *Пойдем, переночуешь у нас, встанешь. А то себе хуже сделаешь. Не связывайся* (В. Шукшин); *Копенкин осмотрел народ и приказал: Разойдись по домам!. Займись мирным трудом!* (А. Платонов) *Вот перед первою бомбежкой полежишь с охоты лежку* (А. Твардовский).

Таким образом, модально-временная парадигма таких предложений представлена бинарно: изъявительное и повелительное наклонение, первое и второе лицо единственного и множественного числа. Формы главного члена имеют большую грамматическую нагрузку: кроме указания на синтаксическое лицо они выражают модальность и время.

Указание на определенное лицо может заключаться в обращении: *Разбуди меня утром рано, моя одряхлевшая мать (С. Есенин); Выпьем, добрая подружка, бедной юности моей...* (А. Пушкин).

Неназванный в предложении субъект третьего лица не имеет определенного значения, его значение подсказывается, предопределяется контекстом, поэтому предложения с опущенным субъектом третьего лица (если это не другие виды субъектных модификаций) считаются неполными: *По деревне ехал царь с войны. Едет – черной злобой сердце точит* (М. Горький). То же самое и для глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения, выступающего в функции сказуемого при отсутствующем подлежащем двусоставного предложения: *Превратила все в шутку сначала. Поняла – принялась укорять* (А. Блок).

В определенно-личных предложениях внимание сосредоточено, актуализировано на действии, поэтому возрастает динамичность фразы, ее категоричность, усиливается эмоциональная нагрузка. Такие предложения типичны для поэтической речи (песни, романсы): *Тогда вставай – Встаю. Какая глушь в уме моем, какая лень и лунность... Пьем чай* (Б. Ахмадулина); *Проснись. Вставай. Скорей пойдем на льдом покрытый водоем. Пробурим лунки...* (М. Зайцев); *Не позабудь меня в дали, не разлюби меня в разлуке* (А. Амосов); *Вижу чудное приволье, Вижу нивы и поля* (Ф. Савинова).

Часто они используются в диалогах: *Хозяйка ехала с нами, потом слезла. – Ну, спасибо вам! Поправляйтесь. В Москву обязательно приезжайте! – Ладно, пойду. Вот так и поедете, лошадь не трогайте, она сама дорогу найдет* (Ю. Казаков).

Широко применяются определенно-личные предложения в учебной и научной литературе при описании опытов, в рассуждениях, заданиях, когда необходимо сосредоточить внимание на действиях: *Познакомимся еще с одним химическим свойством водорода. Поместим в стеклянную трубку окись меди и будем пропускать через трубку водород...* Или: *Объясните, как различаются данные пары предложений; Составьте предложение, употребляя слова «казалось», ...Укажите вводные слова и словосочетания...*

Определенно-личные предложения используются в публицистическом стиле речи. Они, например, «ведут сюжет» репортажа, когда автор вплетает в повествование рассказ о собственных поступках: *В гостинице нахожу телефонную книгу. Школ много... В 5-ю приезжаю вечером...* В статьях распространены определенно-личные предложения с главным членом – глаголом в форме первого лица множественного числа, имеющим значение повелительного наклонения. Чаще всего они начинают абзац, называя тему к которой приступает автор. Такие предложения выполняют композиционную функцию, придавая повествованию характер беседы: *Попробуем оглянуться на старую русскую литературу* («Знамя», 2007, № 5); *Обратимся к пионерам промышленной социологии* («Известия», 2006, № 19); *А теперь из Латинской Америки мысленно перенесемся на Ближний Восток* («Труд», 2008, № 26).

Определенно-личные предложения существуют (синонимичны) наряду с двусоставными, в которых при глаголах-сказуемых есть подлежащее – личное местоимение первого или второго лица. Ср.: *Люблю дымок спаленной жнивы – Люблю Отчизну я, но странною любовью* (М. Лермонтов).

Определенно-личные предложения употребляются тогда, когда речь должна быть более динамичной, констатировать действие определенного лица без каких бы то ни было дополнительных оттенков внутреннего сопоставления или противопоставления. При сравнении приведенных выше первых строчек стихотворений обнаружим, что употребление подлежащего-местоимения у М. Лермонтова продиктовано не столько требованиями рифмы, сколько особой смысловой ролью этого *я*, которое еще до появления следующего *но странною любовью* настраивает читателя на сообщение о каком-то особом, только автору присущем чувстве.

Двусоставные предложения употребляются при логическом выделении действующего лица, при отрицании, сопоставлении и обращении к лицу: *Я люблю подмосковные рощи* (М. Лисянский); *Нас моим изголовьем наклоняешься ты* (И. Лашков); *Не тревожь*

ты меня, не тревожь (М. Исаковский); *Как живешь ты, родная, сыну сердце раскрой* (И. Лашков).

Что касается параллельного употребления двусоставных и односоставных определенно-личных предложений с глаголом в повелительном наклонении, то нормативными и стилистически нейтральными являются односоставные предложения. С появлением подлежащего связаны либо оттенок вежливой просьбы («просительности»), либо дополнительная эмоционально-разговорная окраска: *Прочитайте книгу Михайлова «Подарок истории», оказывается, что географ может воспеть родину, как поэт* (П. Павленко); *Бросьте вы все болтать про чудо природы, выдумывать, будто Шаляпин сразу родился великим певцом* (И. Андроников).

Неопределенно-личные предложения. Основным значением неопределенно-личных предложений является выражение независимого действия – деятель словесно не обозначен и грамматически представлен как неопределенный: *У нас говорят, что, мол, любит и очень, Мол, балует, холит, ревнует, лелеет... А помню, старуха-соседка – короче, Как встарь в деревнях говорили: жалеет* (Й. Снегова). В этом тексте есть предикативные части, в которых действующее лицо грамматически представлено как неопределенное: *У нас говорят... Как встарь говорили.*

Впервые на такие предложения обратил внимание Н.И. Греч (1834), первым же описал и ввел термин Д.Н. Овсянико-Куликовский (1908), хотя и не отграничил их от обобщенно-личных; квалификация этим предложениям была дана А.А. Шахматовым (1941) и А.М. Пешковским (1956).

Главный член неопределенно-личных предложений выражает действие, его отнесенность к неопределенному деятелю и к моменту речи посредством глагольных форм третьего лица множественного числа или прошедшего времени множественного числа (в том числе и сослагательного наклонения): *Я довольно гадко солгал, и меня вывели на свежую воду, уличили, пристыдили* (И. Тургенев); *Впереди опять останавливаются* (А. Куприн); *Город и людей как будто бы подменили* (К. Паустовский); *У дома оставили крышу, К соседке свели ночевать Зазябнувших Машу и Гришу И стали сынка обряжать* (Н. Некрасов); *Самого б меня спросили, равно столько знал и я. Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?* (А. Твардовский).

Структурный состав данных предложений обусловлен основной особенностью их семантики: поскольку действие обозначается безотносительно к конкретному его исполнителю, то неопределенно-личное предложение позволяет сосредоточить все вни-

мание на характере обозначаемой деятельности, полностью отвлекаясь от вопроса о действующих лицах. Ср.: *В зале смеялись; Несколько человек в зале смеялись; Мужчины в зале смеялись.*

Форма множественного числа главного члена *имеет значение неопределенности*, а не множественности субъектов. Данный тип предложения распространен в разговорном стиле речи, а в официально-деловом, научном стилях, где необходима предельная ясность высказывания, как утверждают лингвистические источники, почти не употребляется.

Одним из показателей независимости глагола – главного члена в данных предложениях является его положение относительно второстепенных членов, препозиция второстепенных членов по отношению к главному: *Для простоты употребления времена связывают историей* (А. Битов); *Ламп еще не зажигали* (А. Толстой).

Если в предложении есть обстоятельство и дополнение, то первое занимает препозицию и подчеркивает независимость главного члена, а дополнение может располагаться либо перед глаголом, либо после него: *В Москве прибавят вечно втрое* (А. Грибоедов); *Очень шумят у нас в классах* (А. Чехов); *Прислали за нами машину* (Е. Пермяк); *В гостиную втащили большую мерзлую елку* (А. Толстой). Во всех случаях неопределенно-личные предложения представлены конструкцией, в которой позиция субъекта занята.

Некоторые второстепенные члены своим содержанием могут косвенно «намекать» на субъект: *В семье его баловали – Семья его баловала*, но это не только не ослабляет неопределенно-личное значение, а, наоборот, усиливает, подчеркивает его. Такой член предложения называет лишь сферу субъекта, а не сам субъект, так что общее грамматическое значение неопределенности деятеля, выражаемое главным членом, подчеркивается лексико-грамматическими средствами.

В неопределенно-личных предложениях действующее лицо «намеренно устраняется из речи, намеренно представлено как неопределенное» (Пешковский 1956: 371). Причины неопределенности действующего лица могут быть различны: либо оно неизвестно говорящему, либо действующих лиц много и назвать всех невозможно: *Вчера, например, обстреляли штабную машину в лесу* (Ю. Бондарев) – неизвестно кто. *Ему с разных сторон совали программки дискуссии, протягивали через головы купленные на этом вечере его книги, тыкали в руки какие-то листочки бумаги* (Ю. Бондарев) – действующих лиц много, называть всех нет необходимости.

Действие может быть отнесено к лицу или группе лиц, известных говорящему, но о которых умалчивают: *Когда говорили ему о некоторой стилевой перегруженности, он держался за каждое слово* (Ю. Бондарев); *Через неделю нам разрешили поездку в горы* (Е. Носов).

В других случаях использование неопределенно-личных предложений связано с нежеланием говорящего назвать действующее лицо: *Какой вы странный, – сказала Наташа. – Вас, наверное, много обманывали? Гущин пожал плечами: Да, меня много обманывали, я потерял веру в себя и в окружающих* (Ю. Нагибин). Если Наташа, задавая вопрос, интересуется фактом, а не производителями действия, которых она не знает, то Гущин вкладывает в свой ответ иное содержание, он думает не только о факте, действии, но и о людях, совершавших это действие, однако не называет его по вполне понятным ему причинам.

С точки зрения соотношения говорящего и действующих лиц предложения с неопределенным субъектом характеризуются признаком эксклюзивности (лат. exlūdere – «исключать»), исключительности: говорящий не входит в круг возможных субъектов действия. Если примеры позволяют реальное вхождение говорящего в круг, обозначенный локативно-субъектной формой (*В этом доме вам всегда помогут; В нашей семье вам всегда рады – Мы всегда вам поможем; Мы вам всегда рады*), то становится очевидным различие: либо имеется в виду действительная исключенность, отсутствие говорящего, либо используется синтаксический прием, допускающий в разных экспрессивных целях отстраненное представление говорящего.

Экспрессивная значимость вводных оборотов *говорят вам, тебе говорят* с раздраженной интонацией, когда говорящий и действующий субъект совпадают в одном первом лице, и состоит в отвлечении от конкретного говорящего и в придании субъекту впечатления множественности, а действию – многократности (ср. близкое по экспрессивно-реактивному смыслу просторечное *Сколько можно повторять!*). Вероятно, этот оборот уже утрачивает статус свободного синтаксического построения и приближается к модально-экспрессивному фразеологизму, сопровождающему высказывание волюнтативного (волевого) типа: *Ступай к морю, говорят тебе честью; Не пойдешь, поведут поневоле* (А. Пушкин); *Уйди отсюда, тебе говорят! – крикнула Вера, холодея* (А. Чехов); *– Назад, вам говорят!* (М. Булгаков).

От неопределенно-личных предложений следует отличать неполные двусоставные со сказуемым в форме третьего лица (или прошедшего времени мн. ч.) и опущенным подлежащим. Дейст-

вующее лицо таких неполных предложений, которое было названо в предшествующем контексте, мыслится вполне определенно. Следующий отрывок, где М. Горький говорит о труде ученых 20-х годов, состоит из серии неполных двусоставных предложении, подлежащее которых (*ученые*) известно из первого предложения: *Мне чаще приходится иметь дело с нашими учеными. Удивительные люди! В самодельных перчатках, ноги в одеялах, сидят у себя в кабинетах, пишут... По Уралу, в непроходимых горах бродят – составляют фантастические коллекции драгоценных камней. Месяцами не видят куска хлеба* (К. Федин).

Итак, *неопределенность действующего лица* – основное смысловое качество неопределенно-личных предложений. Но неопределенность субъекта *может выражаться и лексически*. Тогда в качестве подлежащего двусоставного предложения используются слова с самым общим значением (*люди, человек, многие, некоторые, кто-то, некто, кто-либо*). В большинстве случаев – семантически – такие предложения являются синонимами. Но эта синонимия не означает, что они равнозначны. Сравним первое и третье предложения: *Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? Зачем даром гуляет вагон? Зачем люди всегда делают не то, что нужно?* (А. Чехов). По содержанию в обоих предложениях действующим лицом являются люди. Но в первом (*срубили*) оно только мыслится, а в третьем (двусоставном) оно названо. Разница состоит и в том, что в двусоставном предложении слово *люди* имеет значение «люди вообще», а в неопределенно-личном – действующее лицо скорее воспринимается (мыслится) как «какие-то люди», «некоторые люди», обнаруживая в большей степени неопределенность лиц.

Синкретизм неопределенности и обобщенности присутствует в предложениях типа *Здесь не курят; Запеканки готовят в глубоком противне, который смазывают маслом, а затем наполняют начинками...* В них сохраняется эксклюзивность субъекта, но коммуникативное значение таких текстов состоит в непрямом воздействии на адресата, который является обобщенным.

Обобщенно-личные предложения. В этом виде предложений действие приписывается обобщенному деятелю, сообщается о действии, которое «относится или может быть отнесено ко всякому, любому лицу» (Грамматика русского языка 1954: 8): *Ведь коли любишь, то обязательно надеешься* (В. Распутин); *Околицей прямо не ездят; От худого семени не жди хорошего племени* (пословицы). Такие предложения можно трактовать как относящие действие к любому лицу; они, сообщая о действиях говорящего,

приобщают к его опыту адресата и любое другое лицо, которое может быть на его месте.

Главный член в обобщенно-личных предложениях может быть выражен:

– глаголом 2-го лица ед. числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения: *Бывает: входишь в двери Иль за угол свернешь, И вдруг – глазам не веришь, Стоишь – себе не веришь, что другу руку жмешь* (С. Щипачев); *Не выскажешь счастья речами* (П. Вяземский); *Виден край, да не дойдешь* (поговорка);

– глаголом повелительного наклонения: *Не хвались замужеством третьего дня, а хвались – третьего года; Пришла беда – отворяй ворота* (пословицы); *Научитесь делать черную работу в науке* (И.П. Павлов); *На устных экзаменах иди первым или последним* (Д. Самойлов);

– глаголом 3-го лица мн. числа настоящего или будущего времени: *Мудрость обретают в трудном споре* (В. Каменский); *Подорожник кладут не в салаты, подорожник на раны кладут* (Е. Евтушенко); *Если хвалят, подумай, в чем ошибся* (Б. Крутияр); *Птицу узнают в полете, человека – в работе* (пословица); Ср.: *Когда пишут, руками не машут – На возвышенных местах уже пишут*;

– другими глагольными формами: *Хочу – казню, хочу – милую* (поговорка); *Что имеем не храним, потерявши – плачем* (пословица); *Да будем делать добрые дела, покуда не устанем* (Б. Слуцкий); *За дымом погнался, без огня остался* (пословица).

Формы 2-го лица ед. числа настоящего / будущего времени изъявительного наклонения, а также повелительного наклонения *ярче выражают обобщение*, и поэтому предпочитаются в качестве главного члена: *Крепкую дружбу топором не разрубишь; Не бойся работы – бойся безделья* (пословицы). По мнению В.В. Виноградова (1947: 365), «формы 2-го лица абстрактнее 1-го лица. Теряя прямое отношение к данному конкретному собеседнику, они получают обобщенное значение». Вот почему и действия конкретного лица, выраженные формой 2-го лица глагола, носят обобщающий характер: *Есть много слов, которые произносишь по привычке* (М. Горький).

Модели таких предложений фиксированны, не открыты свободно для любых глаголов; общее модальное значение предложения осложняется дополнительными:

– долженствования: *Найдешь келью и под елью; Ешь с голоду, люби смолоду* (пословицы);

– невозможности: *Спасибо в карман не положишь* (пословица);

– нецелесообразности (с оттенком предостережения): *Не всякому слуху верь; Без счастья и в лес по грибы не ходи; От добра добра не ищут* (пословицы);

– долженствования с оттенком целесообразности: *Старших в орде почитают* (пословица).

В отличие от предложений с определенным / неопределенным субъектом в обобщенно-личных нет прямой соотносительности между личной формой субъекта и его коммуникативной ролью. Учитывая разную степень обобщенности субъекта, которая находится в прямой зависимости от дополнительных модальных значений, можно выделить три основные модификации таких предложений:

1. **Высшая степень обобщения** субъекта в народно-поэтической речи (пословицах, поговорках) афористических выражениях; обобщая опыт «нас», «вас» и других людей, они служат как бы знаком, символом, применимым к конкретным жизненным ситуациям и различным лицам включая адресата, говорящего и третьих лиц; произносятся в порядке поучения, рекомендации, для поощрения или предостережения, чаще в диалогической речи, реализуя таким образом волонтативные и оценочные интенции (лат. intendere – «затевать, замышлять; намерение, замысел») говорящего: *Всяк сверчок знай свой шесток* (пословица); *Чти природу как матерь свою и помощницу* (Д. Лихачев); афоризмы: *Если до неба поднимешься, все равно на землю упадешь; Не говори долго – жизнь коротка* (М. Ларни); *Чем чаще историю переписывают, тем больше в ней белых пятен* (Б. Крутияр); *Не бойся будущего! Оно не настоящее*.

2. **Средняя степень обобщения**, когда в ранг закономерных возводятся единичные действия конкретных лиц, какие-то единичные факты; автор пользуется формой 2-го лица как приемом «интимизации»: индивидуальный опыт говорящего подается как общий: *Такое не часто увидишь* (из газет); *Разве все это запомнишь; Его ни с кем не спутаешь* (диалоги); очень хорошо о подобного рода предложениях сказал А.М. Пешковский (1956: 375), отметив, что «обобщительная форма ... является тем местом, которое соединяет личное с общим. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ пред всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя».

3. **Малая степень обобщения**, когда субъектом является говорящий, сообщающий о своих действиях, наблюдениях, переживаниях: *В тихий зимний день выйдешь, бывало, в лес на лыжах – дышишь и не надышишься* (И. Соколов-Микитов); *Проснешься до*

света, лежишь и ждешь, пока запоют петухи (К. Паустовский) – при замене 2-го лица на первое исчезает обобщенность.

Итак, в односоставных личных предложениях главный член выражен формами глаголов, указывающих на присутствие в мысли действующего лица; в зависимости от формы лица субъект действия мыслится определенно, неопределенно или обобщенно.

Цитируемая литература

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004.

Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. – М. 2003.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.

Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. II. – Ч. 2.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 12

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Личность древнее безличности...
А.А. Потебня

I. Безличные предложения.
II. Семантика безличных предложений.
III. Структура безличных предложений.
IV. Инфинитивные предложения.

I. Безличные предложения

В системе русского языка есть семантико-грамматическая категория *безличности*, передающая особый образ действительности посредством *безличных предложений*, которые характеризуются *односоставностью, бесподлежащностью, грамматической бессубъектностью: Как душно! Как тяжело! Но уйти невозможно* (И. Тургенев); *Из ржи, словно из печи, тоже теплом обдает* (Н. Некрасов); *Не надо заводить архива, над рукописями трястись* (Б. Пастернак); *И тоскуется, и плачется на есенинский мотив* (В. Федоров).

Безличные предложения – центр односоставности, так как они самая большая и неоднородная группа предложений (Бабайцева 2004: 168). Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке, по мнению А.А. Потебни, свидетельствует о том, что язык отражает преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому контролю и пониманию, что язык отражает «мифологичность» русского сознания.

Причину широкой употребительности безличных предложений видят в идее коллективизма, соборности, характерной для менталитета (лат. mens – «ум, мышление; способ мировосприятия личности или социальной группы») русского народа; в категории безличности усматривают способность мышления к высокому уровню абстрагированности: от конкретного субъекта к обобщению и выражению тончайших оттенков состояния «загадочной русской души» – и в какой-то мере выражение элементарной скромности, например, авторское *мы* в научных текстах, которое можно заменить безличными предложениями.

Итак, будучи *феноменом* русского синтаксиса, безличные предложения рассматриваются как специфически *русское* явление, связанное с особенностями характера русского народа, особым способом его мышления.

Необходимо отметить, что широкое распространение безличных конструкций характерно для всех пластов русского языка, как для литературной его разновидности, так и для просторечия, территориальных и социальных диалектов.

Русские безличные предложения обладают немалым образным потенциалом, многие безличные предикаты строятся на метафорической основе, поскольку, по мнению ученых, базируются на мифологическом восприятии действительности: *Морозит; Светало*. Велика роль безличности как яркого изобразительно-выразительного средства в поэтическом дискурсе: *Прозвучало над ясной рекою; Прозвенело в померкшем лугу, Прокатилось над рощей немою, Засветилось на том берегу* (А. Фет); многие писатели и поэты создают авторские окказиональные безличные предикаты: *За ужином объелся я, А Яков запер дверь оплошно – Так было мне, мои друзья, И кюхельбекерно, и тошно* (А. Пушкин); *При этих воспоминаниях о прошлом на ее душе сделалось маркотно и тошно* (Ю. Казаков). Сравните легкость и естественность перехода «личного синтаксиса» в «синтаксис безличный» у Ф. Достоевского: *Был ли кто? – Никого не было... Дверь отворилась... Никого не показывалось.*

Категория безличности и основной способ ее представления – безличные предложения – на протяжении столетий неизменно находятся в центре пристального внимания лингвистических исследований.

Научное осмысление данного языкового явления имеет длительную историю: от «Грамматики» М. Смотрицкого (1618 г.), «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1755 г.), работ классиков XIX века А.Х. Востокова, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянико-Куликовского до фундаментальных трудов XX века А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова; подробное описание русских безличных предложений, отражающих их богатое разнообразие, представлено в монографии Е.М. Галкиной-Федорук (1958). Большой вклад в изучение безличных предложений вносят исследования Н.Н. Арват, В.В. Бабайцевой, А.М. Ломова, П.А. Леканта, В.С. Юрченко и др.

Несмотря на семантическое и структурное разнообразие безличных предложений, у них все же можно выявить общие, объединяющие *семантические* и *структурные* признаки.

II. Семантика безличных предложений

Безличные предложения весьма богаты по своей семантике. Среди них можно выделить семантические типы, обозначающие:

– *состояние* или изменение состояния *природы*, связанное со сменой дня и ночи, температуры; атмосферно-метеорологические явления; состояние окружающей среды: *Уже совсем вызвездило* (И. Тургенев); *С утра лил дождь, к вечеру захолодало* (Н. Сергеев-Ценский); *В переулочке было нежарко, тенисто* (Б. Акунин); *Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой* (Б. Окуджава); при обозначении состояния окружающей среды появляется облигаторный компонент – локатив (место), совмещающий обстоятельственное и субъектное значения (*В лесу тихо – Лес тих; В трубе гудит – Труба гудит*); при глаголах, обозначающих состояние природы, второстепенные члены факультативны, предложение – бессубъектное;

– действие *стихийной силы*, воздействие стихийных природных сил посредством орудия на объект, вызывающее его перемещение, разрушение, порчу: *Окна ветром таежным секло* (Е. Евтушенко); *Пулей сбило с головы шапку, чиркнуло по темени* (Б. Акунин); *Папу белым снегом запушило* (В. Костров); такие предложения (в отличие от: *Прорвало трубу; Меж домов кружило листву; Ему во всем везет*) при наличии Тв. п., являющегося наименованием конкретных явлений, могут быть преобразованы в двусоставные: *Пуля сбила, Снег запушил* – поэтому такие предложения – инструментально-субъектные;

– *психофизическое состояние* человека: *Внутри горело, мучительно хотелось пить* (В. Лихоносов); *Совсем пусто было в голове у Фандорина* (Б. Акунин); *Трясет меня, знобит* (А. Кушнер);

– *чувственные восприятия*, ощущения: *В сенях пахло свежими яблоками* (Л. Толстой); *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (М. Лермонтов); *В трех шагах человека не видно* (В. Песков);

– *отсутствие*, недостаток или отрицание чего-либо: *Как часто не хватает добрых слов нам!* (К. Кулиев); *А болот и в помине нет* (И. Тургенев); *Ни звука! Душа умирает* (Н. Некрасов); *Как будто не было ни людей, ни животных* (А. Серафимович);

– *модальные* значения, выражающие различные отношения между отстраненным субъектом и действием (возможность / невозможность, желательность / нежелательность, необходимость, целесообразность / нецелесообразность): *Мне было запрещено выходить во двор* (Ю. Олеша); *Говорят, умирать да родить нельзя погодить* (В. Белов); *Не в характере Егории было долго унывать* (Ф. Абрамов); *Почему запаздывать так тревожно мне?* (А. Поперечный); *Но было бы думать абсурдно, что были легче времена* (А. Кушнер); *Совесть – понятие очень сложное, и, конечно, сложно требовать от каждого человека совестливости* (Д. Лихачев);

– *временные* или *пространственные пределы* проявления действия или состояния: *Пора было ехать* (И. Тургенев); *А Жадрина было не видать* (А. Пушкин); *Тебе поздно говорить об этом* (Ф. Достоевский); *Лене ужасно охота Москву поглядеть* (В. Шукшин); *Пахать в весну – не до сну* (пословица); *Таким людям не до веселья, не до песен* (А. Яшин); *Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас?* (А. Пушкин); *Минутной печали не стоит, друзья, предаваться* (Б. Окуджава).

III. Структура безличных предложений

Безличность как проявление непроизвольности действия или состояния, независимости от воли субъекта сигнализируется особыми морфологическими формами – глагол, безлично-предикативное наречие (категория состояния), фразеологические обороты – и специализированными синтаксическими конструкциями. Сущность такого грамматического взаимодействия четко определена В.В. Виноградовым: «Морфологическая категория безличности, свойственная глаголу, как бы санкционирует особую синтаксическую форму сказуемого, несоотносительного с подлежащим» (1955: 397).

Грамматическая бессубъектность безличного предложения формируется безличным предикатом (главным членом), выраженным:

– прототипической (гр. prōtos – «первый» + typos – «отпечаток; форма слова, принадлежащая ранней стадии развития языка») формой собственно *безличного глагола: вечереет, парит, стемнело, подмораживает, нездоровится, дремлется, живется* и др. Значением безличного глагола определяется общее значение предложения; такие глаголы служат для сообщения о состоянии природы; окружающей среды; психофизического состояния человека; обозначают наличие / отсутствие чего-нибудь; модальные оттенки: *Стало смеркаться* (В. Песков); *Старику не спалось в такие ночи* (Л. Леонов); *Он шел не торопясь, как и подобает посетителю музея* (В. Катаев); *Сейчас вам достанется* (Ю. Казаков); *Чувствовался май! Дышалось легко* (А. Чехов); *Его знобило, и он вышел из каюты* (И. Бунин);

– *личным* глаголом в *безличном* значении: *продуло, трясет,*

гудело, заложило, обдало и др. Предложения с данными глаголами многообразнее по своим значениям, указывая на состояние природы, окружающей среды, живого существа; явления, воспринимаемые органами чувств; действия, связанные с понятием мифической силы; действия неизвестной силы, осуществляемые посредством орудия: *Уже темнело, и на небе показались звезды* (А. Чехов); *Серело, тучи не расходились* (В. Короленко); *Ему заложило грудь* (В. Вересаев); *Возле вяза пахло потухшим костром* (В. Песков); *Леденеву все время неизменно везет, он выиграл уже больше двух тысяч* (В. Вересаев). Итак, безличность предложения начинается с безличности глагола: «...безличность (неопределенность субъекта) сначала появляется в сказуемом, оставляя нетронутым подлежащее, потом подчиняет себе и все предложение, так что устраняется подлежащее или понимается таким образом, что оно не противоречит безличности сказуемого (Потебня 1958: 363);

– лексемой *нет* и безлично-генитивными глаголами, содержащими значение отрицания: *нет, не было, не стало* и др.: *Городишко маленький. Тайн никаких тут нет и никоим образом быть не может; Теперь уже ничего не оставалось у Никитки, никаких надежд; Один за другим надо гнать составы, и то ночи не хватит* (Н. Сергеев-Ценский) – это *глагольные* безличные предложения.

Сущность глагольных безличных предложений хорошо показана в стихотворении Н. Новикова «Безличные глаголы»:

Загадочны безличные глаголы,
Что суток ход, явления погоды
И ваше состояние подчас обозначают:
Например, *светает*:
Есть действие, а где субъект – не знает
Ни молвивший, да и никто из нас.
Стемнело – что? *Стемнело* – все?
Дождит, – наверное, небо... Но *ветрит* – что?
Вот рядом *просквозит*, как электричка.
Оно? Она? А может быть, и он?
Он, древле называвшийся Стрибогом,
Повелевал стихией в рвенье строгом,
Был упразднен – с развитием умов
И размышлений: «Что ж есть погода?»
Но, как в лесу, в прапамяти народа
Остался где-то в сердцевинах слов.
Остался – безъязычен и безличен –
Таинственен. Притом вполне привычен –

И все на свете называть любя,
Лишь станет хорошо душе и телу,
Мы говорим о мире: «*Посвежело*»,
И – *полегчало* – скажем про себя.

Итак, безличный глагол – это важный структурообразующий, но не единственный такого плана компонент безличного предложения. Безличность глагола и безличность предложения далеко не тождественные понятия, так как позиция главного члена в безличных предложениях может быть занята именным классом слов.

В *именных безличных* предложениях главный член выражается:

– безлично-предикативным словом (категория состояния): *холодно, грустно, сыро, ветрено, стыдно* – эти слова образуют ядро безличности: *За окном было пасмурно* (В. Кочетов); *Сделалось тихо* (В. Шишков); *Мне становилось веселее, когда я слышал смех детей* (Д. Гранин); такие слова в безличном предложении указывают на состояние природы, среды, психофизическое состояние человека. Различные модальные оттенки могут появиться в безличном предложении при сочетании слов категории состояния с постпозитивным инфинитивом: *У печки можно было согреться* (В. Катаев); *Нет, Серафима, мне нужно с тобой серьезно переговорить* (А. Островский); *Теперь должно было ехать, если не в отставку, то в отпуск* (Л. Толстой); *Нет, об этих минутах нельзя было писать без восторга* (В. Песков). Такие предложения могут обозначать зрительные или слуховые восприятия: *Степанова нигде не было видно* (К. Симонов); *За сто шагов слышно, как убегает мышь* (В. Песков); *Становилось темнее и темнее* (И. Гончаров);

– безличным существительным: *стыд, грех, позор, срам, лень, недосуг, ужас, жаль, время, нужда, долг* и др., которые в сочетании с инфинитивом (или без) выражают оценку действия человека с морально-этической стороны, эмоциональную характеристику состояния и чувств человека, его модально-волевые импульсы: *Грех тебе так горько упрекать отца родного* (А. Пушкин); *Срам смотреть, какие ты стаканы на стол подаешь!* (М. Салтыков-Щедрин); *Теперь же мне читать охота и досуг* (А. Пушкин); *У меня крайняя нужда поговорить* (А. Островский);

– безличным причастием: *сказано, устроено, велено, суждено, забыто, понято, решено, доложено* и др.; безличные предложения с таким главным членом обозначают результат действия, произведенного неназванным лицом: *О нем было доложено государю* (Л. Толстой); *Ермолаю было приказано поставлять куро-*

паток (И. Тургенев); *По обоим берегам реки было врыто по толстому столбу* (С. Аксаков);

– к именным безличным предложениям нужно отнести такие, в которых главный член выражен безличным *местоимением*: *Некого спросить; Некуда пойти; Каково мне ждать!* – или *наречием*: *Невмоготу терпеть* – это периферийные средства выражения безличности.

Интересным представляется участие местоименного клише *ничего (себе)* в генерировании безличности: *Как дела (состояние, самочувствие, успехи, настроение)?* – ***Ничего***; *Как живешь, можешь?* – ***Ничего***; *По географии училась* ***ничего себе***, *а по истории – плохо; Старик* ***ничего*** *– рассказывала Марья* (А. Чехов); *Знать, вам* ***ничего*** *мои слезы и просьбы* (Ф. Достоевский).

Кроме *синтетических* форм безличности, в русском языке достаточно активно используются и *аналитические* формы, состоящие из двух и более лексем, а именно устойчивые сочетания-фразеологизмы: *Молодца и в самом деле отличить расчет прямой* (А. Твардовский).

Безличные фразеологизмы по морфологической природе стержневого слова соотносятся с различными частями речи: глаголами – *как рукой сняло, бросает в жар*; существительными – *до лампочки, море по колено, не мед*; словами категории состояния – *все равно, куда как нужно, не худо бы, аж небу жарко*; местоимениями – *хоть бы что, все нипочем*; причастиями – *на роду написано, судьбой уготовано*.

Чаще всего они выражают модальность: возможности – *не с руки, не по годам (карману, плечу, летам...), не в диковинку, не в компетенции (натуре, характере, средствах...), не под силу (стать)*; необходимости – *не по чину, не к месту (спеху, времени), не в интересах*; целесообразности – *ни к чему, не с руки*; желательности – *не в кайф (охоту, радость, удовольствие), не по вкусу (душе, ноздре, сердцу, мне, вам)*.

Как уже подчеркивалось, в структуру безличных предложений входят облигаторные второстепенные члены со значением косвенного субъекта или фактического производителя действия. Такие предложения соотносительны с двусоставными: *Ему хотелось вернуть меня – Он хотел вернуть меня*. Подлежащее двусоставного предложения трансформировалось в безличном предложении в косвенное дополнение (Дат. п.), при этом изменилось и его значение, оно стало называть пассивное лицо (косвенный субъект), которое испытывает то или иное состояние. Ср.: *Саша не спит – Саше не спится; Он хотел – Ему хотелось; Он испытывал озноб – Его знобило*.

Безличные предложения, в состав которых входит косвенное дополнение со значением фактического производителя действия (*субъект-агент*), также соотносительны с двусоставными: *Только когда Жуков попадал в туман, его охватывало холодом* (Ю. Казаков) и *Его охватывал холод*. Разница между этими предложениями в том, что в двусоставном выражается активное действие (*холод*), а в безличном *холодом* – лишь орудие стихийного явления, значит, внимание отвлечено от производителя действия. Но смысл предложений с творительным субъектно-агентивным часто оказывается сложнее, он не сводится к соответствующей трехчленной конструкции двусоставного предложения. Например: *...мы вышли на лиственничную аллею и пошли рядом. «Понюхай – сказал я, – как пахнет!» «Вином» – ответила она, слегка задыхаясь от ходьбы. «Это листья»* (Ю. Казаков). *Пахнет* – безличное предложение, оно распространяется репликой *Вином*, но совершенно очевидно, что в дополнении назван не производитель действия; смысл предложения – *пахнет, как вино*, а пахнут-то на самом деле *листья*. Содержание всего сказанного: *листья пахнут вином*. Сравнив это предложение с авторским вариантом, обнаружим разницу: в безличном предложении речь идет не о листьях, речь идет о запахе в аллее: *Как пахнет!* Листья появляются позже как объяснение, но не предмет сообщения для безличного предложения. Заняв место подлежащего, это слово изменило бы не только структуру предложения, но и его смысл.

Выведенное из центра внимания действующее лицо или предмет может выполнять в безличном предложении функцию обстоятельства места (облигаторного!): *В ночи скоро загудело, хворост затрещал, запахло дымом* (Ю. Казаков) – *Ночь скоро загудела*.

Соотносительны с двусоставными и отрицательные предложения с глаголом бытия: *Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем* (И. Бунин) – *борзые есть*; при отрицании происходит замена именительного падежа на родительный, имеющий значение субъекта.

Необходимо также отметить, что не все предложения с безлично-предикативным словом и инфинитивом могут рассматриваться как безличные. Безличными всегда можно считать предложения с инфинитивом при *модальных* словах: *Надо лишь иначе увидеть мир* (Д. Гранин), которые без инфинитива не функционируют самостоятельно, так как лишены вещественного значения (*надо, нельзя, можно*) и означают только возможность / невозможность чего-либо: *Печальное окажется радостным – нужно только читать с самым напряженным вниманием, ибо в чехов-*

ской новелле ничто не случайно (К. Чуковский). Если безлично-предикативные слова имеют значение оценки, реже состояния (*трудно, просто, приятно*), то они полнозначны и по форме независимы, а инфинитив может выполнять роль независимого члена: *По стандарту действовать куда проще, но где появляется стандарт, там всегда умирает творчество* (В. Тендряков). Препозитивный инфинитив занимает грамматически независимую позицию, является подлежащим в двусоставном предложении: *Вы очень привлекательны и умны, и с Вами беседовать – изустно и письменно – очень приятно* (И. Тургенев). При постпозиции он оказывается зависимым, примыкающим: *В его рассказах всегда есть деталь, эпизод, какие трудно выдумать и профессиональному сочинителю* (В. Тендряков). Реже встречаются случаи, когда инфинитив, следуя за сказуемым, все-таки является подлежащим. Это происходит тогда, когда безлично-предикативное слово поставлено в начале предложения как коммуникативно значимое: *Так славно лежать на возу, смотреть в звездное небо и слушать, как осторожно поскрипывает обоз* (И. Бунин).

Но не только словорасположение и интонацию следует учитывать при определении структуры предложения. Важно и значение безлично-предикативного слова. Если оно имеет оценочное значение, то его использование в сказуемом вероятнее при постпозиции инфинитива: *Но даже здесь, на Онеге, в кладовой русской старины, не так-то просто наткнуться на икону старинного письма* (В. Тендряков).

Очень важно и наличие облигаторных дополнений со значением косвенного субъекта (в начале или середине предложения), типичных для безличности: *Автору просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает* (М. Лермонтов); *Убить Грибоедова, как и Пушкина, сразу он не посмел: негоже русскому царю на глазах у россиян отнимать русских гениев у России* (Л. Леонов).

Такова семантика и структура безличных предложений – одного из основных составляющих категории безличности современного русского языка.

IV. Инфинитивные предложения

В октябре 1887 года А. Фет написал стихотворение, состоящее из трех строф, стержнем которых, ключевыми словами, несущими основную смысловую нагрузку, а потому коммуникативно определяющими, были десять инфинитивов:

Одним толчком *согнать* ладью живую
С наглаженных отливами песков.
Одной волной *подняться* в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов.

Тоскливый сон *прервать* единым звуком,
Учиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, *дать* сладость тайным мукам,
Чужое вмиг *почувствовать* своим.

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

Во всех этих предложениях грамматически независимым словом, главным их членом является *независимый инфинитив*. Поэтому *структурный* тип глагольного предложения с одним главным членом, представленным независимым инфинитивом с частицей *бы* или без нее, называется *инфинитивным предложением*: *Вам не видать таких сражений* (М. Лермонтов); *Лишь лета б нам дождаться* (И. Крылов); *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?* (Ф. Тютчев). Общее синтаксическое *значение* таких предложений – значение *потенциального* действия или состояния какого-либо *субъекта* (дательный падеж), побуждение его к активному действию.

Инфинитивные предложения с точки зрения лица-деятеля безличны, но от безличных предложений они отличаются тем, что имеют специфическую форму выражения главного члена – инфинитив, при котором не может быть ни безличного глагола, ни безлично-предикативного слова (*Ему надо ехать домой; Нам не дано предугадать...* – безличные). Отличает инфинитивные предложения и выражение *модальности*: в безличных она выражается лексически (*надо, нельзя...*), а в инфинитивных – самой формой инфинитива и интонацией.

В инфинитивных предложениях проявляется *объективная* модальность реальности / ирреальности, зависящая от способа выражения главного члена – инфинитива без частицы *бы*, либо с ней, от интонации и вопросительных частиц *разве, ли, едва, неужели* и др. Такая модальность неотделима от синтаксической формы инфинитивных предложений, типа их синтаксической организации.

В повествовательных предложениях с главным членом-инфинитивом без частицы *бы* выражается объективная модальность *реальности*: *Быть буре* (А. Пушкин); *Не век жить, а век*

вспоминать (пословица); *Не расти траве После осени; Не цвести цветам Зимой по снегу* (А. Кольцов).

В предложениях с побудительной или вопросительной интонацией, а также в повествовательных предложениях с частицей *бы* обнаруживается объективная модальность *ирреальности*: *Не спрятаться ли нам?* (А. Чехов); *Не опоздать бы только к поезду...* (Он же); *Не велеть ли в санки Кобылку бурую запречь?* (А. Пушкин); *Сейчас послать за Шуйским* (Он же).

Объективные значения реальности / ирреальности, как и в других типах односоставных глагольных предложений, могут *осложняться частными* модальными значениями *долженствования*: *Вы же ничего не хотите взять, зачем вам опасаться собак* (И. Андроников); *необходимости*: *Земле вертеться миллионы лет* (С. Щипачев); *невозможности*: *Не избежать им лютой казни* (А. Пушкин), *С совестью не разминуться* (пословица); *желательности*: *Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку* (М. Лермонтов), *Лишь бы обмолотить хлеб, а ветер появится* (пословица), *Только б допеть! Только б успеть! Только б испить чашу до дна* (Р. Рождественский); *сомнения, колебания, нерешительности*: *Любить... Но кого же* (М. Лермонтов), *Как мне быть?* (М. Светлов), *О чем думать в пути?* (Ю. Казаков), *Как бы нам в яму не угодить, – сказал старик* (А. Толстой).

В инфинитивных предложениях на фоне объективной модальности реальности / ирреальности с помощью вводно-модальных слов и модальных частиц легко проявляется *субъективная* модальность со значениями уверенности / неуверенности, возможности / невозможности, сомнения, предположительности. Например, в предложении *Мне тут, конечно, сидеть до морозов* (К. Паустовский) на фоне объективной модальности реальности выражается субъективно-модальное значение *уверенности*, а в предложении *Быть, вероятно, завтра плохой погоде* (М. Горький) выражается субъективно-модальное значение *предположительности*. Субъективная модальность просматривается в риторических вопросах: скрытое утверждение (*Да и нам ли подчас Смерть не встретить шутя, Если к бурям у нас Привыкает душа?* (И. Никитин), скрытое отрицание (*Куда бежать от громких слов?* (М. Цветаева), вопросительно-отрицательное значение ситуативного характера (*Невесту долго ли искать?* (А. Островский).

Инфинитивные предложения *не обладают* парадигмой *временных* форм, так как в функции главного члена выступает инфинитив (*Вам бы сходить к хозяину-то* (М. Горький). Основным способом выражения временных значений является *конструк-*

тивно-синтаксический. Определенная часть инфинитивных предложений безотносительна к моменту речи, имеет значение *вневременности*: *Бездонную бочку не наполнить* (пословица). В этих предложениях нередко проявляется *расширенное* настоящее время, которое характеризуется не только совпадением действия с моментом речи, но и распространением его на предшествующие или последующие моменты: *А вам, искателям невест, не нежиться и не зевать бы* (А. Грибоедов).

Лексические элементы с временным значением в структуре инфинитивных предложений влияют на выражение в них синтаксического времени. Так, детерминанты времени уточняют, конкретизируют значение времени: *Отложить до завтра!* (М. Горький) – детерминант *до завтра* указывает на будущее время.

Синтаксические категории *лица, субъекта* весьма существенны для характеристики инфинитивного предложения. Синтаксическая категория лица выражает отношение высказывания к говорящему, к собеседнику, к третьему лицу. В структуре инфинитивного предложения может быть объектный член в форме дательного падежа, который выражает отношение высказывания к лицу: *Не выпить ли нам коньяку? Грустно что-то* (И. Бунин) – указывается отнесенность к первому лицу; *Тебе бы все с ружьем баловаться* (И. Тургенев) – ко второму лицу; *Помолчать бы Николаю-то* (М. Горький) – к третьему лицу.

Объектный член инфинитивного предложения в форме дательного падежа может рассматриваться «в семантическом плане как название лица или предмета, который должен (или может, не может и т.д.), с точки зрения говорящего, быть деятелем по отношению к потенциальному действию, обозначенному главным членом» (Лекант 1986: 94).

В Русской грамматике-80 отмечается, что в семантической структуре «действие или состояние, о котором сообщается в инфинитивных предложениях, всегда соотнесено с субъектом» (С. 373). Эти значения конкретизируются в предложении. Семантический субъект действия или состояния, если он известен, выражается облигаторным субъектным детерминантом: *(Васса): Чудится мне. Не знать мне покоя никогда* (М. Горький) – как определенный, т. е. говорящий; *Не спрятаться ли нам?* (А. Чехов) – как обращение к нескольким субъектам; *Не вернуть упущенного* (Ф. Достоевский) – как обобщенный, любой, каждый.

Среди инфинитивных предложений выделяются такие, которые обнаруживают контекстуальную привязанность. В составе сложного синтаксического целого они сближаются с так называемым Именительным темы: *Любить... Но кого же? На время не*

стоит труда, а вечно любить невозможно (М. Лермонтов); *Молчать... Но как я мог тогда молчать? Кричать, вопить, а не молчать!* (С. Довлатов).

Модальная семантика *потенциальности* в конкретных проявлениях позволяет инфинитивным предложениям вступать в синонимические отношения с другими типами предложений, выражающими аналогичные модальные значения: *Прошлого не вернуть! – Невозможно вернуть прошлого* (безличное) – *Прошлого не вернешь* (обобщенно-личное) – *Прошлого никто не вернет* (двусоставное); *Переделать работу! – Необходимо (надо, нужно, следует) переделать работу* (безличное) – *Переделайте работу* (определенно-личное) – *Вы должны (обязаны) переделать работу* (двусоставное).

Инфинитивные предложения отличаются экспрессивностью и эмоциональностью (они часть экспрессивного синтаксиса), они используются для лаконичных, категорических высказываний со значением повеления, долженствования, для передачи авторских рассуждений, размышлений, тончайших переживаний героев, что находит применение в языке художественной прозы, особенно поэзии (так, в исследовании А.К. Жолковского «Антология русской инфинитивной поэзии» рассмотрено около 500 инфинитивных стихотворений примерно 200 русских поэтов от В. Тредиаковского до Б. Рыжего).

Цитируемая литература

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.

Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. II. – Ч. 2.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.

Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. – СПб, 1908.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – Т. III.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II. Синтаксис.

Лекция 13

ИМЕННЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Предложения, как *зима, мороз, пожар,* выражающие наличность названных явлений или предметов в настоящее время, в настоящую минуту, мы признали *односоставными* и притом полными, так как у нас нет оснований для определения их как двусоставные предложения нарушенные (с пропуском того или иного сказуемого).
>
> *А.А. Шахматов*

I. Самостоятельные именные предложения.
II. Несамостоятельные именные предложения.
III. Синонимия односоставных предложений.

Именными односоставными предложениями называются *безглагольные конструкции* письменной речи с самостоятельным знаком конца и с предикативным ядром, выраженным именем существительным в *именительном* падеже: *Запах розы и жасмина. Трепет листьев. Блеск луны... Из открытых окон льется песня южной стороны* (А. Плещеев); в отдельных случаях в *родительном* падеже: *Главное – все в полнейшей тишине. Ни звука, только тихо-тихо шелестит песок* (Б. Акунин).

В письменных текстах так называемые «изолированные именительные падежи», т. е. именительные падежи с самостоятельным знаком конца, встречаются довольно часто. По своей синтаксической семантике и функциональной предназначенности именные односоставные предложения разнообразны. При их классификации учитываются два основных критерия: 1) степень их функционально-семантической самостоятельности и 2) характер их функционально-семантического содержания (предназначения).

По первому критерию именные односоставные подразделяются на *самостоятельные* и *несамостоятельные* предложения. По второму – осуществляется *внутренняя* классификация выделенных классов.

Самостоятельные именные предложения обнаруживают функционально-семантическую независимость, их содержание самодостаточно, их коммуникативная предназначенность осмыслива-

ется вне зависимости от контекста и ситуации, т. е. такие предложения являются *автосемантичными* и *автофункциональными*.

Общее синтаксическое значение ***самостоятельных*** именных предложений составляет значение *статической бытийности*. Они подразделяются на два типа:

1. **Номинативные** (лат. nominātīvus – «именительный падеж»), дающие наименование явлению действительности с помощью Им. п. и обозначающие бытийность данного явления: *Серое грибное утро. Тишина. Неподвижная зелень. Потом явился матовый след, и весь день стоял как бы хрустальный* (М. Пришвин).

2. **Генитивные** (лат. genitīvus – «родительный падеж»), предикативное ядро (главный член) которых оформлено именем в род. п.; они выражают количественную характеристику какого-либо явления, предмета, обозначая их большое количество: *Сколько расходов! Одному Футу мы платим сто двадцать* (И. Ильф, Е. Петров) или абсолютное их отсутствие: *За городом все бело. Никакой слякоти* (П. Дашкова).

Будучи функционально и семантически самодостаточными, номинативные и генитивные предложения сами могут создавать контекст: *Весенний лес. Ни души. Сухие прошлогодние листья под ногами. Зеленые кустики свежей травы. А муравьев! Красота-то какая! Тишь да благодать* (В. Бианки).

Несамостоятельные именные предложения (или несамостоятельные изолированные именительные падежи) не обладают свойством функционально-семантической самодостаточности. Они обнаруживают функционально-семантическую закрепленность с предшествующим или последующим предложением, которое выступает для него в качестве базового. Лишь на фоне этого базового предложения осмысливается функционально-семантическое качество изолированного именительного падежа. Поэтому несамостоятельные именные предложения могут быть названы *синсемантичными: Война... Более шестидесяти лет прошло со дня ее окончания, а она все взывает к нашей памяти* (из газет). Именительный падеж здесь использован для того, чтобы вызвать *соответствующие представления, задать тему для дальнейших рассуждений,* представленных в последующем, базовом предложении; *Василий Иванович Суриков был сильный, красивый человек. Темные густые кудри. Темные большие глаза. Спокойное красивое лицо* (из журн.). Здесь именительные падежи прикреплены к предшествующему тексту, обозначая смену впечатлений, отличительные признаки того лица, о котором сообщается в предшествующем, базовом предложении.

Несамостоятельные именные предложения весьма разнообразны по своей конкретно-функциональной предназначенности. Наиболее частотными среди них являются: именительный *представления* (темы) – *Старость... Трудная это пора в жизни человека*; именительный *постпозитивный – Она снова взглянула на портрет мужа. Высокий лоб. Открытые глаза. Темные волосы*; именительный *эмоционально-оценочный – Что за чушь! Ерунда какая-то!*; именительный *вокативный* (лат. vocativus – «звательный падеж») – *Мама! Как ты можешь так говорить...*

Именные односоставные предложения во всем своем объеме создают *ядерно-периферийную* структуру. Типовым, образцовым представителем именных предложений являются *номинативные*, они и представляют *ядерную* часть именных односоставных. К ним примыкают *генитивные*, модифицирующие значение номинативных в количественном плане и представляющие собой околоядерный тип односоставных именных предложений.

Периферийную часть именных предложений представляют несамостоятельные именные односоставные предложения.

I. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Номинативные предложения

Крик, шум. Цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота... (А. Пушкин)

Номинативными называются предложения, утверждающие наличие, существование в настоящем предмета или явления, называемого главным членом.

Очевидно то, что номинативное предложение – это продукт достаточно поздней стадии в развитии синтаксической системы языка: определившись в XV–XVI веках, функционирующей единицей оно становится лишь на рубеже XVIII–XIX веков. Этому в немалой степени способствовали успехи повествовательных жанров литературы, главенствующую роль в которых играла непосредственно выражавшаяся в них точка зрения человека, его *восприятия* и *оценки* окружающего мира, в особенности природы, в целом экзистенциальных (лат. existentia – «существование, бытие») картин, предназначенных для зрительного восприятия. Вот почему не любое имя в именительном падеже может организовать номинативное предложение, а лишь слова или сочетания слов,

обозначающие явления и предметы, поддающиеся *чувственному* восприятию.

Кроме именительного падежа, в роли главного члена выступают числительные и количественно-именные сочетания: *Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле* (А. Ахматова); *Второй час ночи. Я сижу и пишу фельетон* (А. Чехов); *Три градуса ниже нуля. Продрогшая земля* (Б. Пастернак); *Много солнца* (В. Песков).

Вопрос о природе главного члена в научной литературе решался по-разному. А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Ф.Ф. Фортунатов считали, что именительный падеж имени в номинативных предложениях является сказуемым с подразумеваемым подлежащим и глаголом-связкой. В.А. Богородицкий, Д.Н. Овсянико-Куликовский, Л.А. Булаховский квалифицируют главный член как подлежащее. А.А. Шахматов впервые не только отчетливо выделил номинативное предложение как синтаксическую единицу с ее собственным статусом, но и предложил убедительные принципы отграничения его от двусоставного предложения, исходя из законов его внутренней, иерархической организации (1941: 55–56).

Формально главный член номинативного предложения напоминает подлежащее двусоставного предложения, но отличается от него по своей синтаксической семантике: главный член номинативного предложения совмещает в себе две идеи – идею субъекта (носителя) предикативного признака и идею самого предикативного признака, то есть идею существования, бытийности. Это и обусловливает его предикативную самодостаточность. Значение *бытийности* обусловливается следующими признаками номинативного предложения:

– им свойственна *утвердительная модальность*, выражаемая интонацией (*Зима; Зима!* – значение реальности; *Зима?* – значение ирреальности);

– отрицание противоречит семантике предложений, представленной в этих предложениях, оно переводит их либо в безличное (*Площадь – Нет площади*), либо в генитивное (*Облака – Ни облачка*);

– в них выражается одно из значений *настоящего* времени – показателем чего является значимое отсутствие глагола. Такое время может быть *актуальным*, когда говорящий сообщает о непосредственно воспринимаемых явлениях: *Мелколесье. Степь и дали. Свет луны во все концы* (С. Есенин), либо *историческое* настоящее, когда о фактах прошлого или будущего сообщается в плане настоящего для наглядности: *Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье. Меркло*

блестит мокрый щит наблюдателя (М. Шолохов). Изменение временного плана связано с включением глагольного компонента (*был, будет*), который переводит номинативное предложение в разряд двусоставных (*Была, будет зима; Была бы зима*). Однако глагол бытия в прошедшем или будущем времени не всегда возможно включать в предложение с «конкретно-предметным» главным членом: *Правый берег Ангары (был, будет?). ГЭС, заслоненная редкими соснами.*

Хотя номинативные предложения используются в контексте настоящего времени, довольно часто встречаются они в контексте с общим значением прошедшего или будущего времени, а также ирреальной модальности: *Завод строился неподалеку от города – стрелы кранов, холмы песка и щебня, скопление техники* (из газет); *Не найдете ли вы возможность поехать со мной? Весна, грачи, скворцы* (А. Чехов); *Соскочил бы с поезда, поселился б где-нибудь у черта на куличках! Лес, ружье, огород, пенсия* (Он же).

Номинативные предложения могут быть нераспространенными и распространенными. Среди нераспространенных следует отметить номинативные предложения с модальными значениями, выражаемыми частицами: *Неужели пожар?*, и номинативные предложения с повторением главного члена, что служит в повествовательных предложениях для обозначения большого количества предметов: *Деревни, деревни, деревни с погостами, Как будто на них вся Россия сошлась* (К. Симонов), а в восклицательных предложениях – приемом выражения эмоциональности: *Лес, лес, лес! Река поблескивает, а впереди нет просвета* (В. Тендряков).

В качестве распространителей в номинативных предложениях выступают присловные второстепенные члены: *Эти зори без затменья, Этот вздох ночной селенья, Эта ночь без сна...* (А. Фет) – согласованные и несогласованные определения.

Если второстепенные члены имеют обстоятельственное или объектное значение, то бывает трудно определить, является ли предложение односоставным или двусоставным: *Последние дни зимы. Дождь, снег, мгла над морем* (С. Залыгин). *Мгла над морем* – можно квалифицировать как односоставное с несогласованным определением, так как это предложение стоит в ряду явно номинативных и фразовое ударение падает на существительное в именительном падеже (заключающее коммуникативный фокус высказывания), но его относят и к двусоставным, если его произносить с паузой после именительного падежа – второстепенный член будет обстоятельством при пропущенном сказуемом. При этом большое значение имеет контекст. Ср.: *Звонок. Шаги. Стук в дверь. «Войдите» – И входит девушка* (И. Северянин).

Сложнее решить вопрос о характере предложения, если обстоятельства или дополнения препозитивны по отношению к именительному падежу существительного: *На столе у меня письма* (В. Песков); *Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей* (А. Пушкин); *Тобольску почти четыреста лет* (В. Песков). Традиционно такие предложения не относят к односоставным, так как обстоятельства и дополнения в большей степени являются приглагольными членами.

Однако в последнее время к распространенным номинативным предложениям причисляются такие субстантивные конструкции, которые распространены *детерминантами* – обстоятельствами (места и времени) и дополнениями, занимающими позицию в абсолютном начале предложения: *Кругом горы; На склоне горы село; У брата свадьба; Завтра встреча; За окнами – снег.* Форма второстепенных членов не мотивируется, не управляется главным членом – номинативом. Значение бытия, наличия в них выражено именительным падежом существительного, а второстепенные члены (детерминанты) приосновного состава (припредложенческие) имеют самостоятельное значение, не являются зависимыми компонентами словосочетания, поясняют предикативную основу в целом (Ср.: *В доме топилась печь; В доме стало тепло; В доме тепло; Сегодня я весел; У меня сын – студент*). Правда, как было отмечено, при изменении порядка компонентов (*Горы – кругом; Свадьба – у брата*) признаки двусоставности и неполноты усиливаются, что подчеркивается и знаком тире.

Номинативные предложения могут быть *неосложненными* и *осложненными*. Они осложняются однородными и обособленными членами, вводными конструкциями, обращениями: *Тишина, настоянная на запахе цветов; Вот улица, ведущая к площади; Друзья, снег-то какой! Вот, к счастью, и река. Взрывы мин и снарядов. Черные тени от деревьев.*

Как и другие односоставные предложения, номинативные могут входить в состав сложных предложений: *Теплое раннее утро, и чуть-чуть моросит* (И. Бунин); *Весна растеряна: апрель, а все метет* (А. Арцыбашев); *Вот место, где их дом стоял* (Г. Семенов).

Номинативные предложения как весьма разнообразный тип именных односоставных предложений подвергаются внутренней классификации. Среди них выделяются следующие функционально-семантические разновидности.

А. **Собственно-бытийные** (экзистенциальные – лат. existentia – «существование», – по терминологии А.М. Пешковского 1956: 377), описательные предложения утверждают бытие, суще-

ствование предмета или явления и, указывая на место, время, ситуацию, вводят читателя в обстановку действия: *Тишина. Кукушка. Травы. Я один в лесу глухом* (В. Быков); *Мелколесье; Степь и дали; Свет луны во все концы* (С. Есенин); *По окнам вспыхивает свет. Час мирный. Славный вечер* (А. Твардовский); *Три градуса ниже нуля. Продрогшая земля* (Б. Пастернак); *Сибирь, жесткий скрип саней, морозы, когда воробей замерзает на лету* (К. Кублицкий).

В русском языке составляющие бытийных предложений, относящиеся к области бытия и бытующему предмету, допускают семантическое варьирование в очень широком диапазоне. Область бытия в таких предложениях «может изменять свой объем в пределах от мира, вселенной ... до микромира человека» (Арутюнова 1976: 233).

В тексте встречаются цепочки номинативов, создающих сложные описания и выполняющих экспрессивную функцию: *Чудесный голубой день, чистое небо, зеркальный воздух, глубокая прозрачная тишина! Наконец-то и в этой холодной стране наступила настоящая весна* (И. Соколов-Микитов). Цепочки-номинативы способны передавать и динамику событий или перечисление: *Сначала простые слухи, потом дворянские собрания с их адресами, потом губернские комитеты – все это изнуряло, поселяло смуту* (М. Салтыков-Щедрин); *И цветы, и имели, и трава, и колосья, И лазурь, и полуденный зной... Срок настанет – Господь сына блудного спросит: «Был ли счастлив ты в жизни земной?»* (И. Бунин).

Особенностями бытийных предложений в функционально-стилистическом аспекте являются «лаконизм (и тем самым известная отвлеченность) и в то же время изобразительность (и тем самым образная конкретность)» (Попов 1968: 324). Они рисуют только контуры картины, предоставляя известную свободу читателю в ее дорисовке. Это особенно ощутимо в поэзии, где читатель может (и даже должен) нарисовать свой, близкий ему по восприятию, воспоминаниям, настроению образ: *Эти бедные селенья, Эта скудная природа – Край родной долготерпенья, Край ты русского народа!* (Ф. Тютчев).

Русская поэзия характеризуется «именным стилем», основанным на принципе безглагольных субстантивных перечислений, стилем, связанным с А. Фетом (*Шепот, робкое дыханье...* – «Здесь нет ни одного глагола (сказуемого). Каждое выражение – картина» – Л. Толстой), хотя отдельные номинативные строки в начале стихотворения встречались у разных поэтов и до него: *Прекрасный день, счастливый день: И солнце, и любовь!* (А. Дельвиг); *Мороз и*

солнце! День чудесный! (А. Пушкин); *День тихий грез, день серый и печальный* (К. Павлова); *Утро туманное, утро седое...* (И. Тургенев); *Душный вечер, зимний вечер* (Ап. Григорьев).

Это были редкие примеры, чаще для обозначения времени суток. И только в фетовской поэзии утверждается осознанный художественный прием: попытка расчленить в воображении непрерывный мир и «выделить в нем главные смысловые опоры, вопреки сложившимся грамматическим канонам» (Панченко 1993: 92). Открытие А. Фета было воспринято и подхвачено многими поэтами (вплоть до наших дней), которые почувствовали ассоциативные возможности номинативных рядов, их семантическую и эмоциональную значимость, особенно в зачинах (и подчас с кольцевым обрамлением).

Бытийные предложения являются удобной формой выражения личных переживаний, когда субъекту важно обратить внимание на отдельные события, детали, которые представляются ему важными и помогают в воображении воссоздавать картину в целом: *Босоногое детство. Катание на лошади. Ночное. Рыбалка. Ягоды и грибы. Первые книжки* (В. Песков). Эти предложения позволяют лаконично описать не только обстановку, окружающую среду, но и внешность человека: *Правильный, нежно очерченный овал лица, густые, действительно прекрасные волосы, тихий пристальный взгляд* (Ф. Достоевский).

Б. **Указательные** номинативные предложения – в них значение бытия сочетается со значением указания на существующие предметы, явления. Структурным признаком таких предложений являются указательные частицы *вот, вон, вот и, а вон,* благодаря которым в предложении не только утверждается факт бытия, наличия предметов или явлений, но и сообщается о выделении их «из совокупности воспринимаемых предметов или явлений» (Бабайцева 2004: 362): *...на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность. Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря. Вот хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот резкие леса, болота и перелески...* (И. Бунин); *Крыши домов, кажется, растут прямо из воды. Вот и мост. Он такой же, каким был двадцать лет назад* (В. Тендряков); *Вон чумы!* (Ю. Казаков).

Кроме значения появления предмета, которое передается с помощью частицы *вот*, сочетания *вот и, а вот,* эти предложения указывают на появление такого предмета, который ожидается или был известен раньше: *А вот и лес. И гул идет под стук колес в лесу зеленом* (И. Бунин); *И вот сентябрь! Замедля свой восход, сияньем хладным солнце блещет* (Е. Баратынский).

Главный член указательных номинативных предложений представлен преимущественно конкретно-предметными именами существительными (в том числе и одушевленными: *Вот мой друг*).

В. **Оценочно-бытийные** – в них значение бытийности сочетается с оценкой, которая передается с помощью эмоционально-оценочных восклицательных частиц *ну, ну и, ну уж и, что за, какой, ай да, а еще, и тоже мне, вот так, то-то, то: Какая ночь! Я не могу уснуть. Такая лунность* (С. Есенин); *Ай да мед* (А. Пушкин); *Эх вы, сани! Что за сани! Звоны мерзлые осин* (С. Есенин); *Погода, какая погода! Листвы увяданье в лесу* (А. Шацков).

Оценочно-бытийные предложения следует отличать от двусоставных вопросительных, в которых местоимения *какой, что за* являются именными сказуемыми: *Что за история? Какой человек?*

Г. **Желательно-бытийные** номинативные предложения – в них выражена желательность бытийности называемого явления, которая выражается с помощью частиц *бы, только бы, если бы, лишь бы, хоть бы: Лето бы! Только бы здоровье! Если бы счастье! Лишь бы не болезнь! Хоть бы дождь!* Такие предложения эмоционально окрашены, сопровождаются восклицательной интонацией.

2. Генитивные предложения

Предложения типа *Книг-то, книг-то! Народу! Яблок, яблок-то!* А.А. Шахматов относил к числу односоставных бессказуемо-подлежащных – наряду с номинативными: «...главный член выражен *родит. падежом*, причем у нас нет основания признать их неполными за невозможностью дополнить этот родит. падеж словом, от которого он бы зависел; ...в большинстве случаев можно думать, что это разновидность предложений количественно-именных» (1941: 50).

Независимый родительный падеж передает *состояние бытия* или *отсутствия бытия* предмета в определенном количестве: *Снегу! Ни облачка.*

Независимый генитив в позиции главного члена выражает грамматическое значение реальной / ирреальной модальности и расширенного настоящего времени. Важным элементом грамматического значения данных предложений является бытийность (экзистенциальность), которая выражается синтаксическим показателем -- независимой позицией генитива.

Семантика генитивных предложений включает оттенок *избыточности*, который также присущ независимому родительному падежу и проявляется безотносительно к конкретному лексическому значению имени существительного (*Деревьев! Бумаг! Детей! Гороху!*).

Учитывая в совокупности морфологические, лексико-синтаксические, коммуникативные и сочетательные особенности компонентов, можно выделить три группы генитивных предложений:

А. **Констатирующие** (собственно-констатирующие и эмоционально-констатирующие); в собственно-констатирующих содержится указание на абсолютное утверждение или отрицание факта: *Очень людно, много публики и всяких пишущих, «старых» и молодых* (И. Бунин); *Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые* (Он же); эмоционально-констатирующие (конструкции *оценочного* характера) имеют специальные синтаксические формы выражения оценки (интонация, частицы, местоимения в функции частиц), сферой их использования чаще всего является диалог; главное назначение таких высказываний – повлиять на собеседника, вызвать его реакцию, связанную с согласием / несогласием с оценкой, убедиться, сходны ли позиции участников коммуникации в оценке целого фрагмента действительности: *Крику, шуму, ругани! А толку нет никакого: отплыть не могут* (А. Югов); *Гениально и просто, и никаких ухищрений!* (М. Шолохов); *Ни одного дерева! Листок сорвать и в пальцах помять – так нет его!* (К. Симонов); *Экая досада! Как нарочно, ни души! Как будто бы вымерли все* (Н. Гоголь).

Б. Ирреальная синтаксическая модальность **побудительных** выражается с помощью интонации, частиц, междометий в определенных синтаксических позициях; варьирование оттенков модальности (пожелание, запрет, желание) достигается за счет различных формальных средств: *Кто-то в ответ ему крикнул: Довольно, надоело! Хлеба!* (И. Бунин); *Жить будешь здесь же, на втором этаже. И без глупостей!* (А. Маринина); *Здесь... Здесь стой. И ни шагу!* (А. Макаров); *Майдан разогнать! Чтобы никаких ораторов, никакой политики, никаких сплетен!...* (В. Пикуль); *Борис, сдвигая на грудь автомат, предостерегающе скомандовал: Ни одного движения! Тихо!* (Ю. Бондарев).

В. **Вопросительные** конструкции в качестве нерасчлененных встречаются при констатации факта действительности или побуждения; такие предложения образуются на базе констатирующих с использованием не только интонационных средств, но и с помощью частиц типа *а, и, -ка*: *И никаких приказаний? Никаких, никаких?* (Н. Никитин); *– А сколько километров? – А кто его знает! Может десять, а может, и все двадцать* (К. Паустовский); *По мне махнули из автомата. – А много их? – А кто считал?* (Б. Васильев); сфера реализации подобных конструкций – в реактивном регистре речи, выражающем реакцию говорящего, эмоциональную или ментальную, осознанную или автоматическую, на коммуникативную ситуацию.

Таким образом, значения, характерные для генитивных предложений, опираются на такие грамматические средства, как независимый генитив, частицы и интонация, – которые существенно отличаются от соответствующих показателей в номинативных экзистенциальных предложениях. Главный член в бытийных предложениях имеет широкое, абстрактное экзистенциальное значение – констатации наличия, существования предмета (*Деревья; Снег*). В генитивных конструкциях экзистенциальность, бытийность имеет оттенок непосредственного восприятия (ср. структурные варианты номинативного: *Снег! Вот снег! Ну и снег!*). Конкретизация бытийного значения обусловлена эмоциональностью генитивных предложений, которая создается экспрессивной интонацией: главный член произносится несколько «нараспев» и с резким повышением тона на ударном слоге. Интонация имеет разнообразную тембровую окраску для выражения эмоциональных оттенков (повеления, удивления, одобрения, досады и т.п.).

Сужение бытийного значения, выражение оттенка непосредственного восприятия связаны также с употреблением факультативной частицы *-то: Розог-то! – сказал дед* (М. Горький), которая утратила собственно указательное значение и служит для акцентирования грамматической формы главного члена, что особенно важно для письменной речи (например, для разграничения омонимичных конструкций – побудительной эллиптической *Розог!* и экзистенциальной *Розог-то!*).

Формальным приемом усиления квантитативного (избыточного) значения являются повтор, дублирование генитива в составе главного члена: *– Добра-то, добра! – сказал Яков* (А. Чехов). Правда, повтор является таким же факультативным средством, как и частица *-то*.

В конструктивном ядре генитивных предложений могут употребляться существительные всех основных разрядов (конечно, кроме собственных): конкретные (в форме мн. числа *Домов! Сосен! Детей!*), вещественные и абстрактные (в форме единственного числа *Снегу! Шуму! Веселья!* – ср. конкретизированные *Волнений! Впечатлений! Споров!*), т. е. любое существительное, соотносимое с понятием количества или меры.

Генитивные предложения могут *распространяться* как за счет присловных распространителей (*Книг разных! Ни одного пятнышка рыжего; Ошибок-то, ошибок грубых!*), так и за счет

обстоятельственных или дополнительных детерминантов с субъектным значением (*У меня ни рубля; У нее и без тебя хлопот-то! У меня дел сегодня! У него на родине ни озер, ни рек; У меня на душе ни одного седого волоса* (В.В. Маяковский), а также *осложняться* различными способами (*Ни ярких, ни смутных воспоминаний; никаких впечатлений, затрагивающих душу; Ума, ума у вас, дядюшка* (А. Островский).

Таким образом, генитивные предложения являются продуктивным типом, обладающим широкими возможностями речевой реализации.

II. Несамостоятельные именные предложения

Общим признаком несамостоятельных именительных падежей является их конституативная закрепленность, так как у них нет собственной функционально-семантической самодостаточности.

1. Именительный представления (темы). *Время... Как незаметно и плавно течет оно в обычной жизни человека* (Л. Леонов); *А типы! А женщины! Боже мой, что за женщины!* (А. Чехов); *Сибирь! Москва! Два эти слова звучали именем страны* (А. Твардовский); *Душистая земляника... Собирают ее умелочи* (В. Бианки); *Гагарин... Сколько раз назовут теперь простую русскую фамилию* (В. Песков); *Хлеб... Это один из самых удивительных продуктов природы и человеческого труда* (И. Лутовинова).

Стоящий в начале Им. падеж существительных (именное словосочетание) не сообщает о фактах действительности; его функционально-коммуникативная нагрузка заключается в том, чтобы назвать тему дальнейшего сообщения, вызвать у читающего или слушающего соответствующее представление. То есть такой именительный выражает представление о предметах и явлениях, которые возникают в сознании говорящего и по поводу которых дальше высказываются суждения. Тем самым слушатель, читатель подготавливается к восприятию наиболее важного в сообщении по поводу обозначенной темы.

Именно поэтому именительный представления (Пешковский 1956: 175, 404) находится в препозиции по отношению к последующему высказыванию, в котором заключено сообщение о названной теме и без которого такой именительный не может функционировать.

Функционально-семантическая связанность именительного представления (темы) с последующим предложением подчеркивается *интонационными* и *структурными* средствами. Именительный представления произносится с особой, обещающей интонацией, создающей эффект ожидания (что иногда отмечается пунктуационно – многоточием). С точки зрения структуры в последующем предложении используются местоименные слова (или сочетания), которые соотносятся с именительным представления (*Хлеб... Это один из удивительных продуктов...*).

2. Именительный постпозитивный имеет значение вывода, обобщения к предыдущему контексту; содержательно подготавливается предшествующим текстом, без которого он не осмысливается и не может употребляться. Это экономный способ выражения того смысла, который вытекает из предыдущего предложения. Постпозитивные именительные весьма разнообразны в функционально-семантическом отношении:

– фиксируют смену последующих впечатлений: *Он входит в дом. Пустая комната. Пыльные окна. Старые обои* (Ю. Трифонов);

– называют отличительные признаки предметов, о которых шла речь в предыдущем сообщении: *Иркутск – превосходный город, совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы* (В. Шишков);

– заключают в себе эмоциональную или рациональную оценку того, о чем сообщается в предыдущем контексте: *Мы только что вырвались из школьного заточения, вступили в свет – широкая дорога перед нами. Счастливое время* (из газет); «*Седов*» *уходил на Большую Землю. Торжественные, немного грустные минуты. Прощальные пароходные гудки. Винтовочный залп* (Э. Кренкель);

– обобщают предшествующее повествование, оформляют вывод из вышеизложенного: *Приезжает в Репетилово. Первым делом идет к родственникам. Тут, говорит, я когда-то жил. Тут вот пас стада отца моего. Тут вот спал и проч. ... – Воспоминания детства, одним словом* (А. Чехов); *Эх, не надо бы, старый дуралей, пить! Не надо бы! И поясницу ломит, и башка трещит, и знобит всего... Старость* (Он же).

3. Именительный эмоционально-оценочный. Главный член таких предложений выражается оценочными именами существительными, и поэтому предложения несут оценочное, характеризующее значение, не называя предмета или явления, которое характеризуется; оценке подлежит нечто известное из ситуации или предыдущего контекста: *Мужчина вылез, саданул дверцей, проворчал сердито: Психопаты, черти* (В. Шукшин); *Поражаешься силе Земли. Слой ее тонкий, и какое буйство лесов, трав!* (из газет); *Когда я занимаюсь с детьми, то испытываю наслаждение. Чудесные дети* (А. Чехов); *Что за край!* (М. Лермонтов); *Тут такая риторика, что любому философу можно запятую поставить и в нос ткнуть. Ум! Светлый ум* (А. Чехов); *Ох уж эта несдержанность наша* (В. Каверин); *Сопляк – с удовольствием подумал Родионов* (В. Шукшин).

Некоторые авторы (например, А.М. Пешковский 1956: 399) рассматривают такие предложения как неполные, с незамещенной позицией подлежащего. Действительно, такие предложения имеют оттенок неполноты, так как без учета конституации остается неясным, к чему (к кому) относится оценка. Этим эмоционально-оценочные предложения отличаются от оценочно-бытийных номинативных, в которых представлены как оцениваемое явление, так и оценка: *Ай да ночь! Какой дом! Ну и люди!* Однако, несмотря на семантическую неполноту эмоционально-оценочных именительных падежей, свести их к полному типу посредством вставки подлежащего вряд ли всегда возможно. Поэтому такие предложения целесообразно рассматривать в рамках именных односоставных предложений.

4. Вокативные предложения. А.А. Шахматов выделил эти конструкции в особый тип односоставного предложения: «Сюда относятся предложения, в которых главным и единственным членом является *обращение*, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией, вызывающее сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование» (1941: 86).

В предложениях *Старик! Я слышал много раз, что ты меня от смерти спас* (М. Лермонтов); *Дай, Джим, на счастье лапу мне* (С. Есенин) есть слова, которые называют того, к кому обращена речь: *Старик, Джим* – обращения.

Вокативные предложения отличаются семантико-грамматической самостоятельностью. Они содержат имя существительное (или местоимение) в именительном падеже, произносимое с особой интонацией, передающей призыв, побуждение к прекращению действия, несогласие с собеседником, недоумение, упрек, т. е. богатый спектр субъективных переживаний, эмоциональную реакцию на слова или действия собеседника. Поэтому такие предложения «оснащены» междометиями и частицами, усиливающими семантико-грамматические свойства вокативных предложений. Характер интонации, выражающей сложное содержание вокативных предложений, в художественной литературе определяется авторскими ремарками и ситуационными условиями.

Сопровождаясь звательной интонацией, изолированные обращения выполняют фатическую (контактоустанавливающую) функцию, используются с целью привлечения внимания собеседника: *Вера. – Матвей! (Матвей очнулся от раздумья) – А?* (А. Афиногенов).

Гораздо чаще изолированное обращение – вокатив, произнесенное соответствующей интонацией, выражает эмоциональную реакцию на поведение собеседника (радость, упрек, удивление, возмущение, негодование, недоумение и т.д.): *Мама! Как ты можешь так говорить!?* «*Сильвио!*» – *вскричал граф, вскочив со своего места* (А. Пушкин).

В текстах художественной литературы такие предложения позволяют передать динамику отношений героев, определяемых конкретной ситуацией. Например, в рассказе А. Пришвина «Омела» героиня встречается с любимым в прошлом человеком: «*Вадим!*» – *Счастье, большое, вновь обретенное счастье. Она снова видела перед собой Вадима, который отыскал ее здесь, приехал, и опять они будут вместе.* «*Вадим*», – *повторила она, нотки тревоги и отчуждения послышались в имени, она как бы приглядывалась, примерялась к этому Вадиму, разглядывала другими, сразу потемневшими глазами, и в самой глубине их, на дне маленьких золотых колодцев, можно было прочесть опасение и страх. Она остановилась и еще раз сказала:* «*Вадим!*» *Но теперь в это простое слово она вложила всю боль своего сердца, всю тоску в долгие зимние ночи, когда хотелось большой и красивой любви, а надо было обнимать только подушку, горячую, но совершенно равнодушную к ее горестям и печалям. Она посмотрела на него теперь уже совсем чужими глазами.*

Или в повести Д. Бреговой «Сибирское лихолетье Ф. Достоевского» в сцене прощания вокативным предложением переданы глубокие чувства расстающихся: – «*Ну, прощай, Адам*», – *сказал Достоевский, подойдя ближе. Адам почти молча смотрел на него, наконец с невыразимой горестью произнес:* «*Эх, Федор Михайлович!*» *Многое вложил он в это* «*Эх, Федор Михайлович*»: *и незаметно возникшую, в последнее время окрепшую привязанность, и постепенно пришедшее понимание, что друг его барина – не просто солдат и что барин не зря приблизил его к себе, и сожаление об его будущем одиночестве. И Достоевский все, все понял и от души пожал ему руку.*

Семантическая емкость вокативного предложения может быть раскрыта последующим текстом: «Туристы из Германии из интереса пришли в избу к русской женщине, и она стала поить их парным молоком. Немцы, как народ педантично-цивилизованный,

решили расплатиться, но хозяйка неожиданно и кротко взмолилась: «*Что вы, немчики? Какая плата?!* – воскликнула она с сердечным укором. – *Ведь мы с вами воевали*».

В словах этих сокрылось все таинство русской души. Тут высветились и ее неизбывная врожденная щедрость, и распахнутая на все застежки радость от общения с негаданным гостем, и, самое главное, откровенно-мудрое желание поскорее забыть все старые обиды, а некогда кровного врага своего расположить к доброму соседству и дружбе» (Н. Неженец «Дантовы круги России»).

Иногда функциональный синкретизм обращения и вокативного предложения, выражающих нерасчлененную мысль, чувства и волеизъявления, позволяет их рассмотрение и в качестве именительного темы: *Пушкин, Пушкин, Александр Сергеевич... Какая же такая в Вас сила и какая тайна, что мы, через век с лишком все вглядываемся и вглядываемся в Вас, вслушиваемся в Вашу речь, обсуждая с друзьями и с самим собой чуть не всякое Ваше слово, каждую Вашу мысль* (О. Кучкина).

III. Синонимия односоставных предложений

Синтаксическими синонимами односоставных предложений принято считать конструкции, которые имеют общее основное грамматическое значение и тождественный лексический состав, но различаются структурой и в ряде случаев оттенками значений: *На второй день Рождества взломало Дон* (М. Шолохов) – *На второй день Рождества взломался Дон* (в дальнейшем иллюстративный материал взят из произведений М.А. Шолохова). В безличном предложении обозначается стихийная сила, вызывающая тот или иной процесс по отношению к объекту, в двусоставном – объект действия изображается как субъект, действие которого направлено на себя. Какие факторы способствуют синонимии односоставных предложений или ей препятствуют?

1. Синонимии односоставных и двусоставных предложений способствует наличие в односоставных различных обстоятельств и дополнений. Установлено, что это могут быть обстоятельства места в неопределенно-личном предложении: *В обеих церквах весь день трезвонили, как на Пасху – Обе церкви весь день трезвонили... До января и на хуторе Татарском жили тихо – До января и хутор Татарский жил тихо.* Обстоятельства образа действия позволяют трансформировать односоставное в двусоставное предложение: *Выходили на покос всем хутором сразу – Выходил на покос весь хутор сразу.*

Возможность синонимии неопределенно-личных и двусоставных предложений предопределяют дополнения со значением объекта: *Еще вечером же сделали операцию – Еще вечером же была сделана операция; В домах уже зажгли огни – В домах уже зажглись огни.* Неопределенно-личные предложения в этом случае сближаются по значению со страдательными конструкциями, так как обозначение действующего лица в последних не является целью высказывания.

Синонимии безличных и двусоставных конструкций помогают обстоятельства места в безличном предложении: *Как живется в Четырнадцатом полку? – Как живет Четырнадцатый полк?; В тесной хате было жарко натоплено – Тесная хата была жарко натоплена.* Такими же свойствами обладают и дополнения в безличных предложениях: *Ему неожиданно захотелось тихо заплакать – Он неожиданно захотел тихо заплакать; Лужи затянуло сизым ледком – Лужи затянул сизый ледок.* Как синонимичные при наличии в инфинитивных конструкциях дополнений выступают инфинитивные и двусоставные предложения: *Тебе ведь в лагери в мае идти? – Ты ведь в лагери должен в мае идти?; Нам лошадьми не торговать – Мы лошадьми не должны торговать.*

Итак, обстоятельствам и дополнениям односоставных предложений соответствуют подлежащие в двусоставных предложениях; так как в односоставных есть синкретизм основного значения (место, образ действия, объект) с косвенным указателем на деятеля или носителя признака.

2. Влияют на синонимические связи односоставных предложений и словообразовательные особенности, а именно – наличие словообразовательного родства главных членов синонимичных предложений: главные члены являются однокоренными словами. Это характерно для безличных и двусоставных конструкций: *Летом даже в полдни в лесу тихо, сумеречно, прохладно – Летом даже в полдни в лесу тишина, сумерки, прохлада; Смеркалось – Наступали сумерки.*

3. Между различными типами односоставных предложений, так же как это было уже показано, возможны синонимические отношения; в их основе лежит сходство как главного, так и частных значений синонимических конструкций.

Синонимия *определенно-личных* и *инфинитивных* предложений связана с общим значением грамматической формы: *Разводи коней по дворам! – скомандовал Петро – Разводить коней по дворам!* И обратно: *– Открыть ворота! Загнать их во двор! – приказал есаул – Откройте ворота! Загоните их во двор!* Во всех

этих примерах главный член в форме повелительного наклонения имеет сходное значение побуждения, приказа.

Одинаковое значение невозможности, нецелесообразности имеют *обобщенно-личные, безличные* и (иногда) *инфинитивные* конструкции: *Когда на карту ставится участь всего дела, не брезгают помощью и бывших врагов – Не нужно брезговать помощью бывших врагов; Всех слез не вычерпаешь – Всех слез не вычерпать.*

Синонимичны *инфинитивные* и *безличные* предложения, имеющие модальные значения возможности, долженствования, необходимости: *Вверх не поднять головы – Вверх нельзя поднять головы; Через неделю опять надо идти отмечаться! – Через неделю опять идти отмечаться!*

На синонимию *номинативных* и *безличных* предложений может влиять и словообразовательная соотносительность главных членов: *Дождь и ветер – Дождливо и ветрено; Тишина – Тихо; Вечер – Вечереет.*

4. Вместе с тем в ряде случаев синонимические связи односоставных и двусоставных предложений установить трудно, такие *запреты* носят *синтаксический* и *лексический* характер. Одним из синтаксических запретов является способ выражения главного члена. Так, не имеют синонимических связей определенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом в *повелительном* наклонении: *– Заезжай! – крикнул он, поворачиваясь к воротам; – Садись в сани! – крикнул отец, трогая лошадей.*

Препятствуют синонимическим отношениям и *структурные* особенности некоторых односоставных предложений. Безличные предложения с отрицательными местоимениями и наречиями (*некогда, нечего*) не имеют синонимов среди двусоставных предложений: *В Петрограде вам делать нечего; Незачем было давать волю злой памяти; Нам больше не о чем разговаривать.*

Особенности *лексического* наполнения предложений также небезразличны для синонимических связей односоставных предложений. Так, безличные предложения в ряде случаев не имеют синонимов среди двусоставных, если главный член выражен глаголами *пАхнуть* и *пахнУть* – в одних случаях синонимическая пара возможна, в других – нет: *Свежо и радостно пахло сеном – Свежо и радостно пахло сено; Пахнуло полынным теплым ветерком с юга – Пахнул полынный теплый ветерок с юга.* Но: *Пахло илом; Пахнуло от нее отсыревшим черноземом.*

Нет синонимии с двусоставными предложениями у безличных с главным членом – глаголом *тянуть* ('приносить с собой какой-

либо запах', 'веять, обдувать каким-либо запахом'): *Тянуло жильем, пригоревшей сажей, парным запахом скотиньего база; Из степи тянуло прохладой; К заре потянуло с Дона сыростью и холодом.*

Таким образом, односоставные предложения могут быть синонимичными как двусоставным, так и между собой. Существуют факторы, способствующие синонимии: наличие дополнений и обстоятельств, косвенно указывающих на субъект в односоставной конструкции, наличие словообразовательной соотносительности главных членов. Однако синонимия односоставных предложений осуществима далеко не всегда, так как это связано с особенностями конкретной структуры и семантики предложений как составных частей текста.

Цитируемая литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004.

Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. 2. – Ч. 2.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.

Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки языка русской поэзии XX в. – М., 1993.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Попов А.С. Развитие номинативного предложения // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 14

СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Говорящий (или пишущий) не творит все то, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам.

П.С. Кузнецов

Предложение потому и является единицей языка, что оно представляет собой готовую позиционную модель, позиционную структуру. Как и всякая единица языка, она не творится заново в процессе речи, а воспроизводится.

Т.П. Ломтев

I. Структурная схема и ее признаки.

II. Характеристика типов структурных схем простого предложения.

I. Структурная схема и ее признаки

Картина увиденного леса может быть отражена в нашем сознании в виде суждений, понятий и наглядно-чувственных образов: *Лес как сказка! Чудесно! Ах!* Способ отражения действительности в мысли и определяет различные формы мысли, которые выражаются в предложениях: двусоставном (содержащем суждение – субъектно-предикатные отношения), односоставном (предикат выражен словом) и междометном, нечленимом (предмет мысли не назван, но он отражен в сознании в виде наглядно-чувственных образов, предельно эмоциональной характеристикой, выражающей осознанное отношение человека к действительности). Таким образом, степень членимости мысли, характер мысли обусловливают синтаксическую членимость предложения, характер их *структурных схем* (моделей) и способ выражения компонентов схем. Ср. восприятие картины художника, изобра-

жающей ловлю рыбы мальчиками, Анной и Вронским: *Ах, какая прелесть! Что за прелесть! Чудо!*

Для того чтобы человеческое общение было успешным, оно обязательно должно строиться по определенным образцам (схемам, моделям, шаблонам), и эти образцы существуют на всех уровнях языковой системы включая синтаксический. С формальной точки зрения предложение представляет собой модель, структуру, заполненную сочетающимися друг с другом членами предложения, которые выражаются словами тех или иных лексико-грамматических классов (частями речи).

А.М. Пешковский писал: «...Все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка и унаследованные нашим поколением от предшествующих поколений. Эти шаблоны ... преподносятся нашему сознанию всегда, о чем бы мы ни говорили и что бы мы ни слушали. Это наш синтаксический багаж, взятый нами с детства в наш жизненный путь, подобно звуковому багажу, словарному багажу, образующим вместе то, что называется русским языком» (1956: 428).

Мысль о синтаксических схемах (образцах, моделях, шаблонах), заложенных в памяти говорящего и слушающего и реализующихся в речи, находит свое развитие в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, один из основателей Пражской лингвистической школы, В. Матезиус, задаваясь вопросом: «Какое место занимает предложение в грамматической системе?», отвечал: «Предложение – это не продукт преходящего момента и по своему существу не может целиком определяться какой-либо ситуацией. Следовательно, предложение не принадлежит целиком речи, а связано в своей обычной форме с грамматической системой языка, к которой оно относится» (1967: 237). Это значит, что, хотя *синтаксическая единица и формируется в условиях конкретной речевой ситуации*, она *обязательно содержит в своей основе* обобщенную, *типовую грамматическую структуру – структурную схему (модель, формулу) предложения*.

Американский социолингвист и культуролог Э. Сепир отмечал: «В основе каждого предложения лежит готовый образец, предложение-тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых построений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в закостенелом виде даны традицией» (1993: 53).

Эти идеи нашли свое развитие в работах Н.Ю. Шведовой и были положены в основу Русской грамматики-80; здесь **структурная схема** определяется как *абстрактный образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение* (1980: 92). Словом «относительно» подчеркивается, что необходимые с точки зрения лексической семантики компоненты могут в структурную схему не включаться, однако предикативное значение, т. е. основное грамматическое значение предложения, ею будет выражено: *У моих ног тянулась узкая долина* (И. Тургенев); предикативное значение заключено в *долина тянулась*, компоненты образующие структурную схему, могут быть представлены $N_1 V_f$; по этой модели строится бесчисленное количество предложений: *Лошади тронулись, колокольчик зазвенел, кибитка полетела* (А. Пушкин).

Итак, основу описания формальной устроенности предложения составляет учение о структурных схемах. Под структурной схемой обычно понимают *отвлеченный образец*, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения. Существует **два подхода к пониманию структурной схемы предложения**. Согласно **первому**, в схему вводятся только те компоненты, которые составляют предикативный минимум предложения (Н.Ю. Шведова). Такое понимание схемы воплощено в ГР-70 и РГ-80. Структура предложения представлена как структура его предикативного ядра. Типы этих структур различаются на основе морфологического оформления главных членов (или одного), и соответственно систематизация грамматических типов – это систематизация морфологизированных структурных схем ($N_1 V_f$...).

Второе понимание схемы учитывает не только формальную организацию предложения как предикативной единицы, но и ее семантическую структуру, в схему включаются *все распространители*, без которых предложение оказывается непригодным к выполнению номинативной функции (Белошапкова 1989: 636).

Носитель русского языка интуитивно ощущает, что высказывания *Ребенок спит, Петя занимается, Солнце светит, Время идет, Крапива жжется* и т.п. образованы по одной и той же структурной схеме: абстрактная схема, по которой они построены, включает два компонента, связанных предикативными отношениями и выраженных именительным падежом имени (компонент со значением носителя предикативного признака) и спрягаемой формой глагола (компонент со значением самого предикативного признака): $N_1 V_f$. А предложения *В ушах звенит, В животе бурчит, Под ногами хлопает, В трубе гудит, За углом горит* – тоже построены по одной схеме, которая отличается от первой: $N_6 V_{f3s}$. *В основание выделения структурной схемы по-*

ложено предикативное значение и учет информативной достаточности (включение в схему распространителей – объектных или обстоятельственных компонентов). Структурная основа схемы заключает в себе не просто предикативное значение главных конструктивных форм, но и предполагает те или иные возможности их смыслового и грамматического распространения в соответствии с их дистрибутивно-валентными (закономерное сочетание языковых единиц) качествами.

Количество выделяемых структурных схем может колебаться в зависимости от уровня абстракции (обобщения) фактического материала и целей описания. Так, для практического преподавания русского языка (например, иностранцам) целесообразно дробить модели: тогда они будут более «операционны», с ними легче работать. Для теоретико-типологического описания синтаксической системы, наоборот, удобно «поднять планку» абстракции: меньшее количество схем сделает классификацию более обозримой. Например, в русском языке в общей сложности имеется до 20 схем (ср.: во французском – 11, итальянском – 23, немецком – 32, английском – 25). Таким образом, число структурных схем должно быть ограниченным, но в то же время более или менее универсальным.

Для выделения моделей, их обоснования необходимо остановиться на **важнейших** (конститутивных, системообразующих) **свойствах моделей**, таких, как *воспроизводимость, обобщенность, значимость, минимальность* и *внутренняя организованность*.

Воспроизводимость: синтаксическая модель не конструируется в ходе речевой деятельности каждый раз заново, а содержится в готовом и неизменном виде в сознании носителя языка; она выбирается им и реализуется в соответствии с конкретными речевыми условиями. Формирование системы синтаксических структурных схем в онтогенезе (развитии индивидуума), по-видимому, заканчивается к 6–7 годам и означает овладение ребенком основами синтаксиса простого предложения.

Воспроизводимость структурных схем предполагает, что деятельность человека происходит в условиях повторяющихся и стандартных ситуаций. Такая ситуация вызывает стандартную речевую реакцию носителя языка. Так, звонок в дверь может вызвать примерно такую речевую реакцию: *Звонок!; Звонят; Слышишь? Открой дверь; Пойди открой* и т.п. – все высказывания содержат побуждения к действию, и в основе их лежат разные структурные (именные и глагольные) схемы.

Обобщенность как свойство структурных схем присуща любой модели по определению. Модель всегда представляет объект

в условном, идеализированном виде, отказываясь от каких-либо *несущественных подробностей*. Сам язык через свои категории «подсказывает» лингвисту оптимальную ступень абстракции. *В качестве таких диагностических признаков могут выступать особенности речевой реализации модели, в том числе правила лексического заполнения ее позиций, возможности грамматической трансформации, варианты интонационного и «словопорядкового» воплощения, дистрибутивные* (лат. distribūtio – «распределение; распределение языковых единиц в потоке речи, их закономерные сочетания друг с другом») *условия* (в частности, ограничения, налагаемые на сочетаемость компонентов модели с их распространителями) и т.д. Комплекс таких свойств и получает свое более или менее адекватное отражение в систематизированных описаниях структурных схем.

Проблема определения обобщенного синтаксического образца, структурного инварианта (фр. invariant – «неизменяющийся»; структурные единицы языка – *фонема, морфема*, заключающие в себе все основные признаки своих реализаций, инвариантны – неизменны, неменяющиеся) имеет своей второй стороной разработку парадигмы (гр. paradigma – «пример, образец; система форм одного слова») структурной схемы. Парадигма языковой единицы – это ряд ее вариантов (лат. varians, variantis – «изменяющийся; видоизменение, разновидность; одна из возможных комбинаций»), чередующихся друг с другом в разных условиях (в морфологии, фонологии говорят – в разных позициях). Предложение же – явление многоаспектное, и потому речевая реализация структурной схемы сопряжена с варьированием языковых средств в «разных плоскостях».

Одна из наиболее подробных и последовательных трактовок парадигматики предложения принадлежит Н.Ю. Шведовой (Грамматика 1970: 577–595). Так как грамматическое значение предложения – предикативность – выражается в синтаксических категориях времени и наклонения, то систему грамматических форм (парадигматических форм) предложения составляют только те разновидности последнего, которые противопоставляются по значениям синтаксического времени и объективной модальности. Поэтому по одной структурной схеме построены предложения: *Светит солнце, Пусть светит солнце, Если бы светило солнце!* Это различные грамматические формы одного и того же (с точки зрения конструктивного синтаксиса) предложения.

Самой полной является восьмичленная парадигма, куда входят синтаксические формы предложения: 3 формы синтаксического индикатива (лат. indicātivus – «изъявительное наклонение»):

синтаксическое настоящее, синтаксическое прошедшее, синтаксическое будущее; 5 форм синтаксических ирреальных наклонений: сослагательное, условное, желательное, долженствовательное и побудительное.

Значение предложения в форме *синтаксического сослагательного наклонения* – передача предикативного признака как возможного в неопределенном временном плане: *Рай был бы у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя!*

Значение предложения *в условном наклонении* – передача предикативного признака, который выступает как условие осуществления какого-либо другого действия или события (чаще в сложноподчиненном предложении как его придаточная условная часть): *Старайся он хоть немножко, я бы была спокойна.*

Предложения *в желательном наклонении* выражают не наличие какого-либо действия, факта, события, ситуации, а желание говорящего, чтобы они имели место: *Хоть бы ты старался! Вот бы чаю! Была бы работа поближе, а то ездить далеко...*

Формы долженствовательного наклонения содержат указание на вынужденность, обязательность осуществления какого-либо действия: *Вы натворили тут дел, а мы разбирайся! Я будь вежлив, а им можно грубить!* Такие сложносочиненные предложения с противительными отношениями являются принадлежностью разговорной речи.

Значение побудительного наклонения – волеизъявление, обращенное к собеседнику или третьему лицу, направленное на то, чтобы они осуществили какое-либо действие или приобрели какой-либо признак: *Читай! Будь скромным! Пусть будет в твоей жизни много радостей!* (пожелание). При обращении к первому лицу значение побуждения стирается, на первый план выступает *значение примирения*, согласия с чем-либо: *Ладно! Пусть мне будет хуже: я уйду.*

Примеры синтаксической парадигмы предложений, построенных по различным структурным схемам:

$\mathbf{N_1 V_f}$ – синтаксический индикатив: *Мастер работает / работал / будет работать*; синтаксические ирреальные наклонения: *Работал бы мастер* (сослагательное), *Если бы мастер работал лучше, ученик брал бы с него пример* (условное), *Только бы мастер работал! Вот бы мастер работал! Хоть бы мастер работал!* (желательное); *Мастер работай, а вы будете сидеть сложа руки?!* (долженствовательное); *Пусть мастер работает!* (побудительное).

$\mathbf{V_{f3s}}$ – синтаксический индикатив – настоящего времени нет: *Стемнело; Стемнеет; Стемнело бы* (сослагательное); *Если бы*

стемнело... (условное); *Только бы стемнело! Хоть бы стемнело!* (желательное); долженствовательного нет; *Пусть стемнеет!* (побудительное).

Третьим признаком синтаксической модели является *значимость*, или *содержательность*. Действительно, синтаксис нельзя свести к простому перечню формальных образцов: каждый из них существует в определенной ситуации и рассчитан на передачу определенного вида информации: синтаксическая модель и представляет собой отношение некоторой мыслительной структуры к набору формальных средств (куда входят аффиксация, служебные слова, варианты словопорядка...).

В 70–80-е годы В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова и другие российские языковеды разрабатывали оригинальную концепцию номинативной (или денотативной – от лат. denotatum – «названное, обозначенное; предмет как объект обозначения с помощью языковых знаков») природы языковых единиц. *Содержание высказывания* (его смысл) *сводится к обозначению референтной ситуации* (т. е. некоторого события, фрагмента действительности). Эта ситуация преломляется в сознании говорящего. Предложение служит для «называния» ситуации, поэтому его правомерно рассматривать в одном ряду с классической номинативной единицей – словом. Проводя параллель между словесной и «предложенческой» номинацией, сторонники данного подхода оговариваются: «денотатом предложения ... в отличие от денотата слова (существительного) в принципе не может быть "вещь", конкретный предмет. В этом смысле *номинация события* может быть противопоставлена номинации предмета» (Общ. языкознание 1972: 309–310).

Конечно, *референтная ситуация безгранична*, объективно неисчерпаема. Речевое же ее отображение всегда осуществляется выборочно и произвольно, в соответствии с мыслительным опытом данного народа и строгими рамками языковых установлений.

Преломленное в сознании носителя языка событие состоит из определенного числа элементов. Так, в ситуации *Мальчик пишет письмо* мы имеем дело с тремя элементами: мальчиком, письмом и процессом писания; в ситуации *Спортсмен потерпел поражение* смысловых составляющих только две: спортсмен и его проигрыш; а в событии *Подморозило* единственным его «участником» является соответствующий климатический феномен (гр. phainomenon – «являющееся; редкое, необычное явление»). Вообще количество элементов ситуации колеблется в пределах от 1 до 5, что зависит опять-таки не только от объективного устройства самого отображаемого события, но и от человеческого взгляда на него.

В речевой практике может быть построена классификация содержательной характеристики структурных схем, отражающих – *отношения между субъектом и его конкретным действием*; *отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием*; *наличие процессуального состояния; наличие бессубъектного состояния* и т.п. (Русская грамматика-80: 124). Это типовые ситуации, которые представляют коммуникативный и когнитивный (лат. cōgnōscere – «понимать, сознавать; связанный с сознанием, мышлением») опыт народа в обобщенном и вместе с тем достаточно конкретном виде. Именно такие мыслительные шаблоны удобно принять за план содержания синтаксических моделей.

Четвертый признак структурных схем – их *минимальность*, или *ограниченность, ядерность*. Этот признак вытекает из самого определения синтаксической схемы (модели) как исходного информативно достаточного образца для построения высказывания.

Минимальность структурной схемы означает, что *все элементы* последней – *структурно обязательны, конструктивно необходимы*. Необходимость каждого из них обусловливается требованиями семантической цельности схемы: без какого-либо члена модель неспособна обозначать соответствующую типовую ситуацию. Те же члены высказывания, которые не входят в его структурную основу, т. е. не принадлежат схеме, очевидно, возникают у говорящего в процессе реализации структурной схемы, появляются как структурно факультативные члены, или *распространители*.

На практике это различие нетрудно продемонстрировать применительно к уже готовому высказыванию – для чего подходит операция свертывания (элиминации < лат. ēlimināre – «выгонять за порог; исключение, удаление, устранение»). Принадлежащими структурной схеме следует считать те элементы высказывания, которые нельзя элиминировать без а) нарушения грамматической правильности выказывания и / или б) изменения лексического значения оставшихся элементов либо синтаксических отношений между ними. Например: *Прошлой весной старик посадил у себя за баней купленный в питомнике саженец диковинного южного дерева*. Здесь могут быть одна за другой опущены словоформы *прошлой, весной, у себя, за баней, в питомнике, купленный, диковинного, южного, дерева* – и это не повлияет ни на грамматическую правильность оставшейся части фразы, ни на значения словоформ *старик, посадил, саженец*, ни на отношения между ними. Именно это информационное ядро *Старик посадил саженец* – соответствует исходной структурной схеме и стоящей за ней типовой ситуации. В то же время опускать, например, словоформу

саженец нельзя: оставшаяся часть *старик посадил* не может быть признана семантически и грамматически правильной. Точно так же не является корректным применение процедуры свертывания в случаях типа: *Собака стерегла его дом – Собака стерегла его* или *Петя болтал ногой – Петя болтал* (в первом случае перестраиваются синтаксические связи между оставшимися членами, во втором – меняется лексическое значение слова *болтать*).

Пятый и последний из числа основных признаков структурной схемы – *внутренняя организованность*. Прежде всего элементы синтаксической модели объединены между собой определенными отношениями, которые в самом общем виде могут быть охарактеризованы как *подчинение* (как зависимость). Именно подчинение выстраивает словоформы в иерархически организованную структуру, т. е. создает предложение как таковое. Центром синтаксической структуры является сказуемое, представленное в наиболее типичном случае глаголом. Таким образом, все функционально-синтаксические позиции в составе модели напрямую подчиняются предикату и семантически определяются последним.

Таковы факторы, которые влияют на выбор той или иной синтаксической модели в условиях конкретной коммуникативной ситуации.

II. Характеристика типов структурных схем простого предложения

В настоящее время в учебной литературе выделяются **два типа структурных схем предложения**, отличающихся степенью абстракции: *минимальная и расширенная. В основу выделения двух типов структурных схем положено два понимания воспроизводимого минимума предложения – минимума предикативного и минимума номинативного.*

1. Минимальная структурная схема представляет собой абстрактный синтаксический образец построения предикативного минимума простого предложения, т. е. его предикативного ядра, который необходим для того, чтобы предложение было грамматически оформленной единицей.

Структурная схема простого предложения организуется формами (возможно – и одной формой) знаменательных слов, которые рассматриваются в качестве ее компонентов. В некоторых случаях компонентами структурной схемы могут быть и синтаксически существенные незнаменательные компоненты, например, отрицательная частица, связка. Компоненты минимальной структурной схемы записываются с помощью буквенных знаков-

символов, которые соответствуют латинским названиям частей речи и отдельных форм:

V_f – спрягаемая форма глагола (лат. verbum finitum);

Cop – связка *быть* (лат. copula);

$V_{1/2}$ – спрягаемая форма глагола 1-го или 2-го лица;

V_{s3} – спрягаемый глагол в форме 3-го лица ед. ч. (лат. singularis – ед. ч.), те же индексы используются и при связке – Cop_{s3};

V_{pl3} – спрягаемый глагол в форме третьего лица мн. ч. (лат. pluralis – мн. ч.), те же индексы используются и при связке – Cop_{pl3};

Inf – инфинитив;

N – имя существительное (лат. nomen – «имя, название»); при символе N цифры от 1 до 6 обозначают соответственно падежи;

Adj – прилагательное (или его заместители – причастие, порядковое числительное, местоимение-прилагательное); A_f – прилагательное или причастие в краткой форме (сказуемостно ориентированной) (лат. adjectivum);

Pron – местоимение (лат. Pronomen);

Adv – наречие (лат. adverbum);

Praed – предикатив (категория состояния) (лат. praedicatum);

Neg – отрицание, негация (лат. negatio).

Partpass – страдательное причастие.

Индекс n при символе V означает форму пр. вр., ср.: V_{s3n} – спрягаемая форма глагола в 3-м лице ед. ч. или в пр. вр. (*Смеркается / смеркалось*); ( ) скобки означают, что компонент, заключенный в них, может отсутствовать как формально, так и содержательно, например, по схеме $(neg)N_2$ строятся такие предложения, как *Снегу!, Ни снежинки.*

В конкретных предложениях место (позиция) компонента схемы при определенных условиях может заполняться другой формой, словосочетанием. Например, позиция N_1 может замещаться наречием: *Завтра рождается сегодня*; позиция V_f – инфинитивом: *Мальчик кричать (кричит, закричал).*

В структурной схеме показывается формальное строение ядра предложения в нейтральном (конситуативно не обусловленном и экспрессивно не окрашенном) расположении: *Гости приехали – Приехали гости* – оба эти предложения, различающиеся порядком слов и актуальным членением, имеют одну и ту же минимальную структурную схему: N_1V_f. Структурная схема фиксирует строение предикативного ядра в статике – изменения, происходящие в речи, в схеме не отражаются.

Классификация минимальных структурных схем осуществляется по нескольким основаниям (Русская грамматика-80: 93); ее можно построить на учете количества компонентов в предикатив-

ном ядре. По этому основанию минимальные структурные схемы подразделяются на *двухкомпонентные* и *однокомпонентные*.

Двухкомпонентные структурные схемы включают два компонента:

1. Компонент, который содержит в себе показатели предикативности (модально-временные характеристики). Это прежде всего спрягаемый глагол, который обозначается знаками V_f, V_{s3}, $V_{pl3/n}$; комплексный компонент, состоящий из связки / вспомогательного глагола и второй части (например, cop $N_{1/5}$), а также инфинитив (Inf).

2. Компонент, являющийся носителем предикативного признака и диктующий показателю предикативности согласовательные формы числа, лица и рода. Это прежде всего существительное в Им. п. (и его заместители), а также инфинитив, с которым показатель предикативности обнаруживает условное согласование в ед. ч., ср. р.; формы согласования в структурных схемах не отображаются.

В зависимости от того, какой формой – именем существительным или инфинитивом – представлен носитель предикативного признака, двухкомпонентные структурные схемы подразделяются на *два подтипа*: двухкомпонентные *номинативные* и двухкомпонентные *инфинитивные* (*Хождение по газонам запрещается* – N_1V_f и *Ходить по газонам запрещается / запрещалось* – Inf V_f).

Признак минимальной двухкомпонентной схемы наиболее очевидно применим к двусоставным предложениям, отвечающим традиционному понятию предикативного минимума. Действительно, примеры типа *Солнце светит* или *Собака кусается* наглядно демонстрируют конструктивную необходимость подлежащего и сказуемого: ни тот, ни другой член невозможно устранить без того, чтобы не нарушить семантику модели.

Однокомпонентные минимальные структурные схемы состоят только из одного, преимущественно глагольного компонента, в форме которого показатели лица, числа и рода не являются согласовательными и определены однозначно, жестко и отображены в структурных схемах ($V_{s3/n}$ – *Темнеет / Темнело*; $V_{1/2}$ – *Войду / Войдешь первым*). К однокомпонентным относятся также схемы с предикативно-наречным компонентом (*Темно*), а также именными главными компонентами, в которых жестко определены формы падежа – это N_1 (*Ночь. Пасмурное небо*) или $(neg)N_2$ (*Цветов! Ни цветочка*).

Представим наиболее частотные минимальные структурные схемы в соответствии с данной классификацией в таблице.

Двухкомпонентные		*Однокомпонентные*
номинативные	инфинитивные	
N_1 V_f: *Мать тоскует о сыне; Дует ветер; Избыток пищи мешает тонкости ума.*	Inf V_f: *Учиться – всегда пригодится; Ходить по путям воспрещается.*	$V_{1/2}$: *Учитесь властвовать собой; Сижу и читаю; Из песни слова не выкинешь.*
N_1 cop $A_{1/5}$: *Он болен / больной / был больным; Дело закончено; Услужливый дурак опаснее врага.*	Inf cop $A_{1/5}$: *Оставаться здесь было опасно/опасным; Уступить – это очень трудно, но и благородно.*	$V_{pl3/n}$: *За стеной громко разговаривали и смеялись; Дома его обижают; Ему отказали в поддержке.*
N_1 cop $N_{1/5}$: *Мой отец был токарь / токарем; Хитрость – ум мелких умов; Я старостою здесь над водяным народом.*	Inf cop $N_{1/5}$: *Горе – терять, не обретя; Утешение для несчастных – иметь товарищей по несчастью; Потерять его было несчастьем.*	$V_{s3/n}$: *Нас затопило; Меня качнуло в сторону; Смеркается; Пахнет сеном; Никаких предложений не поступает.*
N_1 cop N_2 / Adv: *Дела компании вне критики; Сила аргументов не в числе, а в весомости; Отряд был начеку; Все налицо.*	Inf cop N_2 / Adv: *Молчать не в моих правилах; Идти было невмоготу.*	Inf: *Что передать ему?; Уехать бы отсюда; Повернуть направо; Вашими устами да мед пить.*
	Inf cop Inf: *За него грош дать – недодать; Молчать значит соглашаться.*	Cop Praed: *Пасмурно; В лесу было сумрачно; Ничего не видно под ногами; Грустно мне.*
		Cop N_2 / Adv: *С ним было запросто; Дома были в ужасе от свершившегося.*
		N_1: *Мороз и солнце; Тишина; Вечер; Холодный ветер.*
		(neg) N_2: *Ни звука; Никаких впечатлений; А разговоров-то!; На улице ни души; Муравьев в лесу!*

Список минимальных структурных схем, обобщающих предикативный минимум предложения, небольшой и, по существу,

является закрытым. По этому минимуму строятся предикативные центры большинства предложений русского языка. Высокая степень абстракции минимальных схем не позволяет учесть лексико-грамматические особенности компонентов ядра предложения, определяющие их обязательную или факультативную сочетаемость. Ср.: предложения *Трава растет* и *Я передал книгу товарищу* в своей основе имеют одну и ту же структурную схему $N_1 V_f$, хотя в первом предложении компонент V_f не имеет сильных словосочетательных связей, а во втором – он представлен реляционным глаголом с сильными валентностями.

В «Русской грамматике» (1980: 95) минимальные структурные схемы получают семантическую интерпретацию: например, семантика структурной схемы $N_1 V_f$ (*Лес шумит*) квалифицируется как «отношение между субъектом и его предикативным признаком – действием или процессуальным состоянием»; V_{s3n} Inf (*Запрещается шуметь, Хочется узнать*) – «квалификация отвлеченно представленного действия или процессуального состояния с точки зрения его необходимости, предопределенности, предполагаемости или желаемости»; V_{s3n} (*Светает, Знобит*) – «наличие бессубъектного или отнесенного к субъекту действия или процессуального состояния»; N_1 (*Ночь, Тишина*) – «существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния» и т.д. Таким образом, смысл предложения наиболее непосредственно соотносится именно с синтаксическим значением: «При формировании высказывания не конструкция создается из слов, но слова подбираются к конструкции» (Гак 1972: 364).

Положив в основу структурных схем простого предложения различные типы предикативных центров (+ грамматические форманты, которые могут потребоваться для выражения синтаксических категорий модальности и времени, + компоненты, с которыми предикативный центр координирует свою форму), мы получим следующий набор схем:

1. N_1(Inf) – V_f: *Птицы улетели. Он изучает физику. Курить запрещается.*
2. N_1(Inf) – Cop – $N_{1/5}$: *Отец учитель. Полеты были его мечтой. Летать – его мечта.*
3. N_1(Inf) – Cop – $Adj_{1/5}$: *Небо голубое. Он уверен в успехе. Курить вредно.*
4. Inf – Cop – Inf: *Жениться – перемениться. Промолчать – струсить.*
5. N_1(Inf) – Cop – Partpass: *Он ранен. Он ранен осколком. Курить запрещено.*
6. N_1(Inf) – Cop – Adv: *Словари – нарасхват. Это не по-*

товарищески. Уехать – это не по-товарищески. Говорить об этом было некстати.

7. N_1(Inf) – Cop – $N_{2...}$: *Она в отчаянии. Чай с сахаром. Увиливать – это не для меня.*
8. N_1(Inf) – Cop – Num: *Чашка – одна. Высота – 1500 метров. Работать – два часа. Идти туда – два километра.*
9. $V_{3s/n}$: *Светает. Дохнуло свежестью. В печке загудело. Ему нездоровится. Его тошнит. Об этом писалось.*
10. V_{3pl}: *Здесь не курят. Там не работают. Его ранили.*
11. V_{2s}: *Туда не проедешь. Там не отдохнешь. Его не поймаешь.*
12. Cop – N_1: *Мороз. В доме радость. У него радость. С ней обморок. У него плохая память.*
13. Cop – Praed: *Морозно. В саду грустно. Ему грустно. С билетами плохо. На уроке нельзя разговаривать. Ему весело кататься.*
14. Cop – Adj_{pl}: *В деревне рады гостям. В школе готовы помочь. Ему рады. В нем уверены.*
15. Cop – Inf: *Молчать! Ему не сдать экзаменов. Ему ли было сдать экзамены?!*
16. Cop – $Partpass_s$: *В комнате накурено. Там закрыто. О нем не слышно.*
17. Cop – $Partpass_{pl}$: *Дóма были обижены. Отказом были обижены.*
18. Cop_{pl} – Adv: *В отряде были настороже. В школе вправе требовать этого. С ним были запанибрата. С ней были запросто.*
19. Cop_{pl} – $N_{2...}$: *Дóма были в восторге. В штабе были в тревоге.*
20. Cop – Num: *Студентов – 10 человек. Желающих – масса. Ему пять лет. Ему под сорок.*

2. Расширенная структурная схема *представляет собой результат обобщения номинативного минимума предложения*, обеспечивающего его информативную самодостаточность и функционирование как минимальной единицы сообщения (Белошапкова 1989: 438–440). В состав расширенной структурной схемы включаются структурно необходимые компоненты предложения:

– компоненты предикативного ядра, составляющие основу минимальной структурной схемы предложения;

– структурно необходимые присловные распространители отдельных компонентов предикативного ядра (1) или распространители предикативного ядра в целом (2).

К (1) относятся присловные распространители, реализующие сильные связи (валентности) компонентов ядра, без которых предложение не может быть *номинацией ситуации*, определенного «положения дел» (пропозиции): *Мы расположились у реки / внизу* – $N_1 V_f N_{2...}$ / Adv_{loc}, где индекс loc означает локативное (лат. locus – «место»), пространственное значение компонента N_2 / Adv. К (2) относятся приядерные распространители с субъектным или обстоятельственным значением (субъектные или обстоятельственные детерминанты), без которых предложение (как правило, безличное или инфинитивное) не может стать номинацией ситуации: *Старику нездоровится* – $V_{s3n} N_{3sub}$, где индекс sub означает субъектное значение компонента N_3; *В деревне отсеялись* – $N_{2...loc} V_{pl3n}$, где компонент $N_{2...loc}$ указывает на информативно необходимый обстоятельственный распространитель ядра. Ср. еще: *Его ранило, В печке гудит, Воды прибывает, Ему не работалось.*

Ясно, что система расширенных структурных схем относится к нефразеологизированным структурам (свободным схемам). Их отличительные признаки:

– между компонентами таких структурных схем реализуются живые грамматические связи;

– лексическое наполнение этих схем определяется преимущественно законами построения смысла предложения (коммуникативной ситуацией).

Кроме свободных схем, в русском языке довольно много предложений, построенных по фразеологизированным структурным схемам (моделям).

3. Предложения фразеологизированной структуры имеют отличительные признаки:

– в составе есть служебные слова, местоимения или междометия (постоянные элементы схемы), которые сохраняются в любом предложении, построенном по этой схеме;

– синтаксические связи между компонентами не опираются на действующие синтаксические правила и являются немотивированными;

– лексическое наполнение таких схем не является свободным и не определяется законами построения смысла;

– между компонентами устанавливаются индивидуальные отношения, вытекающие из индивидуальной их семантики и идиоматического характера связей между ними;

– смысл таких предложений, как и у фразеологизма, уникален.

Фразеологизированные схемы обобщают предложения разговорного стиля, отличающиеся высокой степенью экспрессивности (Русская грамматика 1980: 85).

Приведем некоторые примеры фразеологизированных схем и предложений, построенных по ним:

N_1 как N_1: *Ребенок как ребенок*; *Лес как лес*; *Соседи как соседи*; индивидуальное значение союза *как* состоит в том, что здесь он лишен своей сравнительной семантики, и предложение имеет не сравнительное значение, а значение соответствия данного субъекта определенной средней норме;

Нет чтобы + Inf или Нет бы + Inf: *Нет чтобы помолчать*; *Нет бы помочь*; говорящий отрицательно оценивает действие субъекта, противоположное тому действию, которое обозначено инфинитивом и мыслится как желательное с точки зрения говорящего: *Нет чтобы помолчать* – субъект не молчал, а говорил, что оценивается негативно; *Нет бы помочь* – желательным для говорящего является действие поддержки, которого адресат не совершает;

N_1 не в N_4: *Праздник не в праздник* – предложение имеет значение оценки данного предмета, который для говорящего не выполняет необходимого назначения;

Не до N_2: *Ему не до шуток, Матери не до тебя* – невозможность, несвоевременность для кого-либо занятий, связанных с обозначенным в компоненте предметом или лицом;

N_1 так N_1: *Голос так голос! Сапоги так сапоги!* – высокая оценка данного предмета;

Ай да N_1: *Ай да Пушкин! Ай да молодец!* – положительная оценка предмета с оттенком некоторого удивления и любования; Ср.: *Ах ты обманщик!* (порицание); *Ох уж эти мне фантазеры!*;

Всем N_{3pl} N_1: *Всем пирогам пирог* – значение превосходства данного предмета среди подобных, высокая положительная оценка предмета (чаще неодушевленного);

Чем не N_1: *Чем не соболь? Чем не жених?* – полное соответствие предмета представлению о нем;

Что за N_1: *Что за уха!* – эмоциональная оценка предмета без оттенка удивления; вне стилистической сниженности;

Что $N_3 Pron_3$: *Что вам-то! Ему что!* – утверждение несущественности обсуждаемой ситуации для лица, обозначенного компонентом $Pron_3$.

Цитируемая литература

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Кузнецов П.С. О языке и речи // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. – 1961. – № 4.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958.

Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок: Сб.статей. – М., 1967.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой – М., 1989.

Лекция 15

НЕПОЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

> На самом же деле эти случаи *лаконизма* понятны и объяснимы только потому, что в понимающем есть готовые сложные схемы предложений, схемы, в коих обрывки речи как дополнение «про Бог», т. е. ради Бога, каждый раз занимают свое место.
>
> *А.А. Потебня*

I. Понятие о неполном предложении.
II. Типология неполных предложений.
III. Разграничение двусоставных и односоставных неполных предложений.
IV. Парцелляция.

I. Понятие о неполном предложении

Система простого предложения имеет *оппозицию полное / неполное предложение*. Полным является простое предложение, в котором есть структурно необходимые члены предложения, выражающие относительно законченную мысль: *Осенним золотом окрашены надежды. Бредет мой конь, как тихая судьба* (С. Есенин). Выполняя коммуникативную функцию, предложение всегда выступает как выражение относительно законченной мысли; это оказывается возможным вследствие грамматической оформленности предложения в соответствии с исторически сложившимися нормами данного языка, воплощенными, в частности, в структурной типологии предложений.

Как было отмечено, простое предложение в русском языке выступает в виде совокупности исторически сложившихся, устойчивых структурных типов (схем, моделей). Наиболее существенные связи и отношения объективной действительности, отражаясь в мышлении, закрепляются в грамматической форме главных членов предложения, в характере их грамматической связи. Говорящий использует типизированные модели предложения, обеспечивающие передачу реальных смыслов. Язык не в состоянии образовывать новые модели, чтобы передавать каждое фрагментарное содержание с личностной интерпретацией комму-

никанта. Стабильный набор грамматических структур не исключает возможность их модификации. Наличие вариативных реализаций синтаксических структур – свидетельство устойчивости и гибкости системы, позволяющей выражать одно и то же содержание различными средствами. К таким средствам и относится неполное предложение как неполная реализация структурных схем: *Красота связана с жизнью, жизнь – с любовью, любовь – с человеком* (Ю. Бондарев); ср: *жизнь – с любовью – жизнь связана с любовью...*

Исходные принципы понимания неполных предложений определены в трудах А.А. Шахматова (1941: 236–246) и А.М. Пешковского (1956: 396–403); хотя их взгляды не одинаковы, но оба сходятся в том, что неполные предложения отнюдь не представляют собой произвольные, случайные образования и должны быть признаны единицами языка.

Понятие неполного предложения – это структурно-грамматическое понятие. Выделение неполных предложений основано на сопоставлении схем (моделей) предложений в системе языка. Одни структуры предложения оцениваются как исходные, полные; другие, отличающиеся от первых лишь отсутствием одного или нескольких членов, выступают как их *вариантные* образования к полным структурам, т. е. как *неполные* предложения, матрицей (лат. mātrix – «источник, начало») к которым и является полное предложение.

Полные предложения являются развернутыми, обобщенными; в них с особой четкостью раскрываются типичные синтаксические отношения. Неполные предложения воплощают те же самые модели, но *с пропуском тех или иных членов*. А.М. Пешковский подчеркивал: «...неполные предложения, хотя их в разговорной речи гораздо больше, чем полных, в сознании нашем всегда равняются по полным» (1956: 348). Например: *Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые раскрываются часов в десять* (М. Пришвин) – *белые лилии раскрываются...*

Чтобы констатировать неполноту предложения, недостаточно ограничиться сопоставлением данного предложения просто с более распространенным предложением. Необходимо учитывать *синтаксическую позицию и валентные свойства компонентов предложения*. **Синтаксическая позиция** – это место члена предложения, определяемое структурой мысли и валентными свойствами входящих в предложение слов.

Факторы, определяющие синтаксические позиции главных и второстепенных членов предложения, различны. Синтаксические позиции главных членов обусловлены структурой мысли, выра-

жаемой в предложении, а синтаксические позиции второстепенных членов – строением словосочетаний, валентностью опорного слова, его лексико-грамматическими свойствами. Члены предложения, замещающие эти позиции, и являются структурно обязательными. **Незамещение** синтаксической позиции, отсутствие структурно обязательных членов предложения являются **признаком структурной неполноты**: *Сладку ягоду брали вместе, горьку ягоду я одна* (Р. Рождественский) – на необходимость сказуемого указывают подлежащее и дополнение.

Обнаружение этого члена и, следовательно, признание предложения неполным становится возможным на основе знания типических *моделей* предложений, *связей* слов и *функций* членов предложения.

Незамещенные позиции позволяют актуализировать замещенные, т. е. усилить информативную значимость членов предложения, выражающих наиболее важное, «новое» в высказывании. Поэтому неполные предложения являются одним из главных синтаксических средств выделения коммуникативного центра предложения.

В предложении, по словам А.М. Пешковского, обнаруживается *непрерывность* синтаксических связей. Подчиненные члены предполагают наличие подчиняющих, последние, в свою очередь, нуждаются, в некоторых случаях обязательно, в подчиненных членах (например, переходные глаголы и прямые дополнения): *Называй оба берега своими, и тебе достанется один* (поговорка); *Вам подать?* – что? *Вам предложить?* – что? *Что предложить?* – кому?

В неполном предложении одно или несколько звеньев структурной цепи деформируется, непрерывность синтаксической связи нарушается, но лишь внешне. В силу взаимной обусловленности членов предложения, при выпадении какого-либо члена обычно сохраняется его место, сохраняется «внутренняя» связь наличных слов с отсутствующими. Слова, имеющиеся в неполном предложении, своими *связями* и *функциями* указывают на пропуск того или иного члена. К наиболее ясным случаям неполноты относятся такие случаи, когда налицо подчиненное, а нет подчиняющего: *Она – в беседку, я – туда за нею* (С. Сергеев-Ценский) – обстоятельства указывают на пропуск сказуемых.

Неполные предложения имеют особую самостоятельную ценность в языке. Признание предложения неполным не переводит его в низший ранг, не превращает его в неполноценное, дефектное предложение. Неполные предложения в соответствующих условиях выступают как вполне нормальные предложения, передающие необходимое содержание сообщения и выполняющие

свои коммуникативные функции обычно без восполнения, без восстановления пропущенных членов: *Лукаво ухмыляясь, московской скороговоркой спрашивал у отца половой: Прикажете самоварчик? – Давай, братец, давай! – Чай, сахар у вас свой или прикажите заварить? – Завари, братец. – Калачиков прикажете? – Давай, давай* (И. Соколов-Микитов).

Когда говорится о пропуске того или иного члена, это не следует понимать в том смысле, что говорящий имеет в мысли, но нарочно не называет определенную часть предложения. **Пропущенный член** – это член, восстанавливаемый в результате *лингвистического эксперимента* на основе объективных показаний наличных слов, чтобы уяснить структурные особенности анализируемого предложения. В некоторых случаях этот член может быть восстановлен только грамматически, а не в его лексической конкретности: ***Хлестаков.*** *Я всякий день на балах* (Н. Гоголь). Таким образом, неполные предложения в конкретных условиях их функционирования оказываются вполне законченными речевыми единицами и, как правило, имеют бо́льший коммуникативный эффект, чем их полносоставные эквиваленты. Узуально принятая структурная неполнота не является препятствием реализации полновесного содержания высказывания.

В определенных речевых ситуациях язык, подчиняясь структуре мысли, экономит свои средства, стремится к компрессии (лат. compressio – «сжатие») выражения, создавая условия для смысловой емкости и устранения избыточности. Поэтому неполные предложения органически входят в структуру диалога, так как он основывается на коммуникативной ситуации; в повествовательные авторские тексты художественных и публицистических произведений; очень ограниченно они употребляются в официально-деловом и научном книжных стилях речи (Попова 1953: 55).

Из изложенного вытекает, что *определение неполного предложения базируется прежде всего на структурно-грамматическом критерии*: на понятии *незамещенности* (открытости) *позиции структурно обязательного* члена предложения. **Неполными** называются предложения, в которых имеется незамещенная (открытая) позиция структурно необходимого (обязательного) члена предложения. Коротко можно сказать: неполное предложение – это предложение, структура которого указывает на пропуск какого-либо ее компонента. Именно поэтому предложения типа *Он сказал мне это*, несмотря на информативную несамодостаточность, которую создают дейктические (исп. deictico – «указывающий») слова типа *он*, *это*, являются полными, поскольку все структурно необходимые позиции в них заняты.

Анализ же смыслового содержания отдельно взятого предложения показывает, что только в отношении очень немногих структурно «полных» предложений можно говорить о полноте выражения ими своего содержания. В подавляющем большинстве случаев извлечение предложения из общей связной речи затемняет или даже полностью искажает его содержание. Поэтому попытка определить неполноту предложения на основе анализа смыслового содержания изолированного предложения неизбежно приводит к признанию неполноты всякого языкового выражения (Ломтев 1958: 131).

II. ТИПОЛОГИЯ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Классификация неполных предложений определяется «факторами, создающими неполноту предложений» (Пешковский 1956: 397), возможностью их использования в речи.

1. Таким фактором является **структурно-семантическая полнота / неполнота**, которая зависит от того, достаточен ли контекст самого предложения для понимания смысла пропущенного компонента. В большинстве случаев смысл пропущенного компонента неполного предложения не может быть понят, если мы останемся в рамках, пределах самого предложения. В таких случаях отсутствующий член в составе неполных предложений подсказывается:

– либо *ситуацией* (лат. situatio – «положение; совокупность обстоятельств, положение, обстановка») – обстановкой речи, интонацией, жестом: *Сквозь шорох бурьянов послышался ровный, однообразный, величавый шум. – Море? – спросила она. – Море, – ответил я* (И. Бунин); *Но Евграф Иванович прежде посмотрел на барометр. – Поднимается! – баском протянул он* (К. Станюкович). В первом предложении *море*, указывая на признак, является сказуемым при подлежащем, ясном из ситуации, – *это*; во втором при сказуемом *поднимается* восстанавливается подлежащее *давление*. Сфера употребления этих предложений – диалогическая речь. Так, можно воскликнуть: *Идет!* (вместо: *Автобус идет*); услышав вой сирены, мы можем сказать: *Тревога!* (вместо: *Объявлена тревога*); желая уточнить, летит ли самолет в Сочи, мы спрашиваем: *В Сочи?* (вместо: *Этот самолет летит в Сочи?*); покупая билет на электричку, мы говорим: *Два до Снегирей* (вместо: *Дайте два билета до станции Снегири*);

– либо *более широким контекстом* (лат. contextus – «тесная связь, соединение; законченная в смысловом отношении часть текста»), когда опущенные члены предложения названы в смеж-

ном тексте или подсказываются пояснительными словами: *Весне и горя мало: Умылася в снегу И лишь румяней стала Наперекор врагу* (Ф. Тютчев) – подлежащее для второй части предопределяется первой. Ср. то же самое: *Мысль бывает светла, только когда озаряется изнутри добрым чувством* (В. Ключевский); ***Елена.*** *Григорий Иванович, расстелите пальто на диване. Пускай просохнет* (Л. Леонов) – восстанавливается дополнение *пальто*; – *Чувствуете вы теперь боль? – Теперь очень небольшую* (Ф. Достоевский) – во второй реплике диалога опущены подлежащее *я*, сказуемое *чувствую* и дополнение *боль*; *Локотки ее делались все острее, пальцы – тоньше* (А. Фадеев) – во второй части незамещенная позиция несогласованного определения *ее*; *В доме у них три комнаты. В одной спит Сережа с мамой, в другой – тетя Паша* (В. Панова) – во второй предикативной части (на основе первой) восстанавливается словосочетание *в комнате спит*; *Малая печаль красноречива, великая – безмолвна* (пословица) – наличие определения *великая* предопределяет определяемое слово *печаль*; *Прохожий! Укажи, дружок, где тут живет Есенина Татьяна? – Татьяна... гм... Да вон за той избой. А ты ей что? Сродни? Аль, может, сын пропащий?* (С. Есенин) – неполнота реплик диалога обусловлена предыдущими репликами и темой беседы: *она живет, ты ей приходишься, ты*; их отсутствие не затрудняет понимание смысла.

И все-таки, будучи извлечены из контекста, неполные предложения часто становятся непонятными именно потому, что о содержании отсутствующих членов мы узнаем из этого контекста.

Мысль, выражаемая в неполном предложении, обычно шире словесного состава этого предложения. В контекстуальных неполных предложениях не выражаются элементы мысли, названные ранее; эти элементы задерживаются в сознании говорящего и слушающего вместе со словом – их выразителем. Сложнее обстоит дело, когда неполное предложение связано не с контекстом, а с ситуацией. В этом случае в целостное содержание неполного предложения входят конкретные восприятия или представления (примеры: *Море*; *Поднимается*).

Представим себе данные конкретные ситуации. Как было отмечено, эти предложения – неполные двусоставные без подлежащего. Они представляют собой итог осмысливания воспринятого. Мысль, выраженная в каждом из них, в качестве важнейшего элемента (субъекта) включает восприятия. Но можно ли включать в состав мысли конкретные восприятия, представления, образы? Есть все основания считать, что некоторые виды мысли в качестве важнейших структурных элементов могут включать восприятия и представления: «...сами представления соответствующие неназванным членам, могут не получить словесного оформления, словесного образа в мысли, *сохраняясь в ней на стадии представлений* о реальных предметах или действиях» (Попова 1953: 37). В самом акте восприятия ярко проявляется единство чувственного и логического, ощущения и мышления, наблюдается взаимодействие первой и второй сигнальных систем (Рубинштейн 1998: 250; Попов 1967: 18).

Контекстуальные и ситуативные предложения можно объединить вместе и назвать общим термином *конситуативные*, или *неполносоставные* с незамещенной позицией главных и второстепенных членов. Это *первый тип* неполных предложений.

На основе структурных схем таких предложений (в основном – без подлежащего) и конструируются, например, в устном народном творчестве загадки: *Весь мир кормит, сама не ест* (Мельница); *И языка нет, а правду скажет* (Зеркало); *В потемках родится, с огнем помирает* (Воск); *Под леском, леском висят колесиком* (Серьги); *Горит и тает, секретные дела скрывает* (Сургуч); *Черна, а не земля; пушиста, а не снег, греет, а не печка* (Кошка); *Старухе ноги поднимает, старику глаза протирает* (Водка). (Садовников 1995).

Фактором, влияющим на неполноту, может быть выражение понятия, соответствующего недостающему члену, целым соседним предложением в составе *сложных*: *Все говорят, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдает* (К. Прутков) – сказуемое *говорят* выражено переходным глаголом, при котором обязательна позиция прямого дополнения. Эта позиция словоформой не замещена, следовательно, главная часть – неполная. Пословица *Годы не птица: улетят – не поймаешь* состоит из трех предикативных частей, первая не имеет сигналов неполноты, во второй *улетят* – сказуемое выражено глаголом в третьем лице, множественном числе, будущем времени, изъявительном наклонении. Эта форма может быть главным членом неопределенно-личных предложений, здесь же лицо конкретное – годы, поэтому не замещена позиция подлежащего. В третьей части – *не поймаешь* – грамматическая основа представлена главным членом во втором лице, единственном числе, изъявительном наклонении, будущем времени; грамматическое значение предложения – отношение к обобщенному лицу – односоставное предложение. Но в предложении не реализована сильная синтаксическая связь: глагол *не поймаешь* требует обязательного дополнения – *годы*, следовательно, обобщенно-личное предложение неполное. Ср.

структурную обязательность дополнения в главной части: *Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое* (А. Чехов); *Петр смутно понимает, что отец неладно держит себя* (М. Горький).

Главные члены являются исходными звеньями подчинительных связей слов, и их отсутствие сказывается особенно отчетливо. Пропуск же второстепенных членов очевиден в тех случаях, когда налицо зависимые от них слова (Гвоздев 1973: 181): *Мои балбесы еще не нашли новой квартиры, и я продолжаю жить на старой* (А. Чехов) – определение *старой* относится к явно опущенному обстоятельству места; *У брата новый костюм, а у сестры – платье* – пропуск во второй части согласованного определения – *новое* – подчеркивается логическим выделением сопоставляемого подлежащего *платье*.

В предложении *Что я было принял за рощу, оказалось темным круглым бугром* (И. Тургенев) подлежащее в главном предложении замещено придаточной частью, так как оно является структурно необходимым элементом и может быть восстановлено, правда, в местоименной форме: *Что я принял за рощу, это оказалось...*

Части сложного предложения образуют одно структурно-смысловое целое, поэтому такие предложения можно было бы назвать ***относительно-неполными***. Если в них нет подлежащего, то они по форме сближаются с безличными: *Мне нравится, что у вас проезжающим показывают все в городе* (Н. Гоголь); *С первого дня стало ясно, что идти придется только с утра* (В. Солоухин); *Бывает, что и себя жалеть не должен* (И. Тургенев). Если бы такие главные предложения были безличными, глаголы *нравится, бывает*, краткое прилагательное *ясно* можно было бы употребить в функции главного члена самостоятельного предложения. Однако такую функцию они не выполняют, а значит считать их полными нет оснований.

Глубоко прав был А.М. Пешковский, который, приведя примеры типа *У нас уже нестари ведется, что по отцу и сыну честь* (А. Грибоедов) писал: «Нам думается, что если смотреть на безличность как на "устранение из мысли подлежащего", то безличными главные предложения здесь никак нельзя назвать. Ведь здесь подлежащее не только не устраняется, но, напротив, даже ищется мыслью» (1956: 350). Рассмотрим еще пример: *Но Даше именно этот разговор и нравился. Нравилось, что волнуется Катя* (А. Толстой) – Ср.: *Нравился разговор; нравилось волнение; Нравилось то, что... Нравилось, что* – в безличных предложениях нельзя восстановить подлежащее.

2. Эллиптические предложения – это двусоставные предложения с незамещенной позицией сказуемого, смысл которого извлекается из контекста самого предложения. При эллипсисе (гр. elleipsis – «опущение; пропуск в речи какого-либо легко восстанавливаемого слова») структурная неполнота не свидетельствует о его семантической неполноте, т. е. будучи структурно неполным, эллиптическое предложение является семантически самодостаточным; сказуемое в нем не названо и не является необходимым для выражения мысли. Так, в предложениях: *Когда-нибудь я с бала да в могилу* (А. Грибоедов); *Туман в лесу* (И. Бунин); *Весна. Я с улицы, где тополь удивлен* (Б. Пастернак) недостающее сказуемое не упомянуто нигде, но по смыслу всего предложения мы можем составить представление о действии или состоянии (*сойду*, *стоит*, *пришел*). Хотя сказуемое в подобных предложениях не является необходимым, оно участвует в формировании их структуры, на что указывает наличие второстепенных членов из состава сказуемого (*с бала*, *в могилу*, *когда-нибудь*; *в лесу*; *с улицы*).

Цель эллиптических предложений сообщить об обстоятельствах, сопутствующих действию или состоянию, или указать на объект действия: *В пять часов побудка* (М. Шолохов); *Я им про имущество, а они мне про забывание* (В. Нарбикова).

В отношении данного типа предложений единого мнения у русистов нет. А.А. Шахматов (1941: 238) включал их в неполные; его точку зрения разделял А.М. Пешковский: «Присутствие *наречия или косвенного падежа существительного*, если эти члены не мыслятся приименно при самом именительном, служит для нас признаком неполного предложения...» (1956: 378). Е.М. Галкина-Федорук, отмечая их специфику, пишет: «Неполными предложениями бывают *эллиптические*, если образующие их члены показывают, что в данном предложении только *структурно* необходим тот или иной отсутствующий член, но который для раскрытия смысла предложения *не требуется*, почему его не восстанавливают, хотя его возможно восстановить и вставить, например: *Перевязали его, перелом (уложили) в лубки. Все честь честью (сделали)* (Б. Полевой) (1958: 443). Н.Ю. Шведова в Грамматике-70 приводит аналогичные примеры: *Я о деле*; *Он к тебе*; *Земля – крестьянам*; она называет такие предложения «бессказуемостными конситуативно не обусловленными реализациями двусо-ставных схем»: *Я говорю о деле*; *Он идет к тебе*; *Земля отдается крестьянам* (1970: 559). А в Грамматике-80 определено, что абсолютное большинство таких предложений в своей структурной основе имеют двусоставные схемы, так как компоненты, представляющие предикативный

центр этих предложений, обязательно имеют форму отдельной словоформы как для субъекта, так и для предиката. Данные эллиптические двусоставные модели обладают типовым значением «действия лица или предмета» (1980: 560).

В большинстве эллиптических предложений позицию подлежащего занимает субъект, имеющий значение действующего лица (в прямом или метонимическом выражении) или предмета, способного произвести действие. С точки зрения отношения к лицу говорящему в таких предложениях можно выделить следующие способы выражения:

– прямое выражение субъекта: *Какая-то возле палаты суматоха происходила. Я – к месту действия* (В. Пьецух);

– опосредованное выражение субъекта: подлежащее-субъект выражено местоимением 2-го лица, которое является показателем адресата (или группы адресатов) речи, и представляет партнера / партнеров говорящего – *Ему не нравился тон речей, и он не выдержал: Да что вы о бумажках!* (М. Чулаки);

– отстраненное выражение субъекта: подлежащее-субъект представляет позицию неучастия в общении и включается в контекст повествования от первого лица – *Леша, ты Леша! Явился объясняться в зеленом галстуке, он о любви, а меня смех разбирает!* (М. Кураев);

– предикативное лицо – объект действия предикативного субъекта; позиция говорящего находит свое выражение в словоформах с объектным значением; грамматическое подлежащее и лицо говорящее не совпадают: *Я был хорошим бойцом, но даже не заметил, чем он меня* (А. Солженицын).

В зависимости от семантики опущенного глагола-сказуемого, предопределенного наличным составом и характером речемыслительной деятельности, выделяются следующие **типы эллиптических предложений**:

– предложения, соотносительные с полными, имеющими сказуемое, выраженное глаголами со значением *бытия, наличия, существования, обнаружения, восприятия* (*находиться, пребывать, стоять, сидеть...*): *Золотая сеть солнечных зайчиков на речном перекате. Темно-сине стрекозы в тростниках и елочках хвоща* (М. Пришвин); *Сегодня полковник, а завтра покойник* (В. Даль); *Перестрелка за холмами* (А. Пушкин); *Все утро тоска* (А. Чехов); *Кавказ под мною...* (А. Пушкин); *На розовой ножке у самой дорожки – подснежник, весенний цветок* (Н. Рубцов); *Льет без конца. В лесу туман* (И. Бунин); *Красота коня – в беге, красота человека – в правде* (пословица); *В чужом пиру да похмелье* (пословица);

– предложения, заключающие значение *движения, перемещения в пространстве*: *Теркин мой – к огню поближе* (А. Твардовский); *Теркин – дальше, автор – вслед* (Он же); *Вот что, Теркин. На неделю можешь с орденом – домой* (Он же); *Мы быстро из машины и сразу в подъезд* (А. Алексин); *Я за Ликой, но ее и след простыл* (А. Чехов); *Баржа – по воде, я – по бережку* (М. Горький); *Она – в беседку, я – туда* (С. Сергеев-Ценский);

– предложения, соотносительные с полными, имеющими глагол-сказуемое со значением *энергичного действия*: *схватить, выхватить, толкнуть, ударить, бросить, взяться, приняться* и т.п.: *Немцы эту женщину тут же прикончили; Мужики – за топоры* (А. Толстой); *Ну, как же быть? Я Максима – по лбу, а Варвару – за косу* (М. Горький); *Что мне делать? Палкой тебя?* (Г. Троепольский); *С одного вола не две шкуры; С одного мешка не два помола* (пословица);

– предложения, опущенное *сказуемое* которых *соотносится с глаголами речи, говорения*: ***Бобчинский.*** *Позвольте, позвольте. Я все по порядку* (Н. Гоголь); *Он отворил дверь в сени. Марья – ему вслед негромко: Хлеб весь, чай, съел?* (А. Толстой); *А он в ответ ни слова* (А. Барто); *Он приподнялся. Лагутин – ему: Не пойдешь* (А. Толстой); *Муж жене: Теперь о жестокости в городе* (Ю. Семенов).

В русском языке употребляется и еще ряд типов эллиптических предложений, например, среди таких побудительных предложений, которые выражают требование «дать» какой-либо объект (в буквальном или отвлеченном смысле), переместить или доставить его: *...голос Бессонова проговорил за спиной раздельно и холодно: Швейцар, шубу, шапку и трость* (А. Толстой); *Скорей врача!* (О. Кожухова); *Торопясь на встречу Нового года, Шаляпин, не снимая грима, вышел из театра и сел в сани извозчика: На Малую Морскую! Рубль!* (К. Чуковский); *«Большакова ко мне!» – приказал командир дивизии телефонисту* (А. Серафимович). Такие предложения имеют побудительную интонацию, обязательно включают дополнение, выражающие требуемый объект, или обстоятельство, указывающее, куда должен быть доставлен субъект / объект; по структуре их необходимо отнести к односоставным определенно-личным: *Подай шубу... Езжай на Малую Морскую, Вызовите Большакова...*

Рассмотренная типология эллиптических предложений принимается не всеми русистами, полагающими, что безглагольные предложения *Она в лес, Она в обморок, Он на пенсию* находятся в синонимических отношениях с глагольными *Она пошла в лес, Она упала в обморок, Он выходит на пенсию*. Факт синонимично-

сти моделей не служит доказательством неполноты безглагольных, поскольку аналогичное значение в них тоже выражено, хотя и иным, структурно-синтаксическим способом, самой моделью, семантико-грамматическим составом компонентов (Золотова 1973: 117).

Нет единого отношения и к предложениям с бытийным значением *Нос – в веснушках, Девушка – с косой, Тропинка к реке, У него грипп*, которые рассматриваются как двусоставные полные.

Полагаем, структурное соответствие эллиптических конструкций развернутым предложениям и дает основание говорить, что отсутствие глагола-сказуемого, к которому только и могут относиться имеющиеся налицо дополнения и обстоятельства, является структурным признаком неполноты таких предложений.

Вместе с тем обратим внимание на **порядок слов, интонацию, лексико-грамматическое значение компонентов и широкий контекст** для определения полноты и неполноты безглагольных предложений.

Сравнивая два предложения *Площадка для крокета* и *В глубине направо дом с большой террасой*, отметим, что для первого характерна нисходящая интонация, для второго – восходященисходящая; в первом нет интонационного членения на два состава, а во втором после *направо* делается пауза, поэтому предложение распадается на два состава. Следовательно, *для крокета* приименной член – несогласованное определение, и предложение – номинативное. Второстепенные члены *в глубине* и *направо* входят в состав сказуемого, так как находятся в подчинительной связи со словом *дом*, поэтому предложение неполное двусоставное.

Действительно, наличие зависимых именных и наречных форм *в препозиции* по отношению к подлежащему создает благоприятные условия для интонационного и синтаксического членения предложения на два состава: *Там на неведомых дорожках//следы невиданных зверей* (А. Пушкин). Подстановка зависимых имен и наречий после подлежащего часто дает возможность слить эти слова с подлежащим в одно интонационное целое, которое воспринимается как односоставное номинативное предложение: *Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Полесье. Окопы над болотом, поросшим ольхой. Впереди проволочные заграждения* (М. Шолохов). Сравнивая два последних предложения, можно убедиться, какую роль играет порядок слов: *над болотом* – несогласованное определение, а *впереди* – обстоятельство места; первое предложение – номинативное, второе – двусоставное неполное.

Ср. еще: *Человек в бреду* и *Человек в лесу* – синтаксическая функция предложно-падежных словоформ связана с их лексическим значением. Если такая словоформа (или наречие) выражает состояние предмета, выраженного подлежащим, называет качественный признак (*Сестра замужем*), между формой Им. п. и наречной словоформой устанавливаются *предикативные отношения* – это предложение двусоставное с именной частью сказуемого: *Говорят, лилии без запаха* (К. Федин); *Вся в инее шапка большая, Усы, борода в серебре* (Н. Некрасов); *Жизнь только в движении. В покое смерть.*

Если же указанные словоформы имеют пространственное, временное или другое *обстоятельственное значение*, то они выполняют функцию обстоятельства при незамещенной позиции сказуемого в неполном предложении: *Место сбора в Рыбачьем* (К. Симонов); *Дождик так и льется – Лужи у крыльца* (А. Плещеев); *Сестра наверху; Я к тебе завтра.*

На это различие может указывать и контекст: *Он все разбросал: шапка в коридоре, варежки на крыльце, а валенки в снегу (валяются, лежат)* – неполное эллиптическое предложение (*в снегу* – обстоятельство места); – *Зачем ты взял веник? – Валенки в снегу* – двусоставное полное с именной частью сказуемого (*в снегу*).

III. Разграничение двусоставных и односоставных неполных предложений

Модели (схемы) разных предложений могут использоваться таким образом, что конкретные предложения, являющиеся результатом их реализации, оказываются внешне сходными в структурно-синтаксическом отношении. Известно, что структурная схема двусоставного предложения организуется двумя главными членами, а односоставного – одним.

В современном русском языке можно выделить *два основных случая внешнего сходства* рассматриваемых предложений:

– неполное двусоставное с незамещенной позицией одного из главных членов и полное односоставное;

– неполное двусоставное с незамещенными позициями обоих главных членов и неполное односоставное с незамещенной позицией главного члена.

1. Ср. предложения: *На дворе школы играли двое мальчиков. Бросали мячик в стенку и ловили его* (Ф. Гладков); *Была самая середина лета; луга убрали и только что собирались косить рожь* (И. Тургенев). В обоих предложениях глагольные слово-

формы обозначают предикативные признаки, что служит основанием для внешнего сходства конструкций. В первом предложении этот признак (*бросали*) приписывается контекстуально конкретным лицам, занимающим незамещенную позицию подлежащего, а во втором данный признак (*убрали, собирались*) не предполагает незамещенной позиции подлежащего; первое предложение двусоставное неполное, а второе полное односоставное неопределенно-личное. Еще примеры: *Поезд скрылся... – Ух, и прет же! – услышал я* (А. Гайдар); *– Ну и везет вам, товарищ капитан! – сказал Алешин* (Ю. Бондарев). Двусоставное неполное предложение имеет соотносительный полный вариант, а односоставное в структурно-синтаксическом плане не имеет незамещенной позиции второго главного члена.

Хотя нужно отметить, что не все предложения, имеющие замещенную позицию одного главного члена, могут быть интерпретированы однозначно; как известно, «факты живой речи не всегда укладываются в тот или другой определенный тип, но могут занимать переходное положение, относясь одновременно к тому и другому» (Богородицкий 1935: 230): *Дождь сечет мелкий и частый... – Все листики обмывает* (Е. Ржевская). Позицию глагола *обмывает* можно воспринять и как позицию сказуемого, и как позицию главного члена с незамещенной позицией дополнения: *Дождь обмывает все листики – Дождем обмывает все листики.* Стало быть, оба толкования позиции словоформы *обмывает* можно признать правомерными, и поэтому исходное предложение – результат одновременного использования двух позиционных схем (моделей двусоставной и односоставной), т. е. синкретичного, контаминированного: «Контаминацию я понимаю как явление, заключающееся в том, что две синонимичные или *в чем-то родственные формы выражения мысли* возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой элементы одной формы смешиваются с элементами другой» (Пауль 1960: 191).

2. Неполное предложение с незамещенными позициями обоих главных членов и неполное односоставное с незамещенной позицией главного члена: *Осторожно пробравшись в комнату, я достал платок и вернулся обратно. – А коляску?* (А. Гайдар); *Из-за изгороди выглянула загорелая женщина. – Мне бы Лужкову* (Г. Николаева). В обоих предложениях зависимые словоформы обозначают объектные признаки, т. е. находятся в позиции дополнения. В первом предложении действие осуществляется конкретным лицом, оно может быть названо словоформой Им. п.: *А коляску ты принес, А коляску ты забыл взять?* Во втором – как видно из ситуации, действие совершается определенным лицом, но оно не может занимать позицию подлежащего (Им. п.): лицо существует как несоотнесенное с производителем. Здесь действие следует рассматривать как независимый предикативный признак, что означает наличие в предложении позиции несоотносительного главного члена: *Мне бы Лужкову надо увидеть.* Ср.: *Она прилегла тут же на диване. – На минуточку, на минуточку, – сказала она и тут же уснула* (В. Панова) – *Когда Звягинцев подошел, Васнецов кивнул на лежащую трубку и сказал: – Из штаба* (А. Чаковский).

В отличие от повествовательных и вопросительных предложений в предложениях *с побудительным значением* предпочтительна позиция одного главного члена: *Кожух отступал, прижатый к реке... – Пулемет... прохрипел он* (А. Серафимович); *Дед Матвей нажимал кнопки телефонного аппарата: Гараж мне* (В. Кочетов); *– Карту!, – коротко потребовал Чудилов* (Л. Кассиль), т. е. такие конструкции явно односоставны: *Дайте пулемет / Мне надо пулемет; Соедините с гаражом / Мне надо гараж; Подайте карту / Мне надо карту* – в этой синонимичной оппозиции личного / безличного употребителен первый вариант, и поэтому исходная модель может быть квалифицирована как неполное определенно-личное предложение. Такие предложения императивного характера можно трактовать как результат актуального членения, когда называется существенно важное в высказывании. Их семантическая полнота при неполноте структуры обусловливается особенностями повелительной интонации, речевой ситуацией, социальным опытом говорящего, соотносительностью с полными конструкциями (*Карету мне! Карету!* (А. Грибоедов).

Такую же трактовку получают предложения, предназначенные для выражения пожелания, приветствия, поздравления: *Счастливого пути!; Доброго здоровья!; С праздником!* – они принадлежат этикету русского языка и образуются на основе полных формул: *Поздравляю с праздником!*

Односоставные предложения с неполной реализацией структурной схемы представляют собой конструкции без той или иной части главного члена или вообще без него. Оказывается, в речи основная часть главного члена часто опущена из-за своей пассивности в выражении грамматических значений, а вспомогательная часть – важнее, она обладает системой форм, выражающих предикативные признаки: *Стрелять умеешь? – Умею* (А. Фадеев); *– Охота доучиться? – Охота. Хирургом буду*

(В. Шукшин); *Минут через пять около меня появился офицер. – На какой факультет? – спросил он меня* (В. Тендряков); *Но разве можно заставить замолчать песню? Певца – можно, а песню – никогда* (Р. Гамзатов); *Из сада пахло туей, а от воды – нефтью* (К. Паустовский); *А нынче мне чаю* (А. Сухово-Кобылин).

Коммуникативным центром может стать любой компонент, главный или второстепенный. Когда актуализируются второстепенные члены, главный может быть полностью опущен: ***Виктор.*** *Проститься пришел. Уезжаю.* ***Валя.*** *Куда?* ***Виктор.*** *В Ленинград.* ***Валя.*** *Надолго?* (А. Арбузов); *Командир скомандовал: Обходить высоту! Слева!* (К. Симонов); *Вот новая избушка, а вот маленькая, покосившаяся* (А. Барто); *Что вам надо? – Шоколада* (К. Чуковский).

Среди неполных односоставных частотны эллиптические предложения. При условии предикативной бессубъектности в безличных и инфинитивных предложениях непредикативный субъект эксплицирован косвенными падежами. Предикативное лицо в косвенном падеже контаминирует с объектом действия, что является ярким выражением субъективированного повествования: *Так что мне делать? Палкой тебя по голове!* (А. Солженицын); *Спасибо, что ты меня похоронишь. Уже лучше мне в аду, чем замуж за усача* (Л. Петрушевская); *Мне очень хотелось в театр* (А. Арбузов); *Не надо про учителя!* (В. Войнович); *В Москву вам не положено* (А. Рыбаков).

Сжатость, афористичность представления информации обнаруживается и в эллиптических односоставных предложениях пословичного типа: *В одной родне пусто, в другой нет ничего; Старшему первая чарка и первая палка; В гости на ногах, а из гостей на дровнях; В лесу кистенем, а в саду огурцом; На всякого враля по семи ахальщиков* (В. Даль. Пословицы русского народа).

От неполных предложений необходимо отличать такое синтаксическое явление, как парцелляция.

IV. Парцелляция

Парцелляция (фр. parcellation < лат. partis – «часть, доля») – это прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки: *К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведовать. Отдохнуть* (В. Шукшин); *И я это чувствую. Мучительно* (В. Катаев) – происходит членение предложения, и содержание предложения реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы.

Одинаковые или близкие по структуре построения, отличающиеся друг от друга наличием или отсутствием парцелляции, взаимно противопоставляются, соответственно, как конструкции с экспрессивным расчленением и конструкции без такого расчленения:

Светла ночь, на все небо одна звезда, розовая, моргающая в вышине (А. Рекемчук) – *И вот наступил последний предстартовый день. Ясный, солнечный, тихий* (из газет).

Парцеллированные конструкции *детализируют сообщение* и в то же время делают его более обозримым, в результате усиливается его действенность и *возрастает информативность*. В основе парцелляции лежит подражание естественному развертыванию разговорной речи, когда речь формируется по мере течения мысли, а не является заранее обдуманной и вмещенной в готовые, законченные формулы: *На дворе осень. Поздняя* (В. Астафьев); *Действовать надо... Плакать потом. Ночью. Когда-нибудь* (Н. Ильина); *Зло что вино. Бродит* (из газет).

Парцелляция – это прием письменного литературного языка, самым частым проявлением которого является авторская речь. С точки зрения структурно-стилистической, это явление присуще всем стилям русского языка за исключением официально-делового. Самыми «парцеллирующими» являются художественный и публицистический (особенно жанры фельетона и очерка) стили; в научном она малочастотна.

Парцеллированная конструкция делится на базовую структуру и парцеллят, всегда *постпозитивный* (парцеллятов может быть два и больше). Текст, включающий такую конструкцию, характеризуется особым, прерывистым ритмом, поэтому у нее есть своя интонация. В целом интонация характеризуется экспрессивностью. При этом более яркая интонация парцеллята по сравнению с базовой частью является как бы заключительным аккордом, который выделяет эту конструкцию в составе речи как законченную коммуникативную единицу: *Памятник ночью дает интервью. Звездам. Притихшему городу. Мне* (С. Островой); *Какие стволы у осин! Цвета кошачьих глаз* (Ю. Казаков); *Он пишет отчет и глух ко всему на свете. Как тетерев на току* (И. Грекова).

Сложность явления парцелляции заключается еще и в противоречивом его характере: синтаксически зависимая часть (облигаторная / факультативная) приобретает функционально-коммуникативную самостоятельность: зависимые отрезки высказывания

как бы высвобождаются из тисков структуры, в которой они возникли. В явлении парцелляции слиты противоположные друг другу позиции говорящего и слушающего: говорящий (пишущий) расчленяет единое целое на части, слушающий (читающий) – соединяет их, восстанавливает разбитое единство: *Хотелось яркого света, толпы, шума улиц. Услышать изысканную речь* (Л. Сейфуллина).

Благодаря парцелляции создается дополнительная возможность негромоздкого распространения членов предложения или отдельных предложений: *За зиму я растерял свои знакомства, одичал. Но брился ежедневно* (М. Булгаков); *Шекспир по-своему питает фантазию режиссеров. По-разному воплощается на сцене* (Ю. Любимов) – парцеллят – однородные глагольные сказуемые; *Только ветер и сонный рокот реки нарушали тишину. Да еще голоса детей* (К. Паустовский) – пацеллят – однородные подлежащие; *Пишите телерассказы. Телероманы. Телебеседы. Телепьесы* (И. Андроников) – парцелляты – однородные зависимые от *пишите* дополнения; *Интересно, до чего же живуча память. Неистребима* – парцеллят уточняет *живуча...*

Конечно, существует разная степень допустимости парцелляции. Степень экспрессивности парцелляции прямо пропорциональна тесноте синтаксических связей частей расчленяемой синтаксической структуры: чем теснее связь, тем ярче контраст между структурно-синтаксической связанностью предложения и его коммуникативной расчлененностью: *Она разыскала своего глупого Ваську и заставила его поверить. В себя и в нее* (из газет) – сильная парцелляция; *Ну, грамотными люди стали. Ну, информированными. Про все знают, про все!* (из газет) – слабая парцелляция.

Таким образом, парцелляция – это способ расчленения речи, не создающий неполноту предложения. Однако это не механическое отсечение части предложения, что отчетливо просматривается на примере фельетона В. Дорошевича «Дамские знаки препинания»: *Заказала себе пять новых. Шляпок. На лето уезжаем. За границу. За мной ухаживает один инженер. И генерал. Слегка флиртую. С обоими* («Будильник», 1914).

Цитируемая литература

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л., 1935.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1973.

Грамматика современного русского литературного языка – М., 1970.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958.

Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Попов П.С. Суждение. – М., 1967.

Попова И.А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Института языкознания. – М., 1953. – Т. 2.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – Т. I–II.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1998.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Садовников В. Загадки русского народа. – М., 1995.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Лекция 16

НЕЧЛЕНИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Как и вообще очень многие типы синтаксических построений, конструкции разговорной речи в пределах своей словесно-грамматической схемы допускают варьирование, многообразные частные изменения.
>
> *Н.Ю. Шведова*

I. Признаки синтаксически не членимых предложений.
II. Типы нечленимых предложений.

I. Признаки синтаксически не членимых предложений

В синтаксической системе русского языка существуют единицы, реализуемые в конкретной речевой ситуации, – особый структурно-семантический тип нечленимых предложений. Если обратиться к диалогам в пьесах А.Н. Островского:

1. ***Лиза:*** *Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.* ***Разлюляев:*** *Да, дождешься от вас, как же!*;

2. ***Павлин:*** *От женского ума порядков больших и требовать нельзя.* ***Чугунов:*** *Ну не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых хватит;* – то в ответных репликах значение несогласия, отрицания-возражения выражено конструкциями (*как же! ну не скажи!*), которые не вписываются в систему рассмотренных структурно-семантических типов простого предложения. Эти конструкции:

– не выражают логического суждения; в них отсутствует возможность деления на логический субъект и предикат действия;

– семантически нечленимы, все лексические компоненты десемантизированы, лексически непроницаемы и нераспространяемы, не обладают лексической вариативностью отдельных компонентов;

– выражают категориальное значение отрицания, несогласия;

– не выражают грамматического значения и не имеют набора грамматических форм (грамматической парадигмы), не воспроизводят никакой синтаксической схемы, не допускают разбора по членам предложения;

– образованы на основе синтаксической конструкции с экспрессивно-отрицательным значением – поэтому такие конструкции, выполняющие коммуникативно-предложенческую функцию, называются *нечленимыми*.

Нечленимое предложение обладает минимальным набором характеристик, необходимых для квалификации его на семантическом уровне в качестве отдельного структурно-семантического типа. Нечленимые синтаксические единицы функционально соотносятся с повествовательными, вопросительными, побудительными предложениями (*Так-так; Но как? Тсс!),* что свидетельствует об интонационной оформленности мысли.

Эти предложения относятся к классу простых предложений. Они противопоставляются членимым предложениям и представляют собой особый структурный тип, поэтому не могут быть отнесены ни к двусоставным, ни к односоставным.

В другой терминологии это *слова-предложения* (Грамматика русского языка. – М., 1954. Т. II: Синтаксис, часть первая, § 1105–1119), *релятивы* (Земская Е.А., Сиротинина О.Б., Валимова Г.В.), *коммуникативы* (Меликян В.Ю.), *междометные предложения* (Гвоздев А.Н.); в Грамматике-70 они интерпретируются как «высказывания, не воспроизводящие структурных схем предложения и потому грамматическими предложениями не являющиеся» (§ 1350), аналогичная трактовка приводится и в Русской грамматике-80 (§ 1891).

В современном русском языке наблюдается тенденция к увеличению количества нечленимых синтаксических конструкций, что объясняется такими наиболее характерными их свойствами, как *экономность, эмоциональность* и высокой степени *экспрессивность*. Они выступают в качестве одного из наиболее ярких средств вербализации (лат. verbalis – «словесный; выраженный в словах» < verbum – «слово; словесный») коммуникативного смысла: *А как же! Еще бы! И разговора быть не может! Как бы не так! Вот еще! Ай да ну! Ишь ты! Вот тебе раз!*

Нечленимые предложения представляют собой пласт экспрессивных языковых единиц, широко употребляемых в разговорной (диалогической) речи и имеющих особую структуру. Как справедливо отмечала Е.М. Галкина-Федорук, «основной чертой данного типа предложений является не только их синтаксическая нерасчлененность, но и абсолютная их нечленимость на обычные структурные составы – подлежащее и сказуемое» (Галкина-Федорук 1964: 438). Таким образом, нечленимый характер структуры этих конструкций обусловлен особенностями их семантики: они выражают относительно законченную мысль и поэтому яв-

ляются коммуникативными синтаксическими единицами. Их основное *содержание* сводится к *утверждению* или *отрицанию, согласию* или *несогласию, побуждению,* общей *экспрессивно-модальной оценке* предшествующего высказывания, *ситуации* или *собеседника*. Следовательно, они служат для выражения отношения говорящего к окружающей действительности, употребляются преимущественно в ответных репликах диалогической речи, а также в монологической речи при подтверждении уже высказанного или при самовозражении. Поэтому коммуникативная значимость нечленимых предложений проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляющих речевой контекст: – *Это ветка сирени? – Кажется... да, – небрежно отвечала она* (И. Гончаров). Их коммуникативный смысл во многом предопределен конситуацией. Например, междометие «ну» может иметь значение: *конечно*; *говори дальше*; *давай скорее*; *что случилось?*; *оставь меня в покое*; *чего ты, собственно, хочешь?*; *хорошо, допустим, все именно так, как ты говоришь* и т.д.

Абстрактная семантика нечленимых предложений и их неопределенный модально-временной план обусловливается лексико-грамматической природой используемых слов: «В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» (Грамматика-80: 383), т. е. *по морфологической* природе они неоднородны. Функцию нечленимого предложения способны выполнять:

– многие частицы: *как, так, вот, вряд ли, еще бы, неужели, да, нет, пусть, точно, какое... – Без документов? – удивленно протянул полковник. – Так точно* (К. Симонов); – *Машину водите? – Нет* (Ю. Нагибин); – *Значит, ты к нам надолго? – Нет* (А. Островский);

– междометия: *Увы! Э-э-эх! Ау! Ах! Ну! Цыц! Батюшки! Вон! Ба! Ого! – Да разве кругом нас люди живут? – Батюшки! Да кто же по-твоему?* (А. Островский); – *Ты рабочий? – Угу* (М. Шолохов); *Они сели лицом к лицу... – Ну? – сказал Рагозин* (К. Федин);

– модальные слова и модальные частицы: *конечно, вероятно, пожалуй, правда, разумеется, естественно, действительно, видимо – Но вы представляете, сколько стоит организация дела? – Разумеется* (А. Толстой); – *А ты умеешь разбираться по карте? – Конечно* (К. Симонов); – *Что это был за человек? Большевик? – спросила она. – Наверно* (А. Толстой).

– устойчивые сочетания со значением согласия / несогласия, волеизъявления, модальной или эмоциональной оценки: *как бы не так! еще бы! держи карман шире! то-то и оно! – А ты разве усидел бы всегда? Никуда бы не поехал? – Ни за что* (И. Гончаров); – *Не хотите ли у меня поколоть дрова? – Извольте* (А. Чехов); – *А то сестру жаль. Какова бы ей здесь жизнь была – и представить страшно* (А. Островский); – *А ведь мне за него отвечать придется! То-то вот оно и есть!* (А. Чехов).

Слова перечисленных групп характеризуются неизменяемостью, они не могут входить в словосочетания, и поэтому нечленимые предложения не могут быть распространены: объем предложения совпадает со словом или фразеологизмом. Эта особенность нечленимых предложений подчеркивается другим их названием – *слова-предложения*. Объем таких предложений может быть увеличен только за счет частиц, обращений, вводных слов, обычно с усилительным значением: *Григорий! Ты как? Не раздумал? Может, поедем? – Нет уж* (М. Шолохов); *А ну, браток! Разумеется, да!*

Хотя нечленимые предложения и лишены грамматических признаков, свойственных типовым предложениям, однако по своим функционально-семантическим признакам они обнаруживают с ними сходство. Так, в процессе коммуникации они выполняют определенные *цели* и могут быть: *повествовательными*, т. е. сообщать определенную, хотя и абстрактную информацию – например, о согласии / несогласии, об эмоциях: *Ладно; Нет; Батюшки!*; *побудительными: Цыц! Вон! Айда! Ну! Баста!*; *вопросительными: Разве? Ладно? Хорошо? Неужели?* и даже *оптативными: Эх бы! Хорошо бы!* Среди оптативных выделяются также *восклицательные* и *невосклицательные*: *То-то оно. Еще как! Еще чего!*

Таким образом, нечленимые предложения – важный компонент процесса общения благодаря своей функциональной нагрузке, которая заключается:

– в восполнении отсутствующих (недостающих) языковых средств общения;

– в придании речевому акту большей экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое замещается нечленимым;

– в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению довольно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчлененности высказывания или нескольких высказываний одной короткой репликой.

II. Типы нечленимых предложений

По характеру выражаемого значения выделяется несколько **функционально-семантических типов** нечленимых предложений.

1. Нечленимые предложения, выражающие **модальные оценки** с их развитой широкой гаммой значений, расположенных между полюсами «утверждение – отрицание», «реальность – нереальность», «вопрос – утверждение / отрицание», «истина – ложь». С помощью реплик-предложений говорящий выражает разную степень уверенности в достоверности того, о чем идет речь, свою убежденность или сомнение в соответствии высказываемого действительности.

Семантика лексических единиц, обслуживающих сферу модальных квалификаций, как правило, осложнена прагматической коннотацией (гр. pragma – «дело, действие; условия, сопровождающие употребление языкового знака»; лат. connotatio – «дополнительное значение; оценочная или стилистическая окраска языковой единицы»). В условиях контекста даже такие относительно нейтральные синтаксически не членимые предложения, как *да, нет, правда, хорошо, вероятно, может быть*, способны приобретать субъективно-оценочный акцент, который варьируется в зависимости от конкретного характера связи между *составляющими* речевой ситуации: *говорящим, адресатом, содержанием высказывания* и *действительностью*. Ср.: *Дождь идет. – Да* (подтверждение); *Дождь идет? – Да* (утвердительный ответ на вопрос); *Дождь идет! – Да?!* (неожиданность, разочарование); *Ну, ты принимаешь мое предложение? – Хорошо, ладно* (согласие с элементом уступки); *Ты уходишь? – Нет* (отрицательный ответ на вопрос); *Пусть он уйдет! – Нет! Пусть останется* (категорический отказ, протест); *Нет! Не могу поверить* (изумление, радость в связи с неожиданностью воспринимаемого, невозможность поверить в происходящее); *Нет! Вы посмотрите, что происходит!* (призыв остановить внимание на чем-то или на высказанном суждении); *Встречаемся в среду. Нет, во вторник* (отказ от предшествующего утверждения, поправка) и др.

Модально-оценочные реплики-предложения различаются степенью категоричности утверждения или отрицания, согласия или несогласия. Они представляют собой короткие фразы, где сжатость и информативная плотность являются результатом взаимодействия двух противоположно направленных, диалектически взаимосвязанных фактов: стремления к сокращению линейной протяженности такого высказывания и его информационной емкости.

К группе слов, передающих *смысл «да»* и одновременно содержащих информацию о безусловности согласия или о субъективной убежденности в том, что утверждаемое соответствует действительности, относятся *безусловно, конечно, разумеется, очевидно, именно, факт, точно, заметано, не без того, ясное дело, а то как же, давно бы так...* Например: *Человеку уют нужен! А то как же! Где мы, там и дом* (А. Проханов); *– Вижу, вы привезли нам что-то приятное. – Не без того, – отвечает Федоров* (В. Ардаматский); *– Да захочет ли он прийти к нам? – Еще бы! Он очень будет рад* (И. Тургенев); *– Соскучилась? – спросила она дочь. – Конечно* (А. Чехов); *– А я к вам, – сказал Лаптев. – Иду потолковать с вашим батюшкой. Он дома? – Вероятно, – ответила она* (А. Чехов); *– Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты... – Хорошо, пожалуй, – решил Обломов* (И. Гончаров) – последние предложения включают значения уверенности или предположительности; ***Мурзавецкая:*** *– У Евлампии наличные деньги есть?* ***Чугунов:*** *– Как не быть* (А. Островский); *– А купаться там есть где? – Еще бы! Великолепные озера, прозрачные до самого дна* (Ю. Нагибин); *– Раз задел за живое – пеняй на себя. – Что мне пенять, я лучше уйду. – Давно бы так* (М. Алексеев).

Утвердительные конструкции осложняются такими оттенками, как сомнение, недоверие, осуждение, порицание, удивление, недоумение и т.д.: ***Мурзавецкая:*** *Долго ты меня будешь мучить и срамить?* ***Мурзавецкий:*** *Что такое? Я матант, ваших слов не понимаю* (А. Островский); *– Дядечка, это временно. – Ой ли?* (Н. Погодин); *Он прошел в ванную, открыл кран – воды не было. Ну-ну* (И. Грекова); *– А знаешь, из тебя толк может выйти. – Если бы так. Я уже сомневаться стал* (А. Лавренев); *– Так не воюют! – Вот как! А как же надо воевать?* (он же).

Отрицательное значение нечленимых предложений создается частицей *нет*, устойчивыми сочетаниями *еще чего, где тебе, едва ли, куда ему, очень нужно, где там, ни за что на свете, не может быть, ни-ни, ничуть, да нет, неправильно* и др. Они могут обозначать прямое отрицание предшествующего высказывания: *– Вы не уедете? – Нет.* (А. Чехов) – или выражают несогласие с ним: *– Тебе чего-нибудь хочется? – Нет!* (М. Лермонтов); *– Спишь ведь! – Никак нет!* (А. Иванов); *– Продайте, пожалуйста, вашу собаку. А мама сказала: Ни за что!* (Ю. Яковлев); *– Идем, провожу тебя. – Еще чего! Не заблужусь* (В. Розов); ***Мамаева:*** *Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать!* ***Крутицкий:*** *Где уж мне! Был конь, да уездился* (А. Островский); ***Полина Андреевна:*** *Жалко мне тебя,*

Машенька. ***Маша:*** *Очень нужно* (А. Чехов); *Зато вы и пожалуетесь мировому судье, – сказал Свияжский. – Я пожалуюсь? Да ни за что на свете! Разговоры такие пойдут, что и не рад жалобе* (Л. Толстой). Такие предложения призваны воздействовать на чувства и эмоции собеседника, «потому что часто задача пользующегося словом в том и состоит, чтобы вызвать в нас *впечатление* известного рода, а не только в том, чтобы сообщить нечто» (Шпет 1989: 459). Это объясняется следующей закономерностью: «Чем меньше вы скажете слов и чем больше сумеете сказать этими словами – тем больший будет эффект» (Новиков 1990: 19).

Семантика отрицания при поддержке контекста может быть передана словами с переосмыслением их *прямого* значения на *противоположное: Ты пойдешь в библиотеку? – Как же! Пойду. Я же обещал (да) – Ты пойдешь в библиотеку? – Как же! Пойду. Аж три раза! (нет; не пойду)*. Ср.: *– Ревнуешь? – А то нет?* (Н. Погодин); ***Голицын:*** *Ты – друг; перед тобою могу я смело душу распахнуть.* ***Куракин:*** *Еще бы нет! Одна душа, два тела!* (А. Островский); *– Куда тут чаи распивать! – нахмурился почтальон. – Надо вот скорее греться и ехать* (А. Чехов); *– Кто вы? – Ну, так я вам и сказал, кто я такой* (Ю. Семенов); *– А ты говорил с ней откровенно? – Надо мне* (Н. Погодин).

Реализация противоположного значения вызывает эффект «несбывшихся» ожиданий слушателя. Это связано с активизацией его эмоциональной и интеллектуальной сфер: собеседник испытывает разнообразные, иногда противоположные эмоции (удивление, недоумение, разочарование, потрясение, негодование, облегчение, радость и т.п.) и, возможно, думает о том, почему это так, а не иначе, и почему он ошибался. ***Лидия:*** *Вы знаете в Казани мадам Чудило-Пленкову?* ***Васильков:*** *Когда же нет?* (А. Островский); ***Серапион:*** *Так в моей жизни обернулось, что на исходе стольких лет вдовец я оказался.* ***Зиночка:*** *Ах, вон оно что! Тяжело одному остаться* (Л. Леонов).

Здесь возникает явление *энантиосемии* (гр. en – «в, при» + antios – «противоположный» + sēma – «знак; совмещение противоположных значений в слове»; «внутренняя антонимия») – переосмысление прямого значения слова на противоположное. Метафоризация языковых единиц является одним из наиболее эффективных способов порождения экспрессивного текста: «Метафора – это всегда употребление уже готового языкового средства наименования как способа создания нового значения» (Телия 1988: 185).

Использование в таких предложениях форм времени в переносном значении способствует усилению иронии, что также повышает степень экспрессивности: *– Приходи, пожалуйста! – Разбежался!* (отказ + злая ирония). А стилистическая окрашенность некоторых высказываний еще более сужает сферу переносного употребления временных форм, закрепляет за разговорным стилем речи (просторечием). Ср., например, прошедшее совершенное в значении будущего: *– Отдай сейчас же книгу! – Уже – отдал* (нет, не отдам – будущее время).

Переносное употребление форм времени объясняется смещением центра внимания метафорического переосмысления предложения с предметного аспекта значения на значение оценочного, субъективно-модального характера. ***Вася:*** *Другой умрет, этакой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил.* ***Гаврило:*** *Где уж нам!* (отрицание, несогласие) (А. Островский); *– Отдай книгу! – А морда не треснет?!* (нет) – отклонение от нормы максимально увеличивает заряд эмоциональности и экспрессивности, которые призваны воздействовать на интеллектуальную и эмоциональную сферы слушателя (Булыгина, Шмелев 1990: 103).

В основе энантиосемического переосмысления лежит понятие *языковой игры*, которая направлена на более точную и тонкую передачу мысли, а также на образную и выразительную передачу сообщения: *– Он же говорит: им в тюрьме хорошо было. Жрать давали... – Там дадут – догонят, еще дадут* (В. Шукшин); *– Ты придешь к нам завтра? – Разогнался и упал* (нет); *– Он мне подскажет? – Подскажет он! Конечно! Держи карман шире!* (интонация отрицания); *– Ты поможешь мне? – Выкуси* (грубопросторечное: *нет* + негативная оценка; значение данной лексемы *выкуси* нейтрально с точки зрения стилистики и эстетики, а совпадающее с ней нечленимое предложение стилистически и эстетически снижено).

Энантиосемическое переосмысление предложения помогает автору сказать о своем отношении к окружающей его объективной реальности и в то же время делает более контрастной неприятную для собеседника информацию экспрессивно-иронического значения.

2. Основная масса нечленимых предложений, выражающих **эмоциональную оценку** или **реакцию**, представляет собой возгласы, которые передают информацию о том или ином душевном состоянии, а также субъективно окрашенные реплики с положительной или отрицательной оценкой: *Левин улыбнулся, напряг руку и, как круглый сыр, поднялся бугор из-под тонкого сукна сюртука. – Вот это да! Вот это бицепс – присвистнул Степан Аркадьевич* (Л. Толстой); *Ох! Догулялся! Вот так раз! Вот и похмелье соскочило* (А. Островский); *Ты думала, немцы нам – зем-*

лицы? На-кось, выкуси! – с неожиданной злобой и ненавистью выдавил он из себя (С. Проскурин); *Ванька пошел трясогузкой, смешно подкидывая зад. – Батюшки! Как хорошо-то! – послышалось восхищенное восклицание* (В. Шукшин).

Потенциальные предложения этой сферы формируются главным образом из *междометий* и их аналогов, которые выражают различные эмоции либо определенные чувства. Однозначность или многозначность нечленимого предложения зависит и от степени утраты компонентами самостоятельного лексического значения. В частности, всегда многозначны те конструкции, в состав которых входят частицы, междометия, союзы, то есть слова, лишенные номинативной функции или имеющие предельно отвлеченное значение: *Ах ты! Ух ты! Ишь ты! Ну и ну! Как?! Боже (мой)! Ага! Однако! Нечего сказать! Не может быть! Вон что!* и др.

Например, *Ух ты!* в одном случае имеет значение восхищения: *Эх, благодать какая! Ух ты! Льет-то как!* (Ф. Гладков), а в другом – значение удивления. ***Наталья:*** *– Померла.* ***Прохор:*** *– Ух ты! Железнов в одночасье, теперь она* (М. Горький); *Вот это работа! Я понимаю! Черт возьми! – вдруг воскликнул он* (А. Фадеев) – проявление радости, удовольствия, восхищения; *Черт возьми! – вскричал Следнев, с силой ударив по колену. – Но почему же ты не поговорил с ней еще раз?* (Л. Обухова) – выражение негодования, возмущения.

Важнейшим средством выражения значения в этих предложениях является *интонация*. Она меняется в зависимости от характера эмоций, который обусловлен содержанием высказывания или реальной обстановкой речи. Поэтому в художественных произведениях дается описание эмоционального состояния говорящего или описание интонации: *Поди ж ты! – воскликнул чернявый матрос. В этом невольном восклицании были и удивление, и любовь, и жалость к мичману* (К. Станюкович).

В зависимости от эмоций, содержащихся в нечленимых предложениях, можно выделить конструкции, в которых выражаются:

– чувства и их оттенки (*Охти мне! Вот те раз! Мать честная! Была не была!*): *Наташа быстро встала. – Вот те раз! Наталия Александровна, куда вы? – всполошился Сергей Александрович* (В. Вересаев); *– Идем ужинать. – Я не пойду, – через силу отозвался Бобров. – Не пойдете? Вот так история!* (А. Куприн); *Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: А, была не была! Не с чего, так с бубен* (Н. Гоголь);

– эмоциональное отношение человека к различным жизненным ситуациям, явлениям (*Слава Богу! Знай наших! И смех и горе!* и др.): *Ах, это не Савелий Ильич! Ну слава те господи! – радостно сказал, отряхиваясь, незнакомец* (И. Гончаров); *Ведь посмотришь на нынешних красавиц – и смех и жалость! Волосы-то взбиты, что войлок, животы подтянуты. Сущие мученицы* (А. Пушкин);

– отношение к словам собеседника (*Вот еще! То-то же! Много чести*): *– Я тебя к себе заберу. – Не поеду. Вот еще!* (В. Каверин); *Я, надо правду вам сказать, вас изучаю. – Много чести!* (Я. Полонский);

– значение бранности с оттенком раздражения, негодования, неудовольствия, желания избавиться от кого-то (*Будь ты проклят! Разрази тебя гром! Отсохни твой язык!* и др.): *– Что ты говоришь? Отсохни твой язык! – сердилась бабушка* (М. Горький); *Эй, мальчишка! Куда лезешь? Я те!* (А. Куприн) – эти конструкции отличаются наибольшей экспрессивной окраской;

– уверение в истинности сказанного (*Честное слово! Вот тебе крест! Разрази тебя громом!*), означающие желание, стремление говорящего заставить окружающих поверить ему: *Но уж теперь мы непременно дойдем до квартиры – честное слово! Потому что ведь нужно же воротиться домой!* (Ф. Достоевский); *И Тихон Ильич, с неожиданным для самого себя бешенством, вдруг гаркнул на него: Балуй, анафема, разрази тебя громом!* (И. Бунин); имеет разговорную или даже просторечную окраску: *Кто-то громко произнес – Ну ей богу, видел свет, умереть мне на этом месте* (Л. Борисов).

3. Сфера **волеизъявления** обслуживается императивными высказываниями: приказы, команды, запрещения, побуждающие к осуществлению или прекращению действия (*На! Цыц! Айда! Валяй! Брысь! Хватит! Ни с места! Шутки в сторону! Что ты, что ты! Отстань! Отвяжись!* и т.п.). Обозначая волевые импульсы, такие предложения обладают яркой экспрессивной (лат. expressio – «выразительность; выражение чувств, переживаний») окраской, их *интонация* передает те разнообразные чувства, которые говорящий переживает в данной ситуации; обычно это интонация категоричности, решительности: *Первой перед судом выступает бабушка Анна. Главный судья говорит ей: Короче, Ермолаевна, ближе к делу!* (А. Неверов) – призыв не отвлекаться, говорить по существу, без лишних подробностей; *– Ты не робей! Держи хвост трубой! Понимаешь? – Вася кивнул. Собственно говоря, он это понимал* (А. Макаренко) – призыв не терять бодрости, не падать духом; *Старик шагнул к нему и поднял кулак. Прокоп схватил руку, и у него задрожали веки: – Смирно, папаша! Легче на поворотах!* (Ф. Гладков) – предупреждение быть осторожным в своих делах, поступках; произносится с интонацией угрозы, предостерегающей от необдуманных действий; *Ни с места! Если тронетесь, разбойники, грабители! На месте уложу!* (В. Некрасов) – команда не двигаться; *С глаз долой! – повелительно сказал Обломов, указывая рукой на дверь. – Я тебя видеть не могу!* (И. Гончаров) – приказание уйти, высказанное (подкрепленное жестом) в категорической форме; *Сергей усмехнулся, а потом тяжело вздохнул и сказал: – Ну, шутки в сторону! Давайте будем спать!* (С. Антонов) – просьба перейти к делу или оставить какое-либо занятие; ***Силан:*** *– Караул!* ***Вася:*** *– Что ты, что ты! Не кричи, я свой* (А. Островский) – оттенок побуждения и успокаивания собеседника (Ср. значение *несогласия:* ***Лыняев, рассматривая письмо:*** *– Ну, что хотите со мной делайте, а это подло!* ***Купавина:*** *– Что вы, что вы, Михайло Борисыч! Возможное ли это дело?* (А. Островский) или значение *упрека, порицания: Катерина Ивановна ведь вас чуть не била, у отца-то?.. – Била! Да, что вы, что вы! Господи, била?!* (Ф. Достоевский), таким образом, *Что ты, что ты!* выражает комплекс чувств.

4. К нечленимым предложениям относятся **формулы речевого этикета** – слова, сочетания слов, являющиеся, по словам В.В. Виноградова, «своеобразными экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни» (1947: 750). Компоненты этих предложений сохраняют свое лексическое значение, в связи с чем каждое нечленимое предложение употребляется в строго определенных ситуациях (Формановская 2002): *благодарность (Пожалуйста; На здоровье; Благодарю; Не стоит); извинение (Извините; Виноват; Простите); приветствие при встрече и прощании (Здравствуй; Привет!; Алло!; Пока!; Всего!; Давай!; Целую!).* Они имеют разнообразную экспрессивную и стилистическую окраску. Значение, заключенное в самом выражении и зависящее от значения его компонентов, развивается, обогащается в речи с помощью интонации, которая передает то или иное эмоциональное состояние. Если эмоциональное состояние становится преобладающим, то формула речевого этикета превращается в высказывание, выражающее эмоции: *Кто здесь принимает объявления? – закричал Ковалев. – А, здравствуйте! – Мое почтение* (выражение приветствия) (Н. Гоголь) и выражение отказа, несогласия: *Вить гнездо не стану. Петь? – Мое почтение! Сытым я не буду – не прокормит пенье* (Я. Полонский). То же самое происходит и с *Покорно благодарю!*, которое в одном случае является выражением благодарности, а в другом – означает отказ.

Формулы речевого этикета употребляются в разных ситуациях и имеют устойчивое значение (см.: Балакай 2001), и поэтому их можно разделить на подгруппы.

Выражение *приветствия*: общеупотребительными, межстилевыми являются приветствия типа *Добрый день! Доброго здоровья!* и др.: *– Добрый день, хозяин! – Тихон Павлович снял с головы картуз и смущенно посмотрел на работника. – Здорово!* (М. Горький); однако некоторые из них при незначительных изменениях приобретают разговорно-просторечный оттенок (при субъективно-оценочном суффиксе): *Человек с мазером пристально смотрел на нас и неожиданно тонким, как дудочка, голосом сказал: Доброго здоровьица, други! Будем знакомы* (К. Паустовский).

Некоторые приветствия сейчас малоупотребительны вследствие своей устарелости. ***Бородкин:*** *Наше вам почтение! Как ваше здоровье-с?* (А. Островский); ***Анна Ивановна:*** *Мир честной компании!* ***Разлюляев:*** *Милости прошу к нашему шалашу!* (Он же).

Интонация при произнесении формул речевого этикета зависит от конкретной ситуации, которая вызывает определенные эмоции. Лишь немногие приветствия интонируются более или менее одинаково. Так, оттенок радостного удивления при встрече: *– Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого, – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько лет, сколько зим!* (А. Чехов) – есть у *Сколько лет, сколько зим!* Шутливо-фамильярная интонация сопровождает нечленимые предложения *Наше вам с кисточкой! Сорок одно с кисточкой!*, которые в словарях приводятся с пометой прост.: *Худощавый мещанин подходит к Анисье Осиповне. – Наше почтенье, барышня! Сорок одно с кисточкой! – говорит он и протягивает ладонь* (Ф. Решетников).

В качестве приглашения войти, прийти, приехать и т.д. чаще всего употребляется стилистически нейтральное выражение *Добро пожаловать!* Почти так же часто встречается *Милости просим!*, гораздо реже ее разговорный вариант *Милости прошу к нашему шалашу!*: *Хозяин без шапки встретил гостей, умильно говоря: Добро пожаловать! Добро пожаловать!* (Г. Успенский); *Мальчик вышел и доложил, что обед готов. – Милости просим! – сказала хозяйка* (И. Тургенев).

Предложения – формулы *прощания* в большинстве своем стилистически нейтральны: *Ложись, устала ведь. Покойной ночи!* (М. Горький); *– Ну, ребята, прощайте! – сказал он смущенно дворне. – Мне здесь делать нечего, счастливо оставаться* (А. Пушкин). Архаический оттенок свойственен *Честь имею кланяться! Честь имею!*: ***Зыбкина:*** *Нечего делать, надо будет денег искать.* ***Барабошев:*** *Сделайте одолжение. И ежели где*

очень много найдете, так покажите и нам, и мы в одном месте искать будем. Честь имею кланяться! (А. Островский).

Разнообразны по значению и употреблению синтаксически не членимые предложения, выступающие как *пожелания, поздравления* (в словаре Балакая их более ста: с. 629–637). Это и пожелание успеха перед началом какого-либо дела: *Князь им вымолвил тогда: В добрый путь вам, господа! По морю по Окиану...* (А. Пушкин); *В добрый час! Господь благословит! – кричала с крыльца бабушка* (А. Чехов); пожелание благополучной работы: *Бог в помощь вам, друзья мои, В заботах жизни, царской службы...* (А. Пушкин); пожелание счастливой и согласной жизни молодоженам: *Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. – Ин быть по-твоему! – сказал он... – Возьми себе свою красавицу, вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!* (А. Пушкин) – и многие другие: *Бог на помощь! Удачи! Всего наилучшего! Легкого пара! Сто лет жить вместе!*

Небольшая группа нечленимых предложений является средством выражения *благодарности*; это обороты типа *Спасибо на добром (хорошем, ласковом) слове! Покорно благодарю; Благодарю на добром слове* (устар.) и его вариант с оттенком лести, подобострастия *Покорнейше благодарю!*: ***Солдат:*** *– Молодая еще, доживешь и до хорошего.* ***Надчерица:*** *– Спасибо на добром слове!* (С. Маршак).

5. Последняя разновидность нечленимых предложений – это сфера **текстообразования**. Здесь позицию предложения занимают слова, которые членят текст на относительно законченные части; они выполняют композиционно-организующую роль, сообщают о намерении автора-говорящего продолжить или завершить высказывание (*так; далее; потом; наконец; последнее; вот и все; еще одно; вот таким путем; вот так* и др.): *Да я уезжаю, – перебил Додика Степанов. – Уточнять вы можете все с Евгением, он парень с головой. Вот так* (Ю. Герман); *– Меня зовут Игорь Витальевич. Фамилия Морозов. Вот так вот* (Ю. Бондарев); *– Вот так – заключил Николай Евгеньевич свои разъяснения, – таким путем, молодой биолог. Так что винить нам с вами некого, кроме себя самих* (Ю. Герман). Область функционирования таких предложений – монологическая речь.

Такова типология синтаксически не членимых предложений, которые являются более экономной, более краткой и более эмоциональной формой выражения отношения говорящего к объективному миру. Их структурно-семантическая нерасчлененность обусловлена тем, что основным назначением этих конструкций является «выражение большего содержания меньшими средствами»; будучи

минимальной коммуникативно-синтаксической единицей, характеризующейся смысловой, синтаксической и коммуникативной ценностью, нечленимые предложения несут на себе весь максимум коммуникативной (в отличие от номинативной) нагрузки текста. Количество и типы таких предложений нарастали в русском языке по мере развития его грамматической и лексической систем.

При их выделении из текста необходимо обращать внимание на морфологический статус категорий и семантико-синтаксические отношения между словами:

1. *– Ну! – это «ну» было сказано слишком громко и гулом отдалось в пустой церкви за Родькиной спиной* (В. Тендряков) – в первом случае *ну* – самостоятельное высказывание (коммуникативная функция), выражающее значение удивления и характеризующееся нечленимостью синтаксической структуры; во втором – это междометие с тем же значением (некоммуникативная функция), но в роли подлежащего.

2. *– Не надо мне помогать, я сам справлюсь! – Неужели! Наконец-то;* ***Рашель:*** *Неужели вы воспользуетесь моим положением? Не верю* (М. Горький) – в первом предложении *неужели* – самостоятельное высказывание, выражающее значение удивления, иронии, сарказма, неодобрительного отношения к предмету речи и характеризующееся нечленимостью синтаксической структуры, а во втором – это частица, употребляющаяся в вопросительном предложении в значении *разве, возможно ли* и, кроме вопроса, выражающая сомнение, недоверие, удивление.

3. *– Ты обедал? – У меня... того... обедать-то нечего. Да и не хочется. – Ну да, рассказывай! Помоги ковер внести, потом покушаем* (Н. Островский); *– Я опоздал, потому что заблудился. – Рассказывай мне! Ты к Витьке ходил* (Ю. Яковлев); *– Ну, Лизавета Григорьевна, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова... – Кто это? Расскажи. Расскажи по порядку* (А. Пушкин) – в первом примере слово *рассказывай* выступает в роли самостоятельного высказывания (коммуникативная функция), выражающего значение категорического несогласия в сочетании с иронией, неодобрением, возмущением и характеризующегося нечленимостью синтаксической структуры, что предопределяет его неделимость на члены предложения; во втором – это глагол, употребляющийся в роли сказуемого и реализующий переносное, экспрессивно-ироническое значение – *не рассказывай мне* + ирония, неодобрение, возмущение; в третьем – также глагол в роли сказуемого в прямом значении. Ср.: ***Зобунова:*** *Средство это – дорогое!* ***Булычев:*** *Конечно!* (М. Горький) – *Вам до меня, конечно, нет никакого дела* (Л. Толстой).

Таким образом, нечленимое предложение – особый структурно-семантический тип простого предложения, характеризующийся

– логико-семантической и грамматической нерасчлененностью,

– контекстуальной обусловленностью,

– экспрессивно-эмоциональной окрашенностью.

Основной функцией подобных языковых единиц является выражение краткой, чаще всего эмоциональной реакции говорящего на факты лингвистического и экстралингвистического характера. Основная цель функционирования нечленимых предложений – прагматическое воздействие на собеседника. Выбор говорящим того или иного типа нечленимого предложения обусловлен прагматическими параметрами речевой ситуации. На прагматические параметры оказывают влияние такие факторы, как

– личностные характеристики говорящих, их социальный статус,

– наличие общей базы пропозитивных знаний,

– интенции коммуниканта,

– избранный жанр речи, его тематика,

– факты лингвистического контекста – структура и содержание предыдущей реплики.

В любом типе текста – художественном, публицистическом, в живом разговорном дискурсе – нечленимые предложения, реализуя свойственный им коммуникативно-прагматический потенциал, усиливают прагматический эффект высказывания.

Цитируемая литература

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М., 2001.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы А. Белого. – М., 1990.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Современный русский язык / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М., 1964. – Ч. II.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М., 2002.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. – М., 1989.

Лекция 17

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

То ли мы произносим, что мыслим? Слух не обманывает ли нас? То ли мы слышим, что произносит язык?

В.Ф. Одоевский

Содержание предложения принципиально отличается от содержания слов тем, что оно сохраняет живой контакт с действительностью.

Д. Кацнельсон

I. Понятие семантической структуры предложения и подходы к ее изучению.

II. Основные компоненты семантической структуры предложения:

А. Модусная семантика предложения;

Б. Диктумная семантика предложения.

III. Способы представления пропозиции.

IV. Типы предложений по семантике предикативного компонента пропозиции.

I. Понятие семантической структуры предложения и подходы к ее изучению

Семантический аспект предложения включает систему содержательных (информативных) признаков разной степени абстрактности, которые выражаются в предложении и создают представление о его семантической структуре.

Семантическая структура предложения – это иерархически организованная система *обобщенных* типовых содержательных (информативных) *признаков* предложения. Эти признаки свойственны не отдельно взятому предложению, а обширным классам однотипных предложений: *Студент пишет статью*; *Летчик управляет самолетом*; *Сын занимается музыкой*; *Отец возится с машиной*; *Дочь работает над проектом* – эти предложения объединены общим абстрактным информативным (лат. informātio – «осведомление, просвещение; сообщение, осведомляющее о положении дел, о состоянии чего-либо») содержанием. Они передают информацию:

– об объективном положении дел, включающем две субстанции, одна из которых – производитель (субъект) активного действия – оказывает воздействие на другую субстанцию – объект этого действия;

– о том, что это положение дел осмысливается как факт реальный, происходящий в момент речи (в настоящее время).

Ср. предложения: *Эта скатерть – льняная*; *Дом высокий*; *Портфель из кожи*; *Она необыкновенной красоты* – которые объединяются тем, что субъект *характеризуется* определенным признаком, который является постоянным: *Ложь – это всегда плохо*; *Лесть отвратительна*; *Точность – это всегда хорошо*; Или еще: *В комнате два больших окна*; *Под Москвой много удивительно красивых мест*; *В пьесе забавные повороты сюжета*; *На его лице полное недоумение* – общее информативное содержание (номинативная функция предложения) данных предложений – *указание на наличие, бытие в мире или каком-либо фрагменте мира некоторой субстанции* (лат. substantia – «то, что существует само по себе; «сущность, суть, здесь – предмета, лица, явления»). Во всех этих предложениях обнаруживается отношение высказывания к обозначаемой им ситуации.

Синтаксическая семантика стала объектом исследования в отечественном синтаксисе с 60-х годов XX в. и представляет собой активно развивающуюся область лингвистики, которая характеризуется разнообразием подходов и концепций. Среди них четко выделяются **два** противостоящих друг другу **направления**.

Первое направление опирается на **понятие семантической структуры предложения** (его провозвестник – классик французского языкознания – Л. Теньер 1988: 59), которое раскрывается в работах Ф. Данеша, Н.Ю. Шведовой (Русская грамматика-1980: 123). Описание семантической структуры основано на анализе синтаксических отношений между компонентами предложения, на анализе фактов, не выходящих за пределы языка. Поэтому в описании Н.Ю. Шведовой семантические структуры, выделяемые всегда в границах отдельных *структурных схем*, различаются по комплексу признаков:

– собственно *грамматических* (способы выражения компонентов схемы, система регулярных реализаций, парадигма предложения);

– *лексических* (лексическое значение слов, занимающих позиции компонентов структурной схемы).

Автор (Русская грамматика-80) подчеркивает, что семантическая структура рассматривается как логическое образование, смысл предложения описывается в категориях *логики*: *субъект*,

предикат (предикативный признак). Тем самым, данное направление при описании семантики предложения основывается на расчленении предложения на *два* состава, которое производится на *логической* или *коммуникативной* основе. Поэтому семантическая характеристика предложения обычно ограничивается семантической характеристикой его составов и не распространяется на его общее номинативное значение.

Второе направление изучает **отношение предложения к обозначаемой им ситуации** – *референту* (лат. referentis – «сообщающий; конкретный предмет, к которому относится языковой знак в составе высказывания»), *денотату* (лат. denotatum – «названное, обозначенное; предмет как объект обозначения с помощью знаков, в том числе языковых»). Семантическая структура предложения рассматривается *в соотношении со структурой внеязыковой* – ситуацией, лежащей в основе образования конкретного предложения. Данная концепция свое развитие получила в трудах Н.Д. Арутюновой (1976: 5), Е.В. Падучевой (1974: 9) и др. *Центральное положение данной концепции* – понимание предложения как единицы, выполняющей *номинативную функцию*: способность предложения обозначать *событие*. Строение предложения как номинативной единицы представлено следующим образом:

– *семантическое ядро* предложения *составляет предикат* – выразитель предикативного признака;

– он предполагает *наличие субстантивных компонентов – актантов* (лат. actüs – «действие» < ägere – «делать, действовать»), которые находятся в определенных отношениях к предикату.

При таком подходе к синтаксической семантике номинативной основой предложения является предложение, ограниченное теми компонентами, которые делают его информативно достаточным при максимально возможной изоляции от коммуникации. Например, номинативная основа предложения с глаголом (предикатом) *разорвать* в личной форме с необходимостью включает *субъект-подлежащее* (*кто́ разорвал*) и *объект-актант* – дополнение (*что́ разорвал*). Если убрать из этого предложения названные компоненты (любой!), то получится конструкция, которая в обычных условиях не выражает никакой мысли: нельзя сказать – *Он разорвал... Разорвал...* – последнее может нормально функционировать только в особых контекстных условиях, в частности в диалоге: *Не пойму, разорвал он рубашку?*

Итак, при определении семантической структуры предложения учитываются три основные положения:

1. Семантическая структура есть *понятие, связанное с информативным содержанием предложения*: «Смысл есть принадлежность предложения, – если смысл наличествует в последовательности слов или даже в одном слове, есть и предложение, если нет смысла, то нет и предложения» (Звегинцев 1976: 177).

2. Семантическая структура *предполагает обобщение* этой стороны предложения, т. е. номинативная основа, например, предложения *Он разорвал рубашку*, базируется на схеме: субъект – нефункциональное действие субъекта – объект, по которой строится множество других конкретных номинативных основ: *Он разбил чашку*; *Она уронила куклу...*

3. Семантическая структура определенным образом *связана с формальной организацией предложения* (Белошапкова 1989: 687). В разных определениях подчеркивается та или иная сторона.

Учитывая отмеченные два направления смысловой организации предложения, в учебных целях их можно свести к двум основным подходам:

1. Семантика предложения изучается в *направлении «от структурных схем к их значениям»* (Русская грамматика-80), – т. е. семасиологический.

2. Семантика предложения изучается безотносительно к структурным схемам, в *направлении «от значения предложения к различным способам его воплощения на лексико-синтаксическом уровне»* (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Т.П. Ломтев, Ш. Балли, Л. Теньер и др.). Для учебных целей более приемлемым является второй подход – «от значения», т. е. ономасиологический.

II. Основные компоненты семантической структуры предложения

В семантической структуре предложения диалектически соединена информация двух принципиально противоположных типов:

1. *Информация об объективной* (реальной или вымышленной) *действительности*, о «мире вещей»; это информативное содержание предложения получило наименование «*объективных смыслов*»;

2. *Информация о субъективных* смыслах мыслящего и говорящего субъекта по отношению к отражаемому им фрагменту объективной действительности; такое информативное содержание называется «*субъективными смыслами*».

В приведенных примерах (*Студент пишет статью...*) *объективные* смыслы составляет информация об объективном мире:

о положении дел, ситуации, в которой участвуют две субстанции, которые находятся между собой в субъектно-объектных отношениях. Это проявляется в активном воздействии одной субстанции – субъекта, на другую, испытывающую это воздействие, – объект. В данной части семантики не представлена позиция говорящего. Даже в предложениях, в которых говорящий сообщает информацию о себе, своих действиях, ощущениях и т.д. (*Мне грустно*; *Я дал книгу товарищу*; *Он мне ее не вернул...*), он выступает как «отстраненный наблюдатель» (Белошапкова 1989: 688), представляя себя в качестве объективного участника объективной ситуации.

Субъективную часть значения указанных предложений составляет информация, которая *отражает позицию говорящего*.

Он оценивает представленные положения дел *как факты реальные, совпадающие с моментом речи*. Он мог бы оценить их в плане ирреального – как возможные (*Студент писал бы статью*), желаемые (*Хоть бы студент писал статью*), требуемые (*Пусть студент пишет статью*).

Наиболее четко противопоставления объективных и субъективных смыслов в семантической структуре предложения провел швейцарский лингвист Ш. Балли (1955), который ввел для их обозначения широко употребляемые в семантическом синтаксисе термины *диктум* (от лат. dictāre – «предписывать») – объективное содержание предложения и *модус* (лат. modus – «мера, способ, образ») – субъективное содержание предложения.

А. Модусная семантика предложения

Модус предложения *включает субъективные смыслы* – они обусловлены наличием субъекта (лат. subjectum – «подлежащее, субъект»; subjectus– «лежащий внизу; подчиненный; раскладывание внизу»), деятеля: человеческим фактором. *Любое предложение, как единица коммуникации, требует обязательного выражения этих смыслов*. Без них предложения как такового быть не может и, следовательно, коммуникация (лат. communicātio – «сообщение, передача; сообщение, общение») не состоится. Значит, эти смыслы обусловлены человеческим фактором в более широком смысле, чем только фактором говорящего. Выражение модусных смыслов в предложении – обязательно, поэтому говорящий, как автор речи, вынужден подчиняться этому закону. Ведь *язык подчинен* в коммуникации не столько целям обозначения, наименования предметов и явлений реального мира, сколько *целям отражения человеком объективной действительности и его субъективного мира*.

К *обязательным* субъективным (модусным) системам предложения относится *предикативность*. **Предикативность** – это комплекс модально-временных значений, привязывающих содержание предложения к действительности. Это достигается посредством характеристики содержания предложения как *реального* и именующего временну́ю отнесенность или как *ирреального* (желаемого, возможного, требуемого...), существующего лишь в сознании говорящего и поэтому *не имеющего* временно́й определенности: *Уж небо осенью дышало* (А. Пушкин); *Хотелось бы всех поименно назвать* (А. Ахматова).

В глагольных предложениях предикативность выражается категориями наклонения и времени и может конкретизироваться с помощью частиц (*хоть бы, лишь бы, только бы, пусть, пускай* и др.) и интонации: *Пусть тебя, Россия, одолели невзгоды* (А. Апухтин); *Пускай в сторонку удалится критик* (С. Орлов); *в безглагольных* – частицами и интонацией: *Ночь. На темном небе сверкают звезды. Становится холодно. Скоро на небосклоне появится луна* (реальность); *Хоть бы ночь! На темном небе сверкали бы звезды. Пусть становится холодно. Лишь бы на небосклоне появилась луна.*

Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции. И поэтому *субъективный смысл реализуется*: вводными словами (*конечно, вероятно, кажется* и др.); модальными частицами (неуверенность – *вроде*, предположение – *разве что*, недостоверность – *якобы*, удивление – *ну и*, опасение – *чего доброго* и др.); междометиями (*ах! ой-ой-ой! увы* и др.); специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности / неуверенности, иронии и др.; специальными конструкциями (сожаление по поводу чего-либо неосуществившегося: *Нет чтобы подождать*; неподготовленность, внезапность действия: *Она возьми и скажи* и др.); порядком слов (вынесение главного члена в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания: *Станет он тебя слушать! Хорош друг!*).

Предложение богато модальными значениями, и для их систематизации Г.А. Золотова (1973: 140) выделила **три типа модальности**.

Первый тип составляет модальность, существующая в рамках предикативности; такая модальность – обязательный признак любого предложения, она *выражает отношение содержания*

высказывания к действительности – это объективная модальность.

Второй тип модальности *обозначает отношение говорящего к содержанию высказывания – это субъективная модальность* (см. выше): *Отец пришел – должно быть, конечно, едва ли, пусть придет...* Объективная модальность реальности в предложениях остается неизменной, только подается она с помощью средств субъективной модальности в особом, сугубо субъективном ракурсе.

Третий тип модальности, выражаемый в предложении, – это *внутрисинтаксическая модальность*, которая *обозначает отношение субъекта действия к этому действию*: *Я должен буду поехать / хочу / могу*. Такая модальность выражается с помощью разных частей речи с модальным значением, которые выступают в качестве модальных *модификаторов* (лат. modificatio – «установление меры; видоизменение, преобразование чего-либо, характеризующееся появлением новых свойств предикативного признака»). Эта модальность либо устанавливается говорящим в соответствии с его собственным мнением, либо она констатирует внутреннее движение субъекта действия.

Все три модальности могут быть представлены в одном и том же предложении: *Я должен буду, без сомненья, Письмо Татьяны перевесть* (А. Пушкин) – объективная модальность реальности в будущем времени, субъективная – уверенность говорящего и внутрисинтаксическая – обязательность (долженствование) совершения действия.

Б. Диктумная семантика предложения

В любом предложении реализуется соотношение (оппозиция, амбивалентность) фактического содержания (диктум) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модус).

Диктумная семантика предложения представляет собой его вещественное содержание в отвлечении от модуса. Вещественные значения предложений *соотносятся с фрагментами объективной действительности, которые являются событиями, ситуациями, положениями дел*. Объективные ситуации можно сравнить с пьесой, драмой, в которой есть участники (актеры), выполняющие определенные роли (функции) и связанные между собой соответствующими отношениями. Так, ситуация чтения включает две субстанции, связанные между собой действием чтения в субъектно-объектные отношения.

Казалось бы, бесконечное множество многоразличных ситуаций объективной действительности и бесконечное множество от-

ражающих их предложений невозможно систематизировать. Но у языка есть *способность типизировать*, сводить многоразличие к определенному количеству стандартов. Это и *проявляется в вещественной, диктумной семантике предложения*. Например: *Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало*[1], *Короче становился день*[2], *Лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась*[3], *Ложился на поля туман*[4], *Гусей крикливых караван Тянулся к югу*[5]: *приближалась Довольно скучная пора*[6]: *Стоял ноябрь уж у двора*[7] (А. Пушкин) – все эти семь ситуаций объединяются в диктумном (логико-синтаксическом) типе предложения *акциональности*, имеет *общую пропозицию* – семантический инвариант. Рассмотрим **понятийный аппарат диктумной семантики предложения**.

1. Пропозиция (лат. prōpositio – «предпосылка, основное положение, краткое изложение, общий обзор») – отвлеченная модель ситуации, представленная вне связи с модально-временными значениями. В пропозиции *отражаются существенные для описания диктума элементы объективной ситуации*. К таким синтаксически существенным *элементам относятся участники ситуации и отношения*, которые связывают их в рамках ситуации, обеспечивая им те или иные роли. Участники ситуации на уровне пропозиции вслед за Л. Теньером (1988) получили родовое наименование **актанты**, а отношения – **предикаты**.

Значит, *пропозиция имеет предикатно-актантную структуру*, которая находит отражение в диктуме предложения. *Центральным компонентом пропозиции является предикат*: именно он определяет количество актантов и роли между ними. Например, предикаты передачи (*дать, отдать, вернуть, выслать...*) предполагают обязательное наличие трех актантов с распределением между ними ролей: передающий (кто?) – передаваемое (что / кого?) – принимающий (кому?).

В зависимости от конкретной роли **актанты подразделяются на типы**, основными из них являются: **субъект** – тот актант, который совершает действие или от которого исходит отношение; **объект** – тот актант, на который направлено действие или который охвачен действием. Объектов в пропозиции может быть несколько – объект$_1$, объект$_2$, объект$_3$, каждый из которых может быть назван своим именем (прямой объект, адресат, инструмент и др.). В семантическом синтаксисе разработана целая система терминов, обозначающих различные ролевые признаки актантов. Значит, в основе диктумной семантики предложений с названными выше предикатами передачи лежит пропозиция из четырех компонентов: субъект – предикат – прямой объект – адресат.

2. Предикат является ядром пропозиции. Он определяет количество мест для актантов и их роли, поэтому предикат определяет каркас (структуру) будущего предложения. **По количеству актантов** предикаты могут быть **нуль-местными** (они не предполагают при себе каких-либо актантов: *Смеркается*; *Знобит*; *Холодно*; *Темнеет*; *Светает*); **одноместными** (предполагают место субъекта: *Мне грустно*; *Все молчали*); **двухместными** (*Мне жаль тебя*; *Я слышу тебя*; *Лагерь расположился у реки*); **трехместными** (*Брат подарил сестре куклу*; *Я взял книгу в библиотеке*) и т.д.

По ролевым признакам актантов предикаты подразделяются на

– субъектные (*Дети играют*; *Старику не спится*);

– субъектно-объектные (*Я люблю эту песню*; *Студент читает статью*);

– субъектно-локативные (*Лагерь расположился у реки*);

– субъектно-инструментальные (*Он копает землю лопатой*) и т.д.

По своему **значению** выделяются предикаты:

– действия – деятельности, движения, речи, мысли...;

– состояния – чувства, бытийности...;

– отношения – равенства, подобия, отличия, эмоционального отношения и т.д.

В семантическом синтаксисе разрабатывается разноаспектная классификация предикатов. *Типовым способом представления предиката* в структуре предложения *является сказуемое двусоставного предложения или главный член односоставного предложения глагольного типа*: *Настанет год, России черный год, Когда царей корона упадет* (М. Лермонтов); *Нас не так на земле качало, Нас мотало кругом во мгле* (Б. Корнилов). *В односоставных предложениях именного строя* предикат не находит самостоятельного материального выражения, его идея выражается *синкретично с именным главным членом*: *Эти бедные селенья, Эта скудная природа...* (Ф. Тютчев) – предикат со значением статической бытийности. Идея предиката движения содержится в предложениях типа *Татьяна – в лес* (А. Пушкин).

3. Субъект – это центральный актант; если предикат имеет единственный актант, то этот актант – субъект. Семантический субъект может быть по-разному представлен *в синтаксической структуре предложения*:

– подлежащим – это типичный для субъекта способ представления: *Я теперь скупее стал в желаньях* (С. Есенин); *Язык есть исповедь народа* (П. Вяземский);

– присловным дополнением: *Его зарыли в шар зёмной* (С. Орлов); *Снегом замело дорогу*;

– детерминантом-дополнением: *Старику нездоровится*; *У меня нет времени*;

– синкретично с обстоятельственным детерминантом: *В доме холодно*;

– личными окончаниями глаголов в односоставных личных предложениях: *В костре сырые ветки ворошу* (Ю. Друнина); *Не подходите к ней с вопросами* (А. Блок); *Под жениха запрягают пару, под невесту – одиночку* (И. Бунин); *Счастливые часов не наблюдают* (А. Грибоедов); *Что имеем – не храним, потерявши – плачем* (пословица).

Субъекты пропозиций классифицируются по разным основаниям:

– **по отношению к предикату** выделяются субъекты действия, субъекты состояния, субъекты отношения...

– **по типу собственного значения** разграничиваются субъекты: определенные (*Я уезжаю; Ребенок плачет; Чувствуйте себя свободно*); неопределенные (*Кто-то поет; Неизвестно кто разносит слухи; На площади появились какие-то люди; Какими глазами смотришь, такими смотрят и на тебя; Некто высокий ввалился в кабинет*); обобщенные (*Каждый должен подчиняться законам; Все люди хотят мира; Обычаю следуют – примеру подражают; Волка шапками не закидаешь*).

В субъектных предложениях предикатно-сказуемостный компонент обозначает предикативный признак, который не может существовать без субъекта. Это наиболее распространенный тип предложений.

Бессубъектными являются предложения, в которых предикатно-сказуемостный компонент обозначает предикативный признак, не имеющий субъекта, – это *безличные* предложения, обозначающие состояние природы, действие стихийной силы: *Смеркается; Знобит; Кругом затопило*.

4. Объект в синтаксической структуре предложения *может быть представлен*: присловными дополнениями (*Кто про свои дела кричит всем без умолку, В том, верно, мало толку* (И. Крылов) или детерминантными (*Для меня ты не существуешь*), а также подлежащими в пассивных конструкциях (*Дом построен плотниками*).

Как ясно из изложенного, в своих первичных функциях синтаксические единицы (члены предложения) отображают реальные функции элементов ситуации: подлежащее указывает на активный субъект или на носителя состояния, косвенное дополнение –

на адресат, прямое – на объект действия и т.п. Однако в силу языковой **асимметрии** подобный параллелизм может нарушаться: один и тот же член предложения может указывать на различные функции элементов ситуации, а один и тот же элемент ситуации может выражаться разными членами предложения. В связи с этим в семантическом синтаксисе различаются синтаксические актанты (члены предложения) и семантические актанты (типовые функции элементов ситуации). Поэтому высказывание рассматривается **на двух уровнях**: **синтаксическом**, который интерпретируется как поверхностная структура, и **семантическом**, понимаемом как глубинная структура высказывания. Традиционные названия членов предложения закрепляются за поверхностной структурой, а элементы ситуации обозначаются: агенс, пациенс, адресат, инструмент, сарконстанты и т.д.

Семантический субъект обычно выражается подлежащим, но для русского языка характерно и использование косвенного способа выражения подлежащего: *Нам это хорошо известно – Мы это хорошо знаем*; *У него нет времени – Он не имеет времени*; *Между нами вражда – Мы враждуем*. С другой стороны, последовательно различается в синтаксических формах реальный агенс и орудие действия, лишенное инициативы: *Охотник убил козу – Молнией убило козу*.

В свою очередь, один и тот же член предложения может репрезентировать различные семантические актанты и элементы ситуации. Так, синтаксическое подлежащее может указывать на активного деятеля (*Он пишет письмо*) или на воспринимающее лицо (*Он услышал крик*) – это его первичные функции. Но также оно может указывать на *объект* действия (*Это письмо написано Васей*), адресат (*Мария получила письмо от Ивана*), локализатор (*Колонна увенчана скульптурой – На колонне стоит скульптура*), причину (*Дождь задерживает начало матча*) и т.д.

III. СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОПОЗИЦИИ

На синтаксическом уровне пропозиция может быть представлена двумя способами: **предикативной** конструкцией и **непредикативной** конструкцией.

Предикативная конструкция (предложение) – это первичный способ представления пропозиции. Становясь предложением, пропозиция приобретает субъективные смыслы, прежде всего предикативность. Именно в предложении устанавливается **симметрия** между диктумной и модусной семантикой. При оформлении пропозиции предложением (предикативной конструкцией)

говорящий в зависимости от своих конкретных целей и задач может избрать ту или иную *структурную схему* предложения, осуществить то или иное *лексическое наполнение*: *Он болеет – Он болен – Ему нездоровится*; *Он волнуется – Он взволнован – Он в волнении*; *В зале шум – В зале шумят – В зале шумно – Зал шумит*; *За дверью кто-то ойкнул – За дверью ойкнуло – За дверью ойкнули* – между такими предложениями устанавливаются *отношения синтаксической синонимии*.

Пропозиция может быть оформлена и **непредикативными конструкциями**: субстантивными, адъективными, инфинитивными, деепричастными и причастными оборотами. Это вторичные способы выражения пропозиции, здесь пропозиция не приобретает модально-временные характеристики, т. е. предикативность. Например: *Пуганая ворона и куста боится – Если ворона пуганая, то она и куста боится*.

В простом предложении передается объем информации, изосемическим (равным, одинаковым) способом репрезентации которой является сложное предложение. Такие непредикативные пропозитивные конструкции используются для введения в их состав предикативной конструкции для «сжатия», компрессии информации. В результате такого соединения пропозиций создается **полипропозитивное монопредикативное** предложение: *Сказанное слово – серебро, а несказанное – золото* – результат компрессии сложного предложения со значением обусловленности: *Когда слово сказано – оно серебро...*

Пропозиция, оформленная предикативной конструкцией, называется **ведущей**, **вершинной**, другая – **зависимой** (зависимых пропозиций может быть несколько). Полипропозитивное предложение представляет **асимметричную** структуру, глубинная модель которой отличается от поверхностной: оно, имея формальные признаки простого предложения, в семантическом плане является сложным. В таком предложении зависимые пропозиции несут скрытую, имплицитную (от лат. implicāre – «сплетать, переплетать; подразумеваемый, неявный») предикацию и готовность преобразоваться в предложенческую конструкцию. Довольно широко асимметричные структуры представлены в пословицах, афоризмах: *Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет* (Ф. Достоевский); *Неверующий человек всегда создает себе кумиров* (Ф. Искандер); *Ржавое железо не блестит*; *Женские слезы не вода, а невода*; *Выношенная шуба не греет*. Это сентенции (лат. sententia – «мнение, изречение») нравоучительного характера. Не удивительно, что языковое сознание избирает для воплощения сентенции именно асимметричные структуры –

лаконичные по форме и емкие по содержанию. Данные конструкции являются когнитивно-сложными (от лат. cognoscere – «понимать, сознавать; связанный с сознанием, мышлением»). Е.С. Кубрякова (1998: 48) считает, что когнитивно-сложные структуры допускают додумывание и восстановление скрытых значений. Додумывание указанных асимметричных структур приводит к разверткам, которые выявляют их имплицитный смысловой потенциал, а именно: отношения обусловленности между двумя свойствами одного субъекта: *Если душа низкая, то, выйдя из-под гнета, сама гнетет*.

Приведем несколько простых *монопредикативных полипропозитивных* предложений: *Тополи, покрытые росой, наполняли воздух нежным ароматом* (А. Чехов) – две пропозиции, зависимая пропозиция представлена адъективным оборотом; ведущая и зависимая пропозиции имеют общий субъектный компонент *тополи* (*Тополи наполняли... Тополи покрыты... Тополи, которые покрыты росой, наполняли воздух нежным ароматом*); *Идя рядом с ним, она с любопытством смотрела на него* (М. Горький) – две пропозиции, зависимая представлена деепричастным оборотом; субъектный компонент является общим для ведущей и зависимой – *она* (*Она шла, Она смотрела... Когда она шла в ним, то смотрела...*); *Царские глаза далеко видят* (пословица) – зависимая пропозиция выражена субстантивным словосочетанием *царские глаза*; она связана с ведущей за счет координации с *видят*: *Если глаза царские, то они далеко видят*; *Я предложил другу поехать со мной в деревню* – зависимая пропозиция, представленная инфинитивной конструкцией *поехать со мной в деревню*, связана с ведущей через компонент *другу*, обозначающий адресатный объект ведущей пропозиции и субъект – зависимой: *Я предложил другу, чтобы он поехал со мной в деревню*.

Ср.: *Утопающий хватается за соломинку*; *Разве истинная любовь проявляется в словах? Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет*.

Компонент, через который осуществляется связь пропозиций в составе полипропозитивного предложения, называется **пропозитивным швом**. Благодаря пропозитивному шву несколько пропозиций могут соединяться в одно простое полипропозитивное предложение.

Анализ синтаксической семантики простого предложения способствует пониманию и коннотативного (лат. connotatio < connoto – «имею дополнительное значение; эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска; дополнение к предметно-понятийному содержанию языковой единицы») потенциала тек-

ста, позволяющего читателю на основе имеющихся пропозиций обнаруживать дополнительные, неявные, смыслы. Приведем два примера:

1. Английский бизнесмен получает письмо от коллеги. Письмо гласило: «Дорогой сэр, поскольку моя секретарша – дама, я не могу продиктовать ей то, что я о вас думаю. Более того, поскольку я джентльмен, я не имею права даже думать о вас так. Но так как вы ни то, ни другое, я надеюсь, вы поймете меня правильно».

2. Французский писатель А. де Сент-Экзюпери писал своей возлюбленной: «Я читаю твои письма как заговорщик. Я ищу в них и выражение лица, и интонацию, и улыбку. И прихожу в отчаяние, что не знаю, как произнести: «Погода стоит хорошая!» Это может значить много! «Идет дождь» – тоже. Это может означать: «Как весело! Идет дождь, а мне нипочем». Или: «Боже мой, как вы мне надоели». Или еще: «Сама не знаю, зачем вам пишу. Мне нечего вам сказать. Идет дождь».

В первом тексте имплицитно присутствует дополнительное (коннотативное) эмоционально-экспрессивное оценочное значение; во втором – текст письма позволяет выявить субъективные смыслы (модусные) в предложении *Идет дождь* – от прямого (диктумного) до богатой палитры субъективного отношения с целью выявления интенции (лат. intendere – «затевать, замышлять; намерение, замысел») писавшего. В данных текстах поверхностная структура высказывания указывает на его языковое содержание, а глубинная (семантическое значение) – на распознавание коммуникативного намерения адресанта адресатом, его реакцию на речевой акт.

IV. Типы предложений по семантике предикативного компонента пропозиции

Классификация простых предложений в рамках их объективной (диктумной) семантики осуществляется прежде всего *при учете типовой семантики предикатно-сказуемостного компонента*. Семантика этого компонента создает типовое значение всего предложения в целом. И поэтому *в основу этой классификации положен тип суждения*, с которым соотносится предложение (Белошапкова 1989: 485). Такая **классификация** называется **логико-синтаксической**. Логико-синтаксические типы различаются в зависимости от того, как в предложении развивается и формируется пропозитивное содержание. Так, в одном случае пропозиция может иметь в качестве исходного пункта обозначение конкретного предмета действительности: *Этот дом* и развивается в сторону характеризации этого предмета – *Этот дом построен в 19 веке (является памятником архитектуры), (очень красивый), (расположен на главной улице города)* и т.д.

Количество семантических типов простого предложения, которые выделяются при учете типового значения предиката-сказуемого, в разных классификациях различно. Оно определяется степенью абстрагирования от лексических значений этого компонента. К основным логико-синтаксическим типам семантики простого предложения вслед за Н.Д. Арутюновой (1976) можно отнести следующие: бытийные, характеризации, именования (номинации), акциональности и некоторые другие.

В *бытийных предложениях* предикат связан с группой глаголов бытия, выполняющих роль сказуемого в двусоставных предложениях: *Была пятница*; *У него есть дети*; *Существует другое доказательство этой теоремы*; *Вокруг царственно стояла ночь*; *Имеются иные соображения по этому вопросу*; *В саду клубника* и др.

Для выражения бытийности употребляются глаголы других лексико-семантических групп (*идти, стоять, лежать, дуть* и др.), которые частично десемантизируются: *На фронте шли бои*; *В стране идут выборы*; *В природе сейчас совершаются необратимые изменения*; *Дул ледяной ветер. Мороз. Ледяной ветер*.

Бытийность может выражаться и односоставными предложениями: *Уж вечер. Жидкой позолотой Закат обрызгал серые поля* (С. Есенин); *Зима. Пахнул в лицо мне воздух чистый* (А. Апухтин).

Семантика бытийности дополняет и уточняет значение предиката утверждением / отрицанием предметов, явлений и т.д. в действительности: *До Пушкина у нас были писатели и поэты, но литературы не было* (В. Брюсов); бытийный глагол может опускаться: *Дом стоял одиноко, рядом с маяком. Впереди – море с китовыми спинами скалистых островов. Справа – море и угрюмо – зеленый берег на горизонте* (Л. Жуховицкий).

Бытийные предложения, наряду с предложениями характеризации, принадлежат к числу самых активных и ярких логико-синтаксических типов.

В *предложениях характеризации* предмету, лицу, явлению приписывается сущностный отличительный признак: *Молчание – золото*; *Сердце – не камень*; *Ловкая штучка умишко человеческий* (М. Горький); *Ночью город – опрокинутое небо* (М. Цветаева); *Самый верный признак истины – это простота и ясность* (Л. Толстой); *Был он белокур, очень высок ростом* (И. Бунин);

О ты, последняя любовь! Ты блаженство, и безнадежность (Ф. Тютчев).

Семантика номинации, как и бытийности, присуща всем предложениям, так как в них дается наименование отдельных лиц, предметов или ситуаций: – *Вот школа, вон и учитель сам сидит, – прибавил он* (И. Гончаров); *Ее сестра звалась Татьяна* (А. Пушкин).

В личностных именующих предложениях содержится номинация конкретного лица, указывается его имя, фамилия и отчество: *Я Лиза, – вдруг сказала она* (Т. Устинова); *Его фамилия – Рютти* (С. Довлатов). В наиболее чистом виде значение номинации имеет место в двусоставных предложениях, являющихся ответом на вопросы *Кто это?* и *Что это?*: *Что это? – спросил я. – Гуд-Гора* (М. Лермонтов); – *Кто бы это? – Должно быть, Петруша* (И. Тургенев). – *Эта скала называется Лягушка, – торопливо знакомит хозяйский сын Володя. – А это – грот, – поясняет Володя* (М. Цветаева).

Специфической особенностью предложений с семантикой номинации является соотнесенность содержания предложения с конкретной ситуацией, что является их существенным свойством с точки зрения теории референции (лат. referre – «сообщать; отношение к тому, что оно называет – к денотату»).

В наиболее чистом виде *семантика акциональности* представлена в предложениях с актуализированным действием конкретно-личного и конкретно-предметного деятеля: *Неугомонною толпою народ по улице спешит* (А. Апухтин); *Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел...* (Н. Некрасов).

При глаголах-сказуемых, обозначающих действие, свойственное одушевленным деятелям, часто имеет место олицетворение: *Незримо по лесам поет и бродит Осень* (И. Бунин); *Молчит и млеет лес высокий, зеленый темный лес молчит* (И. Тургенев).

Семантика акциональности может совмещаться с семантикой бытийности в односоставных бытийных предложениях, если их главный член выражен отглагольным существительным: *Хруст яблок. Обернулись – лошадь стоит. Чуть позвякивает уздечка. И сочно хрустят недозревшие яблоки* (В. Песков). В номинативном предложении синтезируются значения бытийности и акциональности (свернутая предикация), но актуализировано значение бытийности; в последнем предложении представлен логико-синтаксический тип – акциональность.

Значения логико-синтаксических типов предложения тесно связаны друг с другом. Так, значение бытия и номинации присущи всем предложениям, только в одних высказываниях они представлены в «чистом» виде, неосложненном, в других – сопровождают основные значения в качестве фоновых. Нередко совмещаются значения акциональности и характеризации.

Цитируемая литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М., 1976.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М., 1972.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка. – Пермь, 1998.

Одоевский В.Ф. Избранное. – М., 1975.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. – М., 1974.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.

Лекция 18

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> В процессе речевого общения говорящий может ставить перед собой различные цели: он или сообщает о чем-либо, или хочет получить ответ на вопрос, узнать о чем-либо неизвестном, неясном, или, наконец, высказать свою волю (просьбу, приказ и т.п.).
>
> *Грамматика русского языка (1954)*

> Отрицание и утверждение – явления взаимосвязанные. По смыслу всякое отрицание есть утверждение противоположного.
>
> *Русская грамматика (1980)*

I. Типы предложений по характеру выражаемого отношения к действительности.

II. Функциональные типы простого предложения.

III. Восклицательные предложения.

Как было отмечено в первой лекции, типология простого предложения строится на учете разных принципов, которые условно можно обобщить в три типа в соответствии с тремя аспектами изучения простого предложения:

1) *структурный* принцип – это формальный аспект, грамматическое членение, структурные формулы;

2) *семантический* принцип – это система информативных признаков разной степени абстрактности;

3) *коммуникативно-функциональный* принцип учитывает коммуникативную целеустановку (или целенаправленность) предложений.

Следует отметить, что ни один из этих принципов не может быть использован в чистом виде. Каждый из них является исходным только при выделении типов предложений, но при их внутренней характеристике невозможно не учитывать признаки, отраженные в смежных принципах.

В предыдущих лекциях была представлена структурно-семантическая «картина» простого предложения. Дальнейшее

изложение предполагает его функциональную и коммуникативно-динамическую характеристику.

I. Типы предложений по характеру выражаемого отношения к действительности

В предложении выражается определенная связь между предметом мысли и теми сведениями, которые о нем сообщаются, дается та или иная характеристика предмета мысли. При этом может сообщаться, что предмет мысли является производителем действия, носителем признака, качества, свойства и т.п.: *Покончив расчеты, Александра Михайловна спрятала деньги* (В. Вересаев); *Вообще, все довольны, все рады весне и теплу* (М. Салтыков-Щедрин), – или может указываться, что предмет мысли не производит какого-либо действия, не является носителем названного свойства, признака и т.п.: *Да он властей не признает!* (А. Грибоедов); *Я не француз Дефорж, я – Дубровский* (А. Пушкин).

Если связь между предметом мысли (речи) и тем, что о нем говорится, осознается как реально существующая, предложение называется *утвердительным*: *Я стоял на вершине холма; передо мною то золотым, то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь* (И. Тургенев) – здесь устанавливается связь между предметами мысли (*я, рожь*) и процессуальными признаками (*стоял, раскинулась, пестрела*): предмет мысли и признаки «сцеплены». Эта связь осознается как реальная, следовательно, данное предложение утвердительное.

Если связь между предметом мысли и сообщаемым о нем признаком отрицается, устанавливается отсутствие такой связи, «сцепления», то предложение называют *отрицательным*: *Метель не утихла, небо не прояснилось* (А. Пушкин); *Не все разлуку побеждают* (К. Симонов) – здесь между предметом мысли (*метель, небо*) и процессуальным признаком (*утихла, прояснилось*) связь полностью отсутствует, а во втором предложении связь отсутствует частично (*не все*).

Отрицание в предложении выражается *грамматически* частицами *не, ни* и отрицательным словом *нет*, утверждение – их отсутствием: *Ни луны, ни собачьего лая Вдалеке, в стороне, в пустыре. Подержись, моя жизнь удалая. Я еще не навек постарел* (С. Есенин); *И будто нет конца для этих дней с снегами чистыми и тенью голубой... И не пугает, не гнетет меня и сердце не сжимает темной жутью и невозвратность прожитого дня, и стертые следы на перепутье* (А. Яшин); *Мне счастье песню мирную поет* (Он же). Это самые распространенные, нейтраль-

ные в стилистическом отношении средства выражения отрицания и утверждения.

И утверждение и отрицание требуют, чтобы предварительно были заданы (имелись) альтернативы (лат. alter – «одно из двух; выбор между взаимоисключающими возможностями») того, что подлежит описанию. Повествовательное предложение снимает (отрицает) одни (или одну) из альтернатив и утверждает другие (или другую). Это касается как утвердительных, так и отрицательных предложений. Всякое утверждение (одной из альтернатив) есть в некотором смысле отрицание (других альтернатив) и наоборот: «Положительное, взятое для себя, лишено смысла, оно непременно соотнесено с отрицательным. Точно так же обстоит дело с отрицательным... Обыкновенно думают, что в различии между положительным и отрицательным мы имеем абсолютное различие. Они оба, однако, в себе одно и то же, и можно было бы поэтому назвать положительное также и отрицательным и, наоборот, отрицательное – положительным» (Гегель 1974: 263, 278).

Сказанное не следует понимать как отрицание того очевидного факта, что существует формальная, семантическая и коммуникативная асимметрия между утвердительными и отрицательными предложениями. Если можно так выразиться, отрицание в некоторых отношениях в большей степени предполагает утверждение, чем наоборот. Прежде всего, отрицательное предложение *формально* производно от утвердительного, что значит, что оно *более сложно* формально: «Всякое отрицание происходит из утверждения. Отрицание выражается точно так же, как и утверждение, с одной лишь разницей: в отрицательном предложении имеется *маркер отрицания*» (Теньер 1988: 231).

Отрицательное предложение производно от утвердительного и *семантически*: оно утверждает (обозначает) некоторую альтернативу (альтернативы) не непосредственно (как утвердительные), а косвенно, «отбрасывая» ту альтернативу, которая обозначается соответствующим утвердительным предложением. Отсюда бо́льшая *неопределенность* отрицательных предложений: утвердительное предложение сужает поле альтернатив до одной, «отбрасывая» все остальные; отрицание уменьшает неопределенность всего лишь на одну альтернативу, сохраняя все остальные в качестве возможных: *Это зеленое* и *Это не красное*. Таким образом, в оппозиции утверждение / отрицание маркированным является отрицание.

Кроме указанных средств выражения отрицания и утверждения существуют и другие способы оформления этих категорий. Так, усиленное *утверждение* может сопровождаться частицей *да*,

стоящей обычно в начале предложения и иногда повторяемой: *Лаура: – Да, мне удавалось Сегодня каждое движенье, слово* (А. Пушкин). Как средство усиленного утверждения используется также частица *ни*, присоединяемая к относительным местоимениям и наречиям, служащим для связи придаточной части с главной: *Как нас ни угнетай разлука, не покоряемся мы ей* (Ф. Тютчев); *Что ни толкуй Вольтер или Декарт, – Мир для меня – колода карт* (А. Пушкин). К экспрессивным средствам выражения утверждения относится *двойное отрицание*, подчеркивающее неизбежность, обязательность совершения действия, выражаемого в предложении: *Он не мог не скучать в деревне* (И. Тургенев); *Не имею права не сдержать данного слова* (Он же).

Гораздо богаче в русском языке средства выражения *отрицания*. Значение отрицательного предложения во многом зависит *от места*, которое отрицание занимает в предложении. Если *не* стоит перед сказуемым, то предложение полностью отрицательно, т. е. связь между понятиями в действительности не имеет места – это *общеотрицательные* предложения: *Я не ищу гармонии в природе* (Н. Заболоцкий).

При постановке *не* перед любым другим членом предложение получает частично отрицательное значение – это *частноотрицательные* предложения: *Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи...* (Н. Некрасов); *Тают птицы в синеве осенней. В путь не ближний провожать их выйдем... И летят не только днем, а ночью, видел кто-то не во сне, воочью* (А. Барто) – смысл этих предложений утвердительный, отрицается же соответственно семантика главных или второстепенных членов предложения. Ср.: *Не из всякой тучи дождь идет* (пословица).

Таким образом, «только отрицание, стоящее при сказуемом, делает все высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла высказывания» (Пешковский 1956: 387).

Для передачи отрицания используются разнообразные лексико-грамматические средства, которые вносят в значение предложения экспрессивно-стилистические оттенки.

Усилительный отрицательный оттенок вносит частица *ни*: *Ни страны, ни погоста Не хочу выбирать...* (И. Бродский); *Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей* (М. Лермонтов); *Ни один лист в саду на дереве не шевелится* (Н. Гоголь). При повторении частица *ни* выполняет функцию союза, усиливающего отрицание: *Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее* (А. Пушкин). Функцию усиленного отрицания выполняет *ни* в генитивных

предложениях: *Ни с места!*; *Ни слова, о друг мой, ни вздоха!* (М. Лермонтов).

Отрицательное слово *нет* является главным членом безличного отрицательного предложения: *Литература у нас существует, но критики еще нет* (А. Пушкин) либо усиливает отрицание: *Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем* (Он же).

В двусоставных предложениях при подлежащем, выраженном отрицательным местоимением, сказуемое также должно быть отрицательным: *Никто не приходил; Ничто не мешает.*

Для выражения отрицания используются наречия *нельзя, невозможно, немыслимо,* которые в сочетании с инфинитивом образуют отрицательное предложение с модальным значением *невозможности* осуществления чего-либо, запрещения: *Здесь нельзя курить; Там невозможно разговаривать; Немыслимо забыть эту встречу.*

Эмоциональный характер носит отрицание, выражаемое посредством повторения слов (реплики) собеседника, с которыми говорящий не соглашается и которые произносятся с иронической интонацией: – *Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли? – Да-с, мужчина! – Мужчина! Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость!* (А. Чехов). Этой же цели (усиленное отрицание) служат обороты разговорной речи типа *Так я и поеду,* произносимые с особой интонацией.

Отрицательное значение могут придавать предложению наречные и местоименные слова: *Куда уж мне тягаться с вами? Вправду, какой вы охотник?* – большую роль в выражении отрицания играет интонация, передающая отказ, несогласие, возмущение, иронию и т.д., а также порядок расположения слов и частиц. Например: *Так я и пошел с тобой!* С другой стороны, при наличии тех же средств отрицательные предложения могут выражать экспрессивное утверждение: *Как не пойти на такую встречу! Чем не жених этот парень для тебя!*

Некоторые предложения с отрицанием по форме отрицательны, а по содержанию выражают усиленное утверждение. В этих случаях обычно используются местоимения с отрицанием *не: Кто только не приходит на заводы Ситроена!* (И. Эренбург). На фоне нейтрально выраженного утверждения (Ср.: *Все приходят...*) такие предложения выделяются яркой эмоциональной окраской.

Как особый стилистический прием используется частичное отрицание (отрицательно-утвердительное предложение): *Не упорством достиг он своего, не хитростью, не гением – азартом* (И. Эренбург).

II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В простом предложении, как в инкубаторе, формируются законченные мысли: «наиболее существенной чертой предложения является его способность формировать и выражать мысль» (Грамматика-54: 12). В соответствии с целями, которые в процессе общения ставит перед собой говорящий, различают *мысль-сообщение, мысль-вопрос* и *мысль-побуждение.*

Целеустановка (целенаправленность) предложений независимо от того, являются ли они простыми или сложными, может быть связана с двумя *факторами*: фактором *информации* и фактором *эмоциональности.*

Коммуникативная целеустановка предложений, связанная с фактором информации, проявляется в двух вариантах: *сообщение* информации и ее *поиск.*

Сообщение информации осуществляется тремя коммуникативно-функциональными типами предложений:

– *повествовательными* – сообщение информации в рамках реальной или предположительной модальности: *Я – поэт* (В. Маяковский);

– *побудительными* – сообщение информации о волеизъявлении в рамках модальности побуждения: *Не гневайся, душа моя* (А. Пушкин);

– *оптативными* (лат. optātīvus – «желательный») – сообщение информации о желаниях говорящего в рамках желательной модальности: *Вот если бы такие все люди были* (А. Макаренко).

Поиск (запрос) информации осуществляется с помощью *вопросительных* предложений: *Где вы, утренние зори, годы детства моего?* (С. Щипачев).

Целеустановка предложений, связанная с фактором *эмоциональности,* проявляется также в двух вариантах: говорящий выражает или не выражает в предложении с помощью интонационных и иных средств свои *эмоции* в связи с сообщаемым. По этой целеустановке все предложения независимо от степени их сложности делятся на *восклицательные* и *невосклицательные.*

Повествовательные предложения. Эти предложения заключают в себе сообщение о каком-либо факте, явлении, событии в плане *реальной* модальности: *Черный вечер. Белый снег. На ногах не стоит человек* (А. Блок); *В нашей деревне огни не погашены* (Н. Рубцов) или *предположительной* модальности: *Конечно, и Олег мог бы так поступить* (А. Солженицын), т. е. они содержат сообщение об окружающей действительности. Это наиболее частотный тип предложений.

Структура повествовательного предложения зависит от его

содержания: предложения, сообщающие о процессах, имеют глагольное сказуемое, а предложения, выражающие понятие о предмете или характеризующие его свойства, – именное: *Омытый дождями месяц светлой прорезью покоился на западной окраине неба* (М. Шолохов); *Берлинские сумерки дымны и мглисты* (А. Сурков).

Повествовательные предложения в рассказе «Ермолай и мельничиха» передают картину заката и «заражают» читателя тем чувством, которое владеет И.С. Тургеневым:

«Солнце село, но в лесу еще светло, воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда... вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от низших, почти еще голых веток к неподвижным засыхающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели, румяное небо синеет. Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает...»

Формальным показателем повествовательных предложений является интонация сообщения (констатации); она характеризуется средним регистром и средним темпом речи; тон голоса повышается на логически выделяемом слове и спокойно понижается в конце предложения, что свидетельствует об относительной законченности мысли. Повествовательные предложения имеют следующую интонационную схему: возникнув на обычной для говорящего высоте, голос постепенно повышается в первой части, затем плавно понижается и заканчивается начальной высотой:

освещала
луна лесной
ветви заколдованный
сквозь мир
(М. Светлов).

В зависимости от места логического ударения может меняться смысл предложения. Если в предложении логически выделяемого слова нет, то самым высоким тоном произносится сказуемое: *Хутор потрясли события* (М. Шолохов). В середине повествовательного предложения делается небольшая пауза, которая обычно разделяет предложение на состав подлежащего и состав сказуемого: *Снопы хлеба станом располагаются в поле* (Н. Гоголь).

Побудительные предложения. Побудительные предложения выражают различные оттенки *волеизъявления*: приказ, категорическое требование, просьбу, предостережение, протест, угрозу,

призыв, приглашение к совместному действию, запрет, разрешение, совет, подбадривание, увещевание, мольбу и т.д.

В зависимости от оттенков волеизъявления данные предложения имеют специфическую императивную (лат. imperativus – повелительный) интонацию побуждения: от высокого тона, большой силы напряженности голоса (при приказе, категорическом требовании, запрете – при этом наивысшее повышение тона характерно для члена предложения, являющегося смысловым центром приказания: *Подойдите поближе! Убирайся вóн отсюда! Не трóгать его!*) до более низкого тона и меньшей степени напряженности (при совете, увещевании, просьбе: *Приходите в гости! Ну не сердитесь же! Давайте сходим к родителям!*).

Значение побуждения основывается на грамматической форме повелительного наклонения: *Перестань плакать!*; *Спой, светик, не стыдись!* (И. Крылов). Это значение могут выражать и другие формы глагола с частицами или без частиц: инфинитив (*Молчать!*); глагол в форме 1 лица мн. ч. со значением совместного действия (*Пойдем домой! Давай начнем читать!*); глагол в форме 3 лица ед. или мн. ч. с частицами *пусть, пускай* и *да* (устар. и книжн., поэт.) (*Пусть он войдет; Да святится имя твое! Да свершится правосудие!*); глагол в форме на *-л* в сочетании с частицей *чтоб, чтобы* (*Чтобы его сегодня же здесь не было! Чтоб учился хорошо!*); сослагательное наклонение в сочетании с интонацией просьбы, совета (*Ты бы прилег!*); будущее простое время в сочетании с интонацией распоряжения (*Завтра расскажешь!*); прошедшее время в сочетании с интонацией приказа (*Поехали!*); будущее время в сочетании с частицами *не* и *ли* и с интонацией предложения (*Не посидите ли со мной в саду?*).

Побуждение может выражаться и без глагольных форм, посредством интонации побуждения, сопровождающей определенную словоформу: *К ноге! Воды! Сюда!* Побудительную функцию выполняют и междометия: *Айда! Цыц! Марш! Вперед! Шабаш!*

Значение пожелания может быть выражено и безглагольными предложениями: *Мне бы здоровья! Дождя бы! Счастья вам, успеха! Огонь! В ружье!*

Основная сфера использования побудительных предложений – прямая речь. Они придают живость и эмоциональность высказыванию, передают непосредственность разговорной речи.

Оптативные предложения. Такие предложения заключают в себе сообщение о пожеланиях говорящего, т. е. сообщение в рамках *желательной* модальности. Их структурное оформление осуществляется при поддержке интонации и соответствующих глагольных форм:

– спрягаемой формой глагола сослагательного наклонения: *Наступило бы скорее лето!*;

– формой инфинитива с частицей *бы: Съездить бы на море отдохнуть!*; иногда в сочетании с опорным словом категории состояния с качественно-оценочным значением: *Хорошо бы иметь домик в деревне!*

Желательное значение могут иметь и инфинитивные предложения без частицы *бы: Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку* (М. Лермонтов).

Формы сослагательного наклонения и инфинитива при выражении желательного значения иногда сочетаются с частицами *если* (омонимичной условному союзу) и *хоть* (омонимичной уступительному союзу): *О, если б навеки так было!* (Н. Гумилев); *Вот если бы такие все люди были!* (А. Макаренко); *Хоть бы он приехал пораньше!*; *Хоть бы не опоздать на поезд!*

Пожелательное значение могут выражать и безглагольные предложения типа: *Дождя бы!*; *Мне бы здоровья!*; *Мне бы Невской воды глоток!* (А. Ахматова).

Такие предложения означают отвлеченную устремленность к какой-то действительности. Эта действительность может мыслиться как неопределенно отнесенная и в будущее, и в настоящее (осуществление возможно), и в прошлое (осуществление невозможно).

Желаемость в сочетании с *осуществимостью* реализуется в частных значениях:

– собственно желание: *Хоть бы дивизион наш скорее был готов* (М. Булгаков);

– нетерпеливое желание: *Хоть бы ночь, скорее ночь* (И. Анненский);

– опасение, отрицание желаемости (не хочу, чтоб это было): *Как бы не подморозило!*

Желаемость *неосуществившегося* обнаруживается в следующих значениях:

– желаемое отсутствует, но оно было необходимо: *Не узнал ничего, пошел сватать. Хоть бы узнал сперва!* (В. Шукшин);

– желаемое не осуществилось, но оно было целесообразно: *Мне бы смерть, а ты бы жил да жил* (Е. Стюарт); *Пусть презирала бы, но пусть бы она жила* (Ф. Достоевский);

– желаемое отсутствует и имеет продолжительный отрицательный результат: *Если бы можно было поменьше думать!* (И. Гончаров); *Если б мертвые, павшие Хоть бы плакать могли!* (А. Твардовский);

– желаемое не осуществилось, но возможно и стимулируется:

Уж хоть бы карточку свою подарили, а мы бы ее в музее повесили (Л. Леонов);

– желаемое не осуществляется, его осуществление имело бы возмещающее значение: *И не учится и не работает. Хоть бы дома помогал* (ладно бы, если бы хоть, пусть бы хоть дома помогал).

Все оптативные предложения употребляются с определенной интонацией в зависимости от способов выражения желательности.

Вопросительные предложения. С помощью вопросительных предложений говорящий выражает свое стремление получить информацию: *Что случилось? Что со мною стало?* (С. Есенин) или удостовериться в чем-либо: *Ведь ты домой идешь?*.

В выражении поиска информации особая роль принадлежит интонации. Ее суть – повышение тона на слове, в котором содержится смысл вопроса: если это слово стоит в конце предложения, то все предложение имеет восходящую интонацию (*Ты идешь в **театр**?*); если в начале предложения – то нисходящая (***В театр** ты идешь?*); если в середине – то восходяще-нисходящая (*Ты в **театр** идешь?*).

При помощи интонации повествовательное предложение, не изменяя его лексического состава и структуры, можно преобразовать в вопросительное. При этом в предложениях без вопросительного слова интонация характеризуется резким повышением тона на логически выделяемом слове: *Он написал повесть.* ***Он** написал повесть? Он **написал** повесть? Он написал **повесть**?* Аналогичный характер (резкое повышение тона) имеет интонация вопросительного предложения при использовании частицы *ли*, присоединяемой постпозитивно к логически выделяемому слову. В этом случае преобразование повествовательного предложения в вопросительное достигается и изменением порядка слов: *Вы изучали латынь.* ***Вы ли** изучали латынь? **Изучали ли** вы латынь? **Латынь ли** вы изучали?* Если сравнить порядок слов в вопросительных и повествовательных предложениях, то первый можно назвать «зеркальным». Ср.: В этот вечер (1) девушка (2) выглядела (3) чудесно (4) – Как (4) выглядела (3) девушка (2) в этот вечер (1)? (Крылова 1986: 124). Предложения с вопросительным местоименным словом характеризуются повышением тона на этом слове: *Ты-то **что** думаешь, Филипп?* (И. Эренбург).

В оформлении вопросительности принимают участие вопросительные частицы *ли, неужели, разве, что, если, а* и др. и вопросительные местоименные слова (местоимения и местоименные наречия) *кто, что, какой, каков, чей, который, сколько, как, куда, откуда, где, когда, почему, зачем, отчего* и т.д.; а также порядок

слов – слово вопроса может открывать предложение. Например: *А где мой товарищ? – промолвил Олег. – Скажите, где конь мой ретивый? Здоров ли? Все так же ль легок его бег?* (А. Пушкин); *За какой чертой остались юности моей следы?* (С. Щипачев); *Сколько вам следует?* (А. Чехов); *Разве будущее принадлежит не электричеству?* (И. Эренбург).

По общей коммуникативной функции весь объем вопросительных предложений подразделяется на два класса: собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные.

1. Собственно-вопросительные предложения выполняют свою изначальную, первичную функцию: заключают вопрос, требующий обязательного ответа, т. е. словесной реакции. Это наиболее употребительный тип предложений. В зависимости от объема запрашиваемой информации собственно-вопросительные предложения подразделяются на *общевопросительные* и *частновопросительные*.

Общевопросительные предложения направлены на получение информации о ситуации в целом и предполагают утвердительный или отрицательный ответ (*Да* или *Нет*): *Любишь апельсины?*; *Дядя! Вы добрый? Скажите, вы добрый? – почти криком кричала она* (М. Салтыков-Щедрин). Вопрос в них оформляется либо с помощью только вопросительной интонации, либо в сочетании с частицами.

К общевопросительным относятся предложения:

– открывающиеся отрицательной частицей *не* двусоставные или односоставные с частицей *ли* после выделяемого логически слова: ***Не** ошибаетесь **ли** вы? **Не** дом **ли** там за лесом?*

– односоставные инфинитивные, с которыми могут сочетаться вопросительные частицы: *Начинать? Начинать, что ли? Послать его в школу? Не послать ли его в школу?*

– конструкции особой структуры, образуемые именем существительным или инфинитивом в сочетании с препозитивной вопросительной частицей *а* (реже *но*); такие предложения имеют характер вводящего вопроса или вопроса – напоминания о том, о чем речь пойдет в дальнейшем: *А наука? Вы забыли о ней?; Что значит скучно? А книги? А друзья? А жить? А любить?*

Частновопросительные предложения (специальный вопрос) заключают вопрос об отдельной стороне какого-либо факта, события, поэтому требуют сообщения в ответе запрашиваемой новой информации. Вопрос в них выражается с помощью местоименных слов: ***Куда** же вы деньги послали?* (М. Салтыков-Щедрин); ***Где** вы были сегодняшнюю ночь?* (А. Писемский); ***Чем** вы, гости, торг ведете? И **куда** теперь плывете?* (А. Пушкин).

Такие предложения имеют несколько структурных разновидностей:

– двусоставные и односоставные с вынесенным в начало вопросительным словом (местоимением, наречием), составляющим неотъемлемую часть структуры предложения: *– Который комендант? – спросил самозванец; – Бог помочь, князь Антип, а сколько твое княжье здоровье сегодня напахало? Где наша роза? Друзья мои! Увяла роза* (А. Пушкин);

– двусоставные и односоставные предложения, открывающиеся вопросительным местоимением, наречием с обстоятельственным или объектным значением: *Зачем, как тульский заседатель, я не лежу в параличе? Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?* (А. Пушкин);

– односоставные инфинитивные предложения, открывающиеся вопросительным местоименным словом: *Что делать? Какой толк спорить?*

– предложения особой структуры, открывающиеся вопросительным словом *как* или *что*, за которым следует существительное (реже наречие) в именительном или косвенном падеже: *Как здоровье? Что дома?*

Все частновопросительные предложения строятся *по определенной схеме*: за вопросительным словом следует остальная часть предложения, причем вопросительное слово – необходимый компонент структуры предложения.

Таким образом, по отношению к высказыванию, характеру информации, заключенной в вопросе, назначение общевопросительных предложений – получить подтверждение факту, содержащемуся в вопросе, или отрицательный ответ; частноотрицательные требуют развернутого ответа на поставленный вопрос, вытекающий из содержания высказывания в целом.

Разнообразные *модально-экспрессивные оттенки* придают вопросительным предложениям *вопросительные частицы*, из которых только частица *ли* обладает собственно вопросительным значением.

Вопросительные частицы *разве, неужели* используются для придания высказыванию оттенка *недоверия, сомнения*, а нередко и для эмоционального утверждения (говорящий ждет положительного ответа) или отрицания (говорящий уверен в отрицательном ответе): *Неужели мое обращение к вам могло оскорбить вас?* (И. Тургенев); *Ужели милые капризы были зародышами лицемерия, хитрости?* (И. Гончаров); *Разве вы можете обойтиться и без публики, и без музыки, и без грома рукоплесканий?* (А. Пушкин).

Частица *что* в начале вопросительного предложения исполь-

зуется как средство, подчеркивающее вопрос, начинающее разговор: *Что, снова веселье? Что, машина еще не пришла?* Частицы *ведь, так*, сочетание *не правда ли* показывают желание говорящего найти подтверждение своей мысли, получить положительный ответ: – *Боже мой! – сказала Марья Гавриловна. – Так это были вы?* (А. Пушкин); *Вы справитесь с заданием, не правда ли?*

Следует остановиться на вопросительных предложениях с частицей *не*.

В плане проявления отношений утверждения / отрицания вопросительные предложения занимают особое место в ряду других функциональных типов предложений. Если повествовательные и побудительные предложения «одинаково четко различают положительную и отрицательную форму», то в вопросительных предложениях это различие «утрачивает свою актуальность и в ряде случаев по существу снимается или приобретает некоторый специфический смысл» (ср.: *Вы заходили ко мне сегодня? – Вы не заходили ко мне сегодня?*) (Распопов 1970: 87).

Равнозначность утвердительной и отрицательной формы неместоименного вопроса обусловлена тем, что отрицательная форма общего вопроса отрицательного значения обычно не выражает. Ср.: *Вы не читали эту книгу? (Может быть, вы читали эту книгу?); Закурить не найдется? (Может быть, найдется?)*. С этой особенностью связано то, что отрицательная частица в общевопросительном предложении утрачивает отрицательное значение, выполняя функцию *предположительной* частицы.

В конкретно-речевых условиях общения отрицательное по форме предложение может использоваться для выражения *негативного предположения*: – *Вы с ним не дрались? – спросил я. – Обстоятельства, верно, вас разлучили?* (А. Пушкин); *Вы вообще не любите цветов?* (М. Булгаков); *Ты опять в школе не был?* (В. Шукшин) – грамматическое оформление предложения находится в соответствии с его содержательной стороной.

Отрицательным по форме вопросительным предложениям, выражающим негативное предположение, противопоставлены по значению утвердительные предложения, выражающие *позитивное предположение*: – *Что, ваше благородие? – сказал он мне. – Струсил ты? Небо с овчинку показалось?* (А. Пушкин).

Отрицательная форма вопроса может использоваться и для выражения «обратного» предположения – осторожного, неуверенного предположения противоположного: *Ты не устал? (Может быть, ты устал?); Простуды не чувствуете?* (М. Булгаков); *Что-то ты похудел. Не болеешь? (Может быть, ты болеешь?)*.

Таким образом, отрицательный вопрос, если его рассматривать как явление речевое и ситуативное, *потенциально* заключает в себе три значения, реализация которых зависит от контекста:

– *Он не пришел?* (Пришел он или нет?) – собственно вопрос, «чистый» вопрос;

– *Он не пришел?* (Может быть, он пришел?) – позитивное предположение;

– *Он не пришел?* (Значит, он не пришел, вероятно...) – негативное предположение.

Носителем позитивного предположения является сочетание частиц *не ... ли: А вглядись-ка хорошенько, не узнаешь ли меня?* (Н. Гоголь); *Не твоя ли шаль с каймою Зеленеет на ветру?* (С. Есенин). Частица *не* в составе этого сочетания не имеет отрицательного значения: «*Не* в составе маркера не ... ли (ль) теряет значение отрицательной частицы, но вносит в семантику рамки важнейшую сему... – сему предположения, сомнения, не отрицая актуализированный член предложения» (Бабайцева 2005: 446).

2. Несобственно-вопросительные предложения не требуют обязательной словесной реакции, т. е. ответа. Такие предложения либо побуждают собеседника к действию (имплицитно заключая побуждение, как в повелительных предложениях), либо заключают в себе некую информацию (как в повествовательных).

Первые из них – это **вопросительно-побудительные** предложения: говорящий намеревается дать понять слушающему, с какой целью к нему обращаются. При этом адресант рассчитывает на то, что слушающий распознает его намерение. Типичным примером такого традиционного речевого акта, в значительной степени обусловленного этикетом, и является использование вопроса с отрицанием в качестве просьбы: *У вас нет...? Не могли бы вы...? Вы не скажете...? Не будете ли вы так любезны...? – Вы не могли бы вызвать к телефону Полину Александровну?* (А. Рыбаков). Употребление отрицания объясняется правилами вежливости, просьбы, в которой говорящий стремится обозначить свою зависимость от адресата: *А ты не можешь ко мне заглянуть? По старой памяти* (В. Каверин) – вежливая просьба: 2-е лицо. Ср.: первое лицо, глагол *мочь* используется для предложения: *Я приехал, чтобы спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь* (В. Каверин).

В вопросах, не содержащих отрицание, компоненты *могу? можно?* в сочетании с инфинитивом или заменяют высказывание, равное действию (*Могу я вас попросить = Я вас прошу...*), или указывают на прямой речевой акт испрашивания разрешения: *Можно водички? Во рту пересохло* (А. Рыбаков). Ср.: *Иногда у*

него возникали и свои собственные предложения. Я вот подумал, почему бы тебе не разрисовать стены школьного зала? (А. Алексин); *Закроешь наконец окно?* (В. Шукшин).

Вторая разновидность несобственно-вопросительных предложений – это **риторические вопросы**. Риторический вопрос – это стилистический прием, представляющий собой использование вопросительного по форме предложения. Такое предложение имеет значение *эмоционально* усиленного утверждения или отрицания, т. е. это положительное или отрицательное суждение, облеченное в форму вопросительного предложения: *Разве весело слышать дурное мнение о себе?* (Н. Гоголь) – не весело...; *Тургенев был и по своему духу коренной русский человек. Разве с безукоризненным совершенством, доступным кроме него, может быть, одному только Пушкину, он не владел гением русского языка?* – он владел...; *Кому охота ссориться с Денисовым?* (Д. Гранин) – никому не хочется ссориться...

Риторический вопрос не предполагает ответа, а его вопросительная структура и специфическая интонация используются для того, чтобы привлечь внимание, сделать более убедительной выражаемую мысль, повысить эмоциональное воздействия на слушателя / читателя.

Такие вопросы характерны для публицистической монологической речи, часто встречаются и в художественной литературе для эмоционального выделения смысловых центров, формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи: *Там гробовая тишина. Там безрассветный мрак... Зачем, проклятая страна, нашел тебя Ермак?* (Н. Некрасов); – *Наконец возьмите вы подполковника Брема. Милый, славный чудак, добрейшая душа – одна прелесть, – и вот он весь ушел в заботы о своем зверинце. Что ему служба, парады, знамя, выговоры, честь? Мелкие ненужные подробности в жизни* (А. Куприн).

Высокая степень экспрессивности риторических вопросов находит отражение в совмещении вопросительного и восклицательного знаков: *И разве можно в таком наряде одной ходить?!* (М. Горький). Отсутствие у них вопросительной функции позволяет снять в письменной речи знак вопроса: *Ах! Софья! Неужели Молчалин избран ей!* (А. Грибоедов).

Близки к риторическим вопросам так называемые встречные вопросы – ответ в форме вопроса: – *Чем вы жить-то будете? – А голова-то, а руки на что?* (А. Островский).

Пока еще не сложился единый подход к таким предложениям, что нашло отражение в употреблении различных терминов: *мнимый вопрос, псевдовопрос, несобственно-вопросительные* пред-

ложения, принадлежащие к зоне *переходности*: по синтаксическому оформлению они сходны с собственно-вопросительными, а по семантике и функционированию тяготеют к повествовательным и побудительным. Они обнаруживают несоответствие между планом выражения и содержания: *А древняя русская литература... Это чудо какое-то. И как же не приобщаться к этому чуду, формирующему национальное самосознание, патриотизм?!* (Д. Лихачев); *А студенческая жизнь, друзья мои, эта вечно кипящая чаша, кого не рассеет и не утолит?* (В. Соллогуб).

Вопросительное предложение может использоваться и как *вводное*, цель которого – привлечь внимание к самой форме выражения: *Что касается его писаний, то... Как тебе сказать? Мило, талантливо, но после Толстого или Золя не захочешь читать Тригорина* (А. Чехов).

В разговорной речи вопросительные предложения используются также в функции вопроса-отрицания: *Куда я денусь с детьми?*; вопроса-предупреждения, вопроса-угрозы: *Ты будешь слушаться?*; вопроса-оценки: *Как же нам убедить его?*.

В речи наблюдаются случаи транспозиции (лат. trānspōnere – «переносить, перемещать; использование одной языковой формы в функции другой»): употребление повествовательного по форме предложения в функции побудительного (*Прошу вас подвинуться немножко*); вопросительного в функции повествовательного (*И какой же русский не любит быстрой езды?* (Н. Гоголь); вопросительного в функции побудительного (*Вы не подвинетесь немножко?*).

III. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обмен мыслями, осуществляемый с помощью языка, представляет собой сложный процесс, в котором *интеллектуальное* постоянно, но в разных конкретных условиях сочетается и взаимодействует с эмоциональным: «В речи мы имеем все время две параллельные задачи: интеллектуальную, т. е. передачу определенного содержания, и эмоциональную» (Смирницкий 1957: 260). Естественно, что это получает определенное отражение в структуре предложения, в котором наряду с познавательной установкой говорящего и тесно переплетаясь с нею, обязательно сказывается и определенная *эмоциональная* установка говорящего (лат. ēmovēre – «волновать, колебать; чувство, душевное переживание»).

Соотношение обеих этих установок (познавательной и эмоциональной) может быть различным. В речевой практике встречается большое количество предложений с доминирующим ин-

теллектуальным содержанием, «нейтральных» по эмоциональной окраске (научный стиль). С другой стороны, достаточно широкое употребление имеют высказывания с усиленным эмоциональным содержанием. Они-то и составляют особый класс *восклицательных* предложений.

В восклицательных предложениях выражается эмоциональное *состояние*, связанное с сообщением, и эмоциональное *отношение* к сообщаемому. Они отличаются особой *экспрессией* (лат. expressio – «выразительность; выражение чувств, переживаний»), поэтому широко употребляются в разговорной речи, в публицистическом и художественно-изобразительном стилях речи с установкой на эмоциональное воздействие. В них выражается положительная или отрицательная оценка, чувства радости, удивления, тревоги, грусти, печали, негодования, отвращения, огорчения и т.д. – до двадцати модусных оценочных смыслов!

В высказывании, адресованном собеседнику, говорящий не только сообщает информацию, но и выражает свое личное, субъективное отношение к ней, в том числе и эмоциональное: *Поистине мир велик и чудесен!* (Н. Заболоцкий) – представлено отношение автора к сообщаемому: и рациональное (*поистине* – истинность, достоверность; ср.: *действительно, правда, в самом деле*), и эмоциональное – восторг, восхищение. «Эмоциональный язык не может быть в полном и резком разрыве с интеллектуальной речью (так же как и наоборот)» (Виноградов 1947: 746).

В предложении эмоциональная семантика может быть представлена эмоциональной окраской – уникальным способом оформления и выражения личной эмоциональной реакции говорящего на собственное высказывание. Информативный смысл и субъективный «взгляд» на него говорящего совмещены в одном предложении – восклицательном. Этот тип предложения занимает определенное место – в статусе эмоционально отмеченного варианта повествовательных, побудительных или вопросительных предложений. Констатация определенного факта действительности, побуждение к действию или запрос о чем-либо сопровождается в них выражением чувств говорящего. При этом изменяется лишь общая тональность высказывания, его модальное значение и целенаправленность остаются без изменения: *Он приехал – Он приехал!; Вы уже уходите? – Как, вы уже уходите?; Будьте смелее – Будьте же смелее!*

Таким образом, эмоциональная окраска может накладываться на любые предложения, которые выделяются при учете фактора сообщения. Существуют следующие разновидности таких предложений:

– **повествовательно-восклицательные**: *О боже, трудно становится жить!* (М. Горький); *А он мне нравится! Смотрика! Он, правда, ревнует! – Кондаков захохотал* (В. Дудинцев); *Да, я был там!* (А. Чаковский); *Люди! Я с вами! Я ваш до кровинки! Нет в этом позы и жалких прикрас!* (В. Боков);

– **побудительно-восклицательные**: *Брось, брось! Ничего не думай!* (В. Дудинцев); *Да скорей, скорей ты! – торопила Хавронья* (В. Шукшин); *Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе! Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе!* (А. Блок); *Присядем, друзья, перед дальней дорогой, пусть легким окажется путь!* (В. Дыховичный и М.Слободской);

– **оптативно-восклицательные**: *Если бы я был здесь в те дни* (В. Маканин); *Уехать бы отсюда подальше* (Ю. Казаков);

– **вопросительно-восклицательные**: *Что же это делается?! Порт-Артур сдан, корабли затоплены!* (С. Сергеев-Ценский).

Предложения данного типа могут рассматриваться в качестве *вариантов* соответствующих функциональных типов невосклицательных предложений.

Восклицательное предложение поразительно многообразно и по содержанию оценочных смыслов, и по набору специализированных средств выражения.

Для оформления восклицательности используются различные грамматические средства, среди которых конструктивным, основным элементом является особая, восклицательная *интонация*, которая дает говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску высказывания, но и все оттенки, все детали личного отношения: «Чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» (Пешковский 1959: 177).

Такая интонация характеризуется высоким, напряженным тоном, определенной тембровой окраской, резким выделением непосредственно связанного с выражением эмоций слова, падением тона и произносительной напряженности, происходящих внезапно и резко: *И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою!* (В. Маяковский).

Ритмомелодические, динамические и, главное – тембровые компоненты интонации подкрепляются, усиливаются разнообразными эмоционально-усилительными частицами, междометиями, а также их комбинациями: *а, какой, как, куда как, о, ну и, как же, ах, да уж, что за, эх, хоть бы* и др. Например, в предложении *О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой!* (М. Цветаева) чувство восхищения, выражаемое интонацией и блоком междометия и частицы *как*, усиливается частицей *же* и подкрепляется обращением-олицетворением.

Роль междометий в выражении эмоциональной окраски высказывания очень существенна. Так, в предложении *Увы! Невеста молодая своей печали неверна!* (А. Пушкин) чувство разочарования, сожаления трудно было бы передать без *увы*, одной только интонацией, разве что могли бы помочь жест и мимика. Ср. еще: *Ах, в самом деле рассвело!* (А. Грибоедов); *Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый!* (А. Островский); *Что за ночь!* (И. Тургенев); *Эх, дороги!.. Пыль да туман!* (Л. Ошанин). Конечно, эмоциональную нагрузку несут и лексические средства: *О, весна без конца и без краю – без конца и без краю мечта!* (А. Блок); *Эх ты, горе-горькое, сладкое житье!* (А. Блок); *Сколько в нем огня и упорства!* (Н. Островский); *Вот удружил!* (Он же).

В арсенале разнообразных средств эмоциональной окраски необходимо выделить – в качестве универсального средства личной эмоциональной реакции говорящего – *как* (*какой*), *гибрид* местоимения и частицы («восклицательные члены в восклицательных предложениях» (Пешковский 1956: 142). В составе восклицательного предложения он реализует такие семантические компоненты, как: указание на эмоциональное состояние говорящего, интенсивность, градация: *Река. Вдали берега. Как пусто! Как ветер воет вдогонку с Ладоги* (В. Маяковский) – ср. невосклицательный повествовательный вариант: *Река. Вдали берега. Пусто. Ветер воет...*; *Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало* (Н. Некрасов). В этих предложениях *как, какой* выступают в качестве эмоционально-экспрессивной доминанты.

Особую группу составляют *собственно-восклицательные* предложения, цель которых – выражение эмоций. Они состоят преимущественно из междометий и других делексикализованных слов: *Ух ты! – удивилась Мария* (В. Шукшин); *Э-эх! – горько подумал Федор Иванович* (В. Дудинцев); *О боже! Вот так так!* (Ю. Казаков); *– Тьфу! – Кондрат выругался* (М. Шолохов). Собственно-восклицательные предложения по существу уже утрачивают соотносительность с невосклицательными, обладают специфическим конструктивным составом и являются нечленимыми предложениями.

В письменной речи графическая форма усиливает эффект отстранения любого психического феномена, в том числе, конечно, и эмоций. Однако графический текст обладает некоторыми только для него характерными ресурсами *эмоционального* выражения – с помощью *знаков препинания*. Разумеется, какая-то часть пунктуационных знаков соотносится с эмфазой (гр. emphasis – «выразительность; усиление эмоциональной выразительности с помощью

интонационных приемов») устного текста. Но знаки препинания и сами по себе явно несут эмоциональную нагрузку. Это в значительной степени относится как к отдельным знакам (многоточию, запятой и тире, скобкам, вопросительному и восклицательному знакам), так и к их общему количеству, частотности, повторяемости, разнообразию / единообразию и т.п.

Эмоциональную роль знаков препинания легко фиксирует обыденное человеческое сознание. Это укладывается в так называемую «наивную картину мира», т. е. имеет вполне объективный характер. Например, Лолла, героиня романа К. Гамсуна «Круг замкнулся» (пер. С. Фридлянд), дает весьма четкую эмоциональную характеристику письма своей знакомой (характеристика осуществляется с помощью непосредственного называния эмоциональных модальностей, и, следовательно, ошибиться в такой эмоциональной оценке невозможно): «Вернувшись домой, она застала письмо от Ольги... Письмо писалось второпях, множество *восклицательных* знаков и *тире*, – не без *тревоги* о муже: он остался совсем один – *жаль* его, и *грустно* об этом думать».

Особую роль знаки препинания играют в обозначении степени количественной интенсивности *эмоциональных проявлений*. Восклицательный знак и многоточие показывают значительное усиление эмоциональной интенсивности: *Мне говорили, ха-ха! О боже, какая бестолковая нелепость! – Он сел на диван, облокотился на стол обоими локтями и схватил голову. – Ведь это даже стыдно!.. А черт ли мне в том, что стыдно, – поднял он почти тотчас же голову. – Господа! Я распечатаю пакет, – провозгласил он с какой-то внезапной решимостью, – я ... я, впрочем, не принуждаю слушать!..* (Ф. Достоевский).

Отсутствие знаков препинания и необходимого графического оформления тоже чрезвычайно выразительно в эмоциональном плане. Например, таким образом выражается *презрение* Аракчеева к князю Андрею Болконскому и его служебным инициативам в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: *На бумаге, поперек ее, карандашом, без заглавных букв, без орфографии, без знаков препинания, было написано: «неосновательно составлено понеже как подражание списано с французского военного устава и от воинского артикула без нужды отступающего»*.

Для рукописного текста эмоционально значимы почерк, манера письма: *Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать...* (А. Пушкин).

Как было отмечено, восклицательные предложения характеризуют эмоционально насыщенную речь, поэтому они широко

используются в поэзии, в публицистике. Как особый стилистический прием они используются при передаче высокой степени приподнятости речи: *Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове «отечество»! Как сладки были слезы свидания!* (А. Пушкин).

Восклицательные предложения характерны для разговорной речи, где некоторая их логическая незавершенность возмещается эмоциональной нагрузкой, ситуацией, жестом. В официально-деловом и научном стилях восклицательные предложения, как правило, не встречаются.

Цитируемая литература

Бабайцева В.В. Рематическая рамка *не ... ли (ль)* как маркер медитативной семантики // Бабайцева В.В. Избранное. 1955– 2005. – М., 2005.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.–Л., 1947.

Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Наука логики. – М., 1974. – Т. I.

Грамматика русского языка: В 2-х т. – М., 1954. – Т. II.

Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. – М., 1986.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Избранные труды. – М., 1959.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. – М., 1970.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.

Лекция 19

КОММУНИКАТИВНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

> Актуальное членение предложения следует противопоставить его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает.
>
> *В. Матезиус*

I. Понятие коммуникативно-динамического аспекта предложения.
II. Актуальное членение предложения.
III. Компоненты актуального членения.
IV. Способы выражения актуального членения.

I. Понятие коммуникативно-динамического аспекта предложения

Структурный и семантический аспекты предложения обобщают такие его признаки, которые являются неизменными, константными. Изучение грамматического членения и структурной схемы, модусной и диктумной семантики основывается на понимании *предложения как статической сущности*; изучаемые признаки выявляются при рассмотрении предложения в статике, в остановленном состоянии.

Реальное же предложение, являясь минимальной единицей связной речи, функционирует не само по себе, а в процессе общения, как часть целого, как компонент текста, – функционирование – это *динамика*, вызывающая различные видоизменения предложения. Поэтому *в связной речи* возникает проблема изучения предложения с точки зрения контекста и речевой ситуации. Приспосабливаясь к целям и задачам общения, предложение изменяет некоторые свои характеристики, в частности *интонацию* (в том числе фразовое ударение), *порядок слов*, для усиления тех или иных частей содержания *включает различного рода частицы*.

В речи одно и то же предложение может приобретать разный смысл. В процессе общения говорящий стремится подчеркнуть тот аспект содержания, который является существенным для данного сообщения. В предложении *Он проснулся от холода* сообщается о том, по какой причине произошло событие (*Отчего он проснулся?*); *Проснулся от холода он* содержит ответ на вопрос *Кто проснулся от холода?; От холода он проснулся* – содержится информация, *что произошло* с ним от холода. Таким образом, предложение с одним и тем же грамматическим составом может служить основой для передачи нескольких сообщений. Значит в процессе коммуникации предложение проявляет себя как сущность динамическая и, следовательно, может изучаться в коммуникативно-динамическом (функциональном) аспекте.

Предложение, функционирующее в качестве единицы сообщения и рассматриваемое в коммуникативно-динамическом аспекте, принято называть **высказыванием**. Раздел синтаксиса, который изучает устройство предложения как высказывания, называют коммуникативным (динамическим) синтаксисом. В предлагаемом изложении понятия «предложение» и «высказывание» не различаются, они используются как синонимы, в некоторых случаях связываются в аппозитивное (лат. appositio – «наложение; приложение, определение в форме существительного») сочетание «предложение-высказывание». С коммуникативно-функциональной точки зрения, предложение-высказывание – это «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-то» (Русская грамматика 1980: 84).

Коммуникативный аспект обобщает динамические *признаки* предложения-высказывания. Наиболее яркий такой признак – *интонация* – «это система звуковых средств, которые функционируют во взаимодействии с синтаксическим строением высказывания и его лексическим составом» (Там же: 89). В письменной речи предложение освобождено от очных интонационных характеристик (если не считать интонационных знаков конца предложения), в устной же, звучащей речи оно всегда сопровождается интонацией, без нее предложение не может функционировать. Она – фундаментальный признак любого предложения, принимает участие в выполнении коммуникативных задач. С помощью интонации выражаются не только общие цели высказывания (сообщение или запрос информации, побуждение или пожелание), но и акцентируются различные эмоциональные оценки (ср.: особый интонационный рисунок произнесения слова *машина* в предложении *Машина у Павла!*) или различные смысловые центры высказывания (***Павел приехал*** *сегодня* и *Павел* ***приехал сегодня***).

В процессе функционирования одно и то же лексико-грамматическое наполнения предложения в соответствии с коммуникативными целями может видоизменяться в рамках **категории предикативности**, представляющей собой, как известно, комплекс модально-временных значений: «Эти видоизменения называются **формами предложения**, а вся система форм предложения, выражающая категорию предикативности в целом – его **парадигмой**» (Белошапкова 1989: 457).

В полном составе форм предложения различают пять разновидностей модального значения, или пять синтаксических наклонений:

1. *Индикатив*, выражающий реальность и имеющий форму настоящего, прошедшего и будущего времени (*Идет снег; За окном вечер; Уже поздно; Прочитаю книгу*).

2. *Сослагательное наклонение*, обозначающее потенциальность, т. е. возможность осуществления того, о чем сообщается в неопределенном плане (*Шел бы снег; Прочитал бы книгу; Был бы за окном вечер*).

3. *Долженствовательное наклонение*, обозначающее обязательность осуществления сообщаемого независимо от воли говорящего (*Будь за окном вечер; Солдат он и будь солдат*).

4. *Желательное (оптатив) наклонение*, выражающее эмоционально окрашенную отвлеченную устремленность к какой-либо деятельности (*Если бы снег! Будь бы за окном вечер*).

5. *Побудительное наклонение*, обозначающее волеизъявление (*Пусть за окном будет вечер*).

Таким образом, **полная парадигма простого предложения включает семь форм** (три формы индикатива и четыре формы ирреальных наклонений).

В процессе коммуникации предложение подвергается смысловому изменению по линии своего вещественного содержания. Смысловое членение осуществляется для того, чтобы *выделить* в предложении *актуальную информацию*. Такая информация составляет суть данной коммуникации и ради сообщения этой информации коммуникация должна состояться. Приспособление предложения к требованиям конкретной речевой ситуации называется *актуализацией*. Деление предложений на части по степени коммуникативной существенности заключенной в нем информации называется *актуальным членением предложения*.

II. Актуальное членение предложения

Во второй половине XIX в. в зарубежном и отечественном языкознании неоднократно высказывалась мысль об особенностях функционирования в речи предложений одного и того же структурного типа. И хотя *факт смыслового членения* предложения *получил первоначально* не лингвистическую, а *психологическую интерпретацию*, но сама идея оказалась исключительно плодотворной для дальнейшей синтаксической разработки.

В отечественном языкознании эту идею поддерживали и развивали Ф.Ф. Фортунатов (1904 г.), А.М. Пешковский (1923 г.); в зарубежном – французский ученый А. Вейль (1844 г.); само же **учение об актуальном членении предложения было создано одним из ведущих представителей пражской лингвистической школы Вилемом Матезиусом** (1939 г.), который ввел в научный оборот этот термин и глубоко разработал учение об актуальном членении предложения (aktuální členení větne), принципиально отличном от его формального членения. Наиболее употребителен в славянском языкознании термин «актуальное членение предложения», хотя существует и ряд других терминологических наименований: «смысловое членение», «коммуникативное членение», «коммуникативно-синтаксическое членение», «функциональная перспектива предложения» и др. Детально, основательно изучено актуальное членение повествовательного предложения.

Понятие актуального членения. Как единица сообщения любое предложение в своем конкретном содержании отвечает определенной коммуникативной задаче. **Коммуникативная задача** – это назначение предложения, *целеустановка*, которой руководствуется *говорящий*, произнося то или иное предложение в процессе речи, то есть реализует вытекающие из контекста (ситуации) определенное коммуникативное задание. Руководствуясь целеустановкой, задачей, он выделяет с помощью различных средств (прежде всего с помощью интонации и порядка слов) *коммуникативно существенные части в содержании предложения*. Например, в предложении *Дети утром выбежали на улицу* говорящий, опираясь на свои представления об осведомленности слушателя и в зависимости от того, на что он хотел обратить внимание, может подчеркивать информационную ценность либо всего предложения в целом, либо отдельных его частей, которые, с его точки зрения, являются коммуникативно значимыми, информационно ценными ввиду неизвестности их содержания слушающему: *Дети выбежали на улицу утром* (когда?); *Дети утром выбежали на улицу* (куда?); *Утром дети на улицу выбежали* (что сделали?); *Утром на улицу выбежали дети* (кто?).

Коммуникативное задание удобнее всего представить в форме вопроса: оно отражает скрытый, *латентный* (лат. latentis – «невидимый; внешне не проявляющийся») *вопросно-ответный ход* речемыслительной деятельности говорящего. При явном вопросно-ответном ходе диалога *в ответной реплике* чаще всего звучит только коммуникативно значимая, *актуальная* информация: – *Что там? – спросила Ольга. – Ничего! – нехотя отозвался Андрей* (И. Гончаров); *– Когда вы начали заниматься музыкой? – С детства; В каком классе учишься? – В восьмом; – Видите этот домик? Видите герб на крыше? – Вижу* (В. Гиляровский).

Актуальное членение определяет ход речемыслительного процесса и в монологической речи, при которой каждое последующее предложение цепляется за предыдущее при помощи повторяемого слова: *Язык определяет характер мышления, характер мышления – характер поступков, характер поступков складывается в судьбу* (С. Соловьев); *Чтение – это истинная свобода. Та самая вожделенная свобода, к которой стремится человечество. Потому что чтение – это одиночество. Одиночество – это возможность формирования собственного сознания, т. е. личности* (Б. Лукин) – такая цепная зависимость скрепляет в единое целое последовательность предложений.

III. Компоненты актуального членения

В отличие от формального (грамматического) членения, которое определяет члены предложения (главные и второстепенные), *актуальное членение предложения основывается на его семантическом построении*, исследует соотношение его элементов с точки зрения передаваемого предложением существенного сообщения в данной конкретной ситуации – *актуальное соотношение его элементов*.

Актуальное соотношение, или соположение элементов предложения, является основой для различения:

– тех компонентов, которые указывают на уже *известное*, исходное в сообщении, **данное**, предопределенное контекстом или ситуацией – это **тема** высказывания; тема может составлять общий для говорящего и слушающего фонд знаний;

– тех компонентов, которые указывают на содержание высказывания в собственном смысле, сообщают нечто **новое**, являются информационным центром (*смысловым ядром*), ради которого состоялось высказывание – это **рема** (этот термин – rhema – употреблялся древними греками для обозначения того, что в современной грамматике называется предикатом, – части предло-

жения более широкой, чем сказуемое, т. е. такой его части, которая охватывает все, что «предицируется» в отношении «темы»). Эти термины – тема и рема – впервые были введены в научный оборот немецким лингвистом К. Боостом (1955).

Таким образом, *актуальное чтение всегда бинарно*, оно состоит из двух компонентов, отличающихся коммуникативной зависимостью: *тема* – это предмет высказывания, в линейном развертывании предложения – отправная точка в ситуации общения, возникающей между говорящим и слушающим. *Рема* – собственно содержание коммуникации, то, что говорящий желает сообщить слушающему.

Предложение *Сибирские весны / капризны* членится на два состава: *Сибирские весны* – тема высказывания, *капризны* – рема. Состав темы и ремы определен коммуникативным заданием: в предложении содержится ответ на вопрос о том, *каковы* сибирские весны. **Смысловое членение высказывания на тему и ремy называется актуальным членением**.

Чтобы определить состав темы и ремы, следует поставить тот скрытый, латентный вопрос, ответом на который является часть анализируемого предложения-высказывания. Та часть предложения, которая повторяется и в вопросе, и в ответе, – тема. Та же часть, которая непосредственно отвечает на вопрос, – рема: *Гребцы машут веслами медленно, мерно, как машина*. Это высказывание является ответом на вопрос «Как гребцы машут веслами?» Неполный ответ на вопрос представляет собой только рему: – *Где жена сейчас? – В Париже.* При полном ответе *Жена сейчас в Париже – Жена сейчас* – тема, *в Париже* – рема.

При определении темы и ремы необходимо построить парадигму из двух членов, один из которых, данное предложения (с утвердительной модальностью), а другой – предложение того же лексического состава, но обладающее отрицательной модальностью. Отрицание будет распространяться именно на рему: *Все трое подняли головы – ...не подняли...*; *Кривые переулки Арбата были занесены снегом – ...не были занесены снегом*.

Обычно членение на тему и рему *возникает под* непосредственным *влиянием объясняющего контекста* и получает в нем необходимую поддержку; каждое из последующих высказываний содержит минимальную информацию, уже имевшуюся в предыдущем высказывании: *В большом городе жил царь. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом, и умом, и поэтому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах...*

(Н. Рерих). Каждое из высказываний в этом кусочке текста поэтапно продвигает информацию вперед, как бы отталкиваясь от предшествующего высказывания, что проявляется в повторении уже данной информации: *Жил царь – у царя; была дочь – невеста – царевна; желали сосватать ее – среди этих женихов...* Нетрудно заметить, что в этом тексте новую информацию несут рематические компоненты высказывания, они продвигают информацию вперед; тематические же компоненты фиксируют исходные пункты высказываний – так образуется тема-рематическая последовательность в пределах кусочка текста: $T_1 – R_1 – T_2 – R_2 – T_3 – R_3$... Ср.: *Красота связана с жизнью, жизнь – с любовью, любовь – с человеком* (Ю. Бондарев); *Умение – в знании, знание – в учебе, учеба – в жизни, жизнь – в борьбе* (пословица); *Думая о женихах, девушки приговаривали: Что нагадано – то надумано! Что надумано – то сбудется! Что сбудется – не минуется* (русские обычаи).

Анализ данных примеров позволяет сказать, что актуальное членение, если оно не подчеркивается дополнительными средствами, осмысливается только в тексте, только через отношение к нему. Вне текста, в изолированном предложении актуальное членение не всегда может быть определено однозначно.

Функция темы характерна для слов с предметным значением. Части речи, обладающие этим значением, лексико-грамматической природой предназначены для выражения предмета сообщения – темы. Слово с предметным значением выступает в роли темы как в именительном, так и в косвенных падежах: *Мальчишка / с жадностью взглянул на шашку* (Ю. Нагибин); *Такой любви и ненависти / люди не выносят* (А. Блок); *Павку / душили слезы* (Н. Островский); *Поднялся занавес. На нас / смотрят. Нам / хлопают* (С. Антонов).

Функция ремы характерна для слов со значением признака: глагола, прилагательного, наречия, существительного. Обозначая действие, качество, состояние, слова со значением признака предназначены для характеристики предмета сообщения и выступают в роли ремы: *Костер / уже потухал. Свет / уже не мелькал, а красное пятно / сузилось, потускнело* (А. Чехов); *Дети идут / как-то лениво, купание / какое-то неудачное, поспешное* (Н. Гарин-Михайловский).

Функция частей речи может и не соответствовать их лексико-грамматическому значению. Так, слово со значением признака может стать темой, а слово с предметным значением – ремой. Такое изменение типичных отношений происходит только под **влиянием контекста**: *Умный пес быстро вскарабкался на*

стену. Вслед за ним очутился на стене / и Сергей (А. Куприн). Группа глагола-сказуемого стала темой потому, что данный факт назван в объясняющем контексте.

Рема – обязательный компонент предложения-высказывания, без ремы высказывания быть не может, так как этот компонент представляет собой информационный центр предложения, т. е. заключает в себе то, ради чего оно произносится.

Тема же, обозначающая данное, известное, может быть опущена, что наблюдается в неполных предложениях: *Тот мерзавец, которого тогда приняли за меня, ушел от Вильмы. То есть просто пропал, неизвестно куда* (К. Федин). В языке наблюдается и такие предложения, которые вообще не предполагают темы, их предназначение – сообщать новое. Это обстоятельство позволяет выделить **два коммуникативных типа предложений**:

1. *Коммуникативно расчлененные*, включающие два компонента: тему и рему; *Краткие речи / всегда были содержательны* (М. Горький); *Молодость / не имеет понятия о старости, но старость / знает молодость наизусть* (Н. Погодин); *Писем от них / никогда не дождешься*.

2. *Коммуникативно нерасчлененные*, весь состав которых образует комплексную рему; такие высказывания употребляются в повествовательных и описательных контекстах, в них содержится сообщение о существовании или возникновении явлений и фактов действительности, осмысливаемых как единое целое: *Наступил длинный осенний вечер* (А. Чехов); *Шел частый колючий дождь* (К. Паустовский); *Слышится шум голосов; Хочется уехать куда-нибудь* – они отвечают на общий коммуникативный вопрос: Что произошло? / происходит? Что случилось? Каково положение дел? Что имеет место? *Базой нерасчлененных предложений являются односоставные предложения и особый тип двусоставных*, в которых нормой в нейтральной речи является *обратный порядок* главных членов, т. е. *препозиция сказуемого* по отношению к подлежащему.

В синтаксически распространенных предложениях **тема и рема могут быть комплексными**, т. е. могут включать в свой состав несколько членов предложения: *Длинные прямые темные волосы / его не слушались* (А. Фадеев); *Синева на востоке / сменилась багровой мглой (К. Паустовский); Настоящий писатель / рождается только из настоящего человека, а настоящий человек / – это производное от сердца, ума и гражданской совести* (Л. Леонов). Актуальное членение этих предложений совпадает с синтаксическим членением на группу подлежащего и группу сказуемого: комплексная тема состоит из подлежащего и его распро-

странителей, а комплексная рема представлена сказуемым и зависимыми от него второстепенными членами.

Однако в распространенных предложениях **актуальное членение может иметь и более сложные формы: оно может быть ступенчатым** – ***Озеро*** */ было полно всякой рыбы, // и очень вкусной* (Ю. Казаков). На первом уровне членения тема относится и остальной части предложения как к реме, актуальное членение соответствует грамматическому. На втором уровне членения рема распадается на вторую тему и собственно рему. Ступенчатый характер актуального членения не противоречит основному его признаку – бинарности: ***Я*** */ видел восход солнца на этом месте // десятки раз* (М. Горький); ***Яков Лукич*** */ вернулся // только ночью* (М. Шолохов).

В других случаях, при контекстуально зависимых высказываниях, прямого совпадения между составами подлежащего и сказуемого и темой и ремой – нет: ***А вечером, после спектакля, на улице, на прежнем месте****, я увидел вчерашнюю знакомую – одну, без подружки – ту, с веселыми бровями и грудным смехом* (К. Федин). В этом предложении состав подлежащего представлен только местоимением *я*, а состав сказуемого – остальными членами предложения. В то же время темой являются выделенные жирным шрифтом члены, а ремой – представленные обычным курсивом. Здесь обнаруживается и многоступенчатость актуального членения. Так, на первом, наиболее важном по значимости этапе членения тема и рема выглядят так, как они выделены выше. На втором уровне – в теме можно выделить в качестве наиболее важных частей *А вечером ... на улице* и как менее важные *после спектакля ... на прежнем месте*. То же самое в пределах ремы: наиболее существенным в смысловом плане представляется распространенное словосочетание *я увидел вчерашнюю знакомую*, менее существенными – такие члены предложения, как *одну, без подружки, ту, с веселыми бровями и грудным смехом*.

Группа сказуемого может выполнять функцию темы, а группа подлежащего – функцию ремы: *Особенно приметна была на этом лице / его мертвенная бледность* (Ф. Достоевский); *Тут жгло ее / и раскаяние в неблагодарности и невозможности примирения* (И. Гончаров) – расхождение актуального членения с синтаксическим вызвано тем, что группа сказуемого, предназначенная в контекстуально независимых высказываниях для выражения ремы, выполняет функцию темы, а группа подлежащего – ремы.

Контекстуальная зависимость высказывания может создаваться расчленением группы подлежащего или группы сказуемого:

Костер был разложен / возле мастерских (Ю. Казаков); *Матросов на судне / было пятнадцать человек* (А. Куприн).

Итак, в качестве темы и ремы могут выступать различные члены предложения, причем по отдельности и в сочетаниях: *Буря / мглою небо кроет* (А. Пушкин); *На гимнастерке / не хватало двух пуговиц* (Ю. Бондарев); *Контролировать себя / я контролировал* (В. Кунин); *Бедствуй / скотина* (К. Ванин); *Ему / было горько* (В. Шукшин). Как видим, подлежащее может быть темой (*Буря*) и ремой (*скотина*), сказуемое тоже может выполнять функцию темы (*Бедствуй*) и ремы (*было горько*). И все же чаще в роли темы выступает подлежащее (его группа), а в роли ремы – сказуемое (его группа).

IV. Способы выражения актуального членения

Актуальное членение представляет собой самостоятельный уровень языковой системы, и поэтому оно располагает специальными способами выражения. Их можно подразделить на *основные и дополнительные*.

1. К основным, формальным средствам организации предложения – высказывания относятся такие, без которых актуальное членение не может быть осуществлено, – это *интонация* и *порядок слов*, которые выступают в тесном взаимодействии.

Смысловое членение на тему и рему оформляется *интонационно*: тема, расположенная в начале предложения, выделяется повышением тона; показателем ремы является *фразовое ударение*. Фразовое ударение и интонационный центр сосредоточены на реме потому, что она является главным смысловым компонентом высказывания. Если рема состоит из нескольких знаменательных слов, то фразовое ударение выделяет последнее из них: *Революции / нужен был хлеб* (К. Федин). Ср. варианты актуального членения высказывания, которые различаются интонационным оформлением: *От имени / требуется немало – От имени требуется / немало* (Л. Успенский); *Орлы / устраивают жилища / на неприступных скалах* (В. Бианки). Интонационный рисунок высказывания характеризуется перепадом интонации на границе темы и ремы. Перелом тона создает впечатление паузы либо сопровождается реальной паузой (Белошапкова 1977: 150).

Резкое противопоставление темы и ремы часто является индивидуальной чертой стиля писателя. Стремление сделать более ощутимой расчлененность высказывания на письме отражается постановкой авторского тире: *Бабушка тоже уличала меня: – Сказки – помнит, песни – помнит, а песни не те ли же стихи?*

(М. Горький); *Она шла покачиваясь, как тяжело раненный зверь, и там, где ступала ее нога, – оставалось темное кровавое пятно* (М. Шолохов). Особенно значимо тире в поэтических текстах: *Но в переулках – жизни нет, там тьма и вьюги завывание* (А. Блок); *В Бедламе нелюдей Отказываюсь – жить; Когда обидой – опилась Душа разгневанная; Да и в полдень нехорош – пригород* (М. Цветаева).

Вторым важным средством выражения актуального членения является порядок слов. Он меняется в зависимости от коммуникативной задачи, но при этом несвободен: при разном порядке слов смысл предложения и соответственно его коммуникативное задание оказываются различными. В кодифицированном литературном языке порядок следования компонентов актуального членения подчиняется определенным правилам речемыслительного процесса: от данного, известного – к новому, от темы к реме. Такой порядок слов В. Матезиус назвал объективным. Конечная позиция в составе предложения для ремы является типичной, а для темы типична начальная: *Страшно, страшно поневоле / средь неведомых равнин* (А. Пушкин); *У дороги под ракитой / сидел старичок в изношенном сюртуке* (А. Мельников-Печерский). *Рассказал о случившемся / старый боцман* (К. Паустовский).

В соответствии с названной закономерностью (позиция–тема–рема) предложение в нейтральной речи перестраивает порядок слов: *Вчера вечером мы были* ***в театре****; Вчера вечером в театре были* ***мы****; Вчера мы были в театре* ***вечером****; Мы были в театре* ***вчера****; Вчера вечером в театре мы* ***были***.

Порядок слов функционирует одновременно на двух уровнях – на уровне актуального членения предложения и на уровне его синтаксической структуры. Вторая функция порядка слов подчиняется первой. На уровне синтаксической структуры действуют правила расположения синтаксических компонентов (членов предложения). Если группа подлежащего выполняет функцию темы, а группа сказуемого – ремы, то можно говорить о соответствии актуального членения синтаксическому: *Косой дождь, гонимый сильным ветром, / лил, как из ведра* (Л. Толстой); *Маленькие игривые волны / тихо бились о борт лодки* (М. Горький). Соответствие актуального членения синтаксическому наблюдается и в том случае, если функцию темы выполняет детерминант, а функцию ремы – предикативная группа: *На холмах Грузии / лежит ночная мгла* (А. Пушкин); *Надо мной в лазури ясной / светит звездочка одна* (А. Пушкин).

При объективном порядке слов (тема–рема) актуальное членение может расходиться с синтаксическим членением: *Я выехал на*

станцию / в десять часов утра (А. Чехов); *Мы приехали в Женеву / под дождем ночью* (И. Бунин). Актуальное членение нарушает иерархию синтаксического членения, деление на синтаксические группы подлежащего и сказуемого не соответствует членению на тему и рему. В таких случаях при объективном порядке слов выступают в действие правила, существующие на уровне актуального членения: тема должна быть расположена перед ремой.

Объективный порядок темы и ремы поддерживается интонацией: на теме наблюдается повышение тона, что свидетельствует о незавершенности интонации и незаконченности сообщения. Создается интонационная (и информационная) напряженность, которая разрешается спокойным понижением интонации на реме. Понижение тона свидетельствует о завершенности сообщения. Перелом между темой и ремой может сопровождаться паузой. В письменной речи перелом интонации между темой и ремой некоторыми авторами помечается индивидуально-авторским тире: *Море – смеялось* (М. Горький).

В эмоциональной, экспрессивно окрашенной (разговорной) речи возможна перестановка темы и ремы: рема предшествует теме; такой порядок следования компонентов актуального членения В. Матезиус назвал субъективным: *Печален будет / мой рассказ* (А. Пушкин); *То чей-то шорох, то шептанье, то крики / чудятся ему* (А. Пушкин). При субъективном порядке изменяется место фразового ударения, так как фразовое ударение выделяет рему. Субъективный порядок слов возможен благодаря подвижности фразового ударения.

Место фразового ударения может меняться при неизменном порядке слов: 1. *Андрей проснулся* ***от холода***. 2. *Андрей* ***проснулся*** *от холода*; 3. ***Андрей*** *проснулся от холода*. Эти высказывания различаются объективным (1) и субъективным (2, 3) порядком следования компонентов актуального членения. В стилистически нейтральной речи естественное положение слова с фразовым ударением в конце предложения. В этом случае не только фразовое ударение, но и порядок слов помогает выявлению информативно значимого компонента (Золотова 1973: 334).

2. Дополнительными средствами актуализации тема-рематического членения являются такие, которые не выступают самостоятельно, а наслаиваются на основные:

– частицы выделяют тему или рему и служат для выражения единственно возможного варианта актуального членения; *же, то* отмечают тему: *К сыну отец относился строго, дочери же / потакал во всем; Не очень-то / заглядывайтесь на меня* (М. Пришвин); *Слона-то / я и не приметил* (И. Крылов); *Надо же понимать / хоть какие-то вещи* (В. Шукшин); *Я же к тебе / не за справкой пришел* (В. Шукшин); рему «помечают» частицы *это, точно, только, лишь, просто* и др.: *Это я / убил директора* (М. Горький); *Это ваша забота – / знать свои функции* (В. Панова); *Тополь ценится в городе / не только за красоту* (Г. Скребицкий); *Замок / был просто старым-престарым домом* (К. Паустовский); *Красота – / это капитал женщины. Капитал – / это красота мужчины. Весь дом / еще спал, не спал один старый хозяин* (И. Бунин); *Это был / точно Самсон Вырин* (А. Пушкин); *И слышно в тишине степной / лишь лай собак да коней ржанье* (А. Пушкин); *Только разум / освободит человека* (М. Горький) (Распопов 1961: 120);

– повторы рематического или тематического компонентов: *Земля – это наше богатство, земля – это дом нашего бытия* (повтор темы); *А наша артиллерия молотила и молотила* (повтор ремы);

– неполные предложения ориентированы на акцентирование рематической части: *Гвоздь / бережет подкову, подкова – коня, конь – храбреца, храбрец – отчизну* (пословица);

– специальные синтаксические конструкции подчеркивают границы между темой и ремой: *что касается ... то, кто (когда, если) ... так это*: *Что касается Павлика, / то с ним пришлось повозиться* (В. Катаев); *Кто никогда не опаздывал, / так это инспектор Луговой; Чего здесь не хватало, / так это солнечных дней; Если я и уйду, / то это не скоро; Если что и мешало нашей работе в поле, / так это дожди* и т.д.;

– в составе текста используются, например, такие конструкции, как «именительный темы»: *Двадцатый век! С чего он начался* (Л. Мартынов); парцелляция (своеобразное нанизывание к предложению отдельных рематических сегментов, отмеченных самостоятельными знаками конца): *Человек смотрит прямо в глаза. Тебе. Мне. Нам.* (Р. Рождественский); *Мы ехали и ехали. День и ночь. К морю, к Балтике* (В. Субботин).

Грамматические средства выражения актуального членения позволяют на базе предложения с одним и тем же синтаксическим составом *образовать определенное количество вариантов*. Эти варианты образуют замкнутую систему и составляют **коммуникативную парадигму предложения** (Ковтунова 1976: 37). Такие варианты одного и того же предложения, различающиеся коммуникативной целеустановкой, отличаются друг от друга порядком слов и интонацией, а также стилистической окраской. В качестве примера представим коммуникативную парадигму предложения *Отец уехал в деревню*.

Коммуникативная задача	Стилистически нейтральные варианты	Стилистически окрашенные варианты
Что с отцом?	Отец *уехал в деревню*	*Уехал в деревню* отец
Уехал отец в деревню?	Отец в деревню *уехал*; В деревню отец *уехал*	Отец *уехал* в деревню; *Уехал* отец в деревню
Кто уехал в деревню?	В деревню уехал *отец*; Уехал в деревню *отец*	*Отец* в деревню уехал; В деревню *отец* уехал
Куда уехал отец?	Отец уехал *в деревню*	*В деревню* уехал отец; Отец *в деревню* уехал

Объем коммуникативной парадигмы зависит прежде всего от распространенности предложения. Итак, актуальное членение предложения выявляется в речевом акте коммуникации. Отсутствие актуального членения означает присутствие только формального синтаксического членения, которое, не будучи актуальным, лишено смысла. Актуальное и формальное членение предложения неразрывно связаны друг с другом механизмом взаимного переосмысления логико-грамматических ассоциаций.

Цитируемая литература

Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.,1977.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. – М., 1976.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М.,1967.

Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика // Избранные труды. – М.,1959.

Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой – М.,1989.

Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избранные труды. – М., 1957. – Т. II.

Boost K. Neue Untersuchen zum Wesen und zur Structur des deutschen Satzs. – Berlin, 1955.

Лекция 20

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Порядок слов придает речи индивидуальность, он обеспечивает ход мысли и ее речевое выражение.

А.Вейль

Последовательность расположения слов соответствует последовательности возникающих в сознании говорящего понятий.

И.И. Ковтунова

I. Понятие порядка слов.
II. Порядок слов в свете актуального членения.
III. Функции порядка слов в русском языке.

I. Понятие порядка слов

Более двух тысяч лет тому назад, в период расцвета римской литературы, вскоре после сражения при Актиуме, в Рим из Галикарнасса переселяется Дионисий, который пишет обширный *трактат о словопорядке*. В нем он приводит историю развития учения о частях речи и отмечает, что их объединение дает члены, объединение членов дает периоды, а объединение периодов дает речь. Дионисий пишет, что, хотя философы и риторики почти не обращали внимание на *порядок слов*, все же *распределение слов* имеет такое же влияние на речь, как и использование разных материалов в архитектуре, мануфактуре и ткацком деле, где сначала выбирают материал и затем распределяют его по частям, но основное значение придается именно его распределению.

С тех пор *одни ученые* (А. Арно, К. Лансло – XVIII в.) различали «естественный» порядок слов, соответствующий «общим законам мышления», и отступления от него объясняли языковым узусом (лат. ūsus – «обычай; общепринятое, обычное употребление языковых единиц») или приемами стиля; *другие* (Ф. де Соссюр, Ф.Ф. Фортунатов) исследовали его на формально-структурном уровне, видя в порядке слов проявление линейности речи, вступающей в противоречие с семантическими и синтаксическими связями слов; *третьи* (А. Вейль, Ш. Балли, В. Матезиус) по-

лагали, что говорящий распределяет кванты (лат. quant – «сколько; минимальное количество») информации по коммуникативным компонентам предложения, определяя порядок их следования в зависимости от определенного коммуникативного режима, стиля и жанра, осуществляя тем самым актуальное членение высказывания (П. Адамец, И. Ковтунова, О. Крылова, С. Хавронина).

Порядок слов – *линейное* расположение синтаксических компонентов в предложении – в русском языке преимущественно служит для выражения *актуального членения*, и нормы порядка слов подчинены, прямо или косвенно, этой главной его функции.

Порядок слов в русском предложении стал изучаться намного позднее, чем его грамматическое строение. Это связано с тем, что *грамматическое строение отличается неизменностью, статичностью*, а *линейный порядок – динамичен*; закономерности в динамическом уловить сложнее, чем в статическом. К тому же существовало мнение, что порядок слов в русском языке вследствие его флективности является свободным, подвижным. Действительно, можно убедиться, что русское предложение из четырех слов имеет 24 варианта словопорядка: *Брат вчера приехал из Сибири – Вчера брат приехал из Сибири – Приехал вчера брат из Сибири – Из Сибири вчера приехал брат – Вчера из Сибири приехал брат...* А предложение из пяти слов *Брат вчера вечером приехал из Сибири* будет иметь уже 120 вариантов словопорядка. Найти закономерное, устойчивое в столь динамическом явлении, естественно, довольно сложно. Поэтому утвердилось мнение, что линейное строение предложения может изучаться только в языках с жестким, твердым фиксированным порядком, а в таких языках, как русский (флективных), он не может быть познан с позиций грамматиста – грамматист должен изучать формы слов безотносительно к их прихотливому употреблению, которое не управляется никакими законами (Фортунатов 1956: 135).

Однако лингвисты обращали внимание на то, что среди теоретически возможных перестановок словопорядка есть наиболее типичные, частотные и есть не столь частотные, но естественно связанные с той или иной конституацией, и есть совершенно недопустимые в речевой практике: *Моя сегодня сестра в наш ходила сад*. Обратим внимание на мысль Н.М. Карамзина: «Мне кажется, что для перестановок в русском языке есть закон: каждая дает фразе особый смысл и где надобно сказать «Солнце плодотворит землю», там «Землю плодотворит солнце» или «Плодотворит солнце землю» будет ошибкой. Лучший, то есть истинный, порядок всегда один для расположения слов; русская грамматика не определяет его; тем хуже для дурных писателей».

II. Порядок слов в свете актуального членения

Открытие актуального членения создало фундаментальную теоретическую базу, на основе которой порядок слов в языке, в том числе и русском, получает аргументированное изучение. Для установления *закономерностей* русского словорасположения *существенны два обстоятельства*:

1. *Членение* распространенного предложения *на синтаксические группы*, образуемые самостоятельными членами предложения. В двусоставном распространенном предложении – это группа подлежащего, группа сказуемого и группа детерминанта; в односоставном распространенном – это группа главного члена и группа детерминанта. Каждая из групп, являясь словосочетанием, членится на компоненты, связанные словосочетательными связями.

2. Выделение двух *коммуникативных состояний* предложений: а) состояния *коммуникативного равновесия* и б) состояния *коммуникативного напряжения*.

а) Предложение, находящееся в состоянии *коммуникативного равновесия, отвечает на общие коммуникативные вопросы* ***Что произошло?, Что случилось?, Каково положение дел?, Что имеет место?*** – это коммуникативно нерасчлененные предложения (*Идут белые снеги; Прошло пять лет; Начало светать; Гремит гром; Сверкает молния; Подул осенний ветер*) или на *частные вопросы* ***Что произошло с данным лицом или предметом?, Что можно сказать о данном лице или предмете?***, обращенные к подлежащему или субъектному детерминанту – это коммуникативно расчлененные предложения (*Сухие листья медленно падают на землю*). Особенность предложений, находящихся в состоянии коммуникативного равновесия, заключается в том, что в них *соблюдается нейтральный порядок* синтаксических групп и компонентов внутри них; *они являются контекстуально независимыми*, свободно могут быть вычленены из текста. Такие предложения обычно придумываются и создаются по заданным словам.

б) Предложения, находящиеся в состоянии *коммуникативного напряжения*, отвечают на *частные коммуникативные вопросы* ***Кто ...?, Когда ...?, Где ...?, Почему ...?*** и т.д. и обнаруживают явную контекстуальную зависимость. Они трудно изолируются от текста, так как в них наблюдается нарушение нейтрального порядка следования синтаксических групп, а иногда и их компонентов (*Работать он уже не мог; Задачи мой сын любит решать трудные*).

Рассматривая *закономерности порядка слов* в предложениях нейтральной речи, обратим внимание на порядок расположения в

них синтаксических групп и порядок компонентов внутри синтаксических групп.

Порядок слов в предложении, находящемся в состоянии коммуникативного равновесия. В положении *коммуникативного равновесия* находятся контекстуально независимые предложения. Для них характерен нейтральный порядок следования компонентов. В таких предложениях порядок следования синтаксических групп следующий:

– **детерминанты** как в двусоставных, так и в односоставных предложениях занимают *начальную позицию*, так как в них заключается известная информация: *В поле / шла жатва* (В. Короленко); *Этим летом / я непременно повезу тебя по Волге* (В. Панова); *От неожиданности / он отшатнулся назад* (Ю. Бондарев). При одновременном наличии в составе предложения обстоятельственных и субъектных детерминантов нейтральной является абсолютно начальная позиция обстоятельственного детерминанта: *С этой ночи в Ромашове / произошел душевный надлом* (А. Куприн);

– **в двусоставных предложениях** нейтральной является:

а) в коммуникативно нерасчлененных предложениях – *препозиция группы сказуемого* по отношению к группе подлежащего: *Вечереет день; Близка ночь; Светит солнце; Поют птицы; Наступил длинный осенний вечер*;

б) в коммуникативно расчлененных предложениях, отвечающих на частные вопросы, обращенные к группе подлежащего, – *препозиция группы подлежащего* по отношению к группе сказуемого: *Наша старая тропка на берегу реки / была затоплена* – (Ю. Нагибин); *Кособокая луна / бросала на болото желтоватые пятна света* (Он же).

Если посмотреть сквозь призму этих закономерностей весь объем контекстуально независимых предложений, то среди них можно выделить **шесть основных разновидностей**, отражающих тот или иной типовой нейтральный порядок следования синтаксических групп:

– группа подлежащего – группа сказуемого (прямой порядок главных членов): *Туман лежал над Москвой; Бледный свет разлился по полям*;

– группа сказуемого – группа подлежащего (обратный порядок членов предложения – здесь нарушается нейтральная интонационная схема предложения, которое обладает особой экспрессивной интонацией): *Наступила другая ночь* (М. Лермонтов); *Летят за днями дни* (А. Пушкин); *Прошла любовь, явилась муза, И прояснился темный ум; Редеет мгла ненастной ночи; Бренчат*

кавалергарда шпоры, летают ножки милых дам (Он же); *Пришла зима, и, крутясь, загудели метели* (А. Серафимович);

– группа детерминанта – группа подлежащего – группа сказуемого: *В то время курьер выходил от графа* (Л. Толстой);

– группа детерминанта – группа сказуемого – группа подлежащего: *За чаем шел общий разговор с Мари* (М. Лермонтов);

– группа главного члена односоставного предложения: *Зима; Надеяться не на что; Смеркалось; Пора ложиться спать*;

– группа детерминанта – группа главного члена односоставного предложения: *Из комнаты тянуло дымом* (К. Паустовский); *За окном черно и пустынно* (А. Блок).

Нейтральный порядок следования словоформ в составе групп подлежащего, сказуемого и детерминанта подчиняется правилам расположения слов в словосочетаниях. Словосочетания, организованные с помощью определенного типа связи, отличаются устойчивым расположением своих компонентов:

– согласующиеся слова стоят перед опорным именем (*некоторый вопрос, лежащий человек, высокое здание*);

– управляемые слова – после опорного слова (*бледный от страха, бежать под гору, далеко от Москвы, решение об отставке*);

– позиция примыкающих слов зависит от их синтаксического значения – примыкающие слова со значением образа действия и степени могут находиться перед и после опорного слова (*медленно шел – шел медленно*); примыкающие слова, обозначающие внешние обстоятельные признаки (место, время, причину, условие и т.д.) или комплетивные отношения, употребляются после опорного слова (*прошел вперед, вернулся поздно, выглядит хорошо, несколько человек*).

Но в этих словосочетаниях (в составе предложения) возможна инверсия (лат. inversio – «перестановка; обратный порядок компонентов»): *И в ночь – тропой глухой иду к прикрытой снегом бездне* (А. Блок); *И полный страха неземного горю поэзии огнем* (А. Блок). Прямой и обратный порядок слов обозначает не словопорядок членов предложения, а последовательность расположения данного и нового и их компонентов.

Такой (обратный) порядок характерен для некоторых видов именных словосочетаний: *День смеялся и час Ты следила одна облаков розоватых волокна* (А. Блок; ср.: *...волокна розоватых облаков*); *Снег у крыльца как песок зыбучий* (С. Есенин); *Это пела даже Шахразада, – так вторично скажет листьев медь* (С. Есенин).

Такой порядок слов, сообщая стилистическую окраску, широ-

ко распространен и в публицистике, например, в заголовках: *Весны дыханье; Свершенья радость; На берегу янтарном*. Инверсия компонентов характерна и для названий художественных произведений: ***И.С. Шмелев:*** *История любовная*. Это заглавие носит несколько архаический характер, ориентируя на традиционные названия произведений XVIII – начала XIX в.

Такой порядок слов преодолевает автоматизм восприятия устойчивого сочетания *любовная история*, выделяет слово *история* и подчеркивает, что перед нами повествование о любви и, наконец, выявляет индивидуальный личностный смысл пережитого рассказчиком, подчеркивая, что в романе несколько историй о любви.

Порядок слов в предложении, находящемся в состоянии коммуникативного напряжения. *В состоянии коммуникативного напряжения* находятся контекстуально зависимые предложения, отвечающие на частные коммуникативные вопросы.

В нейтральной речи состояние коммуникативного напряжения выражается в таком изменении обычного расположения синтаксических групп и компонентов внутри них, которое вызвано требованием актуального членения – передвижением рематического компонента в абсолютный конец предложения. Например, приобретая в процессе общения функцию ремы, *могут изменять обычный порядок расположения*:

– **группа детерминанта**: *Он сразу убедился в этом в первую же неделю своего пребывания дома* (контекстуально независимое предложение: В *первую же неделю своего пребывания дома он сразу убедился в этом*);

– **группа подлежащего**: *Закрыт магазин; Рассеянность – его обычное состояние* (контекстуально независимое предложение: *Магазин закрыт; Его обычное состояние – рассеянность*);

– **группа сказуемого**: *Птицы-то поют* (контекстуально независимое предложение: *Поют птицы*).

Более сложные изменения обычного порядка возникают тогда, когда функцию темы или ремы выполняет какой-либо один компонент из состава синтаксических групп. В этих случаях состав единой синтаксической группы рассредоточивается по компонентам актуального членения и цельность группы нарушается: одна часть ее становится темой, другая – ремой и в соответствии с законами оформления актуального членения выносится в конец предложения: *Сухие листья падают на землю* ***медленно*** (контекстуально независимое предложение: *Сухие листья медленно падают на землю*); *Об отъезде брата мне стало известно* ***к вечеру*** (контекстуально независимое предложение: *К вечеру мне стало известно от отъезде брата*).

В разговорной, стилистически окрашенной речи любой компонент предложения, будучи выделенным фразовым ударением, может стать ремой. Коммуникативная напряженность этих предложений выражается только интонационно: ***Прекрасно*** *ее лицо!* ***Красивы*** *глаза! Все уже потемнело* ***вокруг****; Он устал* ***сегодня****.* ***Звезды*** *синели в холодном небе* (см.: Ковтунова 1976: 98–118). Довольно часто в этом случае рема выносится в начало предложения, что вполне соответствует цели *аффектной речи* (лат. affectus – «душевное волнение, страсть, состояние сильного возбуждения») – скорее высказать новое: ***Особенно хороши*** *горные леса около моря* (К. Паустовский); ***Но главною заботою*** *была кухня и обед* (И. Гончаров); ***Чудеса*** *делает вода в пустыне* (В. Песков); ***Задыхаюсь*** *я* (П. Павленко). Порядок *рема–тема* называется экспрессивным, или инверсией (лат. inversio – «перемещение, перестановка; изменение обычного порядка слов в предложении с целью усилить выразительность речи»).

III. ФУНКЦИИ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Порядок слов в русском языке выполняет **три основные функции**: *коммуникативную, грамматическую* и *стилистическую*.

Главной для порядка слов в русском языке является *коммуникативная функция*, то есть его участие в оформлении предложения. Как было показано выше, порядок слов в русском предложении изменяется в угоду актуальному членению: рематические компоненты передвигаются в абсолютный конец предложения (*Опытные полярники / отправились к Северному полюсу* ***на лыжах*** *– Опытные полярники / на лыжах отправились* ***на Северный полюс***).

Грамматическая функция проявляется в участии порядка слов в определении иерархии конструктивных связей словоформ в составе предложения. Эта функция порядка слов для русского языка является нетипичной, так как иерархия конструктивных связей определяется по морфологическим показателям – флексиям и служебным элементам. Порядок слов подключается в тех случаях, когда флективных и специальных служебных показателей недостаточно для определения связей и отношений между словами.

Порядок слов в русском языке релевантен (лат. relevāre – «поднимать; способный служить для различения языковых единиц») прежде всего тогда, когда при его помощи различаются члены предложения, относящиеся непосредственно *к глаголу*, от чле-

нов, относящихся *к именам* или *к адвербиальным выражениям*. При этом играет роль контактное или дистантное положение данных членов по отношению к именам и адвербиальным выражениям, в меньшей степени – и само их положение в предложении.

Так, например, при помощи порядка слов в русском языке определяется *различие между* следующими *синтаксическими членами*:

– **между согласованным определением и именной частью сказуемого**: *Было морозное декабрьское утро – Декабрьское утро было морозное; Дед вернулся веселый – Веселый дед вернулся*;

– **между несогласованным определением и дополнением** в случаях, когда рассматриваемый член объектного характера может относиться к синтаксическому существительному (при контактном постпозитивном положении) или к глаголу (при всех других положениях): *Произошел первый бой между Донской дивизией и Кубанскими пластунами – Между Донской дивизией и Кубанскими пластунами произошел первый бой* (М. Шолохов) – контактное и дистантное положение является далеко не последним и решающим фактором, который однозначно определял бы синтаксическую функцию в подобных случаях – нужно учитывать и вторую составную часть линейно-динамического оформления, место фразового ударения: несогласованным определением подобные выражения могут быть лишь в том случае, если они и интонационно образуют с определяемым словом одну синтагму (Ср.: *Он чувствовал симпатию к этому суровому и трудному старику* (В. Ажаев) – *к ...старику* дополнение, так как нет интонационного единства со словом *симпатию*);

– **между несогласованным определением и обстоятельством** в случаях типа: *Свежие сугробы возле подъездов темнели следами; На столике возле двери стояла ваза... – Возле двери стояла ваза...*;

– **между обстоятельствами, относящимися к глаголу, и обстоятельствами, относящимися к другому обстоятельству**: при дистантном положении обоих обстоятельств имеем два обстоятельства, относящихся к глаголу, а при контактном – могут быть либо два обстоятельства, либо одно, распространенное другим; решается данный вопрос на основании контекста и общей семантики предложения, а также на основании семантического характера самих обстоятельств: *Отец вернулся поздно ночью – Ночью отец вернулся поздно; Внизу среди холмов голубела речка – Среди холмов голубела внизу речка.*

Также словопорядок принимает участие *в оформлении иерархии компонентов предложения*:

– **начальная позиция закреплена за подлежащим, вторая – за сказуемым**, если этому не противоречат логические отношения и значения слов: *Грузовик везет на буксире легковой автомобиль; Весло задело платье; Бытие определяет сознание*;

– **начальная позиция – подлежащее, вторая – сказуемое**: *Брат – студент; Трудиться значит быть счастливым; Моя мечта – поехать на Север; Ученье не легкий труд; Недочитанная книга что не пройденный путь* (но: *Уха – прелесть; Я – весь внимание*, где при любом порядке компонентов *слова с предметным значением являются подлежащими, а с признаковым – сказуемыми*);

– **в инфинитивной конструкции, представляющей собой дополнительную предикацию**, где субъект и объект выражаются одной словоформой: *Петру хотелось помочь товарищам – Товарищам хотелось помочь Петру; Он советовал Борису позвонить Вере – Он советовал Вере...*

Наконец, порядок слов (наряду с определенной интонацией) играет существенную роль при различении **необособленных** и **обособленных членов предложения**: *Наступила дождливая, грязная, темная осень – Наступила осень, дождливая, грязная, темная* – в первом предложении прилагательное-определение вступает с существительным в наиболее тесную атрибутивную связь, образуя с ним словосочетания, выступающие в предложении как целый комплекс; во втором – при постпозиции прилагательных связь их с существительными оказывается ослабленной, приобретая оттенок установления отношения (Ахманова 1963: 124).

Следующей по важности функцией порядка слов является *стилистическая*. В этом случае порядок слов выступает в единстве с интонацией. Нейтральный порядок слов соответствует требованиям расположения синтаксических групп в составе предложения и компонентов внутри них и требованиям актуального членения. Нейтральный порядок сопровождается ровной, так сказать, автоматизированной интонацией.

Стилистически окрашенный порядок слов изменяет нейтральность стиля либо в сторону его повышения (эпичность, приподнятость, поэтичность, возвышенность, взволнованность), либо в сторону его снижения (разговорность, небрежность). Стилистически ориентированное изменение порядка слов, т. е. **инверсия**, осуществляется как на уровне коммуникативной организации (актуального членения) предложения, так и на уровне его лексико-грамматической организации.

На уровне актуального членения стилистическая функция порядка слов проявляется, как было показано выше, в изменении

порядка расположения темы и ремы: все рематическое передвигается к началу предложения. Инверсия данного и нового (темы–ремы) придает высказыванию экспрессивный характер, вносит в высказывание разговорную окраску. **На уровне лексико-грамматической организации предложения** инверсия связана со структурой словосочетаний, включенных в состав темы и ремы. В предложениях с экспрессивными вариантами расположения компонентов словосочетаний актуальное членение не изменяется, но интонационная структура приобретает экспрессивный характер: *Трижды радостная приходит за полуночной чертой весна* (Л. Леонов); *Дождей грибных серебряные нити* (из песни); *Только природе страдания незримые духа дано врачевать* (В. Дудинцев). Вспомним: выдвижение слова вперед делает его более значимым, более ударным – отсюда экспрессия: *Сухое тлело лето*; *Докающая звенела в ушах тишина*; *Гулко и дробно сдвоило у Григория сердце*; *Рывком кинул ее Григорий на руки* (М. Шолохов). Обратим внимание на то, как препозиция ремы влияет на смысл предложения: *Мы видим друг друга каждый день. **Но как редко** мы видим друг друга* (И. Гофф).

К стилистической функции относится и возможность средствами порядка слов придать высказыванию особую стилевую окраску. Так, в письменной речи возможно создание устно-разговорной окраски, фольклорно-сказовой или поэтической путем использования несвойственных письменной речи закономерностей словорасположения (Ковтунова 1976: гл. 6)

Прозаическая письменная речь имеет одни и те же закономерности порядка слов во всех функциональных стилях. Художественная речь отличается наличием не только нейтральных, но и экспрессивных высказываний. Принципиально отличаются поэтическая (стихотворная) и разговорная речь.

В поэтической речи порядок слов определяется не позицией в предложении (словосочетании), а местом в строке: *Мы шли втроем навстречу глаз свинцу* (К. Симонов); *Мне дорог мир большой и трудный. Я в нем – моей отчизны сын. Я полон с ней мечтою чудной Дойти до избранных вершин* (А. Твардовский).

В письменной речи порядок слов используется для организации синтаксических единиц и текста (стилевая окраска, экспрессивные и синтагматически обусловленные высказывания).

Основная функция словорасположения в разговорной речи – выражение степени коммуникативной значимости. Все значимое выдвигается вперед, рема может быть в любом месте высказывания, но чаще – в начале или середине: *Дога одного наши знакомые купили*; *Плетеную такую корзиночку она подала*; *Шпильки*

не могу металлические носить; *Очень она любит мороженое*; *Василия я видел на столе тетрадь*.

Таким образом, «в литературном языке различаются сферы, обладающие разными нормами порядка слов. Более и менее строгими правилами словорасположения характеризуется письменная прозаическая речь; в стихотворной речи порядок слов более свободен. Значительная степень свободы в расположении слов характерна для разговорной речи. Особенности порядка слов разговорной речи находят отражение в письменной речи как средство стилизации» (Русская грамматика 1980: 190).

Заканчивая эту тему, обратим внимание на фетишизацию (лат. factīcius – «искусственный, поддельный; слепое поклонение») порядка слов в истории его изучения.

Так, авторы рациональной грамматики А. Арно и К. Лансело писали в XVII в., что французскому языку присущ самый четкий и естественный порядок слов и что этот язык никому не уступает по красоте и элегантности.

Немецкий лингвист Г. Габеленц (XIX в.) говорит, что порядок слов немецкого языка кажется настолько простым и психологически объяснимым, что ему хотелось бы считать его прототипом порядка слов во всех других языках.

В. Матезиус (XX в.) считает, что в чешском языке порядок слов соответствует актуальному членению предложения, а в английском языке он вступает с ним в конфликт.

Мы же в XXI в. согласимся с мыслями М.В. Ломоносова, высказанными им в «Российской грамматике» о русском языке, который «купно и собственным пространством и довольствием велик пред всеми в Европе» – в том числе и порядком слов. И действительно, язык не столько *выражает*, сколько *порождает*, концентрируя в себе творческую силу культуры. Так, английский – аналитический, т. е. строится таким образом, что каждое слово в предложении занимает строго определенное место. Это создает четкое, экономное мышление. Неслучайно более 50% всех научных открытий принадлежит англоязычным изобретателям. Русский же – флективный, он обладает огромной *пластичностью*: Например, если на английском фраза «Я тебя люблю» допускает лишь один вариант словопорядка, то на русском – шесть, а если учесть, что к другому у русских можно обратиться не только «на ты», но и «на Вы», это число возрастает до 12. Выходит, думающий и говорящий по-русски совершает в 12 раз больше мыслительной работы.

Иными словами, русский – «великий и могучий», оттого что несет в себе неисчерпаемые возможности новых сочетаний, соз-

давая уникальные предпосылки для творчества. И все же, наверное, прав французский писатель М. Бреаль, утверждавший, что «каждому народу хочется думать, что у него ноги там, где они должны быть, и что он ставит слова на их истинное место».

Цитируемая литература

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. – Praha, 1966.

Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. – М., 1963.

Вейль А. О порядке слов в древних языках по сравнению с современными языками // Париж, 1844 (цит. по: Пумпянский А.А. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. – М., 1974).

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.

Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. – М., 1986.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – М., 1956. – Т. II.

Лекция 21

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка.

А.С. Пушкин

Всякая речь обращена к кому-нибудь и содержит нечто, относящееся как к говорящему, так и к слушающему, причем последнему говорящий приписывает те или иные свойства, находящиеся в нем самом...

Н.С. Гумилев

I. Понятие об осложнении простого предложения.
II. Понятие об обособлении.
III. Понятие об однородных членах предложения.
IV. Вводные синтаксические единицы.
V. Вставные слова и конструкции.
VI. Обращение и его свойства.

I. Понятие об осложнении простого предложения

Термин «осложненное предложение» вошел в лингвистический обиход в конце 50-х гг., когда была опубликована монография профессора А.Г. Руднева «Синтаксис осложненного предложения» (1959 г.). Понятие «осложнения» впервые было использовано Ф.И. Буслаевым, правда, в узком понимании – для выявления особенностей «слитного предложения» (т. е. предложения с однородными членами): «Подлежащие, сказуемые, слова определительные, дополнительные и обстоятельства, *осложнившиеся* таким образом от слияния предложений, именуются слитными, в противоположность простым» (1959: 42).

Осложнение строя монопредикативного предложения происходит за счет особых синтаксических форм, имеющих свою семантику, специфическое грамматическое оформление, ритмико-интонационную организацию и конструктивную устроенность: ***Бойко, ходко, моментально, с прибауткой, со смешком** бьет*

кузнец по наковальне чудодейным молотком (С. Васильев); *Да, **конечно**, счастье необходимо, но какое?* (М. Пришвин); *Взыграйте, **ветры**, взройте воды!* (А. Пушкин); *Книги – корабли мысли, **странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от пополнения к пополнению*** (афоризм); ***Изучая старое**, изучаешь новое* (пословица); *Вашей сестре **(или сестрам, если они обе в Москве)** привет и пожелание счастья* (А. Чехов); ***Жить для себя, заботиться о себе** – Дон Кихот считал бы постыдным. Он весь живет, **если можно так выразиться, вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человеческим силам** – волшебником-великаном, **т. е. притеснителем**. В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь – самопожертвование **(оцените это слово)**; он верит, верит крепко и без оглядки... **Смиренный сердцем**, он духом велик и смел* (И.С. Тургенев).

Каждая из этих выделенных форм, конструкций привносит в предложение нечто новое в плане содержания, а в плане выражения, имеет только свойственные ей функционально-стилистические возможности. Каждая из них имеет свою историю развития в процессе длительной эволюции синтаксического строя русского языка.

По традиции к конструкциям, осложняющим простое предложение, относят *обособленные* обороты, *однородные* члены, *вводные* и *вставные* компоненты, *обращения*. Что же объединяет столь различные, на первый взгляд, синтаксические явления в единую категорию – класс синтагм, выполняющих одну и ту же грамматическую функцию (осложнение элементарной модели-схемы) в составе более сложной синтагмы – предложения?

1. Эти структуры формируются *на уровне* предложения, что приводит к тем или иным изменениям в общем предикативном плане (вводятся дополнительные модально-временные координаты иной ситуации) основной синтаксической единицы.

2. Осложняющие конструкции, не включаясь в основную линейную цепочку словоформ, образуют в предложении своего рода *надстройку*, второй этаж, как бы накладываясь на элементарное распространение предложения и находясь в иной семантико-синтаксической плоскости (Прияткина 1990: 22).

3. Обязательным условием существования осложняющих элементов является цельная конструкция, в оформлении которой важную роль играют, наряду с морфологическими показателями, интонация, порядок слов, служебные слова (например, союзы). *Интонационная* выделенность (с целью смыслового подчеркивания, актуализации) осложняющего компонента становится возможной благодаря *относительной* смысловой самостоятельности (автосемантичности) основной части высказывания и благодаря тому, что осложняющие элементы не являются необходимыми распространителями предикативного центра.

4. Осложняющие компоненты вводят *добавочные* и подчеркивают уже имеющиеся в предложении *тема-рематические* центры, усложняя актуальное членение высказывания.

5. Будучи связанными как с *диктумом*, так и с *модусом* сообщения, осложнители *актуализируют* компоненты речевой ситуации (говорящего, адресата, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта) и денотативного содержания предложения.

II. Понятие об обособлении

Начальный этап изучения обособленных оборотов связан в истории русистики с именем М.В. Ломоносова, который в своих трудах по грамматике и ораторскому искусству («Российская грамматика», «Краткое руководство к грамматике») дает необходимые нормативно-стилистические рекомендации по использованию различных видов «приложений» для создания «торжественных, украшенных речений». Термин «обособленные второстепенные члены» был введен в научный обиход А.М. Пешковским. В основу определения обособленных членов А.М. Пешковским положен *интонационный* признак, при этом не принимается во внимание их *смысловая* выделенность в предложении: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и – параллельно – в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» (1956: 416). Он же отмечал, что обособление – «это легкое вооружение мысли в отличие от тяжелого вооружения придаточными предложениями».

На *смысловую* выделенность обособленных членов и их *полупредикативный* характер обратил внимание В.В. Виноградов: «...обособление придает второстепенному члену относительно самостоятельное положение в предложении». Обособленные члены «представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, – с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике» (1975: 280).

В речи каждое предложение членится на определенные интонационно-смысловые отрезки – это зависит от содержания высказывания, от задачи сообщения, от стиля речи, от экспрессивной ее окрашенности.

Сравним тексты (вертикальными линиями обозначим границы интонационно-смысловых отрезков):

1. *Свернувшаяся и почерневшая от мороза листва / шуршит под сапогами в березовой аллее* (И. Бунин).

2. *Свернувшиеся и почерневшие от мороза, / листья шуршат под сапогами в березовой аллее.*

В первом примере интонационное членение совпадает с грамматическим, т. е. разделенные паузой интонационные отрезки являются группой подлежащего и группой сказуемого. Во втором примере в группе подлежащего интонационно выделено, подчеркнуто распространенное определение, что придает ему большую смысловую самостоятельность, больший вес в этом высказывании.

Как видим, средствами *интонации* осуществляется варьирование информативности, или смысловой значимости, распространяющего оборота: включение распространяющего оборота в одну синтагму с распространяемым компонентом предложения уменьшает его смысловую значимость, и наоборот, выделение распространяющего оборота в отдельную синтагму придает ему синтаксическую самостоятельность и, следовательно, увеличивает его информативную значимость. И простое предложение становится *полипропозитивным*.

Такое *ритмико-интонационное выделение какого-либо неглавного члена предложения в целях сообщения ему самостоятельной коммуникативной значимости* и есть **обособление**.

Таким образом, причина обособления или необособления распространяющего оборота связана с коммуникативным заданием высказывания, а следовательно, с интонационно-смысловым (актуальным) членением предложения. Поскольку главные члены выражают основное сообщение, являются смысловым центром высказывания, то обособление их, разумеется, невозможно, обособляются только второстепенные члены предложения, одиночные и с зависимыми словами. Термин «обособление» понимается буквально, как возможность «выделения», «выключения» из состава предложения какого-либо второстепенного члена.

Обособленные члены предложения характеризуются смысловой и грамматической разнонаправленностью в составе предложения и вытекающей отсюда синтаксической *двуфункциональностью*. Необособленные члены предложения обладают *однонаправленной* грамматической и смысловой связью и выполняют одну синтаксическую функцию – обособленные обладают разнонаправленной грамматической и смысловой связью и выполняют две синтаксические функции: *Жизнерадостная девушка скоро стала всеобщей любимицей* и *Жизнерадостная, девушка...* Во втором примере обособленное определение *жизнерадостная* обнаруживает двустороннюю смысловую и синтаксическую связь – с подлежащим и сказуемым. Смысловая связь его с подлежащим оформлена грамматическими средствами – согласованием. Грамматическим средством для оформления связи его со сказуемым является интонация обособления. Такая разнонаправленная связь обусловливает двойную синтаксическую функцию обособленного члена предложения. Связь с подлежащим предопределяет определительную функцию, а связь со сказуемым – обстоятельственно-характеризующий оттенок: *Девушка была жизнерадостна; девушка скоро стала всеобщей любимицей.*

Таким образом, между обособленным членом предложения и поясняемым словом устанавливаются особые, *полупредикативные* отношения. Полупредикативность – это смысловая близость обособленного члена предложения к сказуемому. Обособленные члены содержат дополнительную информацию, которая сопутствует основной, содержащейся в предикативной основе предложения. Так, в предложении *Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом* (А. Пушкин) основное сообщение содержится в предикативном центре *Дубровский был ему ближайшим соседом*; сопутствующее, добавочное *Дубровский был отставным поручиком гвардии.*

Благодаря близости обособленного члена к сказуемому полупредикативные отношения легко трансформируются в предикативные, то есть обособленный оборот можно заменить синонимичной придаточной частью: *Пригретые весенним солнцем, зимние сугробы быстро превратились в черные бугры – Зимние сугробы быстро превратились в черные бугры, так как были пригреты весенним солнцем; Крупный дождь, успевший прибить пыль, перестал* (В. Солоухин) – *Крупный дождь, который прибил пыль, перестал.* Интересно, что в середине 1830-х гг. раздавались призывы (например, со стороны прозаика, ученого-востоковеда О.И. Сенковского) устранить причастные конструкции, не свойственные устной форме высказывания, из книжно-письменного языка. Против такой крайности в оценке места и роли причастных оборотов в системе литературного языка справедливо возражал А.С. Пушкин («Письмо к издателю» 1836 г.): «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному?

Нет, так же как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Мы не говорим: *карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату*; мы говорим: *которая скачет, который метет* и пр. – заменяя выразительную яркость причастия вялым оборотом. Из этого еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено» (1979: 328).

Разнонаправленную синтаксическую и смысловую связь обнаруживают и обособленные обстоятельства: *Гром, проворчав в саду, спустился за гумно* (И. Бунин) – деепричастный оборот характеризует действие подлежащего, которое сопутствует другому действию, обозначенному глаголом-сказуемым. Кроме функции обстоятельства времени, деепричастный оборот выполняет функцию дополнительного сказуемого, т. е. он получает дополнительную предикативность. Деепричастие легко трансформируется в сказуемое: *Гром проворчал в саду, спустился за гумно* – выражается последовательность действия.

Двуфункциональность обнаруживают уточняющие и поясняющие члены предложения: *Низко, над самой машиной, кружились чайки* (В. Катаев), где *над самой машиной* по смыслу и грамматически связан со сказуемым, выполняя функцию обстоятельства, и с обстоятельством *низко*, выполняя добавочную уточнительную функцию.

По функции различаются два типа обособленных членов предложения: члены предложения с *полупредикативным* значением и *поясняющие, уточняющие* члены предложения.

Первые могут иметь *обстоятельственные* оттенки значения; они характеризуются *информативной* самостоятельностью, приближаясь по функции к сказуемому: их можно трансформировать в именное или глагольное сказуемое.

Обособленные члены *второго* типа *не обладают* значением *предикативности*, служат *для конкретизации* того или иного члена предложения, занимая постпозитивное положение относительно уточняемого члена.

Итак, основной **причиной** обособления является функция *добавочного* сообщения, свойственная обособленному члену, и обусловленный этим выход обособленного члена за пределы единой предикации предложения.

Смысловому и интонационному *выделению* обособленных членов предложения способствует ряд факторов, **условий** обособления: *синтаксические, морфологические* и *семантические*.

К ***синтаксическим условиям*** обособления относятся: порядок слов, дистантное положение определяющего члена по отношению к определяемому, степень распространенности члена предложения.

Необычный порядок слов (инверсия) – одно из средств усиления значимости члена предложения. Идеальным условием для обособления является *постпозиция* распространяющего по отношению к распространяемому: *Дождь, нудный и бесконечный, все еще лил и лил* (Ю. Казаков) – *Нудный и бесконечный дождь все еще лил и лил.* Это правило не распространяется на деепричастный оборот, который обособляется независимо от позиции: *Весь день носились тяжелые облака, то открывая солнце, то опять закрывая его* (М. Пришвин); *Идя рядом с ним, она молча, с любопытством смотрела на него* (М. Горький). Хотя и есть факторы, препятствующие этому: *Она сидела откинув голову* (Г. Марков) – оборот со значением обстоятельства образа действия тесно связан по содержанию со сказуемым и образует смысловой центр высказывания.

Одной из *актуализирующих* позиций является *дистантное* положение определяющего члена предложения по отношению к определяемому. Отделенные от определяемого слова другими словами, члены предложения приобретают особенно четко выраженную смысловую самостоятельность и полупредикативность, что создает необходимые условия для их обособления: *Залитые солнцем, паслись на таких полянах маленькие сосенки* (В. Солоухин) – определение *залитые солнцем*, расположенное дистантно по отношению к определяемому слову *сосенки*, произносится с интонацией обособления, потому что несет дополнительную смысловую нагрузку, приближаясь по значению к сказуемому двусоставного предложения (*Сосенки были залиты солнцем; Сосенки паслись на полянах*); оказавшись рядом с определяемым словом, *залитые солнцем* утрачивает дополнительную смысловую нагрузку, выполняет чисто атрибутивную функцию, не выделяется интонационно и по смыслу, т. е. исчезают причины для его обособления: *Паслись на таких полянах маленькие, залитые солнцем сосенки.*

Обособление может быть обусловлено *объемом* обособляемой группы. Чем сложнее синтаксическая группа, т. е. чем больше пояснительных слов имеет второстепенный член, тем большую самостоятельность имеет она и тем легче выделить ее в особую ритмическую единицу. Это условие имеет значение для обособления всех второстепенных членов. Так, одиночные постпозитивные определения чаще не обособляются, распространенные же или ряд однородных определений в постпозиции, как правило, обособляются: *За домом виднеется сад почерневший – За домом виднеется сад, почерневший от дождя* (И. Бунин); *Вместо равнины я увидел незнакомые мне места – Быстрыми шагами прошел я длинную площадь кустов, взобрался на холм и, вместо ожиданной знакомой равнины с дубовым леском напротив и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места* (И. Тургенев).

Обособление приложения также нередко зависит от степени его распространенности, а следовательно – коммуникативной значимости в предложении: *Шалун мальчик в обществе взрослых становился робким и застенчивым – Всегда неудержимый шалун, мальчик в обществе взрослых становился робким и застенчивым.*

Обособление члена предложения может зависеть от его ***морфологической представленности***. С целью придать члену предложения смысловую самостоятельность, выразить с его помощью добавочное сообщение нередко используются определенные грамматические формы или служебные слова определенного лексико-грамматического разряда. Ср.: *Стоявший на обочине дороги мальчик в телогрейке дрожал от холода – Стоявший на обочине дороги мальчик, хотя и в телогрейке, дрожал от холода.* В первом примере несогласованное определение *в телогрейке* выполняет чисто атрибутивную функцию, а во втором оно благодаря союзу *хотя* приобретает добавочное (уступительное) значение, тяготея по смыслу и грамматически не только к подлежащему, но и к сказуемому (*Мальчик дрожал от холода, несмотря на то что был в телогрейке*), что создает благоприятные условия для его обособления.

Опорными словоформами в обособляемых оборотах являются причастия, деепричастия, прилагательные и существительные.

Обособленные члены предложения могут вводиться и другими служебными словами или грамматическими формами: *Глаза, и без того холодные, вовсе остыли, зубы до боли стиснулись* (В. Астафьев) – ср.: *Глаза холодные вовсе остыли...; Здесь самые что ни на есть джунгли, только сибирские, и называются они точно и метко – шарагой* (В. Астафьев) – ср.: *Здесь самые что ни на есть джунгли сибирские...*

Краткие формы прилагательных, выступая в функции определений, сохраняют значение добавочного сказуемого, что делает обязательным их обособление в любой позиции: *Высок, красив собою, Ленский везде был принят как жених* (А. Пушкин).

Обособление члена предложения может быть обусловлено **семантикой** распространяемого слова. Чем меньше распространяемое слово нуждается в распространении, тем больше у него способность употребляться абсолютивно (например, личные местоимения, имена собственные), тем вероятнее при нем возможность обособления распространяющего члена предложения:

И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их (М. Горький); *Узенькая, тонкошеяя, тетка Дуня все норовила показать характер* (В. Астафьев). И наоборот, чем сильнее у слова тяготение к конкретизатору, чем меньше у него возможность употребляться абсолютивно, тем менее вероятна возможность обособления распространяющего его члена предложения (при релятивных словах *люди, человек, женщина, мужчина, вид, взгляд* и др.): *Он мог услышать вещи для себя довольно неприятные* (М. Лермонтов); *Чернышевский создал произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное* (Д. Писарев).

Обособление членов предложения может быть обусловлено их способностью приобретать добавочную уточняющую функцию. Разновидностями уточнения являются пояснение, присоединение. Уточняющие члены предложения, конкретизируя смысл предшествующих слов, всегда постпозитивны по отношению к уточняемым: *В предместье, около боен, выли собаки* (А. Чехов); *Он встал рано, в третьем часу утра* (Он же); *Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор на степи* (Л. Толстой); *Ну что же, поедешь нынче вечером к нашим, к Щербацким то есть?* (Он же); *Кругом здания идет каменный балкон, или веранда* (И. Гончаров); *А Рудин заговорил о самолюбии, и очень дельно* (И. Тургенев).

Конкретную характеристику обособления / не обособления второстепенных членов предложения можно найти: Грамматика русского языка, Т. 2, ч. 1. – М., 1954, §§ 902–935; Русская грамматика, Т. 2. – М., 1980, §§ 2100–2127.

III. ПОНЯТИЕ ОБ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В простом предложении его члены могут быть равнозначными, однофункциональными, однородными: *По утрам маленькие озера и старицы затягивались звонким льдом* (Ю. Казаков); *Снег все время слетает с высоких сосен и рассыпается в пыль* (К. Паустовский); *Маше стало жаль расставаться с этим берегом, с лугами, с шалашом* (Он же); *Зверь теперь в поле, на взметах, на чернотропе, а в лесу он боится* (И. Бунин); *По стенам висели английские и французские гравюры* (И. Гончаров).

Такие одноименные, однофункциональные, однозначные главные и второстепенные члены предложения начиная с грамматических трудов М.В. Ломоносова, а затем в грамматиках А.Х. Востокова, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского, а также в трудах многих других синтаксистов именовались

«*слитными*», а позднее стали называться *однородными*. Термин «однородные члены предложения» в близком нам смысле впервые употребил известный языковед и методист В.И. Классовский, который писал: «Союз *и* несовместим с запятою, когда соединяет однородные члены слитного предложения» (Курс русской грамматики. 1880. § 214).

Ряд однородных членов функционирует в предложении как единый своеобразно оформленный «слитный» член предложения, который лексически расчленен, но занимает в строе предложения одну синтаксическую позицию. Все компоненты таких рядов связаны между собой при помощи союзного сочинения или бессоюзной связью, они однофункциональны. В современных грамматиках их называют сочинительными сочетаниями слов и группируют по виду сочинительной связи, смысловым отношениям и по средствам связи (Русская грамматика 1990: 486): *Русский язык в умелых руках и опытных устах красив, певуч, выразителен* (А. Куприн).

Для проявления синтаксической связи однородности одного сочинения внутри ряда недостаточно, необходимо принимать во внимание внешнюю связь – подчинительную (она носит «пучковый» характер). Для однородных членов важным признаком является *единство сочинения* (внутри ряда) и *подчинения* (для реализации внешней связи однородного ряда с *общим* для них членом предложения). Любые члены предложения являются однородными, если они связаны между собой и общим для них членом по способу *однородного соподчинения: Театры и концерты начинались рано* (Л. Леонов); *Он жил жадно и полнокровно* (Б. Полевой); *Многие из вас мечтают о дальних странствиях, открытиях, изобретениях* (В. Обручев); *Вспоминались ярко-зеленые, ярко-фиолетовые, огненно-красные искорки росы* (В. Катаев).

Таким образом, однородные члены предложения имеют дифференциальные признаки:

– синтаксическая однофункциональность;

– общая для всего однородного ряда синтаксическая позиция в предложении;

– сочинительная или бессоюзная связь однородного соподчинения.

На основании этих признаков можно дать *определение* однородности: однородными называются члены, которые относятся к одному и тому же слову в предложении, выполняют одну и ту же синтаксическую функцию и объединяются друг с другом сочинительной или бессоюзной связью.

В предложении может быть несколько однородных рядов, что

не может не сказаться на усложнении его монопредикативной структуры: *Овода и мухи, как бешеные, мечутся над конягой, забиваются к нему в уши и ноздри, впиваются в побитые места* (М. Салтыков-Щедрин).

Сочинительная связь есть способ оформления целого комплекса *семантико-синтаксических отношений*: соединения, перечисления, сопоставления, противопоставления, чередования, которые могут чередоваться в границах одного ряда: *Перед утром она разделась и легла в постель, но заснуть не могла* (И. Тургенев); *Там не только нет ни одного жителя, но и окопов* (В. Тендряков); *Он был оглушен, растерян и расстроен* (Ю. Нагибин); *Соня была маленького роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами* (Ф. Достоевский).

Синтаксической однородности может сопутствовать однородность в *лексико-семантическом* и *морфологическом* отношении, но могут быть при ней и члены предложения, оформленные морфологически по-разному: разными формами одной и той же части речи, а иногда – формами разных частей речи (полное и частичное морфологическое сходство или морфологическое несходство): *Хозяин и хозяйка оказались добрыми и даже расторопными* (И. Тургенев); *Она избалована, капризна, спит до двух часов* (А. Чехов); *Он говорит не с ним, а о нем* (М. Бахтин); *Когда и как, и кем, и много ли Целованы твои уста?* (М. Цветаева); *Оба они жили в одно время и на одной и той же улице* (М. Зощенко); *Наталья ощупью, без чувств, в черной тоске добралась до угла* (М. Шолохов); *Душа моя полна разлукою с тобой и горьких сожалений* (А. Пушкин).

Однако не всегда морфологически тождественные члены предложения являются однородными; особенно это относится к согласованным определениям, выраженным прилагательным – здесь необходим логико-семантический признак: прилагательные должны называть признак одного вида (цвет, размер, запах и т.д.): *Пестрели розовыми, лиловыми, палевыми шляпками приземистые сыроежки* (И. Тургенев). Определения, входящие в однородный ряд, связаны между собой не только *общностью морфологического* выражения, *лексико-семантическим* сходством, но и общностью *оценки* (обозначают положительную или отрицательную оценку): *Дружный, утренний, здоровый звон по улице идет* (А. Твардовский); *С нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек* (А. Чехов).

Не являются однородными членами следующие сочетания слов:

– *повторение* какого-либо члена предложения с целью подчеркнуть длительность действия, его повторяемость, множество предметов; это своеобразный стилистический прием, дающий эффект усиления экспрессии, эмоциональности: *Костры, костры, костры, вся степь в кострах* (В. Тендряков); *Босая, на жнивье колючем, все плачет, плачет мать* (К. Симонов);

– повторение *одинаковых* форм, соединенных частицами *так, не: писать так писать, работа так работа, смотри не смотри, радость не радость; Спит не спит, лежит Никита* (А. Твардовский);

– сочетание *двух глаголов*, первый из которых имеет значение волеизъявления, побуждения к действию, названному вторым глаголом: *возьму и скажу, взял да и пожаловался, пошел и отказался*;

– *фразеологизированные* сочинительные сочетания: *и так и сяк, и смех и грех, ни с того ни с сего, ни за что ни про что, ни шатко ни валко, ни снам ни духом, так и сяк, рано или поздно* и т.д.: *Хивря была ни жива ни мертва* (Н. Гоголь);

– *уточняющие* члены предложения: *Однажды, осенью, возвращаясь с отъезжего поля, я простудился* (И. Тургенев) – в логическом плане *однажды* и *осенью* различны: последующее слово относится к предыдущему как частное к общему, т. е. идет процесс детализации.

Однородные ряды могут *характеризоваться* в зависимости от того, какой признак ряда принимается за дифференцирующий.

По признаку *количества* однородные ряды могут быть двучленные и многочленные: *Своим веселым, танцующим почерком он писал* (А. Чехов); *Мы должны продлить жизнь человека, уничтожить заразные болезни, победить старость, научиться возвращать жизнь при несвоевременной, случайной смерти* (В. Обручев).

По *виду* сочинительной связи с точки зрения *возможности / невозможности* ее продолжения с учетом семантики связи и способа употребления синтаксической связи (союза, интонации) ряды однородных членов определяются как *открытые* или *закрытые*. Открытость / закрытость ряда зависит от *семантического значения* самой сочинительной связи и от *способа употребления* союза (одиночный, повторяющийся, парный), а также от особенностей *интонации*.

Открытые однородные ряды образуются:

– при бессоюзном соединении со значением перечисления: *Нежданов глядел, слушал, втягивал воздух сквозь раскрытые похолодевшие губы* (И. Тургенев);

– союзным сочинением, оформленным повторяющимися союзами со значением перечисления или чередования: *Она и радовалась, и пугалась* (М. Горький); *Не то мысли, не то воспоминания, не то мечты бродили в его голове* (Л. Толстой).

Закрытые однородные ряды образуются при сочинительной связи различной семантики (соединение, противопоставление, чередование), оформленной с помощью одиночных союзов, а также с помощью двойных, парных сопоставительных союзов; обычно такие ряды бывают двучленными: *Алексей приложил руку ко рту и закричал* (Б. Полевой); *Над пашней пестрят не то грачи, не то галки* (А. Чехов); *Мал золотник да дорог; Желание, как с психологической, так и с физиологической точки зрения, можно поставить рядом с ощущением голода* (И. Сеченов); *Сколько детей, столько и характеров.*

По *характеру* и *степени распространения* членов однородного ряда выделяются:

– *нераспространенные* ряды: *Шуршат и плещут волны* (М. Горький);

– *распространенные* ряды, в которых каждый или некоторые из членов имеют частные синтаксические связи со своими конкретизаторами: *Меня ждали тихие радости и спокойствие душевное* (М. Лермонтов); *Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяные песни, гнусавые звуки гармоники* (И. Тургенев).

Распространенные ряды с главными членами могут иметь *общий* второстепенный член, который является обязательным элементом синтаксической структуры целого предложения: *На твоем челе покоятся мои упования и надежды* (А. Герцен); *В дыму двигались люди и лошади* (А. Чехов); *Она всю ночь сидела и думала* (А. Чехов).

Описание конкретных случаев функционирования однородных членов предложения представлено в Грамматике русского языка, Т. 2. ч. 1 – М., 1954, §§ 834–901.

IV. Вводные синтаксические единицы

Как известно, говорящий (пишущий) может включать в предложение слова, сочетания слов, посредством которых он в том или ином плане оценивает или характеризует содержащееся в нем сообщение: *Дениска перегнал Егорушку и, по-видимому, остался этим доволен* (А. Чехов); *У Зины, к сожалению, почти никаких сомнений не возникло* (А. Алексин). Такие синтаксические единицы как *по-видимому* и *к сожалению* выполняют оценочную функцию: первая указывает на то, что содержание следующих частей

предложения говорящий квалифицирует как предположительное, а вторая – вносит оценку нежелательности. Подобные синтаксические единицы в составе высказывания называются *вводными*: занимают в предложении *автономную* позицию и выполняют *оценочно-квалификативную* функцию, выражая различные аспекты *субъективного* отношения *говорящего* к сообщаемому. Оценочное содержание, выраженное вводными единицами (слова, словосочетания, предложения), наслаивается на содержание сообщения, в котором находит отражение объективная реальность.

Вопрос о вводных конструкциях впервые и вскользь затрагивают Н.И. Греч и А.Х. Востоков, открыв традицию истолкования «вводных предложений» как легко устраняемых из высказывания без нарушения смысла. Эту точку зрения поддерживали А.А. Шахматов, А.М. Пешковский. Важным событием на пути постижения грамматической природы вводности явилась статья В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (1950), в которой автор выделяет разряды слов по значению в зависимости от привносимого ими в высказывание субъективно-модального оттенка. Поэтому то отношение, которое устанавливается между содержанием вводного компонента и содержанием сообщения, и называется оценочно-характеризующим: *В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась* (А. Чехов); *Наверно, это был один из самых важных дней в ее жизни* (А. Алексин); *И цветет-то рябина, кстати, удивительно красиво* (А. Яшин). Как видно, автономная синтаксическая особенность не препятствует вводным единицам быть помещенными в начале, в середине или в конце предложения.

Вводные единицы выделяются интонационно, в высказывании они представлены как особая *интонационно-смысловая* синтагма. А.Н. Гвоздев писал: «Наиболее обычная интонация вводных слов выражается в разрыве цельной интонации предложения, в ускоренном темпе произношения и слабой ударности этой группы, в произношении на более низком регистре, что и создает впечатление добавочности и инородности вводных слов в составе предложения» (1973: 192).

Итак, отличительными признаками вводных единиц являются:

– оценочно-характеризующая функция, выполняемая ими в составе коммуникативной единицы;

– автономная синтаксическая оформленность, т. е. отсутствие у них формального соединения с каким-либо полнозначным словом предложения;

– их синтаксическое вычленение в составе высказывания.

Специфика тех лексических единиц, которые употребляются в качестве вводных компонентов, проявляется и в особенностях их *лексической* семантики, и в разнообразии *морфологического* оформления. Своеобразие значений вводных слов связано с их предназначенностью для выражения разных аспектов отношения говорящего к содержанию сообщения. С точки зрения морфологической, лишь немногие из них функционируют только как вводные компоненты предложения: *по-видимому, пожалуй, собственно, конечно, во-первых, следовательно, чего доброго, по крайней мере* и др. Большинство же вводных слов соотносится со словоформами разных знаменательных частей речи (глаголами, именами, наречиями), которые выступают в предложении уже как его структурно-смысловые части: *Пальма (собака), чувствую, начинает привыкать к бескровному состязанию с утками* (В. Песков).

Вводное и соотносительное с ним знаменательное слово совпадают формально, но их сходство может охватывать также лексическую и грамматическую семантику, например, у спрягаемых форм глагола: *надеюсь, повторяю, сознаюсь, поверь, пойми, согласитесь, подчеркиваю* и др. Способность данных единиц функционировать в качестве средств выражения определенного вводного оценочно-характеризующего содержания обеспечивается их лексической семантикой совместно с грамматическими значениями наклонения и лица: *Он, согласитесь, мерзавец, и вы поступаете неосторожно* (А. Чехов).

Среди вводных единиц большую группу составляют предложно-падежные формы существительных: *к счастью, к радости, к удивлению, к досаде, к слову, по совести, по правде* и др. Форма дательного падежа не относится к какому-либо слову в предложении: *По слухам, собирались фабрику кинопленки строить* (Л. Леонов).

Таким образом, вводные слова, сохраняя связи с другими словами, характеризуются некоторой обособленностью от них, известной самостоятельностью (Ицкович 1960: 72).

С помощью вводных единиц высказывание оценивается и характеризуется в разных аспектах, что и служит основанием для выделения отдельных видов значений и соответственно их группировки.

1. Говорящий может указывать на свою убежденность в *достоверности* сказанного или выражать *сомнения* в истинности излагаемого: *У лазеров, несомненно, самое блестящее будущее; Я, думается, буду полезен вам; Он, должно быть, редко говорит неправду. А может быть, и никогда не говорит* (К. Симонов).

2. Положительную или отрицательную *эмоциональную оценку* сообщаемых фактов, *эмоциональную реакцию* говорящего по поводу сказанного (радость, сожаление, огорчение, удивление, недоумение и т.п.) выражают вводные единицы: *к радости, к сожалению, к огорчению, к стыду, к досаде, странно, удивительно* и т.д. Например: *Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что он сделал непростительное движение* (Л. Толстой).

3. С помощью вводных единиц говорящий может выражать призывы или делать те или иные замечания с *целью обратить внимание* собеседника на сообщаемые факты, *вызвать* определенное к ним *отношение: согласитесь, поверьте, вообразите, простите, представьте* и др.: *Допустим, он мог избежать этой ошибки; Этот поступок, извините за прямоту, вызывает законное осуждение.*

4. Вводные единицы характеризуют *способ оформления мысли* и языковые средства ее выражения: *одним словом, вообще говоря, можно сказать, точнее сказать, без прикрас скажу, попросту говоря* и др. Например: *В этот день, как говорится, на улице царило большое оживление* (Н. Носов).

5. Вводные слова и сочетания указывают, к каким *источникам* восходит высказываемая автором мысль: *как известно, говорят, по мнению, с точки зрения, как говорит наука* и др. Например: *По бабкиному преданию, рамы круглый год на затворе держались* (Н. Телешева); *Ты, сказывают, петь великий мастерище* (И. Крылов).

6. Вводные слова указывают *на связь* мыслей, *последовательность* изложения: *итак, значит, во-первых, следовательно, стало быть, главным образом, впрочем, наоборот, кстати, к примеру* и др. Например: *Итак, два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собой* (Н. Гоголь); *Я вам скажу, отчего вы меня не заметили: во-первых, я беден, а во-вторых, смирился* (И. Тургенев).

Приведенное распределение вводных единиц по данным группам не является исчерпывающим, полным. Анализ вводных (модальных) слов и их функция изложены в Русской грамматике-80, Т. 2, §§ 2190–2222, 2612, 2621, 2636.

V. Вставные слова и конструкции

В статье «Зачем пишут стихи?» С. Маршак советует: «Многие просят порекомендовать какое-нибудь руководство по стихотворному искусству. Такого руководства, к сожалению, а может быть, и к счастью, нет. Существуют, конечно, книги по теории стихосложения – их даже немало, – но и по самым лучшим из них нельзя научиться писать стихи». В этом тексте во втором и третьем предложениях вводными словами выражено отношение к высказываемой мысли – *к сожалению, может быть, к счастью, конечно,* – а *вставная* конструкция *их даже немало* вносит дополнительные сведения, относящиеся к основному сообщению.

Под *вставной* конструкцией понимается «синтаксическая конструкция, характеризующаяся специфической интонацией включения (при которой не нарушается интонационная целостность основного предложения) и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения и поправки, касающиеся содержания основного предложения. Для выделения вставной конструкции на письме используются запятые, тире и скобки» (Ляпон 1998: 79).

Например: *Он был ранен (легко), потом женился, потом уехал за границу* (В. Короленко); *В жаркое летнее утро (это было в исходе июля) разбудили нас ранее обыкновенного* (С. Аксаков); *Отец лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах* (А. Пушкин); *Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий* (Л. Толстой).

В данных предложениях есть слова, сочетания и предложения, содержащие различного рода попутные замечания, разъясняющие отдельное слово или предложение в целом, иногда резко выпадающие из синтаксической структуры целого. В отличие от вводных конструкций, вставные (*парентеза* – гр. «внесение») *не выражают модальных значений*, не содержат указания на источник сообщений, на связь с другими сообщениями, не могут открывать предложение. Вставные конструкции отличаются меньшей свободой расположения, чем вводные: для вставок исключена позиция абсолютного начала во включающем их предложении.

Содержание вставных конструкций очень разнообразно и одновременно индивидуально. В его формировании и выражении может участвовать любое слово или конструкция. Их специфическое свойство – *коммуникативная несамостоятельность*, обязательная *прикрепленность* их содержания к содержанию конкретного слова или предложения. Этой прикрепленностью и определяется дополнительный, поясняющий, уточняющий характер их содержания: *Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся...* (В. Шукшин); *Дождь стоял до самой земли совершенно бесшумный (на высоте дождь не шумит)* (К. Паустовский); *Мой приход – я это мог заметить – сначала несколько*

смутил гостей (И. Тургенев). Выделяются такие конструкции паузами, произносятся с понижением тона и убыстрением темпа.

На предложенческом уровне в зависимости от *доминирования* во вставных конструкциях *определенного* типа *информации* выделяются вставки *информативного* и *эмоционально-экспрессивного, эмоционально-оценочного характера.*

1. Основная функция **информативных** вставок – сообщение определенной фактуальной информации *дополняющего* и *уточняющего* характера.

Дополняющие вставки *расширяют* информацию основной части высказывания, при этом элементы добавочной информации формально не представлены в общем информационном объеме основной части: *У мамы при этом известии прыгала родинка под вуалеткою (белою, с черными мушками)* (А. Белый).

Уточняющие вставки *конкретизируют* информацию основного предложения (время, пространство, цель, состояние чего-либо, наименование, количество и др.), при этом наблюдается информационное «сужение», что позволяет адресату понять смысл высказывания в его полном объеме: *Недели полторы тому назад неким человеком (или людьми), проходившим (или проходившими) по шоссе, а не то лесом (вероятно – еще выяснится)...* (В. Набоков); *Чарский сел на чемодане (из двух стульев, находившихся в тесной конурке, один был сломан, другой завален бумагами и бельем)* (А. Пушкин); *Живет Танти (уменьшительное от Константин) в двух шагах от цирка Чинизелли* (А. Куприн); *Произошел пожар, от которого сгорели дрова (Дров сгорело до трех тысяч сажен)* (Д. Мамин-Сибиряк).

2. Вставки **эмоционально-оценочного** характера помимо информативного плана обязательно несут в себе доминирующий экспрессивный или оценочный элемент, выражают *субъективное* отношение автора к сообщаемому и выступают как одно из средств оформления *модуса* высказывания: *Притом же ни Вязовнин не принадлежал к числу людей незаменимых (да и есть ли такие люди?), ни Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству (да и есть ли такие чувства?)* (И. Тургенев); *Лужин увидел восковой бюст и указал на него тростью (неожиданный ход, великолепный ход)* (В. Набоков); *В это время вышла она, в темном вязаном платье (в такую жару!), с блестящим кожаным пояском и цепочкой на шее...* (В. Набоков).

Возможны **контаминированные** вставные элементы, сочетающие в себе информативную и эмоционально-оценочную нагрузку. Речевая установка таких вставок – сообщить, уточнить или разъяснить информацию, необходимую для адекватного вос-

приятия мысли, передаваемой основным высказыванием, а также усилить впечатление от высказывания, дав субъективную оценку сообщаемому: *Колобок не устоял, прибрал хорошую вещь, не стал на после откладывать. Трубку рассмотрел (из фарфора, с малыми фигурками – загляденье), сунул в холщовый мешок на веревке* (Б. Акунин); *И. Штемлер не «собирал сведения» о своих героях, не вычислял и не выстраивал их, как Артур Хейли, – он действительно был ими всеми, жил их жизнью – это и делает его книги такими трудными (попробуй проживи жизнь!), такими проникновенными (уж свою-то собственную душу можно раскрыть) и такими добрыми (близкому человеку зла не пожелаешь)* (А. Кондрашов, «Литгазета», 08, № 1).

Формально-синтаксические отношения вставки с предложением бывают разными. Одни из них оформляются как *автономные* построения: *Потом я надел портупею – хозяин почтительно присутствовал при этом – затянул широкий офицерский ремень* (Г. Бакланов), другие же *синтаксически связаны* с основным предложением: *Группы – по три-четыре человека – разбрелись по полю и выглядели среди него сиротливо* (В. Солоухин).

Вставные конструкции включаются в основное предложение при помощи *подчинительных* союзов и *относительных* слов, сохраняя признаки придаточной части: *Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту* (И. Тургенев); *Боря порой грустно соглашался (когда испытывал очередное разочарование), порой пренебрежительно отмахивался от меня* (К. Ковальджи); *Он занимал обычно (потому что приходил раньше Казанцева) павловское кресло* (А. Ананьев).

Разграничение основного и дополнительного содержания предложения носит творческий речевой характер, оно реализуется в процессе создания предложений и всецело является проявлением намерений автора, чем в разной мере, как это явствует из приведенного иллюстративного материала, пользуются писатели.

VI. Обращение и его свойства

В русских риториках XVIII–XIX столетий обращение традиционно рассматривалось как явление стилистическое, в качестве одной из фигур поэтического синтаксиса. Даже в грамматических трудах первой половины XIX в. принято было описывать обращение не как отдельную синтаксическую категорию, а вместе с падежными формами существительных, поэтому обращение не отграничивалось от понятия «звательный падеж». Термин *обращение* ввел в лингвистический обиход Ф.И. Буслаев, который вы-

делил его из состава членов предложения и определил как одно из средств «для выражения взаимных отношений между лицами» (1959: 277).

Важным этапом в развитии русского языка явилась утрата звательной формы, которая постепенно была вытеснена формой именительного падежа. Уже в первой трети XVIII в. наблюдается беспорядочное употребление вокатива, свидетельствующее о явной тенденции к устранению звательной формы как устаревшей, архаичной. Таким образом, именительный падеж еще в старорусский период усложняется, обогащается в функционально-семантическом плане: «перешедшая к нему функция представлять обращение оставалась особой функцией, далекой от субъектной... Как утрата звательного падежа, так и переход его функции к именительному свидетельствовали об освобождении синтаксиса от привязанности к лексике, свойственной древним состояниям языка» (Тарланов 1999: 182).

Существительное в форме именительного падежа, а также субстантивное словосочетание в составе предложения могут быть названием того, к кому адресована речь. Адресатом в речи обычно является лицо, но им может быть и не-лицо: *Что, Иванушка, невесел? Что головушку повесил?* (П. Ершов); *Прочь, прочь, слеза позорная, Кипи, душа моя! Твоя измена черная Понятна мне, змея!* (М. Лермонтов); *Колокольчики мои, Цветики степные! Что глядите на меня, Темно-голубые?* (А.К. Толстой); *Что стоишь, качаясь, Тонкая рябина, Головой склоняясь До самого тына?* (И. Суриков).

Синтаксические единицы, являющиеся в составе предложения *наименованием лица* или *предмета*, к которому *направлено сообщение или вопрос*, называют **обращением**. Название адресата речи – это особый семантический компонент сообщения или вопроса, который не обнаруживает признаков коммуникативно самостоятельной единицы, т. е. признаков предложения.

Будучи компонентом предложения, обращение связано с его составом, с его предикативной основой. Эта связь проявляется «в том, что любое предложение, сообщающее о действии или состоянии субъекта и имеющее в качестве сказуемого глагол в форме 2 л., с абсолютной регулярностью может распространяться обращением, называющим субъект, который либо обозначен в подлежащем местоимением, либо не обозначен совсем: Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки? (И. Крылов)» (Русская грамматика 1980: 163).

Связано обращение с составом предложения и *интонацией*. В устной речи она зависит от места обращения, его экспрессивности, степени распространенности. Особая звательная интона-

ция (усиленное логическое ударение, пауза – на письме восклицательный знак) присуща обращению, стоящему в начале или в конце предложения: *Ночь! С твоим сияньем кратким для усталого меня Ты дороже и милее ярко блещущего дня* (А. Плещеев); *Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!* (В. Маяковский). В середине предложения обращение выделяется небольшими паузами, произносится быстро и низким тоном, но может иметь и звательную интонацию: *Влюбился я, полковник мой, В твои военные рассказы* (Е. Баратынский); *Куда бы вы, друзья, куда б не вздумали, готов за вами я повсюду следовать* (А. Пушкин).

Грамматическая сущность обращения определяет ограниченный набор типов номинации собеседника со стороны говорящего, поэтому система номинаций-обращений может быть представлена закрытым списком моделей: существительное (одиночное и распространенное), субстантивированные причастия и прилагательные, местоимения *ты, вы*: *Иди вперед, сынок. Расти большой, сынок, учись* (А. Твардовский); *Ах, денег бы мне, прелестнейшая из барышень. Новый год идет* (А. Куприн); *Тебе, мой явный доброхот, стакан стихов...* (Н. Языков); *Эй, ты, вели сию минуту лошадей подавать* (А.Н. Толстой).

К особой группе по способу выражения и обозначения адресата речи относятся обращения, представляющие собой предложно-падежную форму существительного или придаточную часть с относительными местоимениями: *Ты там, под телегой, знаешь, что такое акция?* (А.Н. Толстой); *Эй, вы! У бредня! – закричал он, свернув руки трубой. – Как дела?; Эй, ты! На левой руке! Чего косишь?* (А. Куприн); *– Не толпитесь, – бормочет он. – Которые лишние, уходите!* (А. Чехов).

Адресат речи нередко обозначается словами, имеющими оценочно-характеризующее значение. Многие существительные и прилагательные, которые являются носителями такого значения, употребляются в качестве обращений: *Погоди, паршивец! Я еще с тобой поговорю!* (М. Алексеев); *Костя? Можно с тобой сесть рядом, миленький, золотой мой?* (И. Бунин).

Являясь средством коммуникативного контакта, обращение служит подчеркиванию направленности, обращенности речи, а также регуляции отношений между говорящим и слушающим; контактоустанавливающая функция обращения нередко обращается характеризующей: *Эх ты, рева-корова! – произнес Грузов презрительно* (А. Куприн); *Бабушка! – закричала она и спрятала голову у ней на груди, почти в обмороке* (И. Гончаров).

Обращение – одна из основных фигур поэтического синтаксиса, обладающая богатством экспрессивно-стилистических воз-

можностей (по меткому замечанию М.В. Ломоносова, «сею фигурою можно советовать, обещать, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, оплакивать, жаловаться, поздравлять и проч.» – Ломоносов 1952: 267), встречается во всех стихотворных жанрах, что вполне естественно: поэзия – это всегда разговор лирического субъекта с миром, Богом, читателем, самим собой. В языке художественной литературы функции обращения расширяются и обогащаются, а его экспрессивно-смысловая нагрузка увеличивается. Обращение в стихотворной речи часто делается эстетическим или риторическим центром, вбирает в себя максимум мысли и чувства автора, сосредоточивая в себе главную часть сообщения.

Заканчивая рассмотрение осложняющих категорий, отметим, что становление целой системы синтаксических единиц завершается в основных чертах к середине XIX столетия, причем процесс этот активно протекает в творчестве русских писателей, способствующих становлению грамматических норм русского литературного языка.

Цитируемая литература

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та рус. яз. – М.–Л., 1950. – Т. II.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1973. – Т. 2.

Гумилев Н.С. Анатомия стихотворения // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. – М., 1990.

Ицкович В.А. История вводных слов и предложений в русском языке. – Львов, 1960.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике // Полн. собр. соч. – М.–Л., 1952. – Т. VII.

Ляпон М.В. Вставная конструкция // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1998.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М., 1990.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М., 1979. – Т. VII.

Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959.

Русская грамматика: В 2-х т. – М., 1980. – Т. II.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М., 1990.

Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. – Петрозаводск, 1999.

Содержание

Предисловие 3
Лекция 1. Синтаксический уровень языка 5
Лекция 2. Синтаксические связи слов 20
Лекция 3. Присловные и предложенческие связи 32
Лекция 4. Синтаксис словосочетания 48
Лекция 5. Синтаксис простого предложения 62
Лекция 6. Структурный (формальный) аспект предложения 71
Лекция 7. Сказуемое и его типы 87
Лекция 8. Второстепенные члены предложения 102
Лекция 9. Второстепенные члены предложения 115
Лекция 10. Второстепенные члены предложения 131
Лекция 11. Односоставные предложения 151
Лекция 12. Односоставные предложения 168
Лекция 13. Именные односоставные предложения 181
Лекция 14. Структурные схемы простого предложения 200
Лекция 15. Неполное предложение 217
Лекция 16. Нечленимые предложения 236
Лекция 17. Семантический аспект предложения 251
Лекция 18. Функциональный аспект предложения 268
Лекция 19. Коммуникативно-динамический аспект предложения 289
Лекция 20. Порядок слов в предложении 303
Лекция 21. Осложненное простое предложение 315